

Татьяна Устименко
Звезда моей любви

Звезда Блентайра – 2

Текст предоставлен издательством http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2442885
«Звезда моей любви»: Альфа-книга; Москва; 2011
ISBN 978-5-9922-0989-1

Аннотация

Ради осуществления своей мечты можно рискнуть многим. А точнее, всем, что у тебя есть, в том числе и собственной жизнью. Именно так рассуждает Йона – наследница трех эльфийских кланов, стремящаяся пройти уготованные ей испытания. Ее не напугает тайна Зачарованного берега, не погубят чудовищные порождения пустыни и не остановит злоеущий храм Песка – самое страшное место в королевстве Лаганахар. Молодая чародейка повзрослела и изменилась. Она познала обман и предательство, обрела друзей и врагов, начала верить в себя и перестала бояться будущего... Но научилась ли она любить?

Татьяна Устименко
Звезда моей любви

Всем моим читателям, мечтающим зажечь Звезду своей любви и расправить сложенные за спиной крылья...

Пролог

Смутно виднеющийся за занавесками Сол уже начинал клониться к закату, и вся комната оказалась расчерчена причудливой игрой изломанных световых полосок, чередующихся с постепенно удлиняющимися тенями. В кресле-качалке, уронив голову на грудь и залиvisto похрапывая, беззаботно дрых Беонир. Светлые пряди длинных волос почти полностью скрывали изможденное лицо ниуэ, но я изловчилась и, изогнувшись, смогла разглядеть счастливую улыбку, блуждающую на его губах. Юноше явно снилось что-то очень хорошее.

Мне же не давали спокойно уснуть две вещи: голод и размышления о перспективах на ближайшее будущее. В животе моем, согласно излюбленному определению брата Флавиана, «кишка кишке била по башке». С этой проблемой я разобралась самым простым способом – самовольно пошарила по уже знакомым полкам, нашла зачерствевшую половинку черного каравая и, отломив от нее кусочек, слегка перекусила. Остальной хлеб я решила оставить для ниуэ, который тоже вскоре должен был проснуться.

Решить вторую проблему было гораздо сложнее. Меня очень тревожила мысль о предстоящем путешествии в компании лайил и ниуэ. Столь оригинальное соседство имеет свои плюсы, но и минусов – тоже предостаточно. Вопрос с питанием Ребекки я с грехом пополам решу, но что я буду делать с Беониром, если спонтанно проявятся неприятные черты его характера или иные специфические свойства нечеловеческой природы? Это грозит доставить массу досадных хлопот, особенно если учесть завидную физическую силу ниуэ. Что же предпринять?..

В итоге любопытство оказалось сильнее меня, и, отбросив вполне понятные колебания, я в очередной раз пошла на поводу у своих эмоций, полностью подавивших голос разума. Эх, где наша не пропадала!.. Решено: отправлюсь в путь вместе с Беониром и Ребеккой, а там – будь что будет! Придя к такому выводу, я заметно успокоилась.

Когда юноша проснулся, я дружелюбно протянула ему остатки еды и спросила:

– Беонир, а как далеко отсюда до Зачарованного берега?

– Ну, лошади, говорят, за три-четыре дня добираются, но нам вроде бы такие удобства не грозят? – Он весело кивнул мне, со скрежетом откусывая от засохшей горбушки.

– Лошади говорят? – Я доверчиво приоткрыла рот. – Ты понимаешь их язык?

– Нет! – рассмеялся юноша. – Это люди утверждают, будто на лошади за три-четыре дня можно добраться до побережья.

Он проглотил хлеб и невозмутимо продолжил:

– Значит, у нас на дорогу до моря уйдет минимум неделя. Впрочем, разве Ребекка не призналась, что знает самый короткий путь от Блентайра до побережья? К тому же нам очень повезло с сезоном, ведь весна – самое подходящее время года для таких вот далеких прогулок.

– Пожалуй... – задумчиво согласилась я, наблюдая за тем, как он медленно и с наслаждением пережевывает каждый кусок. Наконец, отважившись, спросила: – Беонир, а каково это?

– Что именно?

– Быть получеловеком-полусобакой?..

– Кх-м... – Юноша поперхнулся крошкой и закашлялся. – Такое сложно объяснить, Йона, такое нужно испытать на собственной шкуре... Иногда, в полноуние¹, мы вообще

¹ **Полноуние** – фаза Уны, при которой она находится в противоположном от Сола направлении и видна с Земли как полный диск.

перестаем ощущать себя людьми. Все доброе и справедливое, что таится в наших душах, бесследно уходит куда-то, а на месте человека появляется зверь – жестокий и голодный. Находясь в фазе трансформации, мы способны наброситься и растерзать любого, даже самого дорогого для нас человека. Поэтому мы и предпочитаем жить в подземельях, как можно реже выходя на поверхность, ибо воздействие Уны, ослабленное толщей земли, не столь губительно для нас.

– И вы прячетесь в подвалах одни, – невольно ужаснулась я, проникаясь искренним сочувствием к тяжелой доле ниуэ, – беззащитные перед лицом своей беды?

– Так проще. – Юноша обреченно пожал плечами и печально улыбнулся. – Там мы никогда не убиваем друг друга, только воем... Но этого никто не слышит, ведь подземелья слишком глубоки. Предупреждаю тебя, малыш, держись от меня подальше в то мгновение, когда...

Беонир неожиданно вскочил, схватился за голову и горестно застонал.

– Какой же я идиот! Я не могу пойти с вами! Полноуние настигнет меня в пути, и тогда никакая в мире сила не сможет удержать меня от желания убивать. Да я же вас... – С этими словами он отшатнулся в угол и виновато закрыл лицо руками, отдаваясь своему горю и стыду.

Переполненная состраданием, я жалостливо протянула руку, намереваясь хоть как-то облегчить его душевную муку, но в этот момент хлопнула входная дверь и на пороге хибарки появилась вернувшаяся откуда-то Ребекка. Воительница криво ухмыльнулась, усиленно пытаясь принять обычный нахальный вид, но я сразу заметила грустную морщинку, перерезавшую лоб лайил, едва она увидела скорчившегося в углу Беонира. Похоже, прежде высокомерная и задиристая, лайил сильно изменилась за последнее время: она научилась сопереживать чужой боли и стала более человеческой. Что уж говорить о мягком по натуре юноше, безмерно напуганном одной лишь мыслью о возможности случайно причинить мне вред? М-да, похоже, этот совместный поход в подземелье повлиял не только на меня. А что касается жизненных принципов и личной системы ценностей – только дураки отказываются что-либо менять в своем мировоззрении.

Впрочем, Ребекка быстро справилась с эмоциями и капризно заломила бровь, как бы говоря: «Я ни за что не пойду на уступки коварной судьбе». Она демонстративно тряхнула длинной цепью, зажатой в руке, и нахально заявила:

– Я всегда знала, лохматый, что ты – недотепа! – Воительница горделиво вступила в комнату, картинно бренча тяжеленными железными путами. – Вот, глянь, я с трудом раздобыла для тебя привязь.

– Но ты же его не прику... – Я подавилась последним словом, подумав, что Беонир может расценить его как оскорбление, и в ужасе уставилась на толстые звенья.

– Еще как прикую! Даже не сомневайся! – Девушка швырнула цепь на кровать. – Он же повесится потом, если съест нас ненароком. К тому же я планирую вернуться из этого странного предприятия непокусанной и не страдающей заиканием или энурезом.

– Тебе дали отпуск? – Юноша смотрел на нее сияющими глазами. Похоже, для него цепь, как ни парадоксально это звучит, означала свободу и счастье.

– Ага, дали, чтоб их мантикора три раза переварила! – без особого энтузиазма в голосе призналась лайил.

При этом она плотнее запахнула ворот плаща, но мы с Беониром успели заметить большой синяк, уродливо расплывшийся на ее щеке чуть выше левой ключицы. Я приоткрыла рот, собираясь озвучить некую неприятную мыслишку, гвоздем засевшую у меня в мозгу, но воительница одарила нас весьма многозначительным взглядом, словно «ласково» посоветовав не задавать глупых вопросов. Ниуэ, не найдя под ногами ничего, что можно было бы пнуть, в сердцах ударил кулаком по стене. Пустые миски на полке протестующе звякнули, но Ребекка искусно притворилась, будто не обратила на этот взбешенный выпад ни малейшего внимания.

– Думаю, надо выходить прямо сейчас. Это тебе, лохматый! – Она бросила юноше в

руки цепь и какой-то изрядно потрепанный, скрученный в трубочку свиток. – Следи, чтобы мы не заплутали в вереске, а не то я тебя сама сожру, причем сырым, без соли и перца. И не зыркай на меня так страшно...

– Боишься, как бы я снова тебя не сглазил? – наигранно хмыкнул юноша, сильно сжимая кулаки и впиваясь ногтями в ладони. Несколько капель крови упали на пол, но именно благодаря этому титаническому усилию ему удалось наконец-то взять под контроль свои чувства и отвлечься от мыслей о странном внешнем виде Ребекки.

– А вот фиг тебе, уже не боюсь! – Воительница небрежно повела плечом, игнорируя неудачную шутку. – И вообще, если вы опасаетесь, что вас сглазят – постучите по дереву, а если поблизости нет ничего деревянного – то по башке своего глазливого оппонента. Надеюсь, мой намек услышан и понят?

Не знаю, как понимать это жуткое синее пятно на шее у Ребекки, но настроение у лайил просто ужасное...

Беонир, тоже верно оценивший состояние своей возлюбленной, смирно присел на краешек кровати и развернул свиток. На внутренней стороне были изображены карты, причем очень красочные и нарисованные с большим мастерством.

– Смотри первую! – негромко подсказала лайил, внимательно наблюдавшая за действиями ниуэ.

Немного поизучав принесенные девушкой листы плотной вощенной бумаги, ниуэ уверенно выбрал один из них, а остальные скатал обратно в рулончик.

– Ты абсолютно права. Именно эта карта поможет нам добраться до Зачарованного побережья за неделю, а то и быстрее – конечно, лишь в том случае, если мы выступим в путь сегодня же! – Голос юноши утратил привычную мягкость и звучал хрипло и сурово.

– Надо запастись водой. Колодцев вдоль дороги может и не быть, ибо Пустошь подступила слишком близко к городу, – напомнила лайил.

– Как это? – Я удивленно распахнула глаза. – Совсем?

– Так болтают в городе. Может, эти слухи и врут, кто знает... – Воительница почти по пояс зарылась в сундук и извлекла оттуда три пыльные фляги. – Но подстраховаться не помешает.

– Что с едой? – поинтересовался ниуэ, не отрывая взгляда от карты, словно этот вопрос его не очень-то интересовал. Но, по-видимому, он просто избегал смотреть на Ребекку.

– По пути заглянем в пекарню и к мяснику. Если повезет, то он продаст нам вяленое мясо по цене сырого.

– Разве вяленое – дороже? – Я в очередной раз продемонстрировала полную неосведомленность в бытовых вопросах.

– Конечно, глупышка. – Ребекка как-то натянуто хихикнула и щелкнула меня по носу. – Оно и хранится дольше, и готовить его уже не надо. Вот только тут есть одна загвоздка...

– Какая? – не поднимая головы, делано безразличным тоном осведомился ниуэ.

– Деньги, – виновато сообщила девушка. – Отпуск-то мне дали, а вот оплатить отработанные смены отказались.

– Да ну? – бурно встрепенулся ниуэ, и его хмурое лицо немного прояснилось. – Тебе не заплатили ни гроша, даже медного арани не дали?

Воительница, почувствовав себя в неловком положении, сердито засопела. Ведь всегда стыдно признаваться, что тебя, такую умную и сильную, облапошили по полной программе!

– Деньги – это тупик! – мрачно буркнула она.

– Да. Потому что именно в них все и упирается! – звонко захохотал Беонир. – Тьма, наша жизнь зиждется на таких мелочах...

Не понимая причины неприкрытого ликования Беонира, я сняла с плеча сумку, добытую в эльфийском Лазарете, и вывалила из нее с десятков золотых риелей. Звонко постукивая по полу, монеты весело раскатились вокруг ног оторопело замерших ниуэ и лайил.

– На этих мелочах? – невинно уточнила я.

– Откуда? – с подозрением спросила отмершая воительница. – Йона, такие тьмушие деньжищи в Блентайре просто так на дороге не валяются...

– Жуткая сумма! – восторженно ахнул Беонир.

– В Блентайре, может, и нет, – скромно призналась я, – зато в Библиотеке – да, валяются. Я нашла их в одном из ларей и сложила в сумку, благо она бездонная!

– Вот почему она так заметно оттягивала твое плечо! – Лайил восхищенно хлопнула себя ладонями по бедрам. – Ай да наивная малышка Йохана, чего учудила! А я-то все думала, что ты от усталости вбок клонишься!

– Значит, – я нервно сглотнула, предчувствуя приближение своего второго испытания, – нам пора выступать в путь?

Беонир с Ребеккой переглянулись и согласно кивнули.

Часть первая Зачарованный берег

Глава 1

Помнится, Ребекка зарекалась ходить куда-либо еще в компании Беонира, но сейчас она предпочла демонстративно позабыть про данное ею обещание и с готовностью возглавила наш новый поход. Визиты к пекарю и мяснику прошли без единой заминки. На Беонира, опустившего капюшон своего нового плаща до самого подбородка, никто даже не взглянул – мало ли странных личностей шляется по городу. Зато Ребекке, нарочно распахнувшейся и расстегнувшей все, что можно, улыбались и зазывно подмигивали. В итоге мы приобрели за половинную цену несколько караваев свежееиспеченного хлеба, а доставшееся нам вяленое мясо оказалось мягким и отменно приготовленным.

Мы почти не общались между собой, благоразумно наслаждаясь неплохим началом нового пути и одновременно размышляя каждый о своем. Следуя совету воительницы, мы выбрали главный торговый тракт, покинув столицу через северные ворота. Нас беспрепятственно выпустили за городскую стену, мельком взглянув на наши крепкие, но совершенно непритязательные плащи, начисто лишенные хоть какой-нибудь, пусть даже самой скромной отделки и вышивки. В Блентайре любят показуху, чрезмерно гордятся благородным происхождением и титулами, а потому никогда не упускают возможности щегольнуть родовым гербом. А тут и глазу-то зацепиться не за что.

Начальник стражи, фатоватый молодой сьерр, презрительно оттопырив пухлую нижнюю губу, проигнорировал мою хрупкую фигурку, очевидно, приняв меня за мальчика. Зато вульгарно обшарил сальным взглядом водянисто-серых глаз красивые формы Ребекки, не вымолвив при этом ни словечка. Видимо, природа не обделила его сообразительностью, или же он просто вовремя заметил рукояти двух акинаков, угрожающе выглядывающих из-за плеч девушки.

Я плотно завернулась в свежеприобретенный походный плащ, достаточно широкий, чтобы скрыть все мое имущество. Боюсь, если бы начальник стражи имел возможность подробнее разглядеть детали моего снаряжения, то его показное безразличие мгновенно сменилось бы бурным интересом. И на то имелись веские основания. На моем правом бедре плавно покачивался меч Лед, а левый бок украшал эльфийский стилет. Застегнутый до верха ворот рубашки скрывал четыре бесценные жемчужины и Звезду моей души, один из лучей которой светился ярким серебристым светом. Жаль, но остальные пять лучей хрустального артефакта пока оставались прозрачными и пустыми. А мне так не терпелось наполнить и их тоже! На моем плече висела сумка мага Лаллэдрина, скрывающая три найденных в Библиотеке предмета: кувшинчик, ключ и овальный футляр.

Возможно, слишком самонадеянно с моей стороны пытаться бросить вызов всесильной судьбе, располагая при этом столь незначительной кучкой раритетов, призванных способствовать достижению поставленной цели. Но, если поразмыслить, разве не приходим

мы во враждебный мир голыми и босыми, не имея при себе ничего? Полагаю, мое нынешнее состояние вполне могло считаться началом осознанного процесса познания самой себя, ибо, покидая Блентайр, я намеревалась начать новую жизнь, вступив на путь испытаний и свершений. Я будто бы рождалась заново.

Выйдя за северные ворота, мы сбавили шаг, потому что неудержимо надвигающаяся ночь принесла с собой холод и темноту. Мчаться по дороге сломя голову, торопясь продолжить путешествие, в подобных условиях стало не только бессмысленным, но и весьма опасным занятием. По узким коридорам подземелья мы пробирались цепочкой, теперь же – шли в ряд. Временами лайил вырывалась вперед, словно стремилась как можно скорее покинуть город. От чего или от кого она бежала?..

Около полуночи, когда стены Блентайра полностью скрылись из виду и остались далеко позади, мы решили устроить привал. Посовещавшись, отказались от заманчивой идеи разжечь костер, хотя вокруг нашлось немало сухих вересковых веток, и скромно удовольствовались сомнительной защитой своих плащей. Ребекка рассказала, что примечательность этого тракта – с особой жестокостью орудующие разбойники, а разведенный на обочине костер неизбежно привлечет их внимание. Поэтому мы хоть и щелкали зубами от холода, тем не менее мужественно терпели ночной заморозок, а мясо из своих припасов ели холодным, запивая водой из фляг. Наломав хворосту, мы устроили из него не очень-то комфортное ложе и, сбившись в кучку и обнявшись, попробовали заснуть.

Зажатая между Ребеккой и Беониром, я немного согрелась, но неизвестно откуда взявшаяся бессонница будоражила мои мысли, вынуждая лежать с открытыми глазами и бестолково таращиться в усыпанное звездами небо. Странно, но здесь, за пределами Блентайра, они показались мне куда более крупными и чистыми, чем те, что просматривались с городских крыш и куполов. Ритм жизни, лишенный суеты и кутерьмы, создаваемой людьми, замедлился и приобрел некую размеренность. Словно прозрев от ментальной слепоты, я начала понимать: окружающая действительность есть не что иное, как вещественное отображение генерируемых людьми помыслов. Очисти душу от бестолковых, надуманных переживаний, таких как корысть, зависть и лицемерие, и твое существование неизбежно перейдет на качественно иной, более совершенный уровень бытия, наполнится теплом созидания и светом мудрости. Мы сами строим свою жизнь, но и портим ее, увы, тоже сами. Мы самостоятельно куем свое счастье. А если ты не способен сделать счастливым себя, то разве ты можешь что-то предложить другим?

– Ребекка, – заикаясь от холода, тихонько спросил Беонир, прижимаясь ко мне всем телом и заботливо укрывая полый своего плаща, – а ты что делаешь, если не можешь заснуть?

– Считаю, – снисходительно хмыкнула воительница, со своей стороны точно так же укрывая меня и обнимая за талию. – До трех...

– Как? – недоверчиво изумился ниуэ. – Всего лишь до трех?

– Иногда до полчетвертого, – поддразниваяще рассмеялась лайил. – Ночи.

Их положенные на меня руки случайно соприкоснулись... Девушка и юноша конфузливо отдернули пальцы, словно обжегшись, и замолчали. Согретая их телами, я незаметно задремала.

Проснувшись я от холода. Нет, укрытая тремя плащами, я ничуть не замерзла, а, наоборот, вспотела, но вот мой высунутый из складок ткани нос ощутимо озяб, беспощадно покусанный крепким ночным морозцем. Мои спутники куда-то исчезли, но я отчетливо различала их голоса, доносящиеся из расположенного слева куста и звучащие все более раздраженно. Судя по всему, Ребекка и Беонир опять ссорились. Я не находила в этом ничего необычного, ведь их ежедневные перепалки давно уже стали привычным безобидным ритуалом. Хотя нет, сегодняшняя их разборка явно носила отнюдь не столь игривый характер. Заинтригованная и удивленная, я поневоле прислушалась к экспрессивному диалогу.

– ...тебе-то какое-дело, вот чего я никак не могу взять в толк! – Похоже, эти слова лайил произносила не в первый раз и с каждым повтором сердилась все сильнее.

– Почему ты не хочешь открыть мне правду и сообщить, как зовут твоего начальника? – Голос юноши звенел от отчаянного напора и нескрываемой горечи.

– А зачем тебе это знать? Тоже мне, выискался благородный защитник обиженных девиц! – Девушка фыркнула, на сей раз с откровенным презрением.

– Но какое он имел право...

– Заткнись! – категорично отрезала лайил. – Это мое решение, ясно?!

– Нет, теперь не только твое! – упрямо не отступал Беонир. – Оно теперь наше общее!

– Ха-ха-ха! – Ребекка сардонически расхохоталась. – Да у нас с тобой только блохи могут быть общими! Ты на себя посмотри, герой безмозглый! Вся твоя сила – в руках, но ни один воин не станет дожидаться, пока ты к нему подойдешь. Один бросок кинжала – и твое тело упадет бездыханным. А о моем теле... О моем прошу впредь не беспокоиться, усек? Я сама себе хозяйка. И вообще, откуда ты знаешь, как все произошло, может, мне понравилось?

– Я придушу этого гада, когда мы вернемся в город! Он покусился на мое тело! – разъяренно зарычал ниуэ.

– На твое? – возмущенно взвизгнула Ребекка, и я услышала приглушенный стук. Скорее всего, он возник от соприкосновения крепкого лба юноши с не менее твердым комком мерзлой земли, запущенным меткой рукой воительницы. – Вот так тебе, собственник самопровозглашенный!

– Женщины с мягким характером бросаются в мужчин чем-нибудь мягким, например, подушками или тапочками, – страдальчески прокряхтел Беонир. – А женщины с твердым – твердыми: скалками, тарелками. У одной тебя характер не такой, как у всех баб, – у тебя он просто убойный!..

– Много ты обо мне знаешь, – немного обиженно парировала Ребекка. – И вообще, я еще не женщина, а девушка!..

На этом месте спор неожиданно оборвался, ибо Беонир вдруг радостно вскрикнул, после чего до моего уха долетели звуки многочисленных поцелуев.

– Я все равно не могу быть с тобой... – Голос девушки казался усталым и резко постаревшим. – Прости, но нас разделяет слишком многое, и эта тайна принадлежит не мне...

– Я понимаю, – печальным эхом откликнулся юноша. – Я хотел признаться тебе в том же самом, но забери меня Тьма, как же я сожалею сейчас об одном опрометчиво данном обещании...

Я смутилась и закуталась в плащи с головой, окончательно позабыв о сне. Теперь меня терзали странные мысли. Почему Беонир так взъелся на Ребеккиного начальника, если даже в глаза его ни разу не видел? Нет, похоже, причиной злости стала отнюдь не ее неполученная зарплата... Неужели это как-то связано с синяком на шее лайил? И при чем здесь чье-то тело? И наконец, какие секреты так сильно обременяют совесть Ребекки и Беонира? А в целом... В целом отношения между ними складываются не так уж плохо. Ведь если ниуэ думает, что Ребекка нужна ему больше, чем он ей, а лайил, в свою очередь, думает о Беонире то же самое, значит, это любовь!

Ни одного мало-мальски приемлемого варианта ответов на свои вопросы я так и не нашла и под утро все-таки забылась крепким сном. Проснувшись же я оттого, что с двух сторон надо мной склонились ниуэ и лайил и шепотом спорили, будить или нет их юную подругу. Причем юноша голосовал за побудку, а Ребекка, ласково улыбаясь распухшими губами, как-то вяло обвиняла его в черствости. На лбу у Беонира лиловел свежий круглый симпатичный синяк.

«Да уж, – подумалось мне, – после этого ночного разговора я бы на месте Ребекки уж точно не смогла упрекнуть его в черствости!» Тем не менее я быстренько встала, мигом умяла предложенный мне бутерброд, и наше путешествие продолжилось. Не знаю, чем

руководствовались мои спутники, а меня вело все обостряющееся предчувствие, подсказывающее, что второе испытание приближается!

Таким образом, утро застало нас уже на ногах, а с наступлением дня воздух немного потеплел, внушая слабую надежду на приход припозднившейся весенней оттепели. До обещанных Ребеккой зарослей вереска оставалось еще несколько дней пути. А пока ничто не мешало нам наслаждаться пустым торговым трактом и расстилающимися по обе стороны от него безжизненными заброшенными полями. Полагаю, раньше эти места были более оживленными, но теперь дорога будто вымерла, и мы топали по ней в полнейшем одиночестве, постепенно привыкая к той странной ситуации, в которой неожиданно-негаданно оказались. Вышеупомянутые разбойники тоже пока никак не давали о себе знать. И правильно, ведь кого тут грабить-то?

Я с любопытством вертела головой, любясь причудливо переплетенными ветками засохших придорожных кустов и сереющим над нами небом – плотным, гладким и немного вогнутым, словно перевернутая вверх дном чаша.

– Хорошо-то как, правда? – скорее не спросил, а жизнеутверждающе заявил Беонир.

Ребекка протестующе скривилась.

– Чего уж тут хорошего? – Она широко развела руки, словно намереваясь разом обхватить и эти никому не нужные поля, и безликое небо. – Видишь, здесь же ничего нет! – В ее голосе прозвучало неподдельное страдание. – Раньше наш мир процветал, его наполнял аромат созревающих плодов, журчание воды и беззаботный птичий щебет. А сейчас, что осталось от него сейчас?

– Надежда! – уверенно заявила я.

Девушка пессимистично хмыкнула, а Беонир, который так и не нашел что ответить лайил, посмотрел на меня сияющими от восхищения глазами.

– Мы живы до тех пор, пока не сдались и не отступили! – вдохновенно продолжила я. – А наш мир, безусловно, стоит того, чтобы за него бороться!

– С кем? – упаднически спросила воительница, вяло роняя руки, напоминающие сейчас мертвые плети срубленного плюща. – Со временем, смертью и пустыней? Йона, я тебя, конечно, уважаю, но иногда сильно сомневаюсь в твоём душевном здравии... Выступить против богини Банрах – это же самоубийство!

– Но ведь мне уже приходилось сталкиваться со змееликой, и ничего, выжила! – корректно напомнила я.

Но Ребекка лишь удрученно покачала головой:

– Возможно, тебе просто повезло или так сложились обстоятельства. Но предупреждаю – однажды твоя удача иссякнет и ситуация повернется совсем по-другому. Богиня мстительна и злобна, она свое еще намерстает. Чтобы на равных бороться с нею, тебе нужно стать великой чародейкой, или... – Тут она задумчиво погладила рукоять своего меча. – Или искусной воительницей. Но, увы, воинами не становятся, ими рождаются. Поэтому постарайся побыстрее найти свое второе испытание и обзаведись еще парой-тройкой каких-нибудь полезных – например, боевых – заклинаний.

– А смысл? – весело откликнулась я. – Магия – не панацея и не сила, она всего лишь продолжение нашего разума и воли. Оружие бывает разным, но побеждает в бою все-таки не оружие, а воин! Поэтому, прежде чем стать чародейкой, я намереваюсь постичь суть истинных человеческих качеств: научиться дружить, верить, любить!

Воительница покраснела и резко отвернулась, словно я произнесла нечто интимное или опасное, болезненно задевшее ее чувства.

– Правильно, – неожиданно поддержал меня молчавший до настоящего мгновения ниуэ. – Когда я был маленьким, то хотел стать Уравновешивающим. Это была моя самая заветная мечта.

Парень на ходу срывал с кустов засохшие листья, делал в них дырочки и смотрел на Сол сквозь эти неровные отверстия. Может, таким способом он пытался изменить

окружающий мир?..

– Взрослые слишком поздно поняли, что им не следовало закрывать глаза на мои увлечения, а надо было как можно раньше спустить меня с небес на землю. Я мечтал стать обыкновенным человеком, понимаете – человеком! – Он пошевелил пальцами, словно раскаянно отмахивался от так и не воплощенных в жизнь планов. – Но у меня ничего не получилось.

– Вот почему ты так торжественно отзывался о сделках, которые заключает старый Сквалыга? – поинтересовалась Ребекка.

На протяжении всего этого дня она держалась с юношей не в пример вежливее, чем раньше, но теперь это скорее напоминало соблюдение неких неписаных правил, чем искреннее душевное расположение.

– Да. Уже сейчас они стали предметом изучения нескольких гильдий. Но, конечно, Сквалыга, – юноша иронично хмыкнул, – не дает частных уроков.

– А я не понимаю, почему ты не смог пойти в ученики к Уравновешивающим! – недоуменно нахмурилась я. – Почему гильдии не допускают вас к участию в церемонии выбора? В полноуние ты мог бы возвращаться обратно в подземелье...

– Эх, Йона, ну почему ты еще не глава Чародеев? – с грустью пошутил ниуэ. – Уверен, ты бы мигом исправила эту вопиющую несправедливость и разрешила ниуэ вступать в различные гильдии.

– Не обращай внимания на глупые высказывания этого недотепы! – Ребекка требовательно ущипнула меня за щеку, стремясь отвлечь от грустных мыслей. – Ниуэ получили то, что заслужили.

– Как это? – насторожился Беонир. – А ну-ка, выкладывай все начистоту!

– Да пожалуйста! – Воительница снисходительно пожала плечами. – Вы разве позабыли о том, что я довожусь родной внучкой Финдельбергу Законнику? – Ее красивое лицо осветила горделивая улыбка. – Моему деду совсем не случайно дали столь благозвучное прозвище, ведь именно он окончательно утвердил за лайил их нынешние права. То есть сделал нас полноправными членами общества Лаганахара, во всем равными с людьми.

– Как же ему это удалось? – Я изумленно округлила глаза. – Наверное, он совершил какой-то беспримерный подвиг?

– Нет... – Тут девушка смущенно кашлянула. – Просто мой дед отличался редкостным везением... ну и потрясающей хитростью, конечно, тоже... – Ее глаза виновато бегали по сторонам. – Хотя лично я склонна считать его не ловкачом, а гением! Во-первых, главой торговцев в те времена был еще не Сквалыга, а другой, не настолько жадный человек. Поэтому деду хватило собранных денег, чтобы договориться с гильдией этих продажных торгашей. Он нашел правильный подход ко всем: общине воинов с самого начала растолковал выгоду от заключения подобного союза, ведь лайил неплохие бойцы, поэтому те его даже поддержали. Охотники всегда проявляли безразличие к делам города, а гильдии Порхающих и Целителей уговорились довольно просто. Труднее всего пришлось с простолюдинами и учениками эльфийских чародеев...

– Народ вас боится?

– Ну так среди них же в основном малообразованные крестьяне, для которых любимое развлечение – пугать своих детей байками про лайил. Дисциплина, понимаешь, чтоб ее мантикора три раза переварила. Ты помнишь, как сама струхнула при нашей первой встрече? Предубеждения, суеверия и все такое прочее... В общем, дедуля помыкался с ними, помаялся, да и бросил бесполезное занятие. Переключился на чародеев...

– И?... – Я жадно подалась вперед всем телом, вникая в рассказ воительницы, ибо во мне проснулось неумное любопытство.

– Честно говоря, я сама еще не полностью разобралась в той темной истории, – нехотя призналась Ребекка. – В те годы главной среди человеческих чародеев стала Сильвана, ну, та легендарная девица, останки которой мы недавно похоронили в заброшенной эльфийской

Библиотеке. Признаюсь, теперь мне стало понятно кое-что из того, чего я раньше не понимала.

– Тогда рассказывай! – хором закричали мы с Беониром.

– Хорошо, – кивнула Лайил. – Возможно, сегодня и правда пришел срок пролить свет на эту аферу. Итак, мой дед, будучи неглупым и весьма честолюбивым молодым человеком, мечтал обо всех тех благах, которые не достались ему от рождения. Поселившись вместе с людьми в эльфийской столице, Лайил занимали низшую социальную ступень. Кстати, расположенную гораздо ниже той, которую облюбовали вы, – ее палец неприязненно уперся в грудь растерявшегося Беонира, – ведь ниуэ были самыми близкими друзьями и помощниками Перворожденных. Лайил люто завидовали ниуэ и поклялись любой ценой изменить установившийся порядок – даже, если придется, с помощью лжи, предательства и убийств. Мой дед происходил из самой скромной семьи, его отец работал городским золотарем¹. Да, – она картинно усмехнулась мне в лицо, – во мне нет ничего благородного, так и знайте. Но молодому Финдельбергу повезло, ибо судьба, отказав ему во многом, словно в качестве компенсации наделила его ослепительно прекрасной внешностью. Он обладал статной фигурой, прекрасным лицом эльфийского принца и ничуть не походил на всех остальных тварей-лайил. Вот эта-то красота и явилась первоисточником всего. Финдельбергу удалось очаровать человеческую девушку – сестру короля Джоэла, жрицу Чаншир. Они стали любовниками, но обезумевшая от страсти жрица мечтала о большем, ибо ждала от Финна ребенка, а отпрыску королевской крови не пристало носить клеймо незаконнорожденного бастарда. Примерно в то же время магичка Сильвана, сестра Чаншир, полюбила короля Полуденных эльфов – Адсхорна. Принц Родрик, науськанный хитроумным Финдельбергом, сумевшим втереться в доверие к самому юному члену королевской семьи, грязно оскорбил сестру Адсхорна – Повелительницу мантикор Эввелику. Гордый эльфийский король вызвал принца на дуэль и убил. Тогда Сильвана отвернулась от своего недавнего возлюбленного и поклялась отомстить за младшего брата. Но так звучала официальная версия событий... На самом же деле Чаншир, по-черному завидуя успехам и могуществу сестры, используя снадобья, принесенные Финном из эльфийских подземелий, сварила отворотное зелье и подпоила Сильвану. Испив отравы, чародейка смертельно возненавидела повелителя морского эльфийского клана, мгновенно позабыв о связывающей их страсти. А их старший брат, король Джоэл, тем временем страдал от неразделенной любви к Эввелике... Влияние сестер оказалось так велико, что Джоэл не устоял – он внял их советам, решив начать войну и завоевать красавицу-эльфику силой оружия. Нет, он никогда не осмелился бы на этот рискованный шаг, если бы вездесущий Финн не добыл нечто, обеспечившее им помощь богини Банрах. Каким-то образом они сумели устранить Неназываемых и бога Шарро. И не смотрите на меня так умоляюще, – Ребекка виновато развела руками, – я не знаю, как именно это случилось. Даже будучи на смертном одре, дед так и не раскрыл мне свой последний секрет. Он унес его с собой в могилу... Так или иначе, с помощью богини люди победили. Арцисс, король Полуночных, погиб, а остатки эльфийских кланов исчезли из Блентайра. Сильвана завладела жемчужинами, в которые превратились слезы Эввелики, пролитые ею над телом погибшего супруга, и стала главой гильдии Чародеев, заняв Звездную башню и нажив себе кучу врагов. Правда, верховный маг Лаллэдрин успел сотворить нечто колоссальное, и в покоях башни появились странные зеркала, пропускающие в цитадель только чародеев.

При этих словах я напряглась всем телом, понимая, что услышала нечто особенно важное, ибо помнила странные зеркальные завесы, прикрывающие входы в покои башни.

– Но за волшебными слезами, – продолжала Ребекка, – охотились все: жрецы, Финдельберг, король Джоэл, и поэтому Сильвана спустилась в подземелье, намереваясь понадежнее спрятать реликвию... Это всего лишь мои домыслы, но ведь они подтверждены недавно открывшимися фактами, не так ли? Чародейка трагически погибла, и никто уже не

¹ Золотарь – чистильщик отхожих мест.

смог найти ее тело или раскрыть секрет ее исчезновения, и вот совсем недавно мы с вами обнаружили эти пресловутые останки... Финн получил титул лэрда и стал мужем Чаншир, а потом у них родилась Эйбро, которая позже стала моей матерью. Не знаю, кто был моим отцом, но толика крови лайил дала нам обоим завидное здоровье и долголетие. Дед исполнил свою давнюю мечту и изменил социальное положение всех лайил, за это его и прозвали Законником... – Она судорожно сглотнула и замолчала.

– Потрясающе! – изумленно выдохнул Беонир.

– Но ведь и это еще не все? – осторожно спросила я.

Воительница растянула губы в широкой улыбке:

– О да, не все. Дед неоднократно посещал заброшенные подземелья, стремясь вынести оттуда эльфийские артефакты. Именно там он и нашел золотые риели, так удачно использованные им для подкупа гильдий. В момент Аррандейского сражения он находился в Немеркнушем Куполе, охраняя главную святыню города. Внезапно там появился чародей Лаллэдрин, намеревающийся изъять раритет, доверенный эльфам, согласно легенде, самими Неназываемыми. Говорят, что тот, кто владеет Колоколом Судьбы, способен управлять всем миром, а также жизнью и даже смертью любого существа. Финн и Лаллэдрин сошлись в смертельном поединке. Оба получили страшные ранения. В итоге чародей все-таки сумел создать пространственный портал и перебросил Колокол в никому не известное место. Колокол затерялся на просторах Лаганахара, а сам маг, истекая кровью, из последних сил отступил, сбежав прочь из города. Полагаю, он сумел-таки пробраться к своим и помог Эврелике унести с поля боя тело геройски павшего Арцисса. Больше мне ничего неизвестно! – Ребекка жадно отпила из фляги, смачивая пересохшее горло.

– А мы? – поинтересовался Беонир.

– Вы!.. – Девушка злорадно расхохоталась. – Наверняка тебе сообщили, будто ниуэ отважно сражались, до последнего вздоха защищая своих хозяев? Полагаю, я не ошибаюсь в своих предположениях!

Юноша согласно кивнул.

– Сражались, – издевательски протянула лайил, – да только не все... Некоторые из вас трусили и позорно сдались в плен. Так у людей появились рабы-псы...

Лицо Беонира разочарованно вытянулось.

Я задумчиво смотрела в небо, интуитивно понимая: Ребекка не врет, она просто недоговаривает, намеренно скрывая от нас какую-то чрезвычайно важную деталь этой истории. Но вот о чем именно она умолчала? И главное, зачем это сделала?

Рассказ Ребекки странным образом изменил наши отношения, став тем тонким прутиком, который упал на каменную плотину сдержанного отчуждения, до сих пор проскальзывающего между нами, сломал ее и сблизил нас духовно. Плотина молчания рухнула, сметенная хлынувшим потоком откровений, воспоминаний и озвученных размышлений. Каждый из нас словно стремился поделиться с остальными частичкой собственной души. Тщательно скрываемые тайны оставались прежними и незыблемыми, но все равно мне начинало казаться, что эти двое способны стать моими самыми искренними и надежными друзьями. Человеческая душа устроена совершенно непостижимым образом: мы обижаемся на других лишь в том случае, когда сами хотим быть обиженными. И более того, обманываемся в окружающих людях аналогичным образом – желая быть обманутыми. Хотя в тот день мне не хотелось думать о лжи и лицемерии, ведь я едва научилась доверять жизни и надеяться на лучшее...

Впрочем, судьба редко идет на мировую, а потому меня ожидало еще много ужасных разочарований, обид, сладостных побед и невероятных открытий. Но если бы меня спросили тогда, согласна ли я добровольно отказаться от поджидающих невзгод и испытаний, обменяв их на безоблачную, серую и спокойную жизнь, я бы чистосердечно ответила: «Нет, никогда и ни за что!» Я верила в свою счастливую звезду и не желала себе иной доли.

Наши разговоры продолжались весь день, то ненадолго прерываясь, то опять

вспыхивая с новой силой. Беонир на ходу сверился с картой и без особой радости сообщил, что мертвые поля скоро закончатся и на смену им придет огромная, труднопроходимая вересковая равнина, которая тянется до самого Зачарованного побережья. А ближние подступы к краю морских эльфов и вовсе изобилуют искусно скрытыми ловушками и западнями, делающими те места куда более опасными, чем облюбованный разбойниками торговый тракт. И если мы не хотим влипнуть в неприятности, то пора позабыть о болтовне и шуточках. Надо держать ухо остро, а оружие должно быть под рукой.

Ниуэ оказался абсолютно прав. Дорога, круто вильнув вправо, обогнула холм с остатками какого-то древнего строения и резко нырнула в заросли вереска. Ошеломленные столь неожиданной сменой пейзажа, мы невольно затаили дыхание и сбавили шаг. Вокруг нас, куда ни кинь взгляд, не наблюдалось ни единого деревца, здесь рос только однообразный колючий кустарник, раскинувшийся по обе стороны изрядно сузившейся дороги. Запутанные ветви так и норовили вцепиться в нашу одежду и волосы. Моему бурному воображению, раскалившемуся под воздействием необычной обстановки, вереск казался мистическим одухотворенным существом, преднамеренно пытающимся уберечь меня от необдуманного шага и буквально вопиющим: «Стой, не ходи дальше, это опасно!» Но, увы, фатальное предначертание и собственное безмерное любопытство неуклонно вели меня вперед, с каждым шагом приближая к тому событию, которое должно было невообразимо перевернуть всю мою последующую жизнь...

Тем вечером мы решили не лениться и потратили немало времени на обустройство комфортного места ночевки. Единственным приемлемым вариантом мне показалась идея расположиться прямо посреди дороги, но Ребекка категорически воспротивилась такому предложению, заявив, что не желает заканчивать жизнь под копытами лошади какого-нибудь странника. В итоге она сама же и пострадала, поскольку ей пришлось мечом расчищать небольшую полянку, безжалостно вырубая глубоко вросший в землю вереск под корень. В качестве поощрения девушка выделила себе двойную порцию мяса, а едва донеся голову до лежанки, уснула мертвым сном. Мы же с Беониром расположились возле костра, продолжая начатый во время ужина разговор.

– Беонир, почему вы оба ничего мне не рассказываете? – Я очень хотела разговорить печального ниуэ, заставить его поделиться своей болью. – Почему ты такой хмурый?

– Йона, ты чрезвычайно отзывчивая девочка, а потому принимаешь все чересчур близко к сердцу. – Юноша с трудом выдавил из себя улыбку, которая конечно же получилась натянутой и кривоватой. – Скажем прямо, я сам нарвался на грубость. Прихожу к закономерному выводу: среди скрытных и замкнутых лайил не приветствуется излишняя забота о ближнем. Их девиз звучит примерно так: «Не суй свой длинный нос в чужие дела»... Ну или что-то в этом роде. Во всяком случае поведение Ребекки заставляет меня думать подобным образом.

– Но что случилось, ты можешь мне сказать? Или я спрошу у нее.

– Умоляю, только не вздумай обсуждать это с Ребеккой! – отчаянным шепотом воскликнул ниуэ, выразительно поводя подбородком в сторону спящей девушки. – Помоему, она и так уже заплатила слишком высокую цену за свой отпуск... Но, может быть, я просто страдаю излишней мнительностью? Или, вернее, мне очень хочется надеяться, что я ошибаюсь...

– Заплатила высокую цену? – Мне не терпелось продолжить расспросы, но юноша уже перекатился на другой бок, повернувшись ко мне спиной и демонстративно закрыв глаза. Он явно отказывался от возобновления беседы, ему неприятной. Пришлось поневоле прикусить свой любопытный язык и замолчать. Постепенно веки мои отяжелели, и я заснула...

Не знаю, отчего и почему я проснулась. Возможно, причиной внезапного пробуждения стал даже не какой-то четкий звук, а тонкий, почти не слышимый ухом свист, прозвучавший на самой грани моего восприятия. Восприятия, присущего скорее эльфу, чем человеку. Так или иначе, я проснулась резко и спонтанно, мгновенно распахнув ресницы и ощущая себя

совершенно здравомыслящей и дееспособной. Долгого, тягучего, будто кисель, пробуждения не было и в помине. Я приподнялась на одно колено, пытливо всматриваясь в обволакивающую нас темноту. Костер давно погас, превратившись в горку темной золы. Ночной ветер нес холод и некий слабый, сладковато-горький запах. Не отдавая себе отчета в собственных ощущениях и не имея никакого опыта, я все-таки могла с уверенностью заявить – так пахнет только кровь, причем обязательно человеческая и свежепролитая. Мое сердце страдальчески затрепетало, уловив испуганные эманации чьей-то отлетающей из тела души. Сомнений не оставалось: где-то совсем близко, рядом со мной, в данный момент убивают невинных людей, застигнутых врасплох. Убивают несправедливо и безжалостно. Со сдавленным рыком возмущения я буквально взвилась на ноги, пребывая во власти непонятной силы, горячими струями растекающейся по моим мышцам.

– Йона! – бдитительно встрепелась Ребекка, взирая на меня огромными, ословело расширенными спросонья глазами. – Что с тобой?

– Что случилось? – Беонир лениво приподнял голову с сумки, заменяющей подушку, и отводя от лица спутанные пряди волос.

Никак не отреагировав на их вопросы, я чудовищным прыжком покинула место нашей стоянки и канула в темноту. Меня вели интуиция и Голос, призывно стучащий в голове: «Поспеши, иначе станет слишком поздно!»

Я бежала совсем недолго. Преодолела узкую лощину, вскарабкалась на вершину близлежащего холма и затаилась за обломком невесты как очутившейся здесь каменной колонны, удачно поваленной на бок и создающей удобное прикрытие. Место, вполне подходящее для маскировки потенциального убийцы или присланного судьбой спасителя. Вот только сегодня провидение промахнулось, ведь именно мне предстояло сыграть роль отважного героя, хотя подобная миссия никак не вязалась с моим скудным воинским опытом и субтильным телосложением. Тем не менее выбирать не приходилось.

Представшее передо мной зрелище поражало своей чудовищностью. На небольшой полянке, идеальной копии нашего бивуака, вырубленного в вересковой чащобе, валялась опрокинутая кибитка – бедная и повидавшая виды, обтянутая выбеленной от непогоды воловьей кожей.

«В таких скромных повозках обычно передвигаются торговцы из тех, что победнее, а то и вовсе полунищие старьевщики, – подсказал мне Голос. – Тьма знает, что могло здесь понадобиться этим путникам. Обычно все имущество подобных бедняков заключается в нескольких пригоршнях засохших фасолевых зерен и паре кувшинов чистой питьевой воды, выставленных на обмен. А что можно за них получить? В лучшем случае кусок грубого полотна и миску кукурузной каши. Но некоторые живут и этим...»

Присев за обломком колонны, я внимательно слушала сбивчивый шепот, звучащий в сознании и направляющий сейчас мою волю и разум. Одним лишь Неназываемым известно, что ценного могло скрываться в драной кибитке, раз на нее напали столь сильные враги. А противники, с которыми мне предстояло схватиться, и в самом деле могли напугать кого угодно...

Выглядывая из ниспосланного судьбой укрытия, я сначала насчитала три темные, мастерски замаскировавшиеся в вереске тени, но потом с ужасом обнаружила еще троих разбойников, обошедших повозку с тыла и взявших ее в смертельный захват. У несчастных путников не было ни единого шанса вырваться из захлопнувшейся ловушки. Возле перевернутой повозки уже лежали двое людей, не подающих признаков жизни: дюжий мужчина в домотканой одежде и гибкий юноша в жилете, расшитом характерными для гильдии Охотников медными бляшками с изображениями животных. Уж если даже они не сумели противостоять шестерке теней, то что могла сделать я – слабая девочка, не воин и почти не чародейка? Но все-таки я без колебаний бросилась на помощь, не задумываясь о последствиях своего поступка. Меня вело предназначение!

Извиваясь словно уж, я ползла между колючими вересковыми ветвями, стремясь настигнуть первую тройку душегубов, скрывающихся под сенью развесистого куста.

Вплотную прижавшись к земле, я смогла различить их поджарые тела и уловить приглушенный шепот.

– Он остался один! – сухо констатировал первый разбойник, облаченный в черный костюм наемного убийцы. – Я сумел рассмотреть его через прорехи в пологе кибитки.

– Старик, – лаконично сообщила вторая тень, – но еще крепкий и жилистый. К тому же он отлично стреляет из арбалета, едва не зацепил Хо-Ло.

– Да, – коротко подтвердил тот, кто носил вышеупомянутое прозвище, резанувшее мне слух своим непривычным звучанием. – И-Мал прирезал его помощника, а Ра-Ро убил мальчишку-проводника, но сам старьевщик успел забиться в кибитку, укрылся за прочными сундуками и теперь отстреливается. Пора с ним кончать.

– Пора! – властно откликнулась другая тень, похоже, наделенная статусом командира отряда. – Старика убить, а повозку сжечь со всем содержимым. Так приказала владычица Банрах!

Услышав имя змееликой, я вздрогнула всем телом. Так вот, значит, кто стоит за этими расчетливыми убийцами. Оказывается, сама Банрах отрядила шестерку безжалостных искусных бойцов для уничтожения старика, слуги и мальчика! Ничего не скажешь, «благородная» миссия им поручена... Но зачем понадобилось великой богине убивать какого-то нищего торговца? Сложно понять ее замысел...

В этот самый момент ночное светило случайно выглянуло из затягивающих небо туч, отлично осветив вересковую пустошь. Мне оказалось достаточно одного мимолетного взгляда на приспешников богини, чтобы сердце панически екнуло и камнем провалилось куда-то ниже желудка. В тенях-разбойниках я безошибочно опознала самых страшных тварей нашего мира, а именно – узкомордых зубастых котов-лайил, чьи налитые кровью глаза горели голодным огнем. Смогу ли я потягаться с шестеркой прирожденных убийц, намеревающихся любой ценой исполнить волю своей богини?.. И все же мне придется это сделать! Я едва приподнялась, собираясь подобраться еще ближе к своим противникам, как вдруг чья-то тяжелая рука припечатала меня обратно к земле, а в ухо жарко зашептали, требуя беспрекословного повиновения:

– Лежи на месте, малышка! Замри и не шевелись, если жизнь тебе еще дорога!

Я потрясенно обернулась...

Бесшумно подкраваясь сзади Ребекка ласково погладила меня по голове, приминая растрепавшиеся от ветра волосы. Слева от нее белозубо улыбался Беонир, натягивая тетиву своего лука.

– Начинаем на счет «три»! – властно распорядилась воительница. – Успокойся, малышка, я вижу их ничуть не хуже тебя. Скажи, Йона, ты сможешь метнуть стилет вон в того наемника? – Ее палец указал на предназначенную для меня жертву. – Не испугаешься, не промахнешься? Помни, сейчас ты не на тренировке находишься, здесь нельзя ошибиться!

Вместо ответа я до крови закусилла нижнюю губу и решительно кивнула.

– Раз... – начала отсчет Ребекка, кончиками пальцев легонько зажав лезвие кинжала и заноса его над своим плечом. – Два...

Угрожающе вжикнула скользнувшая по тетиве стрела, повинуясь нажиму Беонира, а я точно скопировала позу лайил, приготовившись метнуть эльфийский клинок.

– Три!

Кинжал воительницы, мой стилет и стрела ниуэ падающими звездами сорвались с наших рук и успешно достигли намеченных целей. Трое наемников захрипели и повалились замертво, не успев нанести ответный удар. К сожалению для нас, командир лайил оказался слишком опытным бойцом: умирая, он издал гортанный вскрик, привлечший внимание второй, уцелевшей троицы убийц. Уже не скрываясь, враги торопливо покинули свое укрытие и бегом устремились к нам. Воздух вокруг их фигур засеребрился, наливаясь неестественным сиянием.

– Берегитесь! – закричала Ребекка. – Это магия богини, теперь им не страшны наши стрелы. Держи, блохастый! – Она ловко перекинула Беониру один из своих акинаков. –

Покажи, на что ты способен!

Беонир пронзительно завыл, злобно оскалив крепкие зубы.

– Йона, – продолжала командовать воительница, – держись сзади нас, не лезь вперед!..

Я только собралась согласно кивнуть, как вдруг Лед сам собой выскочил из ножен и буквально впечатался в мою правую ладонь, облив ее невыносимым холодом. В глазах у меня потемнело, кровь бросилась в голову, и, не соображая, что делаю, я прыгнула на врагов, отпихнув Ребекку и Беонира. Краем уха я еще успела услышать, как гневно закричала упавшая в колючий кустарник девушка, как грязно выругался ниуэ, но уже ничего не могла с собой поделать. На меня налетел высокий мощный воин-лайил, сжимающий в руке обнаженную саблю-кастане, и наши клинки столкнулись, высекая сноп огненных искр, ярко осветивших ночной полумрак.

Так уж получилось, что в тот момент я не искала свою судьбу.

Она нашла меня сама.

Глава 2

«Дай людям больше, чем они от тебя ждут, причем сделай это с радостью. Поступай именно таким образом, если хочешь, чтобы тебя считали настоящей личностью», – так учил брат Флавиан. Но сегодня, в пику всем изречениям своего мудрого наставника, я не испытывала ни капли радости от проявляемого самопожертвования, отлично понимая, какому огромному риску я подвергаю свою жизнь, вступив в неравный поединок. От натиска клинка лайил – к счастью, довольно успешно принятого мной на лезвие Льда, – меня чуть не отбросило в сторону, настолько мощным оказался наскок ночного убийцы. Я пошатнулась и сделала шаг назад, едва удержавшись на ногах. Губы твари, виднеющиеся из-под края прикрывающей лицо полумаски, изогнулись в глумливой ухмылке. Лайил и в самом деле оказался отменным бойцом: не тратя время на ненужные разговоры и упоение собственным превосходством, он попытался немедленно закрепить уже достигнутый успех. Сабля наемника взлетела над его головой, готовясь упасть отвесно вниз и нанести мне сокрушительный удар, просто обязанный стать смертельным.

Оставаясь всего лишь самой собой, я бы непременно потерпела поражение, будучи намного слабее этого профессионального бойца. Но сегодня убийцу ожидал весьма неприятный сюрприз, ведь внутри моего тела внезапно ожила душа великого короля Арцисса, которая неудержимо рвалась в бой. Отклонившись назад всем корпусом, я присела и легко переместилась влево, пропустив над головой громко свистнувший клинок противника. Челюсть твари, не ожидавшей подобной прыти от неловкой худенькой девчонки, недоуменно отвисла...

Пользуясь возникшим замешательством, я махнула тяжелым Ледом, пытаюсь подсечь противника под коленями. Наемник пришел в себя и подпрыгнул, но проделал это недостаточно быстро – кончик моего меча зацепил-таки его правую ногу, и вереск обагрился брызгами темной крови. Тварь завyla от острой боли и покачнулась, теряя равновесие... Падая вперед, убийца вложил в колющее движение клинка весь вес своего мощного тела, намереваясь пригвоздить меня к земле, как будто я была хрупкой, беззащитной бабочкой. Но он просчитался... Я действительно находилась на траектории его атаки, увлеченная поступательным замахом своего клинка, ощутимо оттягивающего мои руки, однако при этом совершила совсем не то, чего ожидал от меня лайил.

Я понадеялась на эффект неожиданности и не ошиблась. Почти завороченная стремительным приближением острого лезвия, я не попыталась остановиться и отпрянуть назад, что не удалось бы мне в любом случае, а наоборот – усилила свое падение, ловко перекатившись вперед и уходя из-под меча противника. Лезвие кастане рассекло край моей пелерины и глубоко воткнулось в землю... Перекувыркнувшись через свой меч, я упала на колени и изо всех сил замахнулась им назад, чуть ли не по самую рукоять вогнав Лед в спину напавшей на меня твари.

Наемник глухо взвыл и обмяк, испуская дух. Я выпустила меч из рук и дрожащей ладонью утерла пот, обильно струящийся по лбу. Грудь ходила ходуном, а сбивчиво колотящееся сердце так и норовило выпрыгнуть из груди. Меня трясло в ознобе и подташнивало. Если кто-то считает, что убивать врагов – легкое и приятное занятие, то пусть не спорит, а просто попробует сделать это сам...

Невзирая на всю напряженность текущего момента, я не могла выбросить из головы мысли о странной трансформации, произошедшей с моим мечом. Испив крови врага, Лед изменился. Его лезвие налилось холодным синеватым свечением и распространяло вокруг себя волны жуткой стужи, а где-то внутри благородной стали что-то гулко и ритмично застучало.

«Неужели сердце? Неужели Лед пробудился от долгого сна и вернулся к полноценной жизни? А если у него и душа есть?» – От подобной мысли меня бросило в суеверную дрожь.

– Йона, берегись! – Громкий крик Беонира вывел меня из задумчивости.

Повинуясь интуиции, я не стала подниматься на ноги, а рухнула плашмя на живот, пропуская над своими лопатками свистнувшую в воздухе саблю второго наемника. Ниуэ с рычанием налетел на моего несостоявшегося убийцу, и они покатались по земле, сплетаясь в клубок. Рядом беспрестанно ругалась Ребекка, схватившаяся с третьей тварью. Каким-то шестым чувством поняв, что они и без меня справятся с доставшимися им неприятелями, я отвлеклась от своих спутников, вскочила и метнулась к перевернутой кибитке.

– Не стреляйте! – отчаянно зывала я, помня о засевшем внутри нее арбалетчике. – Я ваш друг!

Я вскарабкалась на стенку ветхого, сплетенного из ивовых прутьев короба и, приподняв изношенный полог, заглянула в недра убогой повозки. В кибитке царил густой сумрак. На ощупь пробираясь между какими-то угловатыми, разбросанными там и сям предметами, я настырно ползла в глубь кибитки, разыскивая ее несчастного хозяина. Наконец мои пальцы наткнулись на что-то мягкое, мокрое, теплое... Я отчаянно заскрипела зубами, ухватила за складки протестующе затрещавшей ткани и потянула ее на себя, пытаясь к выходу.

Спасаемый мною человек весил немало, и в одиночку я бы точно никогда с ним не справилась, но мне продолжало везти: в кибитку внезапно просунулись четыре сильные руки, дружно подхватившие почти неподъемный для меня груз и благополучно вытащившие его наружу. Уложенный на обломки вересковых веток, наш старьевщик оказался чрезвычайно благообразным стариком, лишний вес которого, а также одутловатое лицо и обрюзгшая фигура объяснялись скорее не пристрастием к чревоугодию, а наличием какой-то болезни, схожей с водянкой.

– Уф-ф-ф! – шумно отдувался усталый Беонир, бережно ощупывая свою рассеченную бровь. – Сам не понимаю, как я сумел ухайдакать того зубастого кота. Как вспомню его бешеные глаза, так до сих пор мороз по коже.

– Дуракам везет! – язвительно хмыкнула Ребекка, с любопытством склоняясь над спасенным старьевщиком. – До поры до времени, конечно. – Но в ее делано грубоватом голосе прозвучала совсем не насмешка, а неподдельная радость. – И чего, спрашивается, они так усиленно гонялись за этим толстяком?

Я недоуменно пожала плечами, торопливо ощупывая тело злополучного старика. К несчастью, мне хватило одного взгляда, чтобы понять – его уже не излечить. Здесь не помогут даже мои целительские чары. Кроме глубокой колотой раны на шее, ставшей причиной огромной и уже невосполнимой кровопотери, на теле бедолаги насчитывалось еще не менее пяти травм, по крайней мере три из которых были смертельными. Я достала из сумки Ребекки флягу с водой и смочила губы умирающего. Он медленно раскрыл мутно-голубые глаза и с трудом сконцентрировал на мне взгляд, понемногу обретший осмысленное выражение.

– Ты, ты... – Из горла старика вырвался нечленораздельный хрип. – Ты пришла... Они не успели ее забрать... Возьми то, что принадлежит тебе по праву, и носи у себя на теле,

храни ее в тепле...

– Ее? – удивленно переспросила я. – Кого – ее?

– В сером сундуке... Она завернута в шерстяную тряпицу, она тебя ждет... – Зрочки говорящего закатились, изо рта хлынула смешанная с пеной кровь. Я наклонилась ниже, почти прижавшись ухом к его бледнеющим губам. – Небо... – шептал старик. – Верни их в небо... – Его кадык натужно дернулся, пальцы, цепляющиеся за мои руки, разжались.

– Умер, – печально констатировала Ребекка. – Вот Тьма! Йона, ты что-нибудь поняла из его бреда?

Я растерянно покачала головой:

– Немногое. Но я уловила главное. В кибитке хранится нечто важное – то, что хотела заполучить богиня Банрах, да не смогла, ибо это нечто предназначается для меня. Интересно, кто подразумевался под словом «она»?

– Наверное, ты? – неуверенно предположила лайил, однако я с ней не согласилась. Речь старика была сумбурной, но я уловила, что он явно имел в виду не меня, а кого-то другого. Хм, вот только кого конкретно?

Мы собрали свое оружие, оттащили трупы убитых тварей подальше в кусты, а потом долго рыхлили и долбили промерзшую землю, выкопав в итоге неглубокую яму, в которую и сложили тела погибших людей. Перед этим я, воровато оглянувшись, тайком срезала с жилета мертвого охотника несколько медных бляшек, сама не понимая, зачем они мне понадобились, и убрала к себе в карман. Я произнесла над могилой несколько прощальных слов, коротким заклинанием залечила бровь Беонира, а затем принялась целенаправленно обследовать заваленную рухлядью кибитку, усугубляя тамошний и без того впечатляющий бардак.

Искомый серый сундук обнаружился под грудой полусгнивших тряпок непонятного назначения. Вообще кибитка старьевщика произвела на меня чрезвычайно неприятное впечатление: тут пахло застарелым потом и экскрементами, полог держался на нескольких заскорузлых от грязи веревках, а сам деревянный остов почти рассыпался от ветхости. Между оглоблями кибитки мы нашли тело старой, жутко заезженной клячи, погибшей от стрелы, вонзившейся в правую глазницу и проникшей в мозг. Ладно хоть, несчастная лошадь скончалась мгновенно, без агонии и страданий.

Как и обещал старьевщик, серый сундук не пустовал. Его заполняли мягкие опилки, на удивление чистые и сухие, среди которых удобно угнездился продолговатый, завернутый в шерстяную тряпицу предмет. Я осторожно развернула загадочный сверток, и на мою ладонь выкатилось нечто твердое, овальное, излучающее мягкое серебристое сияние...

– Камень, – восхищенно выпалила Ребекка, кончиком пальца боязливо поглаживая гладкий предмет, не уступающий по размеру ее кулаку. – Огромный драгоценный камень! Наверное, опал!

– Кто опал? – не понял ниуэ.

– У тебя опал, дурак! – язвительно фыркнула воительница. – Камень так называется – опал!

– Нет, – не согласился с нею Беонир, – эта штуковина скорее похожа на плод какого-то экзотического дерева. Давайте зароем его в землю и подождем – вдруг что-нибудь да вырастет?

– Замерзнет же! – скептически опротестовала воительница. – Ерунду предлагаешь. Я уверена – это камень!

– Плод! – уперся вредный ниуэ, сварливо фыркая.

– А я говорю – камень!

– Дура!

– Идиот блохастый!

Видимо, эти двое оставались верны своим излюбленным привычкам, намереваясь устроить очередную свару.

– Не ссорьтесь, – тихонько попросила я. – Разве вы успели забыть – старьевщик велел

хранить это в тепле, согревая своим телом.

– И эту-то штуку он и называл «она»? – осененно ахнула лайил. – Камень и есть «она»?

– Плод! – продолжал настаивать несговорчивый Беонир.

– А я утверждаю – камень!

Не обращая внимания на их перепалку, я задумчиво морщила лоб, пытаюсь вспомнить нечто важное. Кажется, я видела это во сне?.. Что-то ценное и прекрасное, уложенное в теплый футляр и носимое мною на шее. Футляр... Я восторженно рассмеялась и хлопнула себя по лбу. Ну конечно, футляр! А я-то никак не могла угадать назначение третьего из доставшихся мне предметов, вынесенных из заброшенной эльфийской Библиотеки. Здорово: значит, сначала я нашла футляр, а теперь то, что должно в нем храниться!

Я пошарила в сумке мага Лаллэдрина, с коей теперь не расставалась, и извлекла из нее выложенную мехом торбочку на прочной цепочке. Загадочный камень-плод идеально поместился внутри выстланного мехом футляра. Я застегнула сумочку и повесила себе на шею, укрыв под плащом. Мысленно я взывала к духу короля Арцисса, умоляя просветить меня насчет таинственной находки. Но, увы, Голос молчал, никак не напоминая о своем существовании и не расщедрившись даже на самую крохотную подсказку. Испытывая досаду и сердясь, я неприязненно передернула плечами, понимая, что близость эльфов и Зачарованного побережья надолго лишили меня помощи короля. Отныне мне придется рассчитывать лишь на себя. И чем бы ни являлся на самом деле непонятный предмет, завещанный мне погибшим старьевщиком, теперь-то эта штука точно не пропадет и не потеряется. А дальше – посмотрим.

– Ты еще не передумала? – нервно спросила Ребекка, окидывая меня странным взглядом, в котором смешались чувство вины, безмерное восхищение и стыд, окрасивший ее щеки в багровый цвет. – Еще не поздно отказаться от дерзких замыслов и вернуться домой, в Блентайр.

– Домой? – непонимающе улыбнулась я. – Так ведь я и иду к себе домой...

Ребекка испуганно вздрогнула:

– Где же твой дом, Наследница?

– Там, – я указала в ночное небо, – и еще в море. Но в первую очередь конечно же здесь, – я положила руку себе на грудь, – в душе и в сердце! И мне не терпится их заполнить, напитав надеждой, верой и любовью! Я очень хочу увидеть своих родичей. Наш дом там, где обитают дорогие нам люди!

– Посеявший несчастье – пожнет беду! – чуть слышно бормотала воительница себе под нос, ни к кому конкретно не обращаясь. – Но горе тому, кто не сумеет совладать с вызванной им бурей...

Мое сердце зашлось от нехорошего предчувствия, ибо я осознавала, что под вызвавшим бурю безумцем она подразумевает богиню Банрах. Эту кровожадную тварь, превратившуюся в моего самого злейшего врага! Так неужели я и правда стану той, кому суждено победить змееликую, уничтожить ее жрецов и лживых чародеев, остановить Пустошь и спасти Лаганахар? Теперь я в этом уже не сомневалась, хотя совершенно не представляла, каким образом смогу добиться столь блестящего результата. Но тем не менее именно ради этого я и шла к своим испытаниям, собирая знания, чудодейственные заклинания и прочие утраченные секреты нашего мира.

– Нас ждет Зачарованный берег, – напомнила я. – Поспешим же, друзья!

Вздыхая и сдержанно ропща, Беонир с Ребеккой нехотя последовали за мной, демонстрируя явное нежелание удовлетворить озвученную мною просьбу. Мрачные лица моих спутников выражали такую дремучую безысходность, словно я вела их на верную гибель, заставляя подниматься по ступеням эшафота. Возглавляя эту похоронную процессию, я терялась в догадках, тщетно ломая голову над причиной внезапной пасмурности лайил и ниуэ. Чего же они боялись? Клянусь именем своего любимого юноши, я не собираюсь причинять им зло! Напротив, я намереваюсь по мере сил опекать и защищать тех, к кому успела проникнуться самой искренней симпатией, и считаю Ребекку и Беонира

если не друзьями, то уж точно не врагами.

Но даже эти бескорыстные намерения ничуть не разрядили напряженную обстановку и не пролили ни капли света на резкое отчуждение, спонтанно возникшее у них по отношению ко мне. Мои спутники молчали, затаившись и будто бы чего-то выжидая... Молчала и я, озадаченная и заинтригованная. Понятным было лишь одно – окружающие меня тайны множились с каждым днем, разрастаясь, как грибы после дождя, и повергая меня в близкое к шоку состояние.

Мы шли еще сутки, неуклонно приближаясь к Зачарованному побережью. Недремлющее чутье подсказывало, что вместе с этим я вплотную подхожу и к разгадке мучивших меня загадок, что скоро прояснится многое, касающееся всех нас. Но холодная судорога страха, волной пробегающая по моему позвоночнику, посылала в сознание и иной импульс: «А ты уверена, что все ответы должны быть найдены? А вдруг ты отважно заглянешь в лицо этим неведомым тайнам и тут же потеряешь рассудок, ужаснувшись темным глубинам, способным без остатка пожрать то чистое, светлое и доброе, что живет в твоей душе?»

Я уже не нуждалась в карте – меня вела интуиция. Автоматически шагая во главе нашего маленького отряда, я постоянно задавала себе множество вопросов, скопившихся с тех самых пор, когда покинула монастырский приют. Кем были мои родители и почему я никогда их не знала? Чем руководствовалась сьерра Кларисса, приказав Джайлзу забрать из приюта последнего оставшегося ребенка, не прошедшего церемонию? О ком пел бродячий бард, повстречавшийся мне в Блентайре? Что именно подстроили Чаншир и Сильвана, сумевшие устранить Неназываемых? Если эльфы поселились в Запретных горах, то как сумели они пройти сквозь пургу и холод, преодолев отроги, считающиеся неприступными? Что за вещь передал мне погибший старьевщик и как она к нему попала? Как удалось богине Банрах завладеть двумя мечами, выкованными кузнецом Турраном из клана Полуденных эльфов? И наконец – что происходит с Ребеккой и Беониром, поведение которых так сильно изменилось при подходе к Зачарованному берегу?!

Из подслушанного в подземелье разговора между Беониром и воинами-ниуэ я четко усвоила: юноша присоединился ко мне не просто так, он подослан главой гильдии Чародеев и ему поручено следить за моими передвижениями. Я его не осуждала, помня о несчастном Беодаре, заточенном в казематах Звездной башни. Понятия «стыд» и «совесть» зачастую полностью утрачивают свою актуальность, если речь заходит о жизни и благополучии дорогих для нас людей. Беонир спасает отца, и поэтому я не вправе осуждать его поступки, он достоин сочувствия и уважения, а отнюдь не порицания или наказания. И все-таки очень жаль, что я пропустила часть его откровений, лишившись ценной информации. Неужели его миссия заключается только в слежке? Сомнительно...

И уж кого я абсолютно не понимала, так это Ребекку. Какие цели преследовала она? Воин-ниуэ по имени Зол просил меня не доверять внучке Финдельберга Законника, по его мнению, затаившей в душе измену и предательство, но заberi меня Тьма, если я хоть на йоту понимаю мотивы ее загадочного поведения! Душа Ребекки казалась мне тем тихим омутом, в обманчиво мирных глубинах которого скрывается нечто опасное и отвратительное. И не дай Шарро, чтобы я оказалась права!

Видимо, догадываясь о моих подозрениях, Ребекка и Беонир немного приотстали, лениво плетясь чуть позади. Старательно избегая встречаться со мной взглядами, они тушевались, краснели и отворачивались, напоминая скорее нашкодивших детей, осознающих всю степень ответственности за нечаянные проступки, чем потенциальных предателей и врагов. А я задумчиво покусывала губы, досадуя на свою проницательность и не желая верить очевидным фактам. Я не хотела осознавать и принимать тот факт, что мои проверенные в испытаниях спутники способны оказаться шпионами, подосланными с целью не подпустить меня к последнему оплоту эльфийской расы.

День пролетел незаметно. Пару раз мы останавливались для короткого отдыха, а затем

переночевали под открытым небом и вновь продолжили свой безрадостный путь. Судя по уверениям Беонира, до Зачарованного побережья оставалось не больше одного дневного перехода, но первые признаки эльфийского присутствия мы заметили намного раньше назначенного срока. Во-первых, колючий вереск исчез, а во-вторых, торговый тракт плавно ушел вбок и постепенно сменился аккуратной, изящно вымощенной каменными плитками дорогой, размеченной по краям одинаковыми белыми столбиками. Кроме того, под нашими ногами все чаще мелькали хаотично разбросанные ракушки, отличающиеся одна от другой как размерами, так и непредсказуемо-вычурной формой.

К полудню нам открылось и само побережье – длинная желтая коса, противоположная сторона которой терялась в молочно-белой туманной дымке. Мы остановились и завороченно уставились на темно-голубую полосу, расплывчато сливающуюся с линией горизонта, которая не могла быть не чем иным, кроме моря.

Дорога закончилась так внезапно, что мы даже не успели заметить, как наши ступни погрузились в мягкий, отливающий бронзой песок. Ребекка беззлобно выругалась, вытряхивая мельчайшие частички перемолотых морем ракушек, неизвестно как набившиеся в сапоги. Мы же с Беониром только рассмеялись и, сбросив обувь, бегали босиком, гоняясь друг за другом, словно два счастливых щенка, совершенно позабыв о цели нашего путешествия. Здесь уже не ощущалось холода, напротив – не закрытый тучами Сол ощутимо припекал, заставив нас снять теплые плащи.

С моря дул удивительно свежий, волнующий ветер, а расстилающийся под ногами песок напоминал пушистый ковер. Зачарованное побережье, вытянувшееся в обе стороны, насколько хватало взгляда, показалось мне бесконечным и упоительно прекрасным. Приставив ладонь козырьком ко лбу, я пытливо вглядывалась в даль, но не смогла обнаружить ни малейшего признака жизни. Может быть, мы заблудились и случайно вышли к необитаемой части побережья? Впрочем, мое нетерпеливое желание увидеть эльфов временно отступило на второй план, померкнув перед желанием поскорее окунуться в прохладные воды Великого моря.

Призывно махнув рукой Беониру и Ребекке, я подобрала сброшенные вещи и, почти по щиколотку утопая в песке, бездумно побрела к темнеющей впереди линии прибоя, немало изумленная все нарастающим рокошущим звуком, заставляющим болезненно вибрировать мои барабанные перепонки. То шумело само море, выпевая бесконечную песню вечной жизни...

Чрезвычайно бдительная по своей природе Ребекка первой заметила эту страшную, совершенно незнакомую нам опасность и предостерегла меня громким криком, но все равно было уже поздно – я увязла в песке почти до середины лодыжки и с каждым последующим шагом проваливалась все глубже и глубже. Воительница сердито всплеснула руками, побежала следом за мной и немедленно попала в ту же самую ловушку.

– Так вот оно какое, это хваленое эльфийское гостеприимство! – После нескольких рывков девушка оставила бесполезные попытки выбраться и принялась сквернословить. – Ничего не скажешь, отличная система защиты!

– Зыбучие пески! – Ниуэ не ругался, но я не заметила в его голосе особого оптимизма. – Я слышал о них уже неоднократно, но всегда думал, что это очередная страшная сказка.

– А я и сказок таких никогда не слыхивала, – испуганно прошептала я, замирая в позе стойкого оловянного солдатика и постепенно погружаясь в песок, который словно голодное живое существо меня засасывал. – Что же нам теперь делать?

– Оставаться на месте! – серьезно посоветовал Беонир. – Могу предположить, что пески не проглотят вас целиком. Полагаю, они никого не убьют, а просто удержат до прибытия своих хозяев.

– Точно? – усомнилась я, продолжая проваливаться в теплые песчаные недра. – Уверен? Вроде бы легенды о добрых и всепрощающих эльфах давно уже канули в небытие...

Юноша неопределенно развел руками, намекая на свою полнейшую неосведомленность в вопросах эльфийской безопасности. Мне тотчас же стало по-настоящему страшно, ибо,

попытавшись пошевелить ногами, я не нащупала под ними ничего твердого, зато песок, вязкий и скользкий, связывал меня куда надежнее любых веревочных пут. Да и зачем Полуденным эльфам щадить неосторожных путников? Похоронить их в песке, вот и дело с концом! Насколько мне известно, в последние годы они окончательно замкнулись на своем побережье и перестали посещать даже знаменитую осеннюю ярмарку. М-да, похоже, ситуация складывается хуже некуда...

– Не хотелось бы мне предстать перед морскими эльфами в столь беспомощном и неприглядном виде, – с досадой буркнула воительница, расстегивая свой ремень, снимая его с пояса и бросая один конец юноше, который продолжал оставаться на относительно незыблемом участке пляжа. – Не люблю выглядеть глупой в чьих-то глазах! – пояснила она, обращаясь ко мне. – Йона, немедленно стаскивай свой ремень и сделай то же самое.

Спустя мгновение я стала последним звеном в цепочке, составленной из Беонира, Ребекки и меня.

– Тяни, блохастый! – с насмешкой скомандовала лайил. – Покажи нам, насколько ты крут!

Беонир сопел и кряхтел, но все-таки сумел вытянуть нас на твердый участок береговой косы, освободив от губительных объятий волшебного песка. Распластавшись, словно морские звезды, мы обессиленно лежали рядом друг с другом и делились впечатлениями. Песок разочарованно чавкнул позади нас, будто сожалел об упущенной добыче.

– Кошмар! – выразительно прокомментировала лайил, оборачиваясь и мстительно складывая пальцы в увесистую фигу. – Чтоб тебя мантикора три раза переварила, мерзость зыбучая. А представьте, какая ужасная гибель ожидает того, кто не успел вовремя выбраться из такой вот западни?

– Не пугай, и так страшно! – скривился Беонир. – Если еще когда-нибудь начнешь на меня выступать – я тебя обратно в песок брошу!

Ребекка поддразнивающе рассмеялась, не принимая на веру его шутивную угрозу.

– Не завидую тому, кто окажется тут в одиночку, – согласно поддержала я. – Ему точно не выбраться из такого вот... – Но я не успела договорить начатую фразу, неожиданно прерванную отчаянным, паническим криком, несущим слезный призыв о помощи.

– Спасите! – взывал мелодичный девичий голос. – Помогите, погибаю!

Не раздумывая ни мгновения, я вскочила на ноги и помчалась на крик.

Мне не пришлось бежать слишком далеко. Завернув за невысокую дюну, я замерла, ошарашенная ужасным зрелищем. В десятке шагов от себя я обнаружила очаровательную молодую девушку, по пояс погружившуюся в зыбучую яму и испускающую громкие испуганные вопли. Руки красавицы бестолково металась по поверхности, пытаясь оттолкнуться или разгрести песок, но все ее усилия были тщетными, ибо, как она ни старалась, все равно оказалась не в состоянии найти точку опоры, необходимую, чтобы вырваться из зыбучего плена.

Острые ушки девушки со всей очевидностью указывали на то, что перед нами эльфийка. Головку прелестной незнакомки венчала грива длинных светлых волос, ниспадающих ниже лопаток. Кончики локонов завивались буйными кольцами, а передние пряди казались окрашенными в синий цвет. На загорелом лице красавицы особенно ярко выделялись серебристо-серые глаза, аккуратно, но густо подведенные какой-то блестящей краской, и губы цвета коралла. Признаюсь, я видела коралловые бусы лишь однажды, на нашей сьерре попечительнице, но сразу и навсегда влюбилась в этот потрясающий цвет.

Рядом с попавшей в ловушку девушкой лежал необычный инструмент, напоминающий весьма распространенные в Блентайре гусли. Странно, но «гусли» лежали на песке, даже не собираясь куда-то проваливаться. Видимо, эльфийская магия не распространялась на неодушевленные предметы.

Увидев меня, девушка обрадованно взвизгнула и молитвенно сложила руки на груди, заклиная оказать ей помощь:

– Помоги мне, добрая странница, иначе я погибну!

– Как ты там очутилась? – недоверчиво осведомилась бесшумно подошедшая Ребекка, разглядывающая девушку скептически прищуренными глазами. – Разве ты не местная и не знала о расставленной вашими чародеями защите?

– Знала, – торопливо закивала пленница, признавая свою вину. – Но я замечталась, увлекшись сочинением новой песни, и незаметно для себя забрела в запретную зону, а когда опомнилась, то отступить стало уже слишком поздно.

– Хм... – усомнилась лайил. – Может, ты и не врешь, но...

– Не вру! – пылко вскричала эльфийка. – Помогите, иначе меня затянет с головой и я задохнусь в песке!

– ...но, – невозмутимо продолжила воительница, – мы все равно не сможем тебя спасти!

– Почему? – Алый ротик девушки трагически округлился. – Заклинаю вас всем, что вам дорого, вытащите меня отсюда, и я отплачу вам услугой за услугу!

– Песенку споешь? – иронично хмыкнула Ребекка. – Тьма, ну почему все женщины – такие дуры? Милашка, нам и правда очень печально видеть гибель столь юной и ослепительной красотицы, но тебе крупно не повезло... Видишь это обширное колыхание на много шагов вокруг тебя? – Она жестом уточнила внушительный размер песчаной ловушки. – Нестабильный участок пляжа слишком велик! Тут нужна офигенно длинная веревка, которой у нас, к сожалению, нет. Так что извини, но мы не имеем возможности тебе помочь!

Внимательно выслушав Ребекку, девушка зарыдала пуще прежнего.

– Не оставляйте меня, о великодушные чужеземцы! – жалобно умоляла она своим нежным, словно звуки флейты, голосом. – Ведь я еще так молода и очень хочу жить. У меня есть жених, мечтающий скоро отпраздновать нашу свадьбу, и старый больной отец, который не вынесет горестной вести о моей гибели!

– Прости, милашка, – пожала плечами Ребекка, – но ты просишь у нас невозможного...

Рядом с ней разочарованно топтался Беонир, жалостливо утирающий мокрые от слез глаза и хлюпающий распухшим от плача носом. И тогда я поняла, что не смогу оставаться безучастной и равнодушно наблюдать за мучительной гибелью прекрасной эльфийки. Я скинула пелерину и камзол, а затем повернулась спиной к Ребекке и требовательно приказала:

– Разрежь рубашку, прикрывающую мои крылья!

– Йона, ты, наверное, сошла с ума! – потрясенно ахнула воительница, догадавшаяся о том, что именно я намереваюсь сделать. – Разве ты забыла – ты же не умеешь летать!

– Режь! – взбешенно прорычала я. – Значит, пришло время научиться!

– Нет, я не позволю тебе рисковать... – протестующе начала Ребекка, но в этот момент Беонир выхватил из ножен захваченный у големов кинжал и молниеносным движением располосовал мою рубашку от воротника до самого пояса.

Я облегченно пошевелила затекшими крыльями и распахнула их во всю ширь.

– Крылатая? – изумленно вскричала утопающая в песке эльфийка. – Так ты все-таки пришла? Сбылось предсказание Неназываемых...

Не слушая ее восторженных воплей, я отчаянно сжала кулаки, напрягла неумелые мышцы и, неуклюже взмахнув крыльями, тяжело воспарила над песчаным пляжем...

С чем можно сравнить состояние полета: ощущения и эмоции, возникающие в тот момент, когда ты отрываешься от земли? Наверное, ни с чем... Ну если только с воплощенной в реальность сказкой, с полным уходом от суровой будничной действительности, со свободой от собственного тела, с жизнью вне пространства и времени. Продвигаясь в струях восходящего ветра, можно заметить, как в этом же потоке плывут создаваемые нашим воображением образы, мечты и фантазии. Переливаясь и видоизменяясь, они цепляют тебя и открывают мнимые двери, ведущие в другие пространственные измерения, доступные лишь романтикам и поэтам.

Сколько раз я пыталась задержаться в каком-нибудь придуманном мною мире, сидя ночью на крыше колокольни, но у меня ничего не получалось. Причину этого я так и не

нашла. Иногда заберешься в ракитник на берегу реки, присядешь возле валуна, опершись спиной о его шершавую поверхность, вдохнешь воздух, пропитанный влагой, и в голову приходят разные мысли и посещают видения, помогающие ментально подняться над миром и поверить в собственные силы. В такие моменты начинаешь невольно сожалеть о том, что нельзя здесь остаться, навсегда избавившись от неприглядной обыденности и пустой ежедневной суеты. Но мир грез не впускает нас в себя надолго, ведь тело и рассудок упорно тянут душу назад, напоминая об обязанностях перед другими людьми, о нормах морали, о мере адекватного восприятия жизненных коллизий.

Пригодное для полетов место открывается редко, не чаще чем создаются проникновенные стихи и пишется музыка, будоражащая сердце. А затем случается закономерное возвращение... Ты даже не успеваешь заметить, как сладкий воздух фантазийного мира уже приобретает свой прежний привкус – аромат сухой травы и жженных листьев. И этот дым начинает проникать в легкие, обжигая их, а перед глазами прощально меркнут эфемерные картинки, и ты опять попадаешь в тот единый поток бытия, из которого выбилась при помощи распахнувшихся в душе крыльев. И тебе остается одно – ждать нового полета! Возможно, именно таким вот нехитрым образом мы открываем свои энергетические центры и учимся лучше понимать не только окружающий мир, но и свою крылатую душу.

Сначала ты движешься в реально осязаемом туннеле, наполненном светом и теплом физического процесса существования, но потом что-то меняется и в роли солирующего элемента выступает уже не плоть, а дух. Такое трудно описать словами, но это ощущение невозможно спутать ни с каким другим. Ты понимаешь – жизнь тела есть лишь крохотная частица твоего полноценного, подлинного внедрения в сложную структуру мироздания. Ведь многогранность бытия складывается не только из чувств и ощущений, но также и из эмоций, силы воли, духовных устремлений и способности адекватно оценивать свои возможности, сопоставляя их с желаемыми целями и задачами.

Это осознание похоже на пробуждение интуиции. Словно ты возвращаешься домой в сухую погоду и чувствуешь, что сейчас будет ливень и, промокнув насквозь, ты можешь подхватить простуду. Описание не очень подходящее, но ничего другого в голову не приходит. Это и есть предчувствие, пока лишь предчувствие долгого постижения самого себя. Можно с уверенностью сказать, что почти невозможно проанализировать и описать состояние полета фантазии и движение вне времени и пространства.

Возможно, фантазия, свет и воздух – это проводники времени и пространства, но тогда почему они тают и появляется Тьма? Тьма, порожденная нашим злом, эгоизмом и душевной черствостью?.. Тьма неизбежно контактирует со Светом, начинает играть с людьми и создает множество различных цветов и оттенков. А главный из них – серый. Из серости и появляются дальнейшие ответвления нашего жизненного пути... Всевозможные места, куда мы попадаем, персонажи, с которыми взаимодействуем, события, в которые оказываемся вовлеченными по собственной воле или же помимо нее.

Все это перемешивается самым непредсказуемым образом, и только при должном усилии удастся поймать нужный образ, развернуть его, словно подарочную упаковку, и войти вовнутрь. А что будет происходить внутри, ты и сам не знаешь, ведь, только попав туда, осознаешь, что это не то место и время, которое ты искал.

Ошибки, приводящие к потере любви, к гибели друзей и победе врагов, – не редкость в жизни каждого из нас. Мы сами формируем свои миссии и выбираем свое будущее. И лишь от нас самих зависит, на которую из чаш мирового равновесия мы встанем: на сторону добра или зла. Мир – сер, ибо он может существовать лишь в состоянии всеобщего баланса, когда зло и добро постоянно борются между собой, поддерживая равенство противодействий. Быть может, краткий миг победы одного над другим и есть счастье, к которому подсознательно стремится каждый из нас.

Но людям чуждо спокойствие, ведь они не умеют придерживаться мудрой золотой середины, предпочитая впадать в крайности. Они становятся воинами Света или воинами Тьмы, потому что заботятся исключительно о себе. И лишь тот, кто научится думать о мире

как о целом, сумеет стать его спасителем, ведь мир нейтрален и не принадлежит ни добру, ни злу. Поэтому наш многострадальный Лаганахар давно уже ждет момента обновления, призывая своего спасителя, который восстановит покачнувшееся равновесие Света и Тьмы...

И вот, распахнув крылья и воспарив над миром, я внезапно прозрела, постигнув истинную суть происходящих в нем процессов и осознав его насущные потребности. И тогда, вдохнув полной грудью, я добровольно раз и навсегда приняла на свои плечи возложенную на меня миссию, принесла безмолвную клятву снова воссоединить Свет и Тьму, смешав их в идеально равных пропорциях. Я стала той, кого так ждал наш мир, – Наследницей, хранительницей Лаганахара, несущей в своих жилах кровь людей и трех эльфийских кланов. Я поняла природу любви и ненависти, научилась ценить жизнь и уважать смерть, прониклась состраданием к чужой боли и обрела счастье осознания чужой радости. Я захотела полностью расправить сложенные за спиной крылья и зажечь Звезду моей души. Я стала самой собой!

– Хватайся! – хрипло выдавила я, протягивая эльфийке правую руку. Никогда прежде не думала, что летать так трудно! Каждое движение крыльями – непривычное, идущее вразрез со всем, что я умела делать ранее, давалось мне с невыносимой болью. Спину будто резали тупыми ножами, в голове звенело, а мои лопатки развернуло назад так резко и под таким невероятным углом, словно меня пытали на дыбе. Но, упрямо прикусив губу, я все-таки преодолела разделяющее нас расстояние и протянула утопающей в песке эльфийке свою дрожащую потную ладонь.

– Только не упади! – будто заклинание твердил Беонир, возбужденно приплясывая на месте. – Йона, только не упади!

– Я тебе упаду! – предостерегающе бурчала бледная, словно погребальное полотно, Ребекка, рефлекторно уцепившись за свои мечи. – Если эта эльфийка, чтоб ее мантикора три раза переварила, утянет тебя вниз, то обещаю, я ее на кусочки порежу... – В этой абсурдной угрозе не просматривалось никакого здравого смысла, ибо невозможно убить того, кого поглотит зыбучий песок. Но тем не менее из уст лайил эти слова звучали на редкость впечатляюще.

Я почувствовала, как мои конвульсивно подрагивающие пальцы переплелись с нежными пальчиками эльфийки, и что было мочи потянула ее вверх, усиленно взмахивая крыльями. Девушка радостно взвизгнула и ухватилась за меня, словно утопающий за соломинку, до крови оцарапав своими накрашенными перламутровыми ноготками. Второй рукой она успела сгрести ремешок своего необычного музыкального инструмента, с которым, похоже, не собиралась расставаться ни за какие коврижки. Я крикнула, чуть не сверзившись в песок... Эта тоненькая и хрупкая на вид девушка показалась мне неожиданно тяжелой. Я испытала такое чувство, словно в области солнечного сплетения у меня что-то хрупнуло и оборвалось, истекая кровью внутри тела. Поначалу я не верила в результативность своего усилия – девушка удерживала меня будто якорь, не позволяя взлететь. Но потом я поняла, что медленно, пядь за пядью, я все-таки вытаскиваю эльфийку из песка, нехотя стекающего с ее груди, талии, бедер, ног...

– Они летят! – восторженно заорал Беонир, победно размахивая руками. – Ребекка, смотри, у Йоны все получилось!

– Вижу! – с облегчением отозвалась воительница, одаривая его лучезарной улыбкой и ласковым влюбленным взглядом. – А мы в ней и не сомневались!

– Женщины! – ликующе хохотнул ниуэ, обрадованный ее вниманием. – Стреляя глазками, не бросайте раненых!

– Мы добрые, – многозначительно ухмыльнулась девушка, – можем и добить...

– Ну да, знаем мы вашу доброту, – проворчал юноша, отступая и боязливо косясь на прекрасную воительницу. – После нее вообще никто не выживает.

– Только сильные могут позволить себе быть добрыми и жалостливыми, – наставительно выставила палец Ребекка. – Ибо слабые и трусливые никогда никого не

жалеют!

– Значит, наша малышка Йона стала сильной? – недоверчиво приподнял бровь юноша, воспринявший эти слова слишком буквально. – Да ну... Погляди на нее, она же еле крыльями ворочает!

– Дурак ты, блохастый! – снисходительно улыбнулась Ребекка. – Физическая сила уходит и приходит, зато духовная – вечна, причем она все возрастает, возводя своего обладателя в ранг полубога!

Беонир задумчиво нахмурился, углубившись в какие-то свои, лишь ему доступные мысли. Скорее всего он озадачился измерением глубины собственной духовной силы и, судя по уныло опустившимся уголкам губ, проведенный самоанализ не принес ожидаемого удовлетворения.

Глава 3

Не знаю, в каких единицах принято измерять дальность полета, но если перевести в шаги покрытое мною расстояние, то вряд ли я смогла бы на равных посоревноваться с какой-нибудь быстрокрылой птицей. Боюсь, на роль моего единственного крылатого соперника подошла бы лишь неповоротливая курица-наседка, не способная взлететь выше привычного насеста. Но, к счастью, нам хватило и столь скромного достижения, ибо благодаря ему мы умудрились кое-как преодолеть границу зыбучей ловушки и, вырвавшись на свободу, шумно плюхнуться на песок.

Ловя воздух широко раскрытым ртом, я тяжело переводила дух, мысленно поймав себя на том, что с моего лица не сходит счастливая, идиотская, хоть и весьма смахивающая на гримасу боли, улыбка. Самый сильный наркотик в мире – это добрые дела! Едва начав их совершать, ты тут же понимаешь, насколько невероятный кайф они доставляют именно тебе, творцу, и поэтому втягиваешься с первого раза. Кто еще не испытал этого захватывающего чувства, советую попробовать лично, и тогда вы сами убедитесь в правдивости моих слов.

В очередной раз погрузившись в пространные псевдофилософские размышления, я сначала не обратила внимания на деликатные, но весьма осязаемые тычки, исходящие откуда-то снизу и нацеленные точнехонько в грудь. Такое ощущение, будто некто ловкий назойливо стремится выбраться из-под меня, пустив в ход острые кулачки и коленки. Я недоуменно нахмурила брови, вслушиваясь в сигналы своего натруженного тела. У меня болело все: спина, ноги, плечи, крылья. А еще жутко саднили кем-то исцарапанные пальцы... Пальцы! Как же я посмела о ней забыть?! Я потрясенно охнула и поспешно перекатилась набок, освобождая недавно спасенную, а теперь бестактно придавленную моим телом эльфийку.

– Привет! – Девушка облегченно выдохнула, села и первым делом схватилась за свой необычный музыкальный инструмент, очевидно, представляющий для нее немалую ценность. – Меня зовут Лорейна, а это, – она любовно погладила струны, – мелодика!

– Йохана! – представилась я. – Мы рады тебе и... – я улыбнулась, – твоей мелодике!

– Ого! – ахнула эльфийка. – Так ты и есть Неугасимая Звезда Блентайра?

– Я и сама постепенно начинаю в это верить, – смущенно кашлянула я. – Но мне все равно больше нравится простое имя Йона.

– А стоило ли так изощренно издеваться над Йоной, нагружая ее, кроме себя, еще и этой вычурной бандурой? – язвительно заметила подошедшая к нам Ребекка, помогая мне надеть камзол и небрежно указывая пальцем на изукрашенную перламутром и обвешенную шелковыми лентами мелодику. – И чего, спрашивается, ты с ней так носишься, словно с писаной торбой?

Я устало свернула свои онемелые крылья и вновь спрятала их под одеждой, замаскировав удобной пелеринкой.

– Она красивая! – звонко вскрикнула Лорейна, торопливо задвигая инструмент себе за спину с таким испуганным видом, словно лайл намеревалась разнести его в щепки. – А еще

в ней живет моя душа!

– «Красивая», – хмуро проворчала воительница, начисто проигнорировав вторую фразу девушки. – Ишь ты, уси-пуси, нежности какие телячьи, чтоб их мантикора три раза переварила! Да ты хоть знаешь, куколка, почему мы все так гоняемся за красотой? Потому что окружающая нас реальность уродлива до безобразия!

– А вот и нет! – упрямо заявила названная «куколкой» эльфийка. – Ты просто не умеешь находить красоту в повседневности. А между тем она есть, ибо присутствует в нашей жизни в виде песен, улыбок, любви...

Я одобрительно хмыкнула, в глубине души соглашаясь с Лорейной, которая, безусловно, была весьма романтической и утонченной личностью. Но разве прекрасные эльфы и не должны быть именно такими, как она, – похожими на экзотические цветы, на звезды в небесах?

– Пе-е-есен? – насмешливо протянула Ребекка, а затем картинно сплюнула себе под ноги и растерла сапогом несколько капель слюны, мгновенно впитавшихся в желтый песок. – Ну, если больше ничего путного делать не умеешь, то тогда да, тебе остается лишь одно – петь!

Лорейна побледнела, что стало заметно даже сквозь слой бронзового загара, покрывающего ее нежные щеки.

– Эльфы... – продолжала напыщенно разглагольствовать язва-лайил, демонстрируя утрированное презрение к яркой красоте и хрупкой беззащитности спасенной мною девушки. – Так вот, значит, какие вы на самом деле, – изнеженные лентяи, способные лишь бродить по пляжу, тренькать на гусях и песенки распевать. Немудрено, что вы проиграли войну с людьми и сбежали из Блентайра. А я-то надеялась встретить тут отменных бойцов и истинных героев... Тьфу на вас, вырожденцы! – Она глумливо расхохоталась. – Ну и что ты мне теперь сделаешь, куколка? А? – Последняя реплика предназначалась Лорейне, которая по-прежнему сидела на песке, возмущенно поджав свои накрашенные губки.

– Я не собираюсь с тобой ругаться, – воспитанно ответила девушка.

– Копишь силы для реальной драки? – поддела ее неугомонная Ребекка. – Ну-ну...

– Нет, – вдруг открыто улыбнулась Лорейна, – я придумала нечто другое, более действенное!

Ребекка недоуменно изогнула бровь, не понимая намека девушки и не веря в ее возможности. И в самом деле, глядя на красавицу Лорейну, было трудно поверить, что она способна причинить нам хоть какой-нибудь вред или хотя бы просто защитить саму себя. Следует признать, эльфийка действительно производила впечатление эфемерного и сказочного существа, в полной мере соответствуя данному ей прозвищу «куколка». Рубашка Лорейны выглядела чересчур короткой даже для нашего Лаганахара, славящегося своими изысканными нарядами. Верхняя часть наряда открывала на всеобщее обозрение загорелый плоский живот девушки и крупную жемчужину, непонятно каким способом закрепленную во впадинке пупка. Юбка же, наоборот, была длинная и состояла из многочисленных слоев полупрозрачной ткани. Дополняли это оригинальное одеяние легкие сандалии, удерживающиеся на ногах при помощи шнурков, обвивающих лодыжки почти до самых коленей.

Но Лорейна не торопилась удовлетворить любопытство Ребекки. Вместо этого она плавно тронула струны мелодики, извлекая из них журчащую, словно ручеек на камнях, музыку, и запела тонким, но удивительно благозвучным голосом:

За что лишили нас свободы,
Пустили крылья под ножи?
Кто нам послал забвенья годы?
Судьба, скажи, сейчас скажи...

Какая странная безделка —

Придуманный богами рок!
Но море нынче стало мелко,
А небо – будто потолок...

Трава от боли страшной стонет,
Ведь наша поступь тяжела,
Рожденный плавать – камнем тонет,
И не звучат, как стих, слова...

Я жду чего-то. Может, вьюги?
Я жду кого-то. Вдруг – тебя?
Подводят крылья из дерюги,
Сжигают реки из огня...

За что лишили нас свободы,
Взамен оставив миражи?
Кто записал нас всех в уроды?
Судьба, скажи, сейчас скажи...

Нас заверяли лицемерно:
«И наша доля не легка!»,
Но зло с добром мешали скверно
И убивали чужака...

Искать ли нам такой свободы?
Нет, как она ни хороша —
Накличем на себя невзгоды...
Пусть закаляется душа...

Я чуть не задохнулась от восторга и удивления, внимая словам исполняемой Лорейной песни. Без сомнения, она не только во многом перекликалась с той балладой, которую я слышала на площади Блентайра из уст бродячего барда, но и несла в себе потаенный, предназначенный лишь для меня смысл. Но кто сумел создать это послание и какие выводы я должна для себя сделать, разгадав его смысл?..

– Красиво! – снисходительно одобрила Ребекка, пару раз небрежно хлопнув в ладоши.
– Но это всего лишь песенка, и толку от нее – пшик! А ведь я-то говорила о настоящих бойцах, о настоящем оружии... Впрочем, не парься, у вас таковых не имеется!

– Да ну? – мило улыбнулась Лорейна. – Ты в этом уверена?

Ребекка упрямо кивнула.

– Ну тогда смотри! – Эльфийка небрежно взмахнула рукой, указывая куда-то вдаль. – Смотри внимательно!..

– Принцесса! – Трубный бас, внезапно раздавшийся сзади, заставил нас нервно вздрогнуть и обернуться. – Ты звала? Мы пришли!

Ребекка потрясенно выпучила глаза и, сделав шаг назад, шлепнулась на ягодицы, ибо прямо перед нами стояли три воина, подобных которым я не встречала ни разу в жизни. Чрезвычайно высокие, они на пару голов возвышались над ниуэ и лайил, отнюдь не страдающих малорослостью. Их обнаженные торсы покрывала мелкая серебряная чешуя, испускающая сотни ярких бликов и слепящая глаза. Локти и позвоночники этих созданий защищали острые костяные наросты, придающие воителям устрашающий вид. На их колонноподобных шеях отчетливо виднелись круглые отверстия жабр; длинные волосы, ниспадающие на плечи, напоминали иглы, а грудь прикрывали нанизанные в несколько слоев красивые ожерелья из ракушек. Заостренные уши, миндалевидные глаза цвета лазури,

изящно очерченные скулы, точеные носы – несомненно, перед нами предстали самые настоящие эльфы. Но какие!.. В руках воинов угрожающе покачивались выточенные из рыбьей кости копья с зазубренными лезвиями в качестве наконечников. Самый рослый из троих пришельцев снова открыл рот, показав внушительные белоснежные клыки, и повторил:

– Принцесса, ты нас звала? Твои верные воины прибыли на зов своей повелительницы!

Лорейна скромненько взмахнула ресницами, с удовольствием наблюдая за реакцией обескураженной Ребекки, и промолвила:

– Я хочу представить вам лучших воинов моего народа, принадлежащих к клану морских Полуденных эльфов! Йона, добро пожаловать на Зачарованный берег!

Я учтиво поклонилась, Звезда моей души случайно выскользнула из расстегнутого ворота рубашки и повисла, раскачиваясь на цепочке.

Ребекка горестно поднесла руку ко рту и вскрикнула, словно намереваясь предупредить меня о надвигающейся опасности...

Лорейна пронзительно завизжала и подалась в сторону, стараясь поскорее очутиться как можно дальше от меня...

Беонир схватился руками за щеки и завыл, будто оплакивая покойника...

Не понимая смысла происходящего, я отчаянно вертела головой, силясь уяснить причину поднявшейся паники, а затем умоляюще протянула руку и шагнула к Лорейне, ожидая объяснений.

Внезапно земля ушла у меня из-под ног, и я беспомощно повисла в воздухе, приподнятая чьей-то мощной дланью, жестоко ухватившей меня за волосы. По щекам заструились слезы боли, я почти ничего не видела и лишь бессмысленно дергалась, недоумевая, что плохого я совершила, раз меня столь сурово наказывают?!

– Чародейка, враг! – прогремел возмущенный голос. – Смерть ей!

Моей напряженно вытянувшейся шеи коснулось холодное лезвие кинжала... Похоже, меня все-таки настигло предостережение древнего фолианта, найденного нами в заброшенной эльфийской Библиотеке!

Я обреченно закрыла глаза и приготовилась к неминуемой гибели...

– Нет! – протестующе завопила Лорейна, придя в себя. – Воин, не смей обижать Йону, потому что она и есть та самая Наследница, появления которой мы ждем уже двести лет!

Удерживающая меня хватка ослабла, и я упала на песок, все еще не веря, что угроза миновала.

– На мгновение я едва не поддалась панике и чуть не погубила нашу будущую спасительницу, – виноватым голосом продолжила Лорейна. – Не понимаю, как это могло случиться: она Наследница и одновременно с этим – чародейка!.. Но, возможно, это даже к лучшему. Если Йона не только наделена крыльями и обладает смелостью, необходимой для выполнения предназначенной ей миссии, но также является магичкой, значит, она способна дойти до Запретных гор и найти наших пропавших братьев и сестер!..

– Не дойдет! – вдруг холодно отчеканила Ребекка.

Воительница достала из нагрудного кармана жилета что-то маленькое и круглое и швырнула мне под ноги.

– Она не дойдет до Запретных гор, потому что богиня Банрах следила за каждым ее шагом и не допустит нового возвышения Блентайра, а тем более – возвращения эльфов. Признаюсь, что меня приставили к Йоне в качестве шпиона, обязав следить за ней и всеми силами мешать реализации ее планов.

– Это глаз змееликой! – четко доложил один из эльфов, наклоняясь над брошенным Ребеккой шариком. – Посредством него Банрах видит и слышит все, что происходит на любом расстоянии от ее храма.

Я горестно вздохнула. Так вот какую тайну скрывала Ребекка!

– Но я признаю, что совершила оплошность, согласившись следить за Наследницей, – угрюмо добавила лайил. – За истекшие дни я искренне полюбила нашу чудесную малышку и

теперь отрекаюсь от служения змееликой. Да будь ты проклята, кровавая Банрах! – Ее каблук с треском опустился на глаз богини. – Йона, прости меня...

К несчастью, я не успела ответить на откровения воительницы, потому что трое воинов моментально окружили и схватили отважную Ребекку, заломив руки ей за спину и заставив опуститься на колени передо мной.

– Не верь ей, Наследница, – холодно посоветовал все тот же Полуденный, который совсем недавно держал меня за горло. – Она лжет. предавшему единожды уже нельзя доверять в дальнейшем.

– Я не предаю Йону! – убедительно заявила лайил. – Мой дед завещал мне найти носительницу древней силы и оберегать ее жизнь.

– И поэтому ты пошла в услужение к богине? – язвительно усмехнулась Лорейна, повелительно взмахивая рукой. – Ты лживая лицемерка, тебя нужно убить! Ради благополучия Йоны я приказываю немедленно расправиться с этой гнусной предательницей!

Блеснуло лезвие кинжала, занесенного над головой Ребекки, но девушка не испугалась. Она гордо улыбалась, готовясь с достоинством встретить приближающуюся смерть.

– Нет! – взметнулся над песчаными дюнами отчаянный вопль Беонира. – Она не умрет. Ребекка, я тебя люблю!

– Я тоже тебя люблю! – чуть слышно прошептала лайил. – Очень жаль, что говорить об этом несколько дней назад было слишком рано, а теперь стало слишком поздно...

– Прости меня, Йона, ибо я тоже предатель! – В руках ниуэ неведомо откуда появился лук с наложенной на тетиву стрелой. – Я раскаиваюсь в том, что взялся за выполнение этого задания и дал опрометчивое обещание главе гильдии Чародеев, обязавшись остановить тебя, если ты станешь угрозой для благополучия ее общины. Я сожалею о своей неосмотрительности, ведь я тоже успел узнать и полюбить тебя. Но у меня нет иного выбора, ведь от моих действий теперь зависит жизнь моего отца, томящегося в плену у сьерры Клариссы, и жизнь Ребекки. Я не желал тебе плохого, но прости, сегодня ты должна умереть!

Все последующее произошло слишком быстро...

Свистнула выпущенная из лука стрела, и ее наконечник, некогда смоченный соком ядовитого растения каркарут, вонзился мне в грудь, попав на два пальца выше сердца.

Время словно замедлилось, обволакивая меня тугим вязким коконом. Я видела воинов, отпустивших Ребекку и бегущих ко мне, видела Беонира, рыдающего от осознания чудовищности содеянного злодеяния и даже не пытающегося остановить копье эльфийского бойца, впивающееся ему под ребра... Видела Лорейну, обхватывающую меня за талию, и осознала, что падаю, снова падаю на теплый золотой песок.

От яда каркарут нет противоядия, как утверждал мудрый Зол. Так вот зачем Беонир прихватил с собой эти стрелы... Так вот почему он не хотел идти к Зачарованному берегу! Теперь мне стало понятно: юноша знал, что рано или поздно ему все-таки придется меня убить... Я так хотела жить, но смерть всегда застает нас врасплох, стирая все планы и испепеляя мечты. Жаль, что моя жизнь обрывается столь рано! А я ведь только расправила крылья и едва начала наполнять магией Звезду своей души! И что же теперь станет с Арденом, с Лаганахаром, с жителями Блентайра? Кто им поможет?..

Теряя сознание от боли, я почувствовала, что меня поднимают на руки и куда-то несут. Надо мной расстилается бескрайнее голубое небо, и слух ласкают волшебные звуки песни, исполняемой Лорейной.

Как трудно, огрубляя душу,
Учить язык чужих богов,
Простор морей сменить на сушу
И в небо рваться из оков.

Как страшно, оскорбив публично,
Отринуть бывшую любовь,

Над ней смеяться истерично,
Тайком кусая губы в кровь.

Как больно, бросив все, что было,
Клинком ножа вершить исход,
Хоть сердце так и не остыло —
Еще стучит, горит, живет...

Как горько, враз лишившись веры,
Взойти молчком на эшафот,
Рукой жестоко смять герберы,
Сфальшивить мимо верных нот...

Возможно, годы смелют муку,
Как прошлогодние грехи,
И, превратив любовь в доuku,
Перекуют ее в стихи.

А мы привыкнем не смеяться
И, не танцуя под луной,
Начнем самих себя бояться,
Смирясь с навязанной виной.

Забудем город белостенный,
Тот, что покинули давно,
Где ныне враг царит надменный,
Пьет наше лучшее вино.

Я знаю, все мы в чем-то плохи,
Стоим пред жизнью без прикрас,
Пускай рассудят нас эпохи,
Но дети пусть не судят нас.

Как хочется, презрев невзгоды,
Дождаться будущей весны,
Оставить в прошлом боли годы,
Вновь научиться видеть сны...

«Сны? — удивленно подумала я, ощущая яд каркарут, огненными волнами разливающийся по телу. — Я так часто их видела, но так и не поняла заложенного в них смысла... Почему Лорейна тоже поет про сны? Какое место занимают они в нашей судьбе?»

Казалось, что я знаю ответ на этот вопрос и это знание вот-вот всплывет из глубин рассудка. Но яд медленно убивал душу и плоть, высасывая последние силы. Меня колотил озноб, веки смыкались сами собой. Я так устала... Устала бороться за счастье и любовь, устала от поисков очередного испытания, вымоталась от тяжести возложенной на меня миссии. Устала от самой жизни. Сейчас мне хотелось только тишины, тепла и покоя. И тогда я утомленно закрыла глаза, отдаваясь на волю судьбы, а затем прощально улыбнулась и расслабленно погрузилась в сладостное небытие.

То ли в смерть, то ли в сон...

Глава 4

Бойся жизни, и она пройдет мимо, не тронув тебя. Но нужна ли нам такая жизнь, такая судьба? Полагаю, что некоторых вполне устраивает подобное блеклое существование, не имеющее ни смысла, ни цели. Увы, Полуденным эльфам не удалось избежать встречи с собственной несчастной судьбой. Они проявили трусость, постаравшись отстраниться от участия в войне с людьми, и теперь в полной мере расплачивались за свою нерешительность. Судьба настигает всех – и победителей, и побежденных, но с последними она обходится значительно строже.

Отступить, добровольно уйти с насиженного места, оставив его на милость жестоких захватчиков, – это ли не поражение? Покинув Блентайр, морские эльфы оказались в крайне тяжелом положении. Им пришлось учиться выживать, заново обзаводиться имуществом и пускать корни в чужой земле. Но ведь родина – это отнюдь не та страна, где мы живем, скорее это те края, что живут в наших сердцах и памяти.

Стал ли Зачарованный берег второй родиной для Полуденных эльфов? Поначалу им трудно было принять новые условия жизни. Нежные, утонченные создания, любители песен и танцев были вынуждены превратиться в строителей, воинов и рыболовов, изменить не только уклад быта, но также самих себя, открыв в себе новые неведомые грани, подобно тому как море размывает желтый песок, обнажая скрывающийся под ним базальт. Сильный выживет там, где слабый погибнет. Возможно, душа частично огрубеет и отвыкнет от прежних сладостных песен, но кто помешает сложить новые, перейдя от баллад к боевым маршам?

Осознав справедливость подобного утверждения, Полуденные сделались другими, обретая гармонию с окружающим их миром. Они стремились не закаменеть, но не имели права размякнуть. Они были вынуждены всегда оставаться на посту, но при этом не хотели стоять на месте. Они учились гибкости, но не хотели сгибаться. Они обратились в хищников, но не озверели. Не казались однообразными, но все же не выглядели двуличными. Да, это было трудно, но у них получилось. Вернее, почти получилось...

Ребекке чудилось, будто она спит и видит страшный сон. Самый высокий из морских эльфов дунул в серебряный свисток, рождая долгий заунывный звук. На его призыв из-за дюн явилось еще с десятков воинов, обладающих столь же впечатляющей наружностью. Они ловко соединили два щита, образовав импровизированные носилки, на которые осторожно уложили Йону, не подающую признаков жизни. Лорейна умело извлекла стрелу, вонзившуюся в грудь Наследницы, и удрученно покачала головой: края небольшой и внешне безобидной ранки уже успели приобрести синюшный оттенок, свидетельствующий о том, что яд проник в кровь и начал свою черную работу. Воительница обладала немалым боевым опытом и отлично знала, куда попадают те, кого поразило оружие, смоченное соком каркарут, – на погост. Причем оказываются там весьма быстро, умирая в страшных мучениях. Лайил была готова поклясться, призвав в свидетели Неназываемых, что никогда не желала малышке-эльфийке такой страшной участи.

Но похоже, сегодня Тьма получит не одну, а целых две жертвы: Беонир вялой тряпкой болтался на плече дюжего Полуденного, пятная песок алой кровью, вытекающей из пробитого копьем правого бока. Лайил ничем не выдавала своих переживаний и лишь крепче стискивала зубы, вынужденная признать собственное бессилие в данной ситуации. Прочная пеньковая веревка туго обхватывала руки за спиной, заломленные грубо и профессионально. Ребекке приходилось чуть ли не вприпрыжку бежать за эльфом, сжимавшим в ладони конец самодельного поводка, брошенного на шею пленницы. И таким вот образом их скорбная процессия быстро продвигалась вдоль песчаного пляжа, оставляя позади зыбучие пески.

Куда они шли? Ребекка, преисполненная самых мрачных предчувствий, терялась в догадках, бездумно переступая ногами. Раскаяние оказалось запоздалым, и девушке было безумно больно от осознания своего предательства. Она не могла точно определить, что именно у нее болело. Тело, разум, совесть? Что бы это ни было, но странная непонятная боль полностью изменила мироощущение Ребекки.

Вереница путников вскоре оставила позади страшные зыбучие пески и вышла на твердый участок почвы, приблизившись к самой кромке прибоя. Лорейна бестрепетно ступила на мелководье, прибрежные волны ласково омывали ее босые ступни. Чуть прищуренные глаза эльфийки так пристально смотрели вдаль, будто видели там что-то потаенное, недоступное взору чужака.

– Чтоб тебя мантикора три раза переварила! – хмуро проворчала Ребекка, натужно облизывая свои пересохшие от жажды губы. – Все идем, идем, уже мозоли на пятках натерли, а ваш город так и не появился. Где же вы живете?

– Молчи, предательница! – рыкнул воин, резко дергая веревку и чуть не сбивая девушку с ног. – Подобные тебе мерзавки недостойны того, чтобы узреть Эррендир – нашу столицу, не зря называемую сушей среди моря!

– Суша среди моря? – недоверчиво усмехнулась лайил. – А ты, лягушка волосатая, часом мне не врешь?

Полуденный обиженно зарычал, обнажая внушительные клыки, и занес сжатую в кулак ручищу над головой девушки, намереваясь проучить строптивую пленницу.

– Не делай этого, Горм! – властно приказала Лорейна. – Они еще не предстали перед судом и пока имеют лишь статус подозреваемых.

– Ну да, особенно он! – Второй воин вызывающе подбросил слабо постанывающего Беонира, поудобнее пристраивая его на своем широком плече. – Убийца!

Ребекка протестующе нахмурилась, пытаясь разобраться в своих ощущениях и понять, кого именно ей следует оправдывать в первую очередь, ниуэ или Йону.

Лорейна тактично кашлянула и перевела опасную беседу в более мирное русло.

– Разве ты не видишь всего этого? – вопросительно улыбнулась она, поманила Ребекку за собой в воду и многозначительно обвела побережье рукой.

Воительница моргнула раз, другой, а потом в изумлении открыла рот... Эльфийский город словно выступал из тумана, медленно проявляясь в воздухе. Беломраморные стены вздымались прямо из воды, изукрашенные мозаикой из перламутра и крупным жемчугом. Над стенами парили ажурные лесенки, причудливо переплетенные между собой и отделанные серебряной проволокой. Крыши высоких башен покрывали искусно уложенные рыбы чешуйки, заменяющие черепицу и переливающиеся всеми цветами радуги. Буквально через пару секунд город из эфемерной картинки превратился в реальный осязаемый объект, а на его главном шпиле гордо развевался штандарт, украшенный изображением плывущей по волнам ладьи.

– Любуйся, ибо это и есть Эррендир! – торжественно провозгласила Лорейна, вежливо кланяясь прекрасному городу. – Наша волшебная столица, последний оплот Полуденного клана!

Воины хохотали, наслаждаясь замешательством Ребекки.

– Но как?... – потрясенно шепнула лайил. – Как такое стало возможно?

– Эррендир построен не на земле, его возвели на длинной песчаной косе, уходящей далеко в море, – любезно пояснила Лорейна. – Город-сон укрывают туман и магия и защищают зыбучие пески. Поэтому увидеть столицу способен лишь тот, чьи ступни коснулись Великого моря. Увы, мы не можем заходить в него глубже чем по колено, и никогда не купаемся в морской воде.

– Но почему? – удивилась Ребекка. – Ведь вы же рождены для моря и наделены жабрами...

– Это возмездие за нашу трусость... – печально начала Лорейна. – Расплата за нежелание участвовать в...

– Принцесса! – вдруг предостерегающе перебил ее Горм. – Ты говоришь много лишнего!

– Ты прав, – печально вздохнула девушка. – Я имею право поделиться нашим величайшим горем и секретом с Наследницей, но отнюдь не с тобой, – кивнула она Ребекке.

– Разговоры окончены. Вперед! – Полуденный безжалостно дернул веревку,

сдавливающую шею лайил. – Вас ждет тюрьма.

Ребекка слепо брела по улицам Эррендира, почти не замечая окружающих ее красот и мысленно повторяя один и тот же приказ: «Не падать, только не падать!» И пусть удерживаться на ногах ей помогал лишь жесткий пеньковый повод, в кровь стерший кожу под подбородком, она все равно никогда не доставит высокомерным эльфам такого удовольствия – не упадет на колени, не унижится перед ними. Ведь именно гордость и сила воли помогают нам не замечать надетого на шею ошейника. Или хотя бы делать вид, будто мы его не замечаем.

Иногда краем глаза она все-таки выхватывала живописные картины размеренной городской жизни, мгновенно выделяя диковинки, непривычные для коренной обитательницы Блентайра. Здесь ей не встретилось ни одного острого угла – только аккуратные повороты, плавные контуры зданий и небольшие округлые площади, украшенные клумбами с большими белыми и розовыми цветами. Пахло морем... Жителей на улицах было мало, но те, что попадались им на пути, почтительно кланялись Лорейне и провожали ее пленников изумленными взглядами. Мужчины Полуденных одевались так же, как и Горм, строго и практично, а женщины носили разноцветные рубашки, гораздо более длинные, чем та, которая облегала стройный стан принцессы.

Наконец, обогнув какую-то массивную цитадель, процессия остановилась перед воротами, имеющими форму двух вызолоченных створок раковины морского моллюска. Взревели трубы, ворота медленно растворились, и из них величаво выступили две высокие мужские фигуры.

Один из незнакомцев был облачен в белую хламиду, расшитую изображениями рыб и морских коньков. Его окладистая седая борода величаво спускалась на одежду. Ребекка никогда еще не встречала такого старого эльфа, и поэтому шокированно хлопала ресницами, осознавая, что удостоилась внимания величайшего из чародеев. Старик смотрел на нее жалостливо и чуть осуждающе, но совсем не враждебно. Встретившись взглядом с его блеклыми глазами, обрамленными густой сеткой морщин, воительница мгновенно осознала, что он запросто читает ее мысли. И, пожалуй, он один способен разобраться в том хитросплетении жизненных коллизий, которые привнесли в судьбу Ребекки столько проблем и испытаний. Она облегченно вздохнула и опустила веки, понимая, что долгожданная помощь пришла.

Второй мужчина выглядел намного моложе старого мага, а его богатое одеяние и корона на голове однозначно свидетельствовали о том, что перед путниками предстал сам король.

– Папочка! – Лорейна подбежала к властелину Зачарованного берега и, привстав на цыпочки, нежно поцеловала в лоб. – Посмотри, кого я к тебе привела!

– Видишь, Сильвана, – совершенно невпопад ответил король, – моя девочка стала совсем большой. Ей не терпится ввязаться в приключения.

«Сильвана? – мысленно ужаснулась Ребекка. – Да ведь так звали погибшую главу гильдии Чародеев, останки которой мы недавно захоронили в заброшенном Лазарете... Но при чем здесь Сильвана, здесь же нет никого, кроме нас?!» И тут лайил прошиб холодный пот, ибо она внезапно поняла, кто перед ней стоит... Она внимательнее присмотрелась к красивому лицу, вроде бы такому молодому, но безвольному и с потухшим взглядом. Присмотрелась к седым прядям в густой гриве темно-пепельных локонов, к мелко дрожащим пальцам рук и безразлично опущенным уголкам губ. Тьма, так ведь он же... Догадка была слишком неприятной: перед нею стоял безумец!

– Повелитель Адсхорн! – хрипло каркнула лайил. – Простите меня за дерзость, но здесь нет никакой Силь...

– Молчи, предательница! – грозно зашипел Горм, дергая за веревку и заставляя дерзкую пленницу замолчать. – Наш владыка немного не в своем уме и иногда путает воображаемое с реальным. Мы всячески оберегаем его пошатнувшийся рассудок от возможных потрясений, и поэтому я настоятельно советую тебе тщательно обдумывать

каждое слово. А не то... – Он выразительно провел ребром ладони по горлу. – Поняла?

Ребекка согласно кивнула.

– Сильвана, – между тем продолжал бормотать безумный король, обращаясь то ли к призраку погибшей возлюбленной, то ли к своему помутившемуся сознанию. – Сильвана, посмотри, нас не забыли, к нам пришли гости...

– Папочка! – перебивая отца, эмоционально воскликнула принцесса. – Это Наследница трех кланов, а это...

– Наследница?! – Брови старого чародея, сопровождающего короля, изумленно поползли на лоб. Он порывисто шагнул вперед и склонился над носилками, где лежала раненая Йона. – Что с ней произошло?

– Вот этот, – Горм обернулся к своему товарищу, несущему раненого Беонира, и обличающе указал пальцем на ниуэ, – выстрелил из лука и убил нашу последнюю надежду!

– Убил? – ошеломленно закричал маг, торопливо ощупывая тело Наследницы. – Нет! – сорвался с его губ радостный возглас. – Она пока еще жива, хотя очень слаба и погружена в странный, похожий на транс сон. Немедленно отнесите раненую в мою лабораторию, и я постараюсь ей помочь.

Носилки скрылись за створками ворот. На лицах присутствующих отобразилась целая гамма чувств: надежда, раскаяние, любопытство.

– Ты сказала, что в Наследницу стрелял вот этот юноша? – Неожиданно голос Адсхорна обрел четкость, а взор – ясность.

– Да, – просто ответила принцесса. – Но он не хотел причинить ей вред. Ниуэ вынужденно совершил опрометчивый поступок, против которого протестовали его душа и совесть...

– Казнить! – не дослушав Лорейну, приказал король не терпящим возражений тоном. – Казнить здесь и сейчас, без суда и следствия!

– Но папочка! – возмутилась эльфийка. – Мы не имеем права их наказывать, ибо ни лайил, ни ниуэ не являются твоими подданными.

– Да? – засомневался Адсхорн, и на его высокое чело снова набежала тень болезненной рассеянности. – Сильвана, а ты что думаешь?

– Я приносила присягу верности Наследнице и приму наказание только от ее руки! – с вызовом заявила Ребекка. – Я одинока, моя жизнь и смерть принадлежат лишь Йоне и никому другому.

– А я вообще ее проводник и личный следопыт! – хвастливо оповестил Беонир, хотя слабость его голоса резко контрастировала с пышностью заявления. – А значит, я – особенно неприкосновенная особа!

Король потерянно топтался на месте, по-стариковски кашляя и утратив добрую половину своей величественности.

– Ого! – неприязненно рассмеялся Горм, косясь на воительницу. – Оказывается, ты одинока? И как это у такой умной, красивой и смелой девушки нет мужчины?

– Был да сдох, – ехидно сообщила отважная язва. – Наверное, не вынес такого безмерного счастья, внезапно ему привалившего.

– Вранье, – слабо простонал Беонир с плеча Полуденного, едва приподнимая голову. – Я еще жив!

Горм утробно расхохотался, а на губах старого чародея появилась слабая улыбка одобрения.

– Отложите расправу над виновными, ваше величество, – тихонько попросил он Адсхорна. – Давайте предоставим судьбе шанс самой разобраться в том, кто прав, а кто виноват.

– Да? – задумался король, неуверенно дергая себя за прядь волос. – А вдруг мои действия не понравятся Сильване?

– Понравятся! – успокоил его чародей и, бережно поддерживая повелителя под локоток, повел прочь. – Мои ученики изготовили леденцы из водорослей. Заверяю, они

весьма вкусны и нуждаются в вашей всемилостивейшей дегустации...

– Ну-ка, ну-ка, – заинтересовался Адсхорн, мгновенно забыв и о раненой Наследнице, и об оставшихся безнаказанными преступниках. – Подайте-ка мне эти чудесные конфеты...

Ребекка растерянно смотрела в спины удаляющимся важным особам, весьма озадаченная неопределенностью своего ближайшего будущего. Ее что, отпустили? А Беонира?..

– Вот тебе и на! – раздосадованно крикнул Горм, теребя конец веревки, зажатый в руке. – Чародей забрал Наследницу, а этих двоих, – кивнул он на Ребекку и Беонира, – мне, получается, подарил?

– Не тебе, а мне, – просияла улыбкой Лорейна.

– И что вы с ними станете делать? Вам их сварить или зажарить? – насмешливо фыркнул воин. – Что велите, моя принцесса?

– Не стоит впадать в крайности, – задорно парировала венценосная эльфийка. – Предлагаю отвести их домой, накормить и устроить на ночлег. Вот только где их расположить?.. – задумалась она.

– Где пожелаете, но только не у меня! – бурно замахал руками Горм.

Впрочем, он был абсолютно уверен, что если женщина спрашивает мужчину: «Как ты думаешь?», значит, окончательное решение она уже приняла.

– Этой красоткой детей пугать можно, – небрежно мотнул воин головой в сторону чумазой, бледной, растрепанной лайил. – Милочка, ты всегда такая страшная?

– Сейчас я еще ничего, – в тон ему огрызнулась Ребекка. – А вот когда я едва народилась, то повитуха дала моей матушке дубинку и посоветовала: «Если пошевелится – бей!»

Эльф отвернулся, скрывая невольную улыбку восхищения. Вот что, спрашивается, прикажешь делать с врагами, если они не вызывают у тебя жалости, но зато внушают искреннее уважение?

– Мы отведем их в дом Ульвина Песенника, – категорично произнесла Лорейна, сжимая кулачки так, словно ожидала закономерного протеста и ничуть бы ему не удивилась. – Там их приютят без лишних вопросов, обогреют и накормят.

– В дом сына кузнеца? – громко ахнул Горм. На его лице нарисовалось откровенное возмущение. – Ваше высочество, да если ваш батюшка узнает о том, что вы снова вопреки его воле встречаетесь с Ульвином, он очень огорчится.

– А мы ему не скажем, правда? – просительно пробормотала Лорейна, умильно заглядывая в глаза высокорослому воину. – Горм, ты ведь тоже любил?

– Любовь, – ворчливо отозвался гигант, ласково поглаживая девушку по волосам. – Любовь приносит сплошные беды и разочарования. А вы действительно уверены в том, что вам будет хорошо с Ульвином?

Принцесса не ответила, а лишь с сомнением пожала хрупкими плечиками, похоже, терзаемая какими-то личными, непонятными Ребекке колебаниями. Но поскольку лайил тоже погрязла в выборе между спорными достоинствами и неоспоримыми недостатками запретного чувства, то она решила поддержать эльфийку, осознавая схожесть их положений.

– Любовь – это не когда с человеком хорошо, – сипло буркнула она, адресуя свою реплику осторожному Горму, – а когда без него плохо...

– Точно! Теперь мои последние сомнения рассеялись и я навечно уверовала в силу своего чувства! – ликующе воскликнула Лорейна, и ее прежде нахмуренное личико мгновенно разгладилось. – Решено, мы идем к Ульвину!

Она поправила на плече ремешок своей мелодики и целенаправленно свернула в соседний переулок, без слов призывая всех последовать за ней. Горм, все еще ворча себе под нос, зашагал за принцессой. При этом он так резко дернул за веревку, что чуть не оторвал Ребекке голову.

Воин, несущий тяжелого Беонира, коротко помянул Тьму и поспешил за уходящими вперед спутниками, ибо ему не оставалось ничего другого. Лорейна победно улыбалась.

Ребекка хранила молчание, а несчастный Беонир, будучи без сознания, безвольно болтался на плече у Полуденного, пуская изо рта длинные нити тягучей слюны. Никто никуда не торопился, ведь в любом процессе, будь то занятия любовью, поход в гости или казнь преступника, важна отнюдь не скорость, а получаемое при этом удовольствие.

Сол уже начинал устало клониться вниз, намереваясь искупаться в волнах Великого моря, когда странная компания миновала запутанные переплетения городских улиц и вышла на скромный пирс, который можно было бы считать совершенно пустынным, если не принимать в расчет крохотный домик, робко притулившийся в тени развешанных для просушки рыбацких сетей. Его стены, криво сколоченные из разномастных досок, покосились и рассохлись, покрывающая их краска давно облупилась, а и без того низенькое крылечко почти вросло в желтый песок. Но даже невзирая на это вопиющее убожество, Ребекка сразу же ощутила необычайно теплую и светлую ауру, исходящую от нищенского жилища. Похоже, принцесса привела их в самый бедный дом Эррендера, но вот в самый ли незаметный?

Лорейна танцующей походкой взбежала на крылечко и несколько раз приложила кулачком к неровной дверной доске. В ответ на ее, признаться, чересчур громкий стук дверь незамедлительно отворилась и на пороге появился молодой эльф, ошеломленно замерший с приподнятой над полом правой ногой. Причем всем сразу же стало понятно: прибывшие в дом гости совершенно его не взволновали – он, кажется, смотрел только на принцессу.

Ребекка с интересом разглядывала юного хозяина странного обиталища, оригинальностью облика ничуть не уступающего своему дому. Среди лайил издревле бытует изречение: «По виду дома можно многое узнать о характере его хозяев», и теперь воительница получила наглядную возможность убедиться в справедливости сего утверждения.

Да, это нехарактерное для эльфа жилище обладало неординарным хозяином. Высокий и прекрасно сложенный, парень тем не менее отличался не присущей эльфам полнотой, придающей ему вид безвольного и незащитного увальня, а на его круглом лице, обрамленном прекрасными белокурыми локонами, сияла добродушная улыбка. Но (и это Ребекка тоже сразу заметила) под припухшими, лениво прижмуренными веками юноши прятались пронизательные голубые глаза, на самом деле не упускающие из виду никого и ничего. Следовало полагать, что отвлекающая внимание внешность служила удобной маскировкой, а за непритязательным обликом скрывалась яркая личность. Личность с большой буквы.

– Позвольте представить – это и есть Ульвин Песенник. – Лорейна сделала вид, будто не заметила взволнованного взгляда молодого человека. – Ульв, будь добр, посторонись самую малость ипусти нас внутрь, а не то мы так и будем топтаться на пороге.

– Что? О-о-о, простите великодушно! – Ульвин с трудом пришел в себя. – Прошу входите, располагайтесь, чувствуйте себя как дома!

Его низкий бархатистый голос поразил Ребекку своей благозвучностью. Казалось, что любое, даже самое короткое и простое слово он не просто произносит, а пропевает. И еще воительница посчитала забавным тот факт, что эльф говорил и двигался, но при этом ни на секунду не сводил с Лорейны восхищенного взора своих красивых глаз. А эльфийка столь же старательно и столь же ненатурально не замечала его пристального внимания.

– Твои родители здесь?

Ульвин отрицательно покачал головой.

– Это мои гости, ничего, если они останутся у тебя на пару ночей?

– Лорейна... – В интонациях юноши звучала такая любовь, что все незваные гости немедленно почувствовали себя лишними, но девушка метнула на поклонника свирепый взгляд, тот стушевался и быстро заговорил: – В смысле ваше высочество, этот визит – честь для меня и моей семьи. Моя мать обещала зайти ко мне сегодня вечером, она приготовит комнаты и ужин для ваших гостей. Простите, как, вы сказали, их зовут?

– Они мне не совсем друзья! – сконфуженно призналась Лорейна и виновато кашлянула. – Вернее, совсем не друзья!

Она опять закашлялась, виновато покосилась на лайил и принялась коротко излагать основные моменты произошедших на берегу событий.

Ребекка опустила на стул, пододвинутый ей Гормом и, не обращая на влюбленного юношу никакого внимания (дабы не рассердить объект его обожания), начала рассматривать домик.

Внутри жилище Песенника оказалось гораздо более симпатичным, чем снаружи. Первое, что бросалось в глаза, это царившая здесь поразительная чистота. Все вокруг просто дышало ею, начиная с коврика для ног у порога и заканчивая небольшим камином у дальней стены. Большой круглый стол в центре комнаты был покрыт ажурной белой скатертью, между окнами располагалась полочка, на которой обитала коллекция причудливых раковин и морских звезд, а шелковые занавески на окнах переливались всеми оттенками лазури.

Лайил сразу же догадалась, что к убранству этого домика приложила руку сама принцесса, тайком перенеся сюда несколько вещей, больше подобающих королевскому дворцу, чем скромному жилищу сына кузнеца. А впрочем, чему тут удивляться? Ведь как ни скрывай, сразу заметно, что Ульвин по уши влюблен в Лорейну, а принцесса очень неубедительно разыгрывает несуществующее равнодушие к молодому эльфу, показывая себя совершенно бездарной актрисой. Но разве можно в чем-то обвинять несчастных влюбленных, если любовь есть объективная реальность, нисколько не зависящая от нашего субъективного восприятия?..

Размышления Ребекки прервал шум, произведенный вторично распахнувшейся дверью. В комнату вошла невысокая худенькая женщина неопределенного возраста, сопровождаемая коренастым черноволосым мужчиной. Ребекку бросило в пот от вида его кожного, прожженного искрами камзола, мускулистых рук, перевитых узловатыми венами, и скуластого лица, потемневшего от частого обращения с наковальней и горном. Он выглядел именно таким, каким его описывал ее дед: суровым неразговорчивым мастером своего дела, прямолинейным и принципиальным кузнецом. Легендарным представителем клана Полуденных, Турраном по прозвищу Певучая Наковальня!

– Я пришел сразу, едва услышал о случившемся, – откровенно заявил кузнец. – Слухи в нашем городе распространяются быстро. Где Наследница? Я ждал ее появления, предсказанного магом Лаллэдрином...

– Мы не знаем, жива ли она, – опечаленно повинулась Лорейна. – В нее стреляли из лука и ранили...

– Стреляли? – недоверчиво переспросил Турран. – Ранили? Но какой идиот посмел совершить подобное святотатство?!

– Я! – слабо простонал уложенный на пол Беонир. – Этот идиот – я!

Смеркалось. В окна домика уже заглядывала бледная Уна, но полыхающий в камине огонь успешно разгонял ночной полумрак, создавая в комнате атмосферу уюта и спокойствия. Однако текущая здесь беседа мало соответствовала идиллической картинке и вносила в размеренную процедуру ужина неприятную нотку сумбура и растерянности.

– И как ты только додумался до такой несусветной глупости: покуситься на жизнь Наследницы? – горячился Турран, стуча по столу своим пудовым кулаком. – Да никак ты совсем из ума выжил, парень?

– Невозможно выжить из того, чего у тебя отродясь не водилось, – ехидно вставила Ребекка, вольготно развалившаяся на придвинутом к стене табурете.

Девушка непринужденно закинула ногу на ногу и размеренно покачивала носком сапога в такт своим словам, словно стремясь придать им особый вес и значимость. Она разомлела от вкусной пищи, приготовленной женой кузнеца, и немного осоловела от кружки выпитого натошак вина. Ветки с ее запястий и шеи сняли, поняв, что воительница не собирается сбегать из города или вредить кому-либо из его обитателей. Возможно, все сочли

ее немного вспыльчивой и весьма опасной, но уж никак не глупой.

– Кстати, наш Беонир никогда не умел принимать верные решения, – снисходительно добавила Ребекка. – Вот и накосячил в очередной раз.

– Полагаю, Наследницу убить не так легко, как вам кажется, – резонно заметил Горм, исподтишка поглядывая на раскрасневшуюся воительницу. – Она ведь не селедка.

– Покайся в совершенном зле, – наставительно посоветовал кузнец, адресуя эту нотацию злополучному ниуэ. – Сними грех со своей души!

– Дорогой муж, прошу тебя, отстань от мальчика, дай ему немного прийти в себя, – с мягким напором попросила Галалиэль, супруга Туррана, с материнской заботливостью хлопочущая над уложенным на лавку юношей. – К счастью, копьё вонзилось неглубоко, его наконечник застрял между ребрами и не задел внутренние органы. А слабость вызвана обильной кровопотерей и перенесенным шоком. Мальчику улыбнулась удача, он пострадал не сильно и быстро поправится...

– Для того чтобы поскорее попасть на виселицу! – хохотнул неугомонный Горм, изрядно опьяневший от поднесенного вина. – Особенно в том случае, если Наследница все-таки не выживет. Тьма меня заberi, о чем ты думал, парень, когда поднял на нее свою мерзкую лапу?

– Во имя добра я выбирал меньшее из двух зол! – чуть слышно проблеял совсем затюканный Беонир, морщась от укусов некоего жгучего снадобья, которым добрая Галалиэль щедро смазывала его рану. – А что бы сделал ты, окажись на моем месте?

– А мне и на своем не дуется! – с нескрываемым превосходством хмыкнул Горм, смачно прихлебывая из кружки. – Эх, дурень, пора бы тебе знать: в жизни всякое случается, но не с каждым.

– Я хотел спасти отца, – продолжал оправдываться незадачливый ниуэ, в то время как супруга кузнеца, оказавшаяся опытной лекаркой, накладывала на его бок крепкую полотняную повязку. – И любимую девушку, – добавил он тихо.

Услышав его последние слова, Ребекка иронично фыркнула, но было заметно, что она проделала это без фанатизма, скорее по привычке.

– Любовь оправдывает все и всех! – мягко произнес молчавший до сего момента Ульвин, нежно улыбаясь Лорейне, сидящей напротив него и задумчиво ковыряющей вилкой в тарелке с креветками. – Главное состоит в том, чтобы не забывать: побеждая одну проблему – ты порождаешь новую. Вывод: самое важное в борьбе с проблемами – их постоянство!

– Ого! – уважительно хмыкнула Ребекка, восхищенная опытом и мудростью столь молодого мужчины. – А ты, похоже, неплохо разбираешься в жизни.

– Да ни в чем он не разбирается! – сердито скривился Турран. – Если бы разбирался, то не влюбился бы в принцессу и не загубил бы окончательно мои и без того плохие отношения с королем...

– А почему король против? – не сдержала любопытства Ребекка, хотя и понимала, что сует нос в не свои дела.

На минуту в домике установилась напряженная тишина. Воительница заинтригованно переводила взгляд с одного эльфа на другого, пытливо вглядываясь в их окаменевшие лица. Что их так угнетает?

Круглый стол в доме Ульва занимали пятеро: сам хозяин, его отец Турран, Ребекка, Лорейна и Горм. Второй воин ушел, а Беонир и Галалиэль почти не принимали участия в общей беседе. И вот теперь, после неосторожного вопроса воительницы, между собеседниками будто черная кошка пробежала, разом нарушив еще непрочную, едва установившуюся атмосферу доверия и откровенности. Так неужели все они опять превратились во врагов?

Затянувшуюся паузу нарушил кузнец.

– Чего уж теперь, – опечаленно махнул он рукой. – Не до тайн нам стало! Если судьба привела вас на Зачарованный берег, значит, вам предначертано совершить нечто великое.

Очень хочется надеяться, что именно вам суждено остановить Пустошь и спасти наш мир. А посему – слушайте!

Он немного помолчал и продолжил свой рассказ:

– Я виноват в том, что Полуденные не приняли участия в решающей битве у Аррандейского моста и не пришли на помощь Полуночным. Я изначально понимал всю безнадежность нашего положения и поэтому принял решение уехать из Блентайра, а остальные соплеменники просто пошли за мной. К тому времени разум Арцисса уже помутился от горя, вызванного предательством его любимой девушки Сильваны, и по этой причине его мнения никто особенно и не спрашивал. Мы ушли из столицы и уже по пути к побережью узнали о поражении Полуночных. Позднее они посетили нас, ведомые безутешной Эвреликой и Лаллэдрином, но не остались с нами, а отправились на север. Одному лишь Шарро известно, выжили ли они среди снегов и нашли ли там себе приют...

– А почему они не остались здесь? – робко спросил распростертый на скамье Беонир.

– Боялись навлечь на нас гнев победителей! Они всегда были излишне благородными! – почти осуждающе хохотнул кузнец. – Мы похоронили тело короля Арцисса в море, а его сердце возложили на алтарь в храме Шарро. Альсигир, самый дряхлый из чародеев, остался опекать нашего безумного короля, ибо старик все равно не вынес бы тягот дальнего пути. Но наша родная стихия наказала нас за трусость и предательство: со дня похорон Арцисса море не принимает нас, гневно бурлит и выбрасывает на сушу вступающих в него эльфов, оберегая покой мертвого героя.

– И Арцисс до сих пор лежит там, на морском дне? – с содроганием в голосе спросила Ребекка, замороженная рассказом Туррана.

– Да! – мрачно поддакнул Ульвин. – Маг Лаллэдрин завещал нам ждать прихода Наследницы, пообещав ее помощь. Вот только он говорил, что будущую звезду нашего мира должны сопровождать трое спутников: человек, лайил и ниуэ. Так почему же вас оказалось всего лишь двое?

– Свободные ниуэ в подземелье Блентайра тоже знали об этом пророчестве и указали нам на наше несоответствие предсказанию Лаллэдрина, – подтвердил Беонир. – Но в том нет нашей вины.

– Боюсь, у вас ничего не получится, – с сомнением произнесла Галалиэль, подходя к столу и вытирая платком руки, испачканные в крови своего пациента. – Залог успеха кроется в точном соблюдении пророчества Лаллэдрина...

– Получится! – гневно прорычала Ребекка. – Пусть только попробует не получиться!

– Мы очень постараемся, – поддержал ее слова куда более скромный Беонир. – Вот только каким образом нам узнать о самочувствии Йоны и повидаться с нею?

– Помоги им, отец, – проникновенно попросил Ульвин. – Ведь ты же знаешь, как нужно поступить!..

– Знал когда-то, – ворчливо поправил кузнец, – покуда вы с Лорейной все не испортили...

– Как? – изумленно выгнула бровь Ребекка.

– Король не любит Туррана, считая его виновным в гибели Арцисса, – пояснил Ульвин. – Адсхорн всегда ревновал Арцисса к моему отцу, утверждая, что королю негоже водить дружбу с простым кузнецом. Сам Адсхорн никогда бы не осмелился вмешаться в действия повелителя Полуночных, ведь не зря его прозвали Нерешительным. Король крылатого клана всегда славился своей отвагой и дерзостью, а робкий Адсхорн неизбежно проигрывал на фоне столь неординарного друга. Но Арцисс полюбил его родную сестру – Эврелику, тоже не очень-то советовавшуюся с братом... И теперь в редкие моменты просветления наш король во всем обвиняет моего отца: дескать, по его вине погиб Арцисс, а Эврелика сгинула на севере. Адсхорн категорически не приемлет моего чувства к его дочери и никогда не даст согласия на свадьбу, ведь с того самого дня, как мы с Лорейной полюбили друг друга, король еще сильнее возненавидел моего отца!

– М-да, какая печальная история! – расчувствованно всхлипнула Ребекка, тайком

утирая повлажневшие глаза. – Да и выходит, что сама жизнь – штука весьма непредсказуемая. Сегодня она есть, а завтра ее уже нет.

– Справедливо сказано! – Горм поощрительно отсалютовал воительнице своей кружкой. – А знаешь, я ведь начинаю уважать тебя, предательница. Вполне вероятно, нам, наоборот, еще и повезло, что все повернулось так неожиданно...

– Повезло тем, кому я жизнь не испортила! – самокритично парировала Ребекка.

– Тогда исправляй ее тому, кому уже испортила! – дружелюбно подмигнул Ульвин. – Думается мне, что такая возможность еще представится.

– А я знаю, как нам следует поступить! – вдруг просияла Лорейна и отбросила жалобно звякнувшую вилку. – Нужно пробраться в лабораторию Альсигира, выкрасть оттуда Йону и отправить ее в море, к Арциссу!

– Ха! – грубо заржал пьяный Горм. – Тогда там точно появится второй труп!

– А еще третий и четвертый... – глубокомысленно пробурчал Беонир себе под нос, ни к кому конкретно не обращаясь. Но услышавший его Горм икнул от неожиданности подобного заявления и удивленно округлил глаза.

– В море? – оторопела Ребекка. – Я же боюсь глубокой воды!

– А ты-то тут при чем? – не понял Турран.

– А при том, что в одиночку Йона никуда не поплывет, – ультимативно заявил Беонир. – Мы ей навредили, значит, нам и предстоит ее сопровождать, искупая свою вину, как ты того и хотел!

– Ну что ж, – одобрительно кивнул кузнец, – это вы хорошо придумали. Всем, чем смогу, я вам помогу. Вот только сумеем ли мы незаметно пробраться в королевский дворец?

– Сумеем, – уверенно заявила Лорейна. – Я укажу нужный путь. Предлагаю отправиться впятером: я, Ребекка, Турран, Беонир и Горм.

– А Ульвин? – поинтересовалась воительница. – Разве он не идет с нами?

– Увы, – смущенно всплеснул пухлыми ладонями юноша, – в подобном мероприятии от меня никакого проку. Я не умею быстро бегать и виртуозно орудовать мечом! Предпочитаю петь и играть на мелодике.

Собеседники разом повеселели и принялись заново наполнять вином свои опустевшие кружки. И только практичная Галалиэль осуждающе покачала головой, не одобряя столь сумасбродного плана. Но весьма сомнительно, что в сложившейся ситуации можно придумать нечто другое, не столь рискованное...

Глава 5

Весь следующий день заговорщики провели в домике Ульвина, готовясь к предстоящей вылазке. Зачарованное побережье оказалось поистине волшебным местом, где можно было отыскать все, что угодно. Правда, это «все» предназначалось далеко не для всех, потому что лишенные моря эльфы испытывали острую нехватку в некоторых продуктах. Впрочем, весь остальной Лаганахар находился в еще более плачевном положении.

Благодаря снадобьям заботливой Галалиэли раненый Беонир поправлялся буквально на глазах, а к полудню уже вполне сносно и без чьей-либо помощи передвигался по комнате, иногда чуть поохивая и хватаясь за перевязанный бок. Возможно, по причине излишней мнительности. Прекрасно выспавшаяся Ребекка решила не баловать юношу сочувствием и вместо этого эгоистично делила свое внимание между кувшином с томатным соком и огромной тарелкой тушеной рыбы, приправленной базиликом и тимьяном, на собственном опыте убеждаясь, что не зря Финн Законник говаривал, будто эльфы знают толк в хорошей еде.

– Ни разу в жизни не пробовала столь потрясающего томатного сока! – довольно промурлыкала воительница, отрываясь от кувшина и сыто рыгая. – Кажется, я сейчас лопну...

– Ребекка, помни, что к вечеру ты должна быть в боевой форме, – напомнил ей ниуэ,

еле сдерживая подступающий к горлу смех, настолько комично выглядела дорвавшаяся до лакомств лайил. – А то ведь ты, вместо того чтобы прокрасться к королевскому дворцу, к нему покатишься...

– Шар – тоже форма! – убежденно заявила девушка и, утирая рот рукавом рубашки, отодвинула опустевшую посуду. – Заткнись и не каркай, ибо я еще никогда не чувствовала себя лучше, чем сейчас. Да я готова пришить хоть сотню эльфов, перелезть через любую стену и выкрасть из замка не только нашу малышку Йону, но и самого короля!

– Вычеркни из озвученного списка тобой первый и последний пункты, – хихикнул Беонир, натягивая сапоги. – Не стоит развязывать тотальную войну с нашими хозяевами, а их король нам и даром не нужен, он производит впечатление на редкость капризного и занудливого типа.

Юноша прищурил глаза и ласково оглядел отвернувшуюся от него лайил, поражаясь – и как это он пропустил тот судьбоносный момент, когда до беспамятства влюбился в эту вздорную драчливую девицу? Ведь если разобраться, то становится ясно: Ребекка способна довести до истерики любого, даже самого спокойного мужчину. К тому же она не отличается особой красотой, но почему-то для него стала дороже всех сокровищ мира и кажется прекрасней самых знаменитых куртизанок из гильдии Порхающих! Но разве его мудрый отец Беодар не говорил, что быть влюбленным – глупо, а ни разу не любить – страшно?..

– Пожалуй, я не стану наедаться до отвала, как поступила ты, однако возьму с собой немного вина, – непоследовательно заявил парень, убирая бутылочку в нагрудный карман своего жилета. – Король у Полуденных плох и слаб, но вот вино – отменное!

– И то верно! – немного не в тему согласилась воительница, поправляя любимые парные клинки и не замечая многозначительной задумчивости своего спутника. – А чего мы, собственно, ждем? На дворе уже стоит такая темень, что хоть глаз выколи...

– Не «чего», а «кого», – с упреком объяснил Турран, в этот самый момент бесшумно вошедший в домик своего сына. – Если вы еще не передумали, то приглашаю последовать за мной.

Расстилающееся перед домиком море встретило путешественников легким шелестом, издаваемым набегаящими на пирс волнами. Ульвин Песенник сидел на большом валуне, опустив в воду босые ноги и лениво разбрасывая вокруг себя маленькие белые камушки. На коленях у молодого эльфа покоилась голова Лорейны, которая лежала на золотом, прогретшемся за день песке, перебирала тонкими пальцами струны мелодики и тихонько напевала не связанные между собой фразы.

– Мы сочиняем новую песню, – пояснила она, заметив недоуменный взгляд воительницы. – Эльфы щедры на прозвища, но звание Песенника еще никому не давалось просто так. Мой Ульвин пишет самые красивые песни в мире.

Ребекка непонимающе пожала плечами, ибо никогда не испытывала потребности попробовать самовыразиться в каком-нибудь искусстве. Ее гораздо больше привлекали воинские доспехи или кинжалы и вдохновлял звон столкнувшихся в сече клинков. Впрочем, разве мудрецы не утверждают, что у каждого народа свои герои?

Сол опустился за море, но установившаяся темнота казалась Ребекке ненастоящей, ибо она прекрасно различала своих друзей: Ульвина, ласково перебиравшего светлые пряди волос принцессы, и саму Лорейну, все еще пребывавшую во власти грез. Намечающееся испытание словно утратило в эти мгновения свою первостепенность, отступило на второй план, поблекнув под воздействием чар сегодняшнего пьянящего вечера, эльфийской песни и плеска волн. Тут воительница заметила, что принцесса запрокинула голову и восторженно смотрит на нее своими большими серебристыми глазами.

– Ты стала для нас символом надежды, девушка, – дрожащим от волнения голосом произнесла Лорейна. – Той надежды, которую мой народ утратил столетия назад. Неизбывная тоска по морю всегда живет внутри нас, с ней мы рождаемся и с ней умираем. Мой отец – самый замечательный король в мире, он может многое, но даже ему не под силу сделать то, что собираетесь совершить вы. Я молюсь Неназываемым, упрашивая их даровать

нам шанс, благоприятствующий реализации наших планов. Мы так хотим вернуться в море... Помоги же нам в этом! И да хранит тебя Шарро!

Ребекка ощутила подозрительное першение в горле, а ее глаза внезапно сделались мокрыми, отчего картинка вокруг расплылась. Она хрипло шмыгнула носом и поспешно отвернулась, не желая выдавать овладевшую ею слабость... Ее бесцельно мечущийся по берегу взгляд сразу же натолкнулся на Горма, скромнехонько расположившегося чуть поодаль и что-то меланхолично рисующего прутиком на песке.

– Что это с ним? – озадачилась девушка, совершенно не узнавая грубияна и задаваку, еще вчера властно таскавшего ее на поводке, словно бродячую собачонку, а сегодня вдруг так разительно изменившегося, притихшего и присмирившего.

– Горму стыдно, ведь давеча он проявил себя отнюдь не с лучшей стороны! – негромко рассмеялась принцесса, поднимаясь на ноги и откладывая мелодику. – Во всяком случае, я так расшифровываю его нынешнее поведение. А к тому же он очень не любит, когда на Зачарованный берег приходят чужие... Наверное, самое страшное, что может случиться в жизни каждого: ждать, когда тебя нагонят старые грехи!

– Э-э-э? – не поняла Ребекка, сразу вспоминая вчерашние рассуждения воина. – Это как?

– В юности наш Горм частенько наведывался в Лаганахар, – жарким шепотом сообщила принцесса, приблизив свои губы к уху с любопытством склонившейся к ней воительницы. – И немало там, хм... начудил... Ну, ты меня понимаешь... – Она заговорщицки подмигнула и звонко прищелкнула языком. – Ну да, в том самом смысле. А теперь он боится, как бы одно из его творений не заявилось сюда проведать своего папашу! – Эльфийка сдавленно хохотнула. – Правда, чародей Альсигир всегда говорил, что наш Горм – смирный парень и ведет себя ниже песка и тише моря, но ты и сама теперь видишь, какое обманчивое у нас море...

– У нас бытует другая фраза, – таким же шепотом выдохнула Ребекка. – «Просто так даже лайл не котятся!» А значит, Горм и в самом деле не такой уж паинька, коим хочется казаться!

И обе девушки расхохотались в полный голос, взаимно радуясь доверительности установившихся между ними отношений.

– А много ли чужаков посещало вас в последнее время? – спросила Ребекка, безмерно заинтригованная рассказом принцессы.

– Да нет... – Лорейна задумчиво нахмурила лоб, вспоминая. – На моей памяти здесь побывал лишь один старик весьма неопрятного вида и с ободранной повозкой... Его сопровождали слуга и человек из гильдии Охотников, который, собственно, и показал дорогу к побережью. Старик назвал себя последним из жрецов бога Шарро и о чем-то долго шушукался с Альсигиром. Уж не знаю, какие общие дела у них нашлись, но я видела, как чародей передавал тому гостю наш старинный стилет, бережно хранимый и считающийся реликвией, а также нечто странное, укутанное в тряпки...

– Небольшой овальный предмет, похожий на камень! – с пониманием хмыкнула Ребекка, которая мгновенно догадалась, кем на самом деле являлся недавно встреченный ими старьевщик, преследуемый отрядом доверенных воинов змееликой.

– Возможно, – неопределенно развела руками принцесса. – Признаюсь, я никогда не придавала особого значения той истории и не понимаю, почему ты ею так заинтересовалась?

– Думается мне, что визит того старика несет в себе некий высший смысл, пока что нам не доступный, – заверила эльфийку Ребекка. – Вот если бы я имела возможность поговорить с вашим чародеем...

– Пора выдвигаться к дворцу, – неожиданно скомандовал сосредоточенно наблюдающий за небом Турран, прерывая интересную беседу девушек. – Предлагаю пробраться в лабораторию за пару часов до рассвета, когда на всех нападает самый крепкий сон и даже караульные начинают подремывать на своих постах, поклевывая носами.

– Справедливо подмечено! – согласилась опытная в делах подобного рода лайл.

И, вытянувшись в цепочку, вереница из пяти теней, старающихся быть как можно менее заметными, устремилась к королевскому дворцу.

– Безвыходных положений не бывает, есть неположенные выходы.

Автором этой претенциозной фразы являлся не кто иной, как Беонир, вместе с остальными заговорщиками засевший в импровизированной засаде за углом ближайшего к замку дома. Однако, поглядев на высоченные стены королевского дворца, опоясанные наполненным водой рвом, Ребекка с ним не согласилась. Тем более что по этим стенам бдительно прохаживалось не менее десятка вооруженных до зубов воинов. В общем, идея сунуться во дворец оказалась крайне неудачной и по-детски наивной, чреватой множеством возможных проблем, как то: отсеченные конечности, сломанные кости, пробитые черепа и все такое. Впрочем, кто бы спорил с тезисом, гласящим, что молодость дается людям для того, чтобы они вступили в зрелость с набором уникальных травм и свежеприобретенных хронических заболеваний. Разве здесь не содержится зерно истины?

– Я ни в чем не виновата, – сердитым шепотом оправдывалась Лорейна, выглядывая из-за фундамента здания и недовольно зыряка по сторонам. – Я же не знала, что папенька приказал усилить охрану! Да во дворце такого отродясь не водилось, раньше никто на вопросах безопасности не заморачивался, ибо воровства, обмана и нападений у нас не случается...

– Ага! – непонятно чему обрадовалась Ребекка. – Вот и отлично.

– Дело тут не в короле. – Горм негодуяюще сплюнул в песок. – Это все выдумки старого пройдохи Альсигира, я уверен. Он Наследнику бережет.

– Придется отступить, – разочарованно вздохнул Турран. – Идем обратно в дом моего сына и займемся разработкой нового плана.

– Чтоб тебя мантикора три раза переварила! – привычно выругалась Ребекка, не сводящая глаз с расхаживающих по стене стражников. – Нет, ничего интересного мы уже не придумаем, поэтому придется импровизировать.

– Милая, лучше не стоит, – разумно предостерег воительницу Беонир. – Я уверен, что при твоей необузданной тяге к авантюрам ты обязательно вяжешься в какую-нибудь неприятную историю, а нам совершенно некогда спасать еще и тебя.

– А я и не прошу меня спасать! – презрительно процедила отважная лайил. – Сама справлюсь. Ров, вода... По логике, там, где есть вода, обязана быть и рыба...

Она на секунду задумалась.

– Значит так, я отвлеку охрану, а ваша задача – тем временем в резвом темпе перебраться через стену и проникнуть в лабораторию чародея. Турран, ты ведь вроде как рыбалкой увлекаешься?

Кузнец, удивленный столь неожиданной сменой темы, кивнул.

– А у тебя случайно нет с собой крючка и веревочки? – напористо продолжила девушка.

Недоуменно приоткрыв рот, кузнец достал из-за пояса отличный крючок, похоже, сработанный им самолично, и отдал его Ребекке, а тонкая прочная веревка отыскалась в кармане у Горма. Ничего больше не объясняя, воительница повторно указала друзьям глазами на стену. Затем она подобрала валяющуюся на земле палку, выбралась из укрытия и, уже не скрываясь, уверенной походкой направилась к замку, шокируя столпившихся на стене охранников своим деловым обликом. А то, что произошло чуть позже, навсегда вошло в летописные хроники Зачарованного побережья и устно передавалось от одного жителя к другому, попутно обрастая все новыми, еще более невероятными подробностями!

Смелая догадка, высказанная Ребеккой, блестяще подтвердилась – во рву и правда водилась рыба, да еще какая! Здоровенные блестящие морские окуни, ленивые до безобразия и совершенно отупевшие от беззаботной, ничем не омраченной жизни. Уж они-то точно не ожидали, что на всем Зачарованном побережье найдется хотя бы одно безбашенное

существо, способное посягнуть на их свободу и статус признанных королевских любимцев. Однако существо таковое, как ни странно, нашлось...

Ребекка на ходу привязала веревку к палке, укрепив на конце самодельной удочки острый крючок, и, продолжая повергать в смятение наблюдающих за ней стражников, закинула удочку в ров, за пару секунд выловив из него парочку огромных рыбин.

– Эй, девушка, ты чего это там хулиганишь? – наперебой заголосили возбужденные воины, совершенно обалдевшие от такой несусветной, творящейся прямо у них перед носом наглости. – У нас браконьерство строжайше запрещено. Никто не смеет ловить королевских окуней!

– Ась, кто здесь? – наигранно вздрогнула дерзкая рыбачка, делая вид, будто только что заметила дворцовую охрану. – А вы кто – рыбнадзор?

– Ну, типа того! – вообще опешили эльфы. – Ты, девушка, как хочешь, а мы сейчас тебя арестуем и препроводим в тюрьму...

Со стены была немедленно скинута веревочная лестница, по которой шустро спустились два воина. Их товарищи свесились вниз, заинтересованно наблюдая за происходящим.

– Ваши благородства-а! – в голос заблуждала Ребекка, в три ручья заливаясь слезами и картинно прижимая к груди вяло трепыхающихся рыбин. – Так ведь это же мои окуньки, домашние. Вы, конечно, не поверите, но я их с детства знаю. Вырастила их у себя дома, с икринок, в баночке. А как мои голубчики подросли, так я риелей скопила, купила им аквариум и каждый день с ними разговаривала, к свисту приучала!

– Ого! – выкатил глаза первый стражник. – А дальше что случилось?

– Да, что? – в унисон поддакнул второй, не менее любопытный воин.

Ребекка заревела громче, поочередно целуя обоих окуней.

– Девушка, – многоголосо прилетело со стены, – не томи, рассказывай, что у вас там дальше приключилось?

– А я и рассказываю, – жалобно прорыдала лайил, – а вы меня перебиваете! Так вот, выросли мои окунечки, и я купила им очень большой аквариум. Приду вечером домой, свистну им – они из воды выпрыгивают как дельфинчики, радуются – короче, совсем родными мне стали. А потом они вон какие здоровенные вымахали, пришлось их в море выпустить, откуда они в ваш ров и заплыли. Но окуньки-то мои ведь знают, что я каждый вечер прихожу! Свистну им – они выпрыгивают из воды, и мы вместе гуляем по бережку. Но долго без воды им оставаться нельзя – вон, видите, у них уже глаза красные стали! Так я их снова в воду кидаю, они поплавают, а потом я им свистну, и они опять вылезают, очень уж меня любят! Хотите, покажу?

– Хотим! – дружно заорали все охранники, впечатленные артистическими талантами хитроумной девицы.

Ребекка лукаво улыбнулась и бросила окуней обратно в ров. Рыбины, претерпевавшие доселе жуткие неудобства, облегченно махнули хвостиками и мгновенно ушли на глубину, от греха подальше – отлеживаться после перенесенного стресса. Воительница картинно отряхнула ладони, уселась на каменный парапет, окружающий ров, и принялась вполголоса напевать какую-то немудреную песенку, демонстрируя полнейшую невозмутимость.

– Девушка, ну ты чего ждешь-то, давай уже, свисти! – наперебой требовали эльфы.

– Зачем? – искренне удивилась Ребекка.

– Да как это – зачем? – возмутились стражники. – А как же твои любимые окунечки?

– Какие такие окунечки? – иронично выгнула бровь обманщица.

Поняв, что их элементарно разыграли, стражники витиевато выругались и полезли обратно на стену, а воительница удовлетворенно улыбнулась и бесшумно отступила назад, канув в отбрасываемую домами тень...

Повинуясь командному жесту Ребекки, Горм повел за собой всех остальных членов отряда, уходя вправо и абсолютно не понимая, почему все стражники, как наскипидаренные,

вдруг бросились к воротам, позабыв о вверенных им позициях. Тьма, и что, спрашивается, учудила там эта невероятная, непредсказуемая девица? Видят Неназываемые, Горм уже вполне созрел для того, чтобы посвататься к Ребекке, настолько она его очаровывала и восхищала, будучи полной противоположностью местным девушкам, донельзя изнеженным и легкомысленным. Но, вопреки велению собственного сердца, он ничем не выдавал своих эмоций, справедливо полагая, что далеко не каждую мысль нужно доводить до ума, а тем более – до ума чрезмерно воинственной лайил. А то глядишь, вместо поцелуев огребешь зуботычины да насмешки. А жаль, ох как жаль!.. Но с женщинами Горм никогда не воевал, пребывая в уверенности, что не тот герой, кто кучу баб победил, а тот – кто всю жизнь с одной борется. Хотя печально, что вот нашлась одна такая, с которой он не прочь побороться, да, как назло, кажется, уже занята...

– Беонир, а Беонир! – взволнованным шепотом позвал Горм, локтем пихая ползущего рядом с ним ниуэ и случайно попадая тому в раненый бок. – Слушай, а как у тебя с женщинами дело обстоит?

– А никак! – сквозь стиснутые зубы зашипел юноша, грозя воину кулаком.

– Почему? – изумленно вытаращился Горм.

– А мне еще в раннем детстве отец завещал: «Сынок, никогда не поступай с людьми так, как не хочешь, чтобы поступили с тобой...»

– А-а-а! – глубокомысленно протянул обрадованный эльф, осознавая, сколь стремительно возросли его шансы. – А с Ребеккой ты, значит, это... не того-с?

– Чего? – Возмущенный ниуэ приподнялся на руках, оскаливая белые зубы и сдавленно рыча. – Ты, козел, сам-то понял, что сейчас ляпнул?!

– Это я-то козел? – поразился воин, ответно сжимая кулаки.

– Ты! – изъясняясь далеко не дружелюбным тоном, уточнил Беонир. – Как смеешь ты, индюк напыщенный, думать такое о Ребекке, самой прекрасной и чистой девушке во всем Лаганахаре?!

– Уж не ты ли ее чистоту проверял? – язвительно прищурился эльф. – То-то у нее на шее виднеется след застарелого синяка, весьма смахивающего на засо... – Но договорить он не успел, потому что Беонир вскочил с земли и, издав утробное рычание, набросился на несдержанного болтуна, намереваясь знатно его отмутузить.

По вполне понятной причине, вызванной скандальным уходом Ребекки с должности ночного стража Блентайра, Беонир на дух не переносил подобные фривольные намеки. Но Горму, в свою очередь, было вполне простительно не знать о столь интимных подробностях прошлого своих гостей, что, однако, ничуть не оправдывало его развязного поведения. Короче говоря, эльф, сам того не ведая, наступил на больную мозоль Беонира и сейчас расплачивался за допущенную оплошность.

– Да вы никак совсем сдурели, парни! – осуждающе охнул Турран, запоздало обративший внимание на спонтанно возникшую перебранку, грозящую вот-вот перерасти в самую разнузданную драку. Он вцепился в уже занесенную для удара руку Горма, а Лорейна повисла на плече Беонира, но куда там – драчуны и не думали останавливаться.

– Ребекка там ради нас старается, а вы... – с упреком напомнила принцесса, ибо именно в этот момент заговорщики оказались под самой стеной дворца. – Постыдились бы!

Упоминание имени отважной лайил немного отрезвило буйную голову вспыльчивого Горма. Он оттолкнул от себя Беонира, сорвал со своего пояса крепкую веревку, оснащенную железной «кошкой», и закинул ее на край стены. А затем, ловко перебирая руками по веревке, принялся быстро карабкаться вверх. Турран и Лорейна издали дружный вздох облегчения, но обрадовались они преждевременно: Беонир вдруг взвился в немыслимом прыжке и вцепился в плащ своего соперника, повиснув на нем понадежнее какого-нибудь вьедливого клеща.

Слитной массой оба драчуна достигли гребня стены и шумно перевалились во двор. Обеспокоенные их дальнейшей участью, кузнец и принцесса спешно последовали за забияками, понимая, что своим глупым поведением те ставят под угрозу благополучный

исход всей операции. А между тем во дворе королевского замка уже слышались громкие крики потревоженной охраны, птичьими трелями разливались сигнальные свистки, бряцало оружие и гулко разносился топот сбегающих со всех сторон воинов. Судя по всему, дальнейшие рассуждения о конспирации уже утратили всякий смысл, а изощренные старания Ребекки пропали втуне.

Запомните раз и навсегда: жизнь поворачивается лицом только к тем, кто ее любит. А к тому, кто постоянно ноет, жалуется на невезение и ищет оправдание собственным ошибкам, она поворачивается... Ну, в общем, и так ясно, чем – своей тыльной стороной! Жизнь, словно женщина, ждет от нас взаимности и, словно ребенок, нуждается в увещаниях и мягком обращении. Все в жизни придумано крайне просто и безупречно справедливо: как деньги идут к деньгам, а любовь вызывает ответное чувство, так и удача притягивает удачу. Доподлинно неизвестно, кому принадлежит меткая фраза: «У Бога нет других рук, кроме твоих», но это действительно так. Поэтому не ждите от жизни милостей, а полюбите ее первым (причем так, чтобы ей мало не показалось), и тогда все у вас сложится хорошо. Как говорится, помощи себе сам!

Понимая, что надеяться им не на кого, Горм одним рывком оттолкнул Беонира за спину и скрестил клинки с первым из подскочивших к нему стражников. Спасибо благому богу Шарро, а вернее предусмотрительной Лорейне, надоумившей их всех прикрыть лица темными платками, а то как прикажете понимать поведение начальника личной гвардии принцессы, поднявшего оружие на дворцовую стражу? Но, надо полагать, разоблачение им не грозило, во всяком случае до тех самых пор, пока их не окружают, не схватят и не повяжут. А произойдет ли это, еще вопрос спорный...

Горма не напрасно называли лучшим бойцом Зачарованного берега! Меч в его руках крутился и танцевал будто живой, успевая отражать все удары.

– Идите внутрь, – закричал эльф, обращаясь к своим спутникам. – Я задержу охрану!

Потянув за собой недовольно ворчащего Беонира, Лорейна кивнула на небольшую дверцу, подсказывая:

– Это боковой коридор, он выведет нас точно к лаборатории Альсигира!

Не тратя времени зря, они втроем нырнули в оказавшуюся незапертой дверцу, предоставив Горму право в одиночку разбираться со стражей, тщетно пытающейся пробить его веерную оборону.

– Не вздумай погибнуть, я с тобой еще не закончил! – напоследок мстительно выкрикнул Беонир, скрываясь в коридоре.

– Не дождешься! – со смешком отозвался Горм, виртуозным приемом выбивая клинок из руки своего очередного противника. – Последнее слово все равно останется за мной...

Отсиживающаяся за углом дома Ребекка заметила внезапную панику, охватившую прогуливающихся по стене охранников. Смелых стражей словно ветром сдуло, настолько резво они покинули свои позиции и устремились в центр двора. Поняв, что возле замка происходит нечто экстраординарное, воительница поплевала на ладони и полезла вверх по стене, с кошачьей гибкостью цепляясь за каждый выступ и умело пользуясь самой крохотной выбоинкой в качестве опоры. К счастью, стена замка оказалась сложена из старого слоистого известняка, при определенных навыках скалолазания не менее удобного, чем настоящая лестница. Причем уж кому-кому, а Ребекке нужных навыков было не занимать.

Она спрыгнула во двор, мягко приземлившись на обе ноги, и, выхватив из ножен парные акинаки, с ухарским свистом вклинилась в толпу нападающих на Горма вояк.

– Ты! – обрадованно выдохнул эльф, ощутив, как к его вспотевшей спине прижались крепкие девичьи лопатки. – Пришла мне на помощь?!

– Ага! – небрежно хмыкнула лайил. – А ты ожидал увидеть кого-то другого? Скажи спасибо, что у меня доброе сердце, побуждающее обиженную девушку грудью закрыть уязвимую спину своего недавнего врага.

– Доброе сердце под прекрасной грудью! – галантно добавил эльф.

Воительница польщенно рассмеялась:

– Да ты никак решил опять привязать меня к себе, причем на сей раз веревкой совсем иного свойства?

Горм смущенно засопел:

– Поговорим об этом потом. Противники все прибывают, нам с ними не справиться. Видишь вон ту маленькую дверцу? Отходим туда...

Слаженным рывком они преодолели расстояние, отделяющее их от входа в коридор, тяжело дыша, ввалились внутрь, захлопнули прочную дубовую створку и заперли на засов. До ушей беглецов донесся возмущенный стук кулаков, долбящих по толстой доске, но дверь даже не дрогнула. Горм с Ребеккой переглянулись и победно расхохотались...

А в этот самый момент Беонир и Турран, ведомые Лорейной, что есть духу мчались по длинному извилистому коридору, слабо освещенному укрепленными на стенах факелами. Выложенный мраморными плитками пол покрывал толстый слой пыли, с потолка свисали лохмы паутины, а воздух был затхлым. Похоже, этим ходом пользовались нечасто.

– Кажется, здесь... Или не здесь... – Принцесса с сомнением указала на еще одну дверь.

Не дожидаясь ее одобрения, Беонир ухватился за медное кольцо, криво приклепанное к створке, рванул на себя...

Дверь распахнулась, и из-за нее вырвался целый шквал гладко обструганных кольев, ударивших прямо в грудь и лицо торопыги-ниуэ... Издав душераздирающий вопль, Беонир замертво повалился на пол. Лорейна испуганно ахнула, Турран ошеломленно отшатнулся и головой сбил низко висящий факел. В коридоре воцарилась кромешная темнота...

– Вставай, симулянт шелудивый, чего разлегся, как дома не перине! – резанул слух ехидный голос Ребекки, заставивший Беонира поморщиться.

Юноша на пробу приоткрыл сначала левый глаз, увидел склоненное над ним лицо лайил, украшенное скептической ухмылкой, и снова зажмурился.

– Вставай, кому говорю! – На этот раз требование сопровождалось несильным, но чрезвычайно обидным шлепком по щеке. – Лежебока.

– Я ранен, – картинно простонал Беонир, ощущая, как по его груди расплывается какая-то жидкость. – Помоги мне, поцелуй меня, я умираю!

– Щас помогу... – В голосе девушки послышались суровые нотки, а ее сильная мускулистая рука бесцеремонно сграбастала Беонира за шиворот и категорично потянула с пола.

– В меня вонзились сотни копий и стрел! – плачуще сообщил ниуэ, активно отбрыкиваясь и намереваясь улечься обратно. – Я погибаю как герой, во славу тебя и Йоны.

– А вон твои копыа валяются. – Ребекка пошевелила ногой разбросанные по полу метлы, швабры и грабли. – Смертоносные отнюдь не для тела, но для чести воина!

Она покровительственно похлопала юношу по плечу:

– Поделом тебе, крутой ты наш. Нечего было в кладовку ломиться, герой!

В последнее слово она умудрилась вложить столько ехидства, что ниуэ сконфуженно охнул и схватился за грудь.

– Ага, а это тогда что? – трагическим шепотом возвестил он, демонстрируя лайил свою ладонь, щедро облитую чем-то густым и красным... – Вот всегда ты меня оговариваешь!

– Кровь! – взвизгнула Лорейна, отступая назад и предобморочно закатывая глаза. – Он и в самом деле ранен!

– Вино! – фыркнула Ребекка, принявшись к подозрительному пятну, расплывающемуся на жилете Беонира. – Вишневое. Нечего было бутылку с собой таскать!..

После того как все вдосталь насмеялись, почистили песком одежду Беонира и немного восстановили его пошатнувшееся душевное равновесие, сделав пару сомнительных

комплиментов, настало время двигаться дальше. Миновав еще несколько поворотов коридора, заговорщики наконец-то вышли к красивой, обитой серебряными гвоздями двери.

– Йона находится там, – безапелляционным тоном заявила Ребекка, морща переносицу так, словно уловила какой-то слабый, доступный только ей запах. – Однажды я выпила воду, в которую попала капля крови нашей малышки-чародейки. С тех пор я чую ее даже через каменные стены.

– Теперь я точно уверена, что лаборатория Альсигира находится тут! – Принцесса предупреждающе приложила пальчик к губам. – Умоляю, не шумите, не испугните старого чародея.

– И как мы его оттуда выманим? – Горм оценивающе рассматривал массивную дверь. – Такую не удастся снять с петель или выломать.

Ребекка тоже притронулась к внушительной створке и согласно кивнула:

– Скорее пупы себе сорвем, чем эту дверь вышибем!

Друзья встревоженно переглядывались, тщетно ломая голову над вновь возникшей проблемой, кажущейся неразрешимой.

– Эх вы, умники, привыкшие все накручивать и усложнять. Учитесь, пока я жив! – Беонир уверенно отодвинул Ребекку, и тихонько постучался в запертую дверь лаборатории.

– Кто там? – немедленно спросил дребезжащий старческий голос, донесшийся изнутри.

– Это я! – особо не мудрствуя, ответил Беонир.

Заговорщики даже дыхание затаили, опасаясь испугнуть участников этого банального, но притом совершенно абсурдного диалога.

Дверь лаборатории со скрипом приотворилась...

В мгновение ока Ребекка проскользнула в образовавшуюся щель, взяла в болевой захват появившегося на пороге чародея и приставила к его шее лезвие выхваченного из ножен кинжала.

– А ну, старый пень, колись, что ты сделал с нашей Йоной? – со свирепым подвыванием потребовала воительница.

Захваченный ею чародей лишь подслеповато щурился, потрясенно взирая на представших перед ним злодеев в черных масках.

– Ну?!

Кончик кинжала оцарапал кожу, и по шее мага скатилась маленькая капелька крови, но старик молчал, пребывая, казалось, в шоковом состоянии. Ребекка злобно скрипнула зубами, а костяшки ее стиснутых на рукоятке кинжала пальцев побелели. Выражение лица воительницы не предвещало ничего хорошего. Обстановка в лаборатории обострилась до предела...

– Ребекка... – вдруг неразборчиво прозвучало из полумрака, и из глубины лаборатории медленно вышла тоненькая, покачивающаяся от слабости фигурка. – Прошу тебя, не делай больно уважаемому Альсигиру. Отпусти сьерра чародея, он ни в чем не виноват, он меня лечил.

Воительница радостно вскрикнула, выронила кинжал и еще успела поймать Йону, в глубоком обмороке повалившуюся к ней на руки...

Весьма скромная по размерам лаборатория Альсигира купалась в загадочной полумгле, выползающей из углов помещения. Определить, чем именно была загромождена большая часть комнаты, не представлялось возможным, такой в ней царил беспорядок. Гостям выделили пару расшатанных стульев и табурет, с коего спешно смахнули кипу ветхих свитков, оставляющих за собой дорожку из рассыпчатой трухи. Хозяин запущенного жилища застенчиво отступил к беспросветно грязному окну и уселся в не менее старое, чем он сам, кресло, издавшее протестующий душераздирающий скрип.

– Она будет жить? – Лорейна трепетно поглаживала руку Йоны, вялую и холодную. Наследница лежала на кушетке, установленной в центре лаборатории, ее сомкнутые веки

слабо подрагивали в такт едва ощутимому дыханию. Девушка спала.

– Теперь ей уже ничто не угрожает, – уверенно произнес чародей, звеня склянками, извлеченными из складок балахона. – Этот эликсир придаст ей силы. Признаюсь честно, я никогда не встречал такого жизнестойкого создания, как наша Наследница! – Он с недоверием посмотрел на девушку, внешне такую хрупкую и беззащитную. – Это настоящее чудо! – Альсигир довольно погладил свою седую бороду. – Яд каркарут – самый сильный из всех алкалоидов, известных нашей гильдии. Мы экспериментировали с различными антидотами, но так и не смогли спасти ни одно существо, в кровь которого попала хотя бы капля этого страшного вещества...

– Э? – озадачилась Ребекка. – А как же тогда наша малышка?

– Увы, мне стыдно признавать свою некомпетентность в столь щекотливом вопросе, но моя заслуга здесь минимальна.

Чародей поелозил в кресле и сконфуженно улыбнулся, словно подросток, не справившийся с примитивной детской головоломкой.

– Видимо, смешение кровей трех эльфийских кланов наделило Наследницу невероятно сильным иммунитетом. Ее организм со временем и сам бы справился с воздействием яда, а я просто ускорил процесс выздоровления. Убедитесь сами...

Маг с кряхтением встал, подошел к кушетке, приподнял пропитанный какой-то мазью тампон, наложенный на рану Йоны, и ее друзья увидели почти затянувшийся розовый шрамик.

– Я дал ей настойку травясила, обладающую свойством ускорять регенерацию тканей, извлек стрелу и промыл рану. Все остальное сделала природа...

– Но она же спит! – с беспокойством воскликнула Ребекка, нежно поправляя волосы девушки, рассыпавшиеся по подушке. – Спит уже очень давно.

– И хорошо, – одобрительно кивнул старый чародей. – Во сне мы выздоравливаем. Она пробуждалась трижды, в том числе чтобы поесть и защитить меня. – Он лукаво подмигнул смущенно покрасневшей воительнице. – Таким образом, наша Наследница сумела сделать для меня то, в чем я ей задолжал, – спасти мою никчемную жизнь.

При этих словах девушка завозилась на кушетке, словно услышала чародея, и немного изменила позу.

– Никчемную? – протестующе крякнул Турран. – Ты утрируешь, уважаемый Альсигир!

– Не спорь со мной, друг, – умиротворяюще вскинул ладони чародей. – Я всего лишь констатирую очевидные факты: свою дряхлость, почти полную слепоту и усталость от жизни. Честно говоря, я давно уже мечтаю уйти к Неназываемым, и пусть белые мантикоры вознесут на небеса мою бессмертную душу!..

Его морщинистое лицо разгладилось, принимая мечтательное выражение.

– Но, однако, негоже нам уходить из этого мира, не исполнив своего предназначения, и именно поэтому я ждал прихода Наследницы, связанный клятвой, данной мною моему лучшему ученику Лаллэдрину...

– Главе гильдии Чародеев? – изумленно переспросила Ребекка.

– Истинных чародеев! – внушительно поправил старый маг, наставляя на девушку узловатый указательный палец. – Не этих новоявленных выскочек, узурпировавших наше звание и нашу Звездную башню, но отнюдь не наши знания и силу!

– Осведомленные утверждают, будто эти узурпаторы очень искусны в некоторых областях чародейства, – сухо вставил Беонир, имевший возможность на собственной шкуре испытать способности и таланты новых хозяев Звездной башни.

– Хех, ты ошибаешься, юноша, ведь сами-то они мало что могут... Все дело в амулетах, называемых «Звезда моей души»... – Рот старого мага горестно перекосялся. – О, разве кто-то из нас мог помыслить о том, что люди их тоже получат!..

– Мы не понимаем! – дуэтом воскликнули чрезвычайно заинтригованные Ребекка и Беонир. – Наши чародеи утверждают, будто выплавляют эти звезды из пламени дурбанских драконов!

– Вранье! – взбешенно прорычал Турран, пиная ни в чем не повинную табуретку. – Альсигир, расскажи им правду!

– Ладно, я расскажу.

Чародей тяжело вздохнул, видимо, готовясь разворошить весьма неприятные для него воспоминания.

– Знайте же, чужеземцы, что все секреты когда-нибудь раскрываются, часто принося отнюдь не хорошие, а плохие вести... Эльфийские маги дорожили своими звездами превыше всего на свете, ибо эти амулеты изготавливались из сердца погибших или добровольно принесших себя в жертву предков. Каждая звезда, будучи хранилищем накопленной за века силы, строго учитывалась и передавалась из поколения в поколение. Именно она делает своего обладателя воистину искуснейшим чародеем. Наши человеческие ученики никогда не смогли бы превзойти своих наставников, ибо не обладали подобными артефактами. Но зависть и стремление к чужим достижениям всегда являлись негодными и опасными советчиками... И тогда лицемерная Сильвана, завистливая и хитрая, как змея, придумала коварный план, должный привести ее к обладанию вожаемым могуществом...

– О Тьма! – воскликнула потрясенная до глубины души Ребекка. – Так значит, дело было вовсе не в любви?

– Почему же? – цинично усмехнулся Альсигир. – И в ней тоже. У порочных личностей похоть и заносчивость всегда ходят рука об руку. Сильвана все верно рассчитала и убила одной стрелой нескольких зайцев: развязала войну, уничтожила эльфов и получила их сердца, необходимые для изготовления амулетов. Она ошиблась лишь в одном: Эврелика, Лаллэдрин и Овэлейн, оруженосец короля, смогли спасти тело погибшего Арцисса, вынесли с поля боя, оберегая его сердце от посягательств жадной чародейки.

– И где же оно находится теперь? – с волнением спросила Ребекка. – Эта главнейшая святыня вашего народа?

– В течение долгих лет сердце короля Полуночного клана хранилось в храме Эррендера, – не стал скрывать маг. – Но однажды нас посетил последний из жрецов бога Шарро, и я отдал реликвию ему...

– Так же как и загадочный округлый предмет, похожий на камень, – невозмутимо вставила лайил.

– Твоя осведомленность достойна восхищения! – благосклонно кивнул Альсигир. – А позавчера я обнаружил эту звезду на шее у Наследницы, причем уже не совсем пустую. Кроме того, я вижу, что «похожий на камень предмет», – он лукаво улыбнулся, – тоже попал по назначению.

– Прости, но я не могу раскрыть тебе его природу, – поспешно добавил он, предвзяв невысказанный вопрос воительницы. – Его будущее еще не определено и зависит от самой Наследницы, ибо каждый из нас в итоге получает то, чего заслуживает. Но я также нашел у Йоны один из мечей короля Арцисса, выкованный Турраном. Друг, ты узнаешь свое детище? – Альсигир указал мастеру на лежащий на столе Лед.

Кузнец с волнением ощупал волшебный клинок и обрадованно спросил:

– Но как он очутился у Йоны? Мы не смогли вынести мечи короля с поля боя и с тех пор считали их безвозвратно утраченными!

– Она отняла его у богини Банрах, – с гордостью сообщила Ребекка. – Как ни парадоксально это звучит. Мы побывали в Серой долине... – И тут воительница коротко изложила хронологию недавних испытаний, выпавших на долю их неразлучной троицы.

– М-да... – только и смог вымолвить чародей, сосредоточенно внимающий повествованию лайил. – Все это кажется совершенно невероятным, но, к счастью, мы имеем честь воочию лицезреть материальные подтверждения твоих слов, девушка.

Он вынул из шкатулки ожерелье из слез Эврелики и вложил его в ладонь так и не проснувшейся Йоны.

– Я начинаю верить в то, что пророчеству Неназываемых суждено сбыться. Возможно, Наследница и вправду спасет наш мир от гибели, остановит Пустошь и восстановит единство

всех народов Лаганахара. А значит, теперь настал наш черед помочь Йоне и выполнить волю Лаллэдрина...

– Но как? – изумленно приподняла брови Ребекка. – Неужели вы поведаете малышке о том, куда ушли Полуночные эльфы?

– Нет, – печально вздохнул Турран. – Увы, мы не владеем такой информацией. Но зато мы можем устроить встречу Наследницы и короля Арцисса...

– Йона встретится с мертвым королем? – ошеломленно вскричала Ребекка. – Но как?

– Идите за мной, – приглашающе поманил рукой Альсигир, – и вы все увидите сами...

Глава 6

Видимо, так уж было задумано Неназываемыми, что даже самые сильные из нас не являются безупречно идеальными существами, ибо победить усталость, голод, смерть и отчаяние не способен никто. Каждый из нас нуждается в пище, поддержке, понимании, любви и отдыхе. И именно из-за последнего из вышеперечисленных факторов мы проводим во сне не менее четверти своей жизни, погружаясь в странный, необъяснимый мир иллюзий и предчувствий. Возможно, научившись анализировать сновидения и правильно реагировать на приносимую ими информацию, мы сумеем избежать многих бед, ниспосылаемых на наши головы коварной судьбой. Но с другой стороны, что может быть страшнее умения заглядывать в собственное будущее?

Я спала, и мне снился странный сон... Он стал таким ярким и отчетливым, что не стерся из памяти даже после пробуждения, повергнув меня в недоумение и испуг. В своем видении я бессильно распростерлась на дне плавно покачивающегося челна, целиком выкованного из серебра и отданного на милость свободных морских волн. Все мое тело сковало непонятное оцепенение, голова раскалывалась от чудовищной боли, а глаза застилал кровавый туман. Было настолько плохо, что, не имея сил кричать, я беззвучно умоляла судьбу о смерти, способной милосердно оборвать мои мучения.

По причине полубоморочного состояния я почти не обращала внимания на разгневанное море, яростно ударяющее в борта моей изящной верткой ладьи. Море категорически не принимало меня, то вздымая на самую вершину очередного пенного вала, то рывком погружая во впадину меж двух зеленоватых водяных бурунов, а затем глумливо вышвыривая обратно. Я не испытывала страха, потому что те, кто отправил меня в это рискованное путешествие, дали клятвенное заверение: челн сам знает нужную дорогу, к тому же он непотопляем и создан не кем иным, как знаменитым кузнецом Турраном по прозвищу Певучая Наковальня. Не знаю отчего, но даже мимолетное упоминание сего благозвучного имени подействовало на меня умиротворяюще, а посему я безропотно позволила положить себя на дно хрупкого суденышка и отдалась на волю бушующих волн. Вот только я никак не могла вспомнить, кем же конкретно являлись эти ОНИ, действовавшие столь уверенно и целенаправленно. Куда и зачем я плыла? Этого мне не открыли...

Внезапно штормовой ветер стремительно перерос в настоящий ураган, а волны начали перехлестывать через борта челна, осыпая меня сотнями холодных брызг, похожих на злобные укусы. Огромный вал принял форму сложенной чашкой ладони, жадно сграбаставшей непотопляемое создание эльфийского мастера, и, мстительно рокоча, швырнул в сердцевину спирального водоворота, закручивающегося в неотвратимо-смертельный штопор. Челнок шатко наклонился вправо, зачерпнул забортной воды и начал камнем погружаться на дно, увлекая меня в недра морских глубин. Я пронзительно вскрикнула и... проснулась.

Я открыла глаза и тут же снова зажмурилась, изумленная градом водяных брызг, прилетевших мне точно в лицо. Напрягла спину, пытаясь рывком перевести себя в сидячее положение, но движение получилось натужным, старчески затрудненным. Такие ощущения возникают после длительной болезни.

– Осторожнее, малышка, – наставительно порекомендовал знакомый голос, раздающийся где-то совсем рядом, – не торопись. Так можно и пуп надорвать!

Решив последовать мудрому совету, я чуть приподняла голову и огляделась...

Картинка, представшая моему взору, оказалась воистину идиллической. Выяснилось, что я лежу на дне небольшого челна, полностью выкованного из серебра. Борта ладьи украшал орнамент в виде распахнутых орлиных крыльев, а прямо напротив меня на носу маленького суденышка сидела довольно улыбающаяся Ребекка и с аппетитом поглощала капустную кочерыжку. Нет, даже не сидела, а восседала, важно опершись локтем левой руки на колени сложенных в позе «лотоса» ног и забавно морща нос, сплошь обсыпанный мелкими рыжими веснушками.

– Доброе утро, сьеррина засоня! – весело поприветствовала меня она и с хрустом вгрызлась в свое излюбленное лакомство.

– Ик! – невежливо отреагировала я, изумленно выкатив глаза и некрасиво отвесив нижнюю челюсть. – А мы где это сейчас находимся?

– В море! – исчерпывающе разъяснила воительница и комично, словно указкой, взмахнула недоеденной кочерыжкой. – Разве не заметно?

Я подняла лицо к небу, всеми порами изголодавшейся по лету кожи впитывая струящееся сверху тепло. Ласково припекал Сол, а море, покрытое бурунами белых воздушных барашков-волн, легко несло наше изящное судно. На корме я увидела Беонира, неумело, но весьма интенсивно орудующего коротким веслом. Из одежды на нем остались только штаны, и то закатанные до колен, а взопревшая Ребекка расстегнула жилет, под которым оказалась одна рубашка. Сквозь тонкую ткань просвечивались небольшие, но завлекательно высокие, упругие, словно наливные яблочки, груди. Ниуэ, усиленно делающий вид, будто выполняет функцию рулевого, нет-нет да и косил глаза в сторону прелестной воительницы, привлеченный соблазнительным видом.

– Я понимаю, что в море, – сердито буркнула я. – Но как мы сюда попали?

– Ну вот! – всплеснула руками лайил, все-таки роняя за борт злополучную кочерыжку. – Приплыли!

– Я понимаю, что мы сюда не прилетели, – терпеливо продолжила я, развивая уже озвученную мысль. – Я имею в виду, кто, когда и зачем посадил нас в этот челн?

– Да нет, я же не буквально, а фигурально выражаюсь, я так свои эмоции озвучиваю, – сбивчиво забубнила Ребекка. – Ты разве совсем ничего не помнишь? Ничегошеньки?

Ничегошеньки? Я задумалась... Прикусила нижнюю губу, с сомнением сплела и расплела пальцы, ощупала свою одежду, безупречно чистую и отглаженную, констатируя, что ничего из моего личного имущества не потерялось, все находится при мне. На шее висит Звезда моей души и ожерелье из слез Эврилики, странный камень из повозки старьевщика помещен в футляр и лежит подле меня вместе с сумкой Лаллэдрина. Лед, эльфийский клинок, заботливо пристроен на дне лодки, а стилет по-прежнему прикреплен к моему поясу. И даже вынесенный из подземелья под Немеркнушим Куполом обрывок пергамента, бережно завернутый в кусок непромокаемой кожи, не потерялся, а все так же лежал в моем кармане.

Получается, что сижу я здесь не просто так, а безупречно готовая к дальнейшим свершениям или злключениям (это уж с какой стороны посмотреть): здоровая, невредимая и полностью экипированная. Вот только совершенно не помню, что же произошло после того, как выпущенная Беониром стрела вонзилась в мою грудь!

– Не помню! – откровенно созналась я. – Хоть убей, не помню...

Я поймала виноватый взгляд красного, словно перезревший помидор, Беонира и сконфузилась, осознав, что ляпнула несусветную бестактность.

– Йона, ты же меня простила? – умоляюще заблеял несчастный несостоявшийся убийца, жалобно шмыгая носом. – Я так старался искупить свою вину, я спасал тебя от эльфов, я чуть не погиб!..

– Вот брехливое тепло-то! Опять он свои швабры и грабли все поминает, – иронично

расхохоталась воительница, придвигаясь вплотную и сжимая меня в своих крепких объятиях. – Отстань от малышки, блохастый, она же все равно ничего не помнит!

Девушка глубоко вдохнула, набирая в легкие побольше воздуха, и начала излагать настолько невероятную историю, что я оторопело замерла, не веря собственным ушам. И в то же время я ни на секунду не усомнилась в достоверности захватывающего повествования, понимая, что все рассказанное Ребеккой есть абсолютная и объективная правда. Ну как слова в песне: все складно, красиво и к месту – ни убавить, ни прибавить.

– Не заставляйте его плыть насильно, он хорошо чувствует волну, а если возникнут сложности – сам вынесет вас куда нужно. Так говорила про челн Лорейна, – пояснила Ребекка и виновато вздохнула. – Признаюсь, я была к ней несправедлива, ибо принцесса оказалась очень доброй и заботливой... – Тут лайил вздохнула еще покаяннее. – Под скамейкой на корме – съестное и фонарь, спасибо принцессе...

– И куда мы теперь плывем? – спросила я Ребекку по окончании рассказа.

– Точно не знаю. – Уголки ее губ скептически опустились вниз. – Альсигир с Турраном упоминали некое сокровенное подводное погребение – грот Изломанных Течений, куда Непотопляемый Челн сам отвез мертвого короля.

– Там Арцисс и остался! – трагическим голосом напевно подхватил Беонир, похоже, решивший внести в нашу беседу немного мистики. – Там он и лежит по сей день, на морском дне. Мертвый герой среди кораллов...

«Хлоп!» – Это Ребекка со всего маху отвесила болтуну хлесткий подзатыльник.

– Языком метет, словно помелом! – осуждающим тоном пояснила она истинную подоплеку своего поступка. – Слушать тошно.

Беонир обиженно отодвинулся, покидая свой пост и украдкой потирая ушибленную голову.

– Жарко! – Ребекка поправила свой перекосившийся воинский обруч, подняла правую ногу, стянула с нее сапог и скептически понюхала длинное голенище щегольской обуви. – Интересно, почему, когда потеют ноги, они так плохо пахнут, а руки – нет?

– А ты вспомни, откуда у тебя руки растут и откуда ноги!.. – ехидно посоветовал Беонир, нахохлившийся, как сыч, и демонстративно взгромоздившийся на самый край кормы, подальше от драчливой воительницы.

– Ах ты! Пришибу гада... – вторично замахнулась Ребекка, но я рассмеялась и шутливо шлепнула ее по руке, предлагая утихомириться.

– Ты же сама его провоцируешь, – тихонько пояснила я. – Пойми, он ведь бузит чисто ради твоего внимания.

– Злыдень! – уже успокаиваясь, припечатала воительница, презрительно отворачиваясь, но при этом грозя кулаком своему неугомонному оппоненту. – Ладно, живи уж, блохастый, раз за тебя малышка вступается.

Я улыбнулась, мысленно потешаясь над их наигранным противостоянием. Вроде бы он не обращает на Ребекку внимания, но при этом не сводит с нее глаз. А она, в свою очередь, демонстрирует Беониру полнейшее пренебрежение, одновременно прислушиваясь к каждому его вздоху. Спрашивается, почему женщины любят ушами, а мужчины – глазами? Теперь я выяснила почему... Да ведь женщине смотреть не на что, а мужчине – слушать нечего!

– Короче, нам нужно срочно найти могилу повелителя Полночного клана, – коротко закончила воительница, отвлекая меня от философских размышлений. – Со дня его похорон море не пускает в свои воды Полуденных эльфов, наказывая их за трусость. Альсигир уверен, что ты способна им помочь... Дескать, так предсказал Лаллэдрин.

«Помочь? – озадаченно подумала я. – Предсказал? М-да, хотелось бы верить, что я способна на такое деяние...»

Вода с шипением вспенивалась под килем серебряной ладьи. Мы плыли вдоль Зачарованного берега. Вдалеке виднелся королевский дворец, горделиво возвышающийся

над крышами домов, но вскоре эльфийское поселение исчезло из поля зрения, сменившись глухим лесом.

– Не знал, что здесь есть еще один лес. – Беонир недоуменно разглядывал сплошную зеленую стену, состоящую из могучих островязов и пушистых сосен.

– Ну сам посуди, лохматый, не может же лес Шорохов остаться единственным лесом на всем материке? – Ребекка говорила сквозь зубы, потому что ей было очень жарко, а принятое по эстафете весло начало изрядно натирать руки. Кажется, она уже пожалела о том, что обошлась с Беониром так грубо, отведя его от тяжелой мужской работы.

– Да, глупо, ты права, – с наигранным покаянием пожал плечами юноша. – Йона, ты у нас главный дозорный, далеко еще?

Я поднесла руку к глазам, создавая козырек от палящих лучей Сола, и попыталась прикинуть расстояние до уже отчетливо виднеющейся впереди скалистой гряды.

– Думаю, еще около получаса при попутном ветре, – неуверенно доложила я.

– Всего-то? – Юноша якобы небрежно кивнул Ребекке. – Справишься или слабо?

– Издеваешься? – прорычала та в ответ и с удвоенной энергией налегла на весло.

Я сидела на скамеечке, судорожно ухватившись за борт челна побелевшими от напряжения пальцами, и ожидала встречи с чем-то волшебным, а точнее, сама не знаю с чем. Все сказки, столь любимые в Блентайре, постепенно воплощались в реальность. Страшных крысокошек и спящих стражей подземелий мы уже встретили, а теперь вот плывем на легендарном Непотопляемом Челне. Я скептически усмехнулась. А что еще поджидает нас в дальнейшем? Пожалуй, неизвестными остаются лишь какие-то абсурдные, вскользь упомянутые Беониром тарантуки и песчаные стоножки... Хотя нет, ибо в существование подобных тварей я, невзирая на свою наивность, категорически отказываюсь верить.

Благодаря тактической уловке Беонира, ловко наступившего на любимую мозоль Ребекки, то бишь на ее гипертрофированное самомнение, до скалы мы добрались в считанные минуты. Теперь скорость пришлось резко сбросить, чтобы ненароком не пропустить пресловутый грот Изломанных Течений и не проскочить мимо.

Обнаруженные нами скалы вздымались вверх строго вертикально, а некоторые даже нависали над проплывающими путниками, то ли грозясь раздавить, то ли предупреждая о какой-то неизвестной опасности. В целом все это выглядело совершенно аномальным, неправильным, противоречащим законам природы – скалистый массив посреди открытого моря, настолько далеко от берега. Но если он находится именно здесь, значит, он зачем-то нужен?

Небо над нами немного потемнело, закрываясь быстро сгущающимися тучами, но Сол, круглый и ярко-оранжевый, стоял ровно в зените и жарил почище раскаленной сковородки, а поэтому с Ребекки, в бешеном темпе гребущей веслом, пот струился ручьями.

И все-таки мы едва не пропустили искомый грот. Мы плыли мимо скал, кажущихся совершенно монолитными, и не находили ничего – ни какой-либо трещины, ни малейшего намека на вход в междускальный туннель. Отчаяние закралось в душу, и мы уже готовились сдать, отправиться в обратный путь, когда я вдруг поняла, что темное пятно, находящееся в центре скалы и неспроста привлекавшее мое внимание, на самом деле вовсе не тень и не грязь на поверхности камня, а вход в малозаметную пещеру. Отверстие зияло черным неровным полукругом. И тогда я встрепенулась, чуть не опоздав:

– Вот оно! Поворачиваем!

Нужно отдать должное воительнице – она резко заработала веслом, поворачивая Непотопляемый Челн еще до того, как обернулась посмотреть на грот. Таким образом, нам не пришлось делать полный разворот, и лодка, мягко скользя по темнеющей глади воды, плавно вошла под своды грота.

– Основной проход – там! – закричал Беонир, из нас троих обладающий наиболее острым зрением, в чем мы уже имели возможность убедиться еще в подземелье Блентайра. Он без колебаний указал пальцем нужное направление. – Других я не вижу.

Я растерянно оглядывалась, не обнаруживая ничего, кроме угрожающей темноты,

могильной тишины, нарушаемой лишь плеском весла по воде, и жуткого холода, исходящего каменным сводом, нависающим над нашими головами.

– Как-то мне уже не жарко... – Поежившись, Ребекка мигом застегнула жилет и завернулась в плащ. – Ну как, плывем дальше, что ли?

– Йона? – вопросительно обратился ко мне ниуэ.

Я слышала голоса своих друзей, видела их действия, но мои чувства словно разделились надвое, одной частью заставив меня мысленно улететь куда-то далеко-далеко. Я медленно распахнула камзол. Сила, заполнявшая один из лучей звезды, мерцала желтым неровным пламенем, но ни вода, ни стены пещеры не отражали ни единого отблеска.

Меня мучило все обостряющееся предчувствие неминуемой грядущей опасности... Все органы чувств были сильно напряжены, словно в любой момент могла последовать неведомая атака. Я сжалась в комочек на носу челна, уже готовая закричать: «Уходим отсюда, здесь живет сама смерть!», но внезапно, взглянув на весло в руках Ребекки, я вспомнила жизнерадостную Лорейну и ее песню... Песню, полную тоски по утраченному счастью! А ведь именно возвращения этого утраченного смысла бытия и ждали от меня все Полуденные эльфы. Так имею ли я право их подвести? О нет, конечно же не имею! От подобных мыслей мне сразу же стало немного теплее, я смогла расправить плечи и тут поняла, что и лайил, и ниуэ смотрят на меня с нескрываемой тревогой, а также многократно вслух повторяют мое имя.

– Со мной все в порядке. Правда! – Я отвернулась, делая вид, будто рассматриваю стены прохода, а на самом деле, чтобы скрыть смущение. – Думаю, нет смысла медлить – плывем.

По-прежнему не сводя с меня обеспокоенного взгляда, воительница тихонько направила лодку в тоннель, следуя указаниям Беонира. Очень скоро стало настолько темно, что мы перестали видеть друг друга и слышали лишь свое напряженное дыхание.

– Вот так тьма, чтоб ее мантикора три раза переварила! Нужно зажечь фонарь, – спокойно сказала Ребекка и повернулась, чтобы достать из-под кормового сиденья мешок с припасами, выданный ей эльфами. Весло она выпустила, предоставив ему скользить по воде, но деревяшка почему-то не пожелала принимать нужное положение и со всего размаху ударила девушку по животу. Воительница только охнула и согнулась пополам, зажимая руками ушибленное место.

– Ребекка! – испуганно вскрикнула я и хотела было сделать шаг вперед. Но Беонир не позволил этого сделать и поспешно усадил меня на место, зачем-то положив руку мне на голову.

– Что случилось? – Я инстинктивно перешла на шепот, остерегаясь растревожить похоронную атмосферу этого ужасного места.

– Проход сужается, – юноша тоже понизил голос. – И в ширину, и в высоту.

Дальнейшее продвижение застопорилось. Нам пришлось согнуться в три погибели, прижимаясь к бортам лодки. Беонир, предварительно втянув весло в лодку, сумел нашарить спрятанное под кормой снаряжение и по запаху нашел среди вещей стеклянный фонарь с резервуаром, наполненным каким-то ароматным маслом. Я отнюдь не была уверена в том, что на этот раз мне удастся создать огонь так же легко, как это было в подземелье, но ничего другого придумать не смогла. Я постаралась расслабиться, начертила в воздухе знак огня, вот только нужное заклинание прозвучало хрипло и неразборчиво из-за сухости в горле. Тем не менее язычок огня все-таки возник между моими пальцами, и притом он получился гораздо более ярким, чем когда-либо ранее.

Разожженный фонарь немного разогнал темноту, и мы смогли оглядеться. Коридор, ведущий в грот Изломанных Течений, действительно чудовищно сузился – сейчас весло стало нам не нужно: можно было продвигать челн вперед, просто цепляясь за стены руками. Над головой тоже не обнаружилось ничего хорошего – своды пещеры нависали так низко, что не представлялось возможным даже немного привстать. Мы втроем мрачно оглядывали стены, окружающие нас со всех сторон. Нам казалось, что мы навсегда застряли в этом

царстве темноты, холода и смерти и уже никогда не выберемся наружу, к теплому Солу, синему морю и чистому небу. Отчаяние давило сильнее камня, вгоняя нас в ужас, который в любую секунду мог вылиться в приступ неконтролируемой паники.

– Пребывание на одном месте ничего не даст! – наконец хмуро заявил Беонир. – Надо попытаться проплыть дальше.

– Чтобы лодка застряла так плотно, чтобы мы уже не смогли ее вытащить? – Ребекка все еще говорила с трудом, держась за сведенный судорогой живот.

– Дорогая, у нас нет выбора, – ответила я.

Терзающая воительницу мука эхом отзывалась в моей душе, и я пребывала на грани эмоционального срыва, готовая на что угодно, лишь бы только плыть прочь отсюда и лишь бы моя подруга не испытывала боли. В конце концов, Ребекка пострадала по моей вине, преданно последовав за мной.

Но лайил лишь хмуро усмехнулась, соорудив гримаску полнейшего спокойствия и пренебрежения к боли. Прежде всего, она была воином и старалась никогда не забывать об этом почетном звании.

– Давай, лохматый, ты одной рукой толкаешь, а я – другой. Начали! – скомандовала воительница.

Пару раз я тоже порывалась помочь им толкать челн, но размаха моих рук не хватало на обе стены. Я ничем не помогала, а, наоборот, нарушала ритм движения и поэтому вскоре сдалась, предпочтя неподвижно сидеть на носу лодки. Я пришла к выводу, что если уж ничем не могу облегчить тяжелый труд своих друзей, то хотя бы не стану им мешать. Своды пещеры оказались абсолютно ледяными, осклизлыми и отвратительными на ощупь. Я снова начала испытывать муки совести из-за того, что мои друзья выполняют всю трудную и неприятную работу, отдуваясь за меня. Тот факт, что мне доверили держать фонарь и освещать дорогу, служил весьма слабым утешением.

К счастью, проход больше не сужался, но зато перед нами немедленно возникла другая проблема – боковые коридоры. Их было много, а выбрать предстояло только один.

– Для начала неплохо бы понять, какой из них главный. – Беонир чувствовал полнейшую беспомощность и злился, в первую очередь, на самого себя. – Как я могу определить, какой из них нам нужен?

– В первый мы не поплывем! – категоричным тоном заявила воительница, тоже не относившая себя к числу любительниц игры «угадай-ка».

– Почему? – осмелилась спросить я, удивленная ее логикой.

– Потому, что это слишком просто – сворачивать в первый же ход. Это...

– Это плохой принцип – сразу отбрасывать первый и последний варианты да еще тот, что в середине, – перебил юноша, настороженно озираясь по сторонам. – Надо придумать другой критерий отбора.

– Не нравится мой рецепт – предлагай свой, получше! Умник!

Без сомнения, сама атмосфера этой странной развилки действовала на нас резко негативно, что не замедлило сказаться на репликах моих друзей.

– Я пытаюсь, – вымученно улыбнулся ниуэ. – Но пока, увы, не получается...

Он осторожно двигал лодку от одного хода к другому, и вскоре у меня возникло стойкое ощущение, будто мы попали в водоворот и плаваем по кругу безо всякой надежды на благополучный исход нашего предприятия. Но тут Беонир встрепенулся и закричал:

– Есть!

– Знаешь, а я тоже не прочь перекусить, – поддразнила его Ребекка.

– И я! – робко вякнула я.

– Да ну вас! Смотрите... Нет, лучше потрогайте стены в этом проходе...

Мы подчинились и заинтригованно притронулись к каменной стене. Я первая поняла, в чем тут дело:

– Они сухие! Ни капли слизи!

– Именно! – торжествующе заключил юноша.

– Ну и что из этого следует? – подозрительно протянула несговорчивая воительница. – С чего ты, спрашивается, решил, будто нам непременно нужно свернуть в этот подсушенный кем-то коридор?

– Ребекка, это все-таки лучше, чем ничего, – коснулась я локтя девушки, прося проявить снисходительность. – Давайте немного поедим и успокоимся, перед тем как ступить в неизвестность, а?

Мы распотрошили сумку с припасами и уселись цепочкой, передавая друг другу хлеб, вяленую рыбу, сыр и кувшинчик с невероятно вкусным имбирным пивом.

– Ум-м-м! – одобрительно промычал Беонир, прихлебывая пенистый напиток. – А знаете, мне сразу вспомнилась забавная история, которую любил рассказывать мой отец в те давние времена, когда я еще был маленьким и мы обедали с другими членами нашей семьи...

– Расскажи ее нам, не ломайся! – Воительница игриво пихнула его локтем в бок. – Чуток веселья нам сейчас не помешает.

– Расскажи! – с набитым ртом неразборчиво поддержала я.

– Ну ладно, слушайте.

Юноша усмехнулся, отпил из кувшинчика и завел задушевым, доверительным тоном:

– Много лет назад в одном из кланов ниуэ жил-был юноша по имени Всехочун, славящийся своей жадностью и любовью откусывать чего-нибудь вкусенького на дармовщинку...

– Я никогда не слыхивала подобных нелепых имен! – с хихиканьем возразила Ребекка. – Его родители что, дураками были, раз дали своему сыну такое несуразное прозвище?

– А я думаю, его родители были очень умными, – осторожно вставила я.

– Именно так! – подмигнул мне Беонир. – Всехочун достиг возраста зрелости и уже практически до смерти замучил все свое племя. Он нутром чуял любой праздник, да и просто готовящийся ужин, нагло заявлялся в гости и не уходил, пока на столе оставалась хотя бы одна несъеденная хлебная корка. Всехочун отвратительно растолстел, страдал произвольной отрыжкой и испусканием газов, но продолжал есть все чаще и поглощать еды все больше. От него сбежали все друзья, а его именем пугали непослушных детей. Ты станешь такой же толстой, если не отдашь мне этот бутерброд! – вдруг заявил он, выхватывая кусок из рук заслушавшейся Ребекки.

– Ах ты, хитрюга! – расхохоталась девушка, вцепляясь в недоеденный хлеб, и на дне челна завязалась шутливая потасовка.

Я подобрала упавший бутерброд и отдала его воительнице. Беонир опечаленно вздохнул и продолжил:

– Тогда нагло затерроризированное Всехочуном племя ниуэ слезно взмолилось, прося бога Шарро о помощи. И помощь пришла. Однажды Всехочун гулял по подвалам Блентайра, ища, чего бы съесть, и случайно встретил эльфийского чародея, несущего вот точно такой же кувшин, из которого доносился умопомрачительный аромат имбирного пива. – Беонир картинно помахал глиняным сосудом прямо у нас перед глазами. «Здравствуй, добрый юноша! – вежливо поклонился чародей. – Я заблудился. Прошу, выведи меня из этих катакомб, и за это я исполню любые твои два желания!» «Любые?» – недоверчиво ахнул обрадованный Всехочун. «Воистину так! – подтвердил чародей, лукаво улыбаясь. – Я никогда не обманываю». Они ударили по рукам, и Всехочун вывел чародея на поверхность. А после этого услужливый юноша попросил мага подарить ему кувшин и сделать так, чтобы пиво в нем никогда не заканчивалось. Чародей протянул своему спасителю сосуд, кивнул и мгновенно растаял в воздухе, словно испарился. С тех пор никто и никогда не видел этого прожорливого юношу...

Беонир замолчал, взглядом требуя от нас заслуженную порцию аплодисментов.

– И чего? – недоуменно протянула Ребекка. – Да ваш Всехочун, наверное, обпился халявного пива, лопнул и сдох?

– Не-а! – ехидно отмел ее версию Беонир, заговорщицки поглаживая опустошенный кувшин. – Ты не угадала.

– Полагаю, в этой истории не все так просто, как кажется, – задумчиво предположила я.
– Наверное, встреченный юношей чародей и был богом Шарро, а мудрый бог всегда наказывает тех, кто ленив и корыстен!

– Именно! – одобрительно прищелкнул пальцами Беонир. – Йона, ты умница! Поговаривают, будто Всехочун и по сей день сидит на берегу подземной реки и на чем свет стоит ругает коварного чародея. До этого жутко толстый Всехочун неузнаваемо осунулся и похудел, но он никак не может уйти со своего места и бросить начатую работу, ставшую справедливой карой за его жадность!

– Но почему? – во все горло закричала любопытная Ребекка. – Чем наказал его Шарро?

Я тихонько хихикала, уже уловив подоплеку поучительной истории.

– Бог дословно выполнил просьбу Всехочуна! Пиво в его кувшине никогда не закончится! – торжественно возвестил Беонир. – Ибо жадный Всехочун до сих пор безуспешно пытается открыть тот самый кувшин!

Наградой талантливому рассказчику стали наши неистовые аплодисменты, перемежающиеся бурным хохотом.

То ли эльфийская пища оказалась какой-то особенной, то ли дело было в самом чувстве сытости, но, поев, мы уже не испытывали прежнего раздражения и беспомощности. Не тратя время на разговоры, гребцы направили лодку в сухой туннель.

С каждой минутой выбор ниуэ нравился нам все больше – ведь этот ход оказался куда более широким, чем начальный, так что очень скоро Беонир смог взяться за весло, а потолок давно уже не давил сверху черной массой.

– А тебе не кажется, что мы плывем быстрее, чем ты гребешь? – вдруг спросила Ребекка, и по ее знаку юноша поднял весло вверх.

Лодка продолжала плыть сама по себе. И чем дальше, тем быстрее она двигалась, так что мне даже пришлось сползти на дно челна, потому как брызги от взрезающего воду носа судна застилали глаза. Ребекка и Беонир, крепко вцепившись в борта руками, не имели никакой возможности повлиять на ход ладьи: ее скорость все увеличивалась, а разглядеть, что ждет нас впереди, было невозможно.

Неожиданно скорость движения замедлилась, но судно остановилось не сразу – некоторое время оно еще скользило по инерции, плывя по совершенно спокойной водной глади, пока не дрогнуло напоследок и не замерло.

– И куда же мы попали? – Ребекка произнесла фразу почти шепотом, но резонансные особенности этого таинственного места усилили ее голос так сильно, что слова прозвучали оглушительно, словно гром среди ясного неба.

– Сейчас увидим. – Беонир терпеливо дождался, пока я зажгу погасший от брызг фонарь, выпрямился во весь рост и осторожно поводил светом во все стороны.

– Мы находимся на озере! – изумленно выдохнула я. – На подземном озере, ставшем частью моря и расположенном внутри скального грота.

Я оказалась права. В тусклом свете почти исчерпавшего свой ресурс фонаря мы сумели разглядеть идеально спокойную поверхность воды и высокие своды, плавно закругляющиеся наподобие арок. Берегов озера видно не было. Аромат здесь стоял немного странный: пахло увядшими цветами и опавшей подгнившей хвоей.

«Как на лесном кладбище!» – невольно подумала я.

– Интересно, мы попали куда надо или как? – спокойно спросил Беонир, и мне сразу стало понятно, что ниуэ, проведший в подземельях большую часть своей жизни, не особо впечатлился увиденным здесь чудом.

– Надо искать берег. Но его даже не видно... – Ребекка обескураженно повертела головой и вдруг замерла. – Ой, смотрите, что это?

Доселе спокойная вода вдруг забурилась и закипела, стремительно закручиваясь в воронку глубокого круговорота. Так вот почему это место называли гротом Изломанных Течений! Высоченные волны взметнулись выше бортов челна, грозя накрыть нас с головой и увлечь на дно. Они яростно ударили в борта изящной верткой ладьи, то вздымая ее на самую

вершину очередного пенного вала, то рывком погружая во впадину меж двух зеленоватых водяных бурунов, а затем глумливо вышвыривая обратно. Неизвестно откуда взявшийся ветер рвал нашу одежду, завывая свирепо и оголодало, а я с пронзительным узнаванием ощутила, что мой кошмарный сон начинает сбываться!

Внезапно штормовой ветер стремительно перерос в настоящий ураган, а волны начали перехлестывать через борта челна, осыпая сотнями холодных брызг, больше похожих на злобные укусы. Огромный вал принял форму сложенной чашкой ладони, которая жадно сграбастала непотопляемое создание эльфийского мастера и, мстительно рокоча, швырнула в сердцевину спирального водоворота, закручивающегося в неотвратимо-смертельный штопор. Челнок шатко наклонился вправо, зачерпнул забортной воды и начал камнем погружаться на дно, увлекая нас в недра морских глубин...

– Жертву! – требовательно выпевал ветер. – Жертву!

И тогда недолго думая я рыбкой выпрыгнула за борт, стремясь спасти своих громко верещащих от ужаса друзей. А уже очутившись в воде, я с облегчением заметила, что волна, жадно схватившая меня в свои неласковые объятия, утратила всяческий интерес к челноку, отшвырнув его прочь, словно надоевшую ненужную игрушку...

Сразу же после того, как Йона прыгнула в воду, подземное озеро успокоилось, а его поверхность снова стала безупречно безмятежной, будто зеркало. Ее друзья перегнулись через борт челна и увидели слабое мерцание, искрящееся и радужное, поднимающееся со дна и достигающее самого верхнего слоя воды. Поднеся фонарь к глади озера, Беонир отметил, что вода только казалась темной, на самом же деле была чистой и прозрачной, а опустив руку за борт, он обнаружил, что вода еще и теплая, как парное молоко.

– Она чокнулась! – печально констатировала Ребекка, по-бабы горестно подпирая щеку кулаком и неотрывно глядя вниз.

– С чего бы это? – удивился юноша, не зная, стоит ли спорить с любимой девушкой или же лучше сразу и безоговорочно согласиться с ее вердиктом.

– Ну, это может быть опасно... То есть это всегда очень опасно – нырять в незнакомом месте, – разумно пояснила воительница. – Одной Тьме известно, что скрывается там, на дне.

– Все будет хорошо, вот увидишь! – уверенно заявил Беонир, робко поглаживая лайил по волосам. При этом он знал, что не сможет внятно изложить причины своей уверенности, только зря потеряет время, но все-таки он ни на секунду не сомневался в своей правоте. – Прошу, поверь, все будет в порядке.

Ответом ему стал хмурый взгляд.

Прошло несколько минут. Сидящие в лодке юноша и девушка молчали, причем это молчание было куда красноречивее самых отчаянных криков и самых бурных слез. С каждой секундой Ребекку одолевали все большие сомнения – она не должна была отпускать девочку и позволять ей прыгать за борт. Или, по крайней мере, не стоило отпускать ее одну. Ведь Йона такая слабая и хрупкая, да к тому же едва оправилась от тяжелой болезни... И тогда, как обычно и происходит в подобных спорных ситуациях, воительница решила перевалить вину на другого и остервенело набросилась на беднягу Беонира:

– Почему ты позволил ей нырнуть, недотепа? Кто знает, что за светящееся чудище скрывается там, на дне? Ну?!

– Милая, но я же не могу удерживать ее силой, и ты не можешь. Йона – наш друг и имеет право самостоятельно выбирать свой жизненный путь, а мы обязаны принимать и уважать ее выбор.

– Неужели ты не понимаешь? – сорвалась на крик лайил. – Я сейчас сойду с ума!

Воительница спрятала лицо в ладонях, терзаемая страхами, угрызениями совести и жалостью к той, которую она поклялась защищать и оберегать от любой опасности. Беонир растерянно молчал, не в состоянии найти нужные слова и весомые доводы, призванные образумить эмоциональную Ребекку. Оттягивая момент начала откровенного разговора, ниуэ, прежде чем всерьез взяться за утешения, бросил еще один взгляд за борт и вдруг радостно закричал:

– Исчезло! Свечение исчезло!..

Поначалу я не замечала ничего, кроме окружающих меня холода и мрака. Вода бурлила, увлекая вниз, все глубже и глубже. Но постепенно, по мере погружения, я ощутила, что холод уходит, сменяясь животворящим теплом. И тогда я наконец-то рискнула открыть глаза, намереваясь лицом к лицу встретиться с надвигающейся на меня смертью. Я не умела плавать, потому что весь мой опыт общения с водной стихией ограничивался неловким барахтаньем в мелком притоке нашей реки Алларики.

Открыв глаза, я поразилась тому, как отчетливо видно дно, освещенное загадочным мерцающим сиянием. Вот где стоило бы поискать кораллы или диковинные раковины, о которых я читала в монастырских книгах, но сейчас меня неумолимо манил таинственный свет. Кроме того, я начинала чувствовать сопротивление воды, которая стремилась вытолкнуть меня на поверхность, но ведь это могла быть и магия, охраняющая волшебное место. Неумело загребая ногами и руками, я двигалась вниз, напористо преодолевая толщу воды и стремясь дотянуться до источника волшебного свечения...

Неожиданно я ощутила острую боль в груди, в глазах потемнело, а во рту появился отвратительный медный привкус. Я удивилась, но тут же осознала причину этих странных ощущений – то бунтовали мои опустевшие легкие, испытывающие недостаток в кислороде. Я считала, что с момента погружения вряд ли прошло больше пары минут, но с каждой последующей секундой желание вдохнуть становилось все более нестерпимым. Я панически забилась, как пойманная в силки птичка, попыталась повернуть обратно и всплыть на поверхность, но не тут-то было – озеро не отпускало полученную жертву. Виски сдавило, из носа потекла кровь, окрашивая воду в ярко-алый цвет, а в голове будто бы забухал гигантский колокол, и с каждым мигом его удары становились все тяжелее...

– Девочка! – Хриплый старческий голос пришел откуда-то извне, настойчивым штопором ввинчиваясь в мои почти оглохшие уши. – Не сдавайся, борись! Вспомни, ведь среди твоих предков есть те, кто рожден жить в море. Если тебе не хватило воздуха, то учись дышать водой...

Легко сказать – учись! Не обращая внимания на чудовищную боль, разрывающую грудь изнутри, я попыталась успокоиться и последовать этому странному совету. С первого раза ничего не получилось, и я уже решила, будто умираю, как вдруг за ушами что-то с треском лопнуло и в грудь хлынул свежий живительный воздух! Я изумленно ощупала свою шею и обнаружила два крохотных углубления, расположенных точно под мочками ушей. У меня открылись жабры, явно подаренные кем-то из моих Полуденных предков!

Я весело рассмеялась, не раскрывая рта и выпуская из губ целый шлейф крупных пузырей, а затем уже куда увереннее поплыла дальше, приближаясь к загадочному свечению, идущему со дна озера. Заросли зеленых водорослей послушно раздались в стороны, пропуская меня, и я увидела пару линий, стремительно уплывающих подальше от волн, созданных моими неумелыми руками. Но вскоре я сумела найти нужный темп движений и поплыла, изгибаясь всем телом, а мои длинные черные волосы струились вдоль спины наподобие знамени. Наверное, так же легко летают поднявшиеся в небо птицы – естественно и без усилий. Вода несла и ласкала меня, а я широко раскрыла глаза, чтобы не упустить впечатления, которые мне дарило созерцание просторов морской стихии.

Мысленно оглядываясь назад, я понимала: очнувшись на борту Непотопляемого Челна, я готовилась к встрече с чем-то неожиданным, но, признаюсь откровенно, даже не мечтала увидеть такое!..

Оказалось, что источником волшебного свечения была величественная мужская фигура, свободно распростершаяся на дне подземного озера. Кусты морских анемонов нежно обвивали неподвижное тело, красным погребальным покровом удерживая на дне. Очень высокий, статный и царственно прекрасный воин спокойно лежал на своих широко распахнутых черных крыльях, поначалу производя впечатление не мертвого, а просто уснувшего. Его красивое худощавое лицо поражало идеальной гармоничностью черт,

бледная кожа светилась, будто перламутр, мощный торс облежала золотая кольчуга, а на челе сияла королевская корона. Пальцы скрещенных на груди рук обнимали небольшую голубую раковину, из приоткрытых створок которой и лился удивительный свет, приведший меня сюда...

Сомнений не оставалось – передо мной находился сам король Арцисс Искупитель, нашедший посмертное упокоение на дне Великого моря. Тот, который погиб в битве на Аррандейском мосту, носил титул повелителя клана крылатых Полуночных эльфов и приходился мне родным дедом. Именно он неоднократно общался со мной на ментальном уровне, помогая выпутаться из множества передраг. И вот теперь я получила единственную возможность самолично, воочию узреть легендарного героя!

«Удивительно, – немного отстраненно подумала я, разглядывая Арцисса, – ведь на одной из мозаик Немеркнувшего Купола я уже видела морскую раковину, идеально похожую на ту, которую держит эльфийский владыка. Не думаю, что это случайное совпадение. А ну-ка...»

Замирая от благоговения и в то же время изумляясь собственной смелости, я кое-как превозмогла шок, вызванный собственным нахальством, протянула руку и осторожно коснулась пальцев мертвого короля...

Глава 7

Еще несколько лет назад, будучи совсем маленькой и наивной девочкой, я полагала, что наш мир устроен предельно безыскусно, справедливо и красиво. И для того чтобы все стали счастливыми, а добро раз и навсегда победило зло, нужно совсем немного. Да-да, так немного, что до этого решения способен додуматься даже такой абсолютно незрелый в ментальном плане ребенок, как я. А именно: все хорошие люди должны собраться вместе и убить всех плохих. Вот так, дешево и сердито. Ба-бах – и плохих людей в нашем мире уже нет, остались одни хорошие. Однако сегодня выяснилось, что в этих заблуждениях я оказалась отнюдь не одинока... Смешно и печально осознавать, но при всей своей мудрости и завидном долголетии мои сородичи эльфы рассуждали примерно так же. Вот только они не сумели собрать под свои знамена всех хороших, а поэтому выступивших против них плохих людей оказалось намного больше. Так стоит ли удивляться тому, что последствия их действия оказались столь плачевными?

Подлый и трусливый человек ни за какие коврижки не отважится на смелый и благородный поступок. Такой никогда не действует открыто и категорически не согласен нести ответственность за содеянное зло. Увы, пришедшие в эльфийскую столицу люди тоже не блистали особыми добродетелями, а всей душой предались зависти, жадности и лицемерию. Они не объявляли эльфам войну в открытом порядке, нет. Они гадили исподтишка, совершая тайные набеги на дома своих благодетелей, приютивших их в Блентайре, под покровом ночи вырезая всех от мала до велика: женщин, детей, больных стариков и немощных калек.

При подобном раскладе терпение эльфийских кланов рано или поздно неминуемо должно было истощиться, что и произошло. Хозяева возмутились поведением гостей и официально объявили им войну, выйдя на поле брани разряженными в пух и прах, со знаменами, горнами и барабанами. К своему несчастью, эльфы полагали войну истиной в последней инстанции, эдаким благородным занятием, в реальности оказавшимся делом необычайно грязным, кровавым и гибельным. Добро и зло с трудом уживаются друг с другом, ибо каждая из этих категорий в своей основе имеет принципы, для противоположной ипостаси являющиеся пустым звуком. Ни для кого не секрет, что худой мир предпочтительнее хорошей войны, но как быть в том случае, если мир утрачен полностью?..

Все это я узнала в тот самый миг, когда прикоснулась к пальцам мертвого короля. Я стала обладательницей, а вернее, законной наследницей всех его мыслей, воспоминаний, знаний, а также несбывшихся надежд, неисполненных чаяний и невоплощенных желаний. А

самым поразительным оказалось то, что Арцисс ни в чем не винил людей, он их даже в какой-то мере оправдывал, сокрушаясь лишь по поводу собственной недалекости, излишнего гуманизма и неуместной привычки идеализировать всех и вся! Воистину, наш мир не знал ранее и уже никогда не узнает других таких возвышенных существ!

Лишившись эльфов, королевство потеряло слишком многое, неповторимое и невозполнимое. Оно утратило свою певучую душу, квинтэссенцию красоты и личностного достоинства, навечно погрязнув в грубости, меркантильности и злобе. И теперь Лаганахар в полной мере пожинал плоды своих низменных трудов. Война вроде бы закончилась, но мир так и не наступил... И мертвый король не просил о спасении его народа, он умолял меня вернуть нашему миру былую чистоту и дать ему еще один шанс возродить прошлые моральные ценности. Король знал, что нанесенные войной раны не затянутся так быстро, как того хотелось бы, даже если кто-то смелый приложит все усилия для их заживления.

Стоит ли говорить о том, что я с благоговением пообещала Арциссу сделать все зависящее, а также не зависящее от меня, чтобы любой ценой выполнить посмертную волю величайшего из владык нашего мира...

Внезапно какая-то непреодолимая сила ударила меня в грудь, отбросив от короля. Подчинившись интуитивному велению души, я успела выхватить раковину, доселе зажатую в пальцах Арцисса. Возможно, я хотела унести с собой память об этом странном свидании, а возможно, почувствовала волшебные свойства, заложенные в данный предмет то ли Неназываемыми, то ли самой природой. Очутившись у меня в руке, раковина сразу же потухла, а ее створки, ранее чуть приоткрытые, плотно сомкнулись. Я заинтригованно хмыкнула и сунула прекрасный дар моря в карман своего камзола, дав себе обещание чуть позже обязательно разобраться в этой тайне.

Увлекаемая течением, я буквально вознеслась вверх, замечая, как с каждой секундой светлеет толща окутывающей меня воды, предупреждая о приближении поверхности. Я оглянулась, посылая мысленное «прощай» великому королю, но уже не смогла разглядеть ничего, кроме торжественно покачивающихся водорослей, косяка серебристых рыбок, быстро промчавшихся чуть в стороне, и желтого песка. Озеро вновь собственнически укрыло того, кого уже не намеревалось отпускать, милостиво позволив мне сохранить воспоминания о нашей встрече. Полагаю, я стала последним существом, удостоившимся права лицезреть павшего короля. И теперь мне предстояло в полной мере оправдать оказанное высокое доверие, став Наследницей разрушенного королевства...

— Это ты во всем виноват! — чуть ли не с кулаками набросилась воительница на Беонира. Но, к счастью, всплывшая лайил не успела причинить никакого ущерба его здоровью, ибо в этот самый момент рядом с лодкой раздалось громкое бульканье, Непотопляемый Челн сильно качнуло, и на поверхности озера появилась я, отфыркиваясь и отводя от лица прилипшие к щекам пряди волос.

— Привет! — просто сказала я.

— Быстрее в лодку, дуреха! — От счастья лайил могла только ругаться, пока юноша помогал мне забраться внутрь челна.

— А где же свет? — удивился он. — Мы видели, как он исчез...

— Тут! — загадочным шепотом ответила я, прикасаясь к своей груди. — Вернее, думаю, что здесь. Теперь нужно убедиться в справедливости моей догадки...

— Теперь пора подумать о том, как мы отсюда выберемся, — хмуро опротестовала мое предложение Ребекка, всегда и по любому вопросу имеющая свое личное непоколебимое мнение. — Течение-то несет нас все в ту же сторону, а отнюдь не в обратную.

— Ребекка! — Я улыбалась, несмотря на прилипшие к щекам волосы и каплю воды на носу. — Сначала — звезда... — Мой голос прозвучал мягко, но в то же время твердо.

Я медленно расстегивала мокрый, сильно отяжелевший от влаги камзол. Пуговицы скользили в пальцах, неохотно поддаваясь моим усилиям. Мои спутники замерли, молча следя за моими движениями и гадая, откуда я набралась этой уверенности. Но я ничего не

знала наверняка – я действовала по наитию, следуя неведомо откуда появившемуся чутью. А может, оно родилось вместе со мной и являлось естественным свойством моей души, до сего дня тихонько дремавшим в ее глубинах? Как бы там ни было, но полы одежды наконец-то распахнулись, являя нашим взорам Звезду моей души, второй луч которой налился серебристо-мерцающим светом, чистым и голубым, словно морская вода. И тогда я поняла, куда исчезло излучаемое раковиной сияние... Оно перешло в звезду, подведя черту под моим вторым испытанием, успешно пройденным и завершившимся. Нет, почти завершившимся...

Я глубоко вздохнула и удовлетворенно посмотрела на своих друзей:

– Вот теперь мы можем отсюда выбираться!

Раньше я даже и не подозревала о том, что водой можно управлять. Но теперь, стоя в лодке и читая заклинание, поворачивающее вспять течение подземного канала, я не забывала мысленно благодарить послушно подчиняющуюся мне стихию, одновременно с этим вычерчивая пальцами руны контроля над водой. Магия буквально бурлила внутри меня, наполняя тело легкостью, а душу – гордостью за осознание огромной силы, доставшейся мне, которую я поклялась направить сугубо во благо нашего мира.

Нет, я не стану карать тех, кто совершил злодеяния, и не буду судить виновных, ибо я не имею на это морального права. Никто из нас не безупречен, а значит, никто не наделен прерогативой оценивать чужие поступки. Пусть лучше нас рассудит само время, как пела Лорейна. Уж время-то точно решит, кто прав, а кто виноват, и каждому воздаст по заслугам.

Человека красит не благозвучное имя, не слава его предков и не титул, человека красят его свершения и тот след, который он оставит в этом мире. Вот поэтому-то одни из нас канут в небытие, а другие останутся жить в веках, став героями баллад и легенд. Но пока, здесь и сейчас, я буду поступать так, как велят мне совесть, долг и предназначение. В конце концов, до того как стать легендой, еще нужно успеть ее сложить... А посему я хочу принести в этот истстрадавшийся мир милосердие, незамутненное, словно морская вода, и любовь, которая превыше всего. Я хочу дать этому миру возможность начать все заново, искупив прежние грехи и ошибки...

Голос Ребекки вывел меня из задумчивости, возвращая на бrenную землю:

– «Йохана – повелительница вод» – здорово звучит! – иронично-уважительно ухмыльнулась воительница, с легкостью орудуя веслом.

– Не говори ерунды, подруга! – сконфуженно отвернулась я. – Повелевать – это скучно. Дружить гораздо интереснее и приятнее...

– Я желаю тебе никогда не поддаваться соблазнам, которые таит в себе власть, – серьезно посмотрел на меня Беонир. – Власть меняет людей, чаще всего необратимо и отнюдь не в лучшую сторону. Вспомни Сильвану и Чаншир...

– Вспомни моего деда Финна Законника! – тихонько подхватила Ребекка. – Все они были неплохими ребятами, но лишь до тех пор, пока не получили власть. А ведь их возможности даже близко рядом с твоими не стояли!

– Я никогда не стану такой, как они, – клятвенно заверила я, с признательностью сжимая горячие ладони своих друзей. – Я никогда вас не разочарую и не причиню никому вреда, надуманно или без умысла, по неосторожности. Я вам это обещаю!

Над Зачарованным побережьем уже сгустилась глубокая ночь, когда мы достигли суши и, пошатываясь от усталости, ступили на нагретый за день песок. Нас встречали двое: мужчина в расцвете лет, кряжистый и плечистый, в коем я сразу же узнала кузнеца Туррана, и седой как лунь чародей Альсигир. Теперь-то я поняла, что именно они и были теми загадочными незнакомцами, которые укладывали меня в Непотопляемый Челн и отравляли на встречу с судьбой.

– Свершилось! – Альсигир восторженно воздел руки к темному небу. – Хвала Неназываемым, позволившим мне дожить до этой долгожданной минуты. Девочка, ты не только стала Наследницей всех трех эльфийских кланов, но и наполнила силой сердце

короля Арцисса, возродившееся в Звезде твоей души. А я выполнил просьбу Лаллэдрина и тоже немного тебе помог...

– Вы скромничаете, уважаемый Альсигир! – Я низко склонилась перед старым магом, ладонью прикрывая ярко мерцающую во тьме звезду. – Я узнала ваш голос. Это вы спасли меня от гибели, научив дышать под водой. Полагаю, Лаллэдрин не ошибся, именно вам поручив столь важную миссию – быть моим проводником и наставником!

Старый чародей польщенно улыбнулся, скромно поглаживая седую бороду. Очевидно, мои сердечность и почтение глубоко тронули его доброе сердце. Стариков, как правило, уже совсем мало заботят деньги и слава, им нужны лишь наше внимание, уважение и любовь. В молодости мы не понимаем столь очевидных вещей, наивно надеясь, что сами-то уж точно навечно останемся юными, здоровыми и красивыми, а скорбная пора старости обойдет стороной наши бесшабашные головы. Но разве кому-то удастся обмануть время?

– Клянусь всеблагим Шарро, я узнаю в голосе Наследницы интонации моего погибшего друга короля, а в ее поведении – его благородные манеры! – расчувствованно прослезился Турран. – Приказывай, девочка, и мы выполним любое твое указание.

– Я хочу увидеть короля Адсхорна, – не приказала, а попросила я. – Кажется, нам есть о чем поговорить... Уверена, после этого разговора жизнь на Зачарованном побережье станет намного проще и приятнее.

– И это все? – изумленно выпучил глаза кузнец. – Все так просто?

– Еще проще, чем вы думаете, мастер, – ободряюще улыбнулась я.

Мои собеседники недоуменно замерли, заинтригованные этими словами.

– Не стану испытывать вашу сообразительность, – пообещала я. – В заброшенной эльфийской Библиотеке, в спешке покинутой чародеем Лаллэдрином, я нашла Первую Книгу, написанную самими Неназываемыми, а в ней – короткую записку о предназначении слез Эврелики... – Тут я сняла с шеи жемчужное ожерелье и развязала нить, удерживающую драгоценные бусины. Не знаю, которая из них должна считаться первой, поэтому решила снова положиться на свое чутье. Закрыв глаза, я, не глядя, сдернула с нити одну из жемчужин и бросила в море...

– Одна – гладь моря усмирит! – громко продекларировала я.

Жемчужина беззвучно канула в волны... Сначала нам показалось, что на берегу не происходит ничего необычного, но море вдруг бурно набежало на линию прибоя и тут же смиренно отпрянуло назад, словно извиняясь за свою прежнюю непокорность.

– Неужели эльфы Полуденного клана смогут снова беззаботно плескаться в водах Великого моря? – робко спросил Альсигир.

– Да, разумеется! – Я пожала его дрожащие пальцы, несмело ищущие моего прикосновения. – А иначе ради чего мы прошли через эти испытания?

– Братья и сестры! – принялся громко созывать соотечественников кузнец Турран, нарушая ночную тишину. – Выходите из домов, море ждет нас!

Его призыв не остался без ответа. Я услышала, как захлопали двери домов, выпуская наружу своих обитателей. Первым на пляж ступил молодой мужчина, затем – юная девушка, а за нею – забавный вихрастый карапуз, предвкушающе повизгивающий, словно расшалившийся щенок. Все они двигались осторожно и выжидательно, давно привыкнув к яростному противодействию водной стихии. Но на сей раз ничего такого не произошло. Море ласково омыло их колени, приветствуя давних, но почему-то позабытых друзей. Эльфы один за другим радостно бросались в умиротворенно покачивающиеся волны, плавали, ныряли и резвились, оглашая берег ликующими криками. А я безмолвно смотрела на этих долгоживущих созданий, на этих вечных детей, почти утративших смысл существования, и начинала постигать величайшую истину бытия: не нужно гоняться за бессмертием, не нужно насильно растягивать жизнь. Чтобы сделать свою жизнь лучше, ее нужно просто наполнить: добром, любовью и милосердием!

А утром в Эррендир пришел праздник. Сол светил необычайно ярко, словно тоже

радовался за жителей Зачарованного побережья, которые нарядились в свои самые красивые одежды и накрывали столы прямо на улицах города. И чего только не было на этих столах! Свежие овощи и фрукты, лесные ягоды и зажаренные на вертелах перепела, кабаны окорока и домашний козий сыр. Я насчитала не менее десяти различных сортов вина в оплетенных соломой бутылках, пива в жбанах и корчагах, настоек в глиняных, искусно вылепленных кувшинчиках.

– Почему вино желтого цвета называют белым? – вслух недоумевала жмурящаяся от удовольствия Ребекка, отпивая из поданного ей бокала.

– Потому что его делают из зеленого винограда! – совершенно нелогично объяснял Горм, подливая девушке еще и еще.

Ну и конечно, сегодня всех вдоволь угощали рыбой: жареной, вареной, запеченной, соленой, маринованной и одному Шарро ведомо, какой еще! Задобренное моим подношением море щедро делилось своими дарами с Полуденным кланом, теперь навсегда избавленным от голода и тоски по родной стихии. Мы шествовали по улицам Эррендера как победители, встречаемые благодарственными криками, галантными поклонами и пожеланиями здоровья, чередующимися с молитвенными напевами, призванными обеспечить нам милость бога Шарро. Короче, нас окружили всеобщим почитанием и благоговением. А сколько песен мы услышали! Сколько посвященных нам стихотворений, баллад и од! По меткому замечанию Ребекки, столица Зачарованного побережья оказалась настолько культурным городом, что «даже птицы, пролетая над ним, терпят...».

Украдкой поглядывая на сияющее от удовольствия личико Лорейны, на исполненную достоинства осанку Туррана и добродушную улыбку Альсигира, я понимала, что они вполне заслужили такую милость судьбы. Ведь каждый из нас желает получить от жизни, в первую очередь, не славу, не почет и не титулы, а лишь кусочек обычного тихого счастья. А те, кто волей providения обречен на подвиги... Что ж, каждый человек способен совершить великий поступок, да вот только отнюдь не каждому успевают в этом помешать!

Миновав несколько улиц, мы углубились в центр города. Вскоре дома стали попадаться реже, а площади и улицы сделались шире. Камень мостовой сменился плитками розового мрамора, фонтаны были окаймлены прекрасными статуями, а лучи Сола дробились в окна ажурных беседок и отражались от поверхности многочисленных цветных витражей. Вольная походка сопровождающих нас эльфов приобрела чеканность парадной поступи, они подтянулись и посерьезнели, прогоняя с лиц расслабленное выражение. Глядя на гиганта Горма, я опять не к месту задумалась, пытаюсь вспомнить, кого же он мне напоминает. Эти миндалевидные глаза, безупречная линия скул, мощная шея, сильный и в то же время гибкий торс... Определенно, я уже где-то встречала эти запоминающиеся черты! А еще его глубокий, мужественный голос... Но тут я неосмотрительно налетела на идущую впереди Ребекку и чуть не упала, уткнувшись носом в перекрестье клинков между лопатками воительницы.

– Почему мы остановились? – удивленно спросила я.

– Похоже, пришли, – шепотом отозвалась моя охранница, хватая меня за руку и помогая восстановить равновесие.

– Да ну? – усомнилась я. – Куда?

Мы находились в центре обширной круглой площади, оборудованной странным, похожим на сцену помостом.

– Вот и я ничего не понимаю! – растерянно поддакнула Ребекка. – До этого нас приводили совсем в другое место. Там были стены, башни, замок, лаборатория Альсигира... Кажется, были! – Она повернулась на каблуках, недоверчиво озираясь по сторонам. – Хотя знаете, после всех наших приключений я уже готова поверить в любую сказку.

– В любую? – лукаво подмигнул старый чародей, внимательно прислушивающийся к словам лайил.

– Да! – слаженно заявили Беонир и Ребекка. – Душа просит сказки!

– Глаза – зрелищ, а желудок – вина! – громко расхохотался Горм.

– А вы его случаем не разрушили, этот дворец, когда меня пытались выкрасть? – улыбнувшись, подначила я друзей.

– Нет, – задумчиво протянула Лайил. – Мы тогда только пару рыбок травмировали морально, а физически – пару десятков стражников и одного глупого ниуэ.

Все дружно рассмеялись, разом утрачивая напыщенный вид.

– То, что вы видели раньше, есть наша боевая цитадель, а отнюдь не действующая королевская резиденция, – наконец пояснил чародей, утирая слезящиеся от смеха глаза. – Тот замок построили сугубо для защиты от внешних врагов, это было в те дни, когда мы едва начали осваивать Зачарованный берег.

– Ничего себе боевая, – саркастично пробормотала Ребекка, похоже, не питающая особого пиетета к воинским навыкам Полуденных.

К счастью, эльфы ее не услышали.

– Сейчас там располагаются казармы, моя лаборатория, обсерватория и зал для занятий астрологией, – подытожил Альсигир.

– А, понимаю, – насмешливо протянула я. – Астрология – это, кажется, наука о влиянии небесных светил на людскую темноту?

– Зря иронизируешь, Наследница! – упрекнул меня старый чародей. – Благодаря наблюдениям за Солом, Уной и звездами мы можем предсказывать погоду, составляем гороскопы и сдерживаем наступление Пустоши на Зачарованный берег. Вернее, пока сдерживаем, – печально поправился он. – Наши силы уже на исходе, и если ты не придумаешь что-нибудь действенное, то... – Он трагически развел дрожащие от немоги руки. – То тогда мы все погибнем!

– Я попытаюсь! – твердо ответила я, глядя ему прямо в глаза. – Я обещала это королю Арциссу и еще одному человеку, чья жизнь напрямую зависит от пустыни...

Тут я густо покраснела, осознав, что ошибочно, совершенно не к месту и не ко времени озвучила свои личные проблемы.

Но Альсигир прекрасно понял подоплеку моей тоскливой недосказанности и сконфуженно отвернулся.

– Так! – излишне бойко хлопнул в ладоши Горм, явно стремящийся побыстрее замять щекотливую ситуацию. – Чего же мы все-таки ждем? Вас пригласили на прием к королю Адсхорну, только помните одну вещь... По старинной эльфийской традиции всех новоприбывших путников мы угощаем бокалом вина. И если выясняется, что гости не затаили зла против Зачарованного побережья, то тогда... – воин хитро прищурился, – они получают противоядие!

Все сразу же оживились, захихикали и бурно зажестичулировали, восхищенные остроумием могучего Горма.

– И все-таки где же находится сам королевский дворец? – нетерпеливо спросила я, измученная ожиданием обещанной сказки.

– Здесь! – провозгласила Лорейна и так торжественно взмахнула рукой, словно дирижировала целым оркестром. – Перед вами – королевский дворец!

Только догадавшись поднять голову и проследить за жестом принцессы, я поняла, что именно подразумевал взмах эльфийки. На высоте десятка метров в воздухе над нами парил самый настоящий сад! Вернее, то была некая магическая субстанция, имеющая форму цветущего сада. Сад был окружен оградой, свитой из живых цветов, среди которых преобладали лотосы (я их видела в книжках), но кое-где мне удалось различить розы и тигровые лилии.

– Как мы туда попадем? – замороженно пролепетал Беонир, наконец-то получивший желанную сказку и почти ослепленный ее великолепием.

– Не извольте беспокоиться. – Лорейна подмигнула своим гостям. – Нас примут по высшему разряду!

Она громко свистнула, и воздух тут же наполнился шелестом бьющих по ветру птичьих крыльев...

Таких больших птиц я никогда еще не видела. Она имели белую окраску, обладали острыми черными клювами и яркими бусинками умных глаз.

– Чайки? – Ребекка уже перестала скрывать свое изумление. – Но...

– Таких больших не существует в природе. – Принцесса снова рассмеялась и приглашающим жестом указала нам на седла, укрепленные на птичьих спинах. – Это особые, королевские чайки. Садитесь – и летим!

Мы не без опаски вскарабкались по белым крыльям на спины благородных птиц, ведущих себя на удивление спокойно и разумно. Все происходящее казалось мне волшебным сном, но, заметив блеск восторга в глазах Беонира и тщательно скрываемое удовольствие в осторожных движениях Ребекки, я перестала сдерживаться и громко по-детски вскрикнула, сбрасывая избыток переполняющих меня эмоций. Никто из присутствующих даже не подумал осудить меня за столь бесшабашное поведение, отнюдь не подобающее Наследнице трех кланов.

Сейчас мы находились в самом сердце эльфийского мира, похоже, скрывающем еще и не такие чудеса. Уже сам факт нашего пребывания здесь казался мне абсолютно нереальным событием. Я проанализировала свои ощущения и приготовилась к встрече с чем-то неведомым, несомненно, поджидающим меня впереди...

Полет на чайках закончился до обидного быстро, гораздо быстрее, чем мы успели им насладиться.

– Они легко устают, – ласково погладила Лорейна голову своей крылатой перевозчицы и спешила, ловко спрыгнув на усыпанную цветами лужайку. – Идемте, его величество не любит ждать слишком долго...

От цветочной стены начиналась ровная песчаная тропинка, по краям которой росли пышные розовые кусты. Остальное пространство занимали самые разнообразные по форме и величине строения (после недолгих размышлений я пришла к выводу, что каждое из них создавал самобытный мастер по индивидуальному проекту), стены которых были обвиты раскидистым плющом. Окна были застеклены замечательными художественными витражами, составленными из мельчайших кусочков разноцветной полупрозрачной мозаики; крыши же зданий блестели воистину ослепительно, раздражая глаза.

Тропинка вывела нас к центральной вилле, раскинувшейся гигантском полукругом посреди воздушного острова, как я мысленно окрестила это волшебное место.

Несмотря на висевшую за спиной мелодику, Лорейна буквально впорхнула по ступеням, на секунду остановила нас и оценивающе оглядела с ног до головы.

– Да-а-а, в наш дворец еще никогда не являлась столь разношерстная компания! – констатировала принцесса, переводя взгляд с одного на другого. – Трое друзей, которым изначально предназначено быть не спутниками или друзьями, а непримиримыми врагами... Парадокс! Ну да ладно, сплешем этот вопиющий диссонанс на шутку судьбы! – хихикнула она непонятно чему и поманила нас за собой. – Прошу, проходите, все чудеса еще ждут вас впереди.

Принцесса оказалась права. Дворец порастил нас своими широкими лестницами, летящими анфиладами, люстрами (не меньше сотни свечей в каждой) в виде медуз, мозаикой на полу и стенах, струящимся в окна светом... Перед нами возникла нескончаемая череда комнат с хрустальными потолками, соединенными между собой сложными переходами. Переходы, обнесенные перилами, были обтянуты бархатом, укрыты гобеленами в букетах и лентах и отделаны тисненой кожей или бесценной парчой. Залы оказались заставлены драгоценной мебелью, резьбу на которой отполировало само время; фарфоровыми вазами со свежесрезанными цветами из сада; широкими плоскими вазонами с крошечными деревцами, точными копиями обычных, но красотой намного превосходящими их. На стенах висело множество картин, изображенных на холсте, пергаменте или шелке. А каждая секция заканчивалась дверями, ведущими в иные покои. В глаза бросались то слоновидные, с округлыми формами, диваны, то изящное, золоченое, кованое кружево элементов отделки кровати...

Спору нет, мы оказались в обиталище, поистине достойном великого повелителя великого народа! Любая из этих деталей по отдельности, а тем более все они вместе создавали ощущение чего-то воздушного, прекрасного и, как я это сразу же почувствовала, неуловимо унылого. Словно все это великолепие стало лишь красивой ширмой, за которой эльфы прятали личные, им одним известные печали и несбывшиеся мечты.

Я не успела понять, как и когда мы попали в тронный зал: галерея, по которой эльфийка вела нас всего минуту назад, как бы влилась в него, оказавшись неотъемлемой частью следующего помещения. Громадная зала, щедро залитая ярким полуденным светом, сплошь убранная лилиями и пионами... А вдоль стен выстроились несколько десятков эльфийских дворян, разряженных настолько экзотично, что они и сами напоминали некие невиданные растения. Меня мгновенно начало мутить от удушающего цветочного аромата, но, глянув себе под ноги, я и думать забыла о каких-то там запахах!.. Пол у нас под ногами имел вид огромного и совершенно прозрачного окна, по другую сторону которого важно плыли белые облака, а ниже них расстилалась бескрайняя синь Великого моря, сегодня вся усеянная лодочками рыбаков. Мне показалось, что сейчас это стекло растает и я провалюсь в воду... Я испуганно взвизгнула и подпрыгнула...

Ответом на мою несдержанную реакцию стал чей-то громкий смех. Я вскинула глаза и прямо перед собой увидела высокий серебряный трон, обильно изукрашенный жемчугом и крупными алмазами. Похоже, увлеченная изучением необычного пола, я не заметила, как вместе с друзьями очутилась непосредственно у подножия средоточия королевской власти. Звонкий голос нашей проводницы прозвучал прямо над моим ухом:

– Склоните головы, путники, ибо перед вами его всемилостивейшее величество повелитель Полуденного клана король Адсхорн!

Я во все глаза рассматривала легендарного эльфийского правителя... Если честно, я просто пожирала его взглядом! Король был высок, темно-пепельные волосы спускались ниже плеч, а высокий лоб украшала массивная корона. Роскошное одеяние, стройная фигура и горделивая осанка повелителя выглядели безупречными, разительно контрастируя с мертвенно-бледным равнодушным лицом. Его высокое благородное чело не прорезала ни единая морщинка заботы или печали, подобающая владыке, обремененному множеством государственных хлопот. Напротив, лик Адсхорна хранил отвлеченное, по-детски беззаботное и даже немного безумное выражение. Серебристые глаза короля смотрели куда-то в пустоту. Взгляд словно проникал сквозь склонившихся в церемонном поклоне гостей и устремлялся вдаль, не отражая ничего: ни мысли, ни эмоции. Морщины в уголках рта говорили о том, что повелитель уже немолод, но это было единственным признаком его почтенного возраста.

Мы все сразу же поняли, что король давно и безнадежно болен, он явно не в себе и не способен нести ответственность за собственные слова и поступки. И, скорее всего, он даже не совсем понимает, где находится в данный момент. Перед нами восседала роскошная оболочка – лишенное духа тело, бледная тень и жалкое подобие былой мощи того, кого называли одним из трех легендарных королей Лаганахара. Того, кто лично знал моего деда, дружил, а позднее враждовал с Джоэлом Гордым и доводился родным братом Эврелике, Повелительнице мантикор. Увы, настоящий король Адсхорн остался в прошлом, не перенеся тяжелого груза забот и потерь. И мне тут же стало грустно и мучительно больно от осознания суровой справедливости моих выводов...

К счастью, или, наоборот, к несчастью, мои размышления прервали довольно скоро. Король вдруг встрепенулся, посмотрел на нас крайне враждебно и хрипловато закричал:

– Как это называется, дочка? Чего ради ты привела сюда этих путников? Ты испытываешь мое терпение, клянусь Неназываемыми! Я не желаю видеть в своем доме врагов нашего народа: лайил и человеческого чародея!

– Папа, не кричи, а то у тебя снова разболится голова, – мягко попросила принцесса. – Уверю тебя, не все гости, попадающие на Зачарованный берег, обязательно являются нашими врагами. А эти путники мне очень понравились, они хорошие ребята.

– Хороший враг – это мертвый враг! – уверенно отбрил король. Сейчас он выглядел вполне нормальным и очень обозленным. – Лайил – порождения Тьмы, любимые дети змееликой Банрах!

– Да! – отважно ответила Ребекка, опускаясь на одно колено перед троном. – Вот только не все они являются внуками Финдельберга Законника, давшими клятву искупить содеянное дедом зло и спасти наш мир от гибели!

– Внушка Финна? – отшатнулся несчастный коронованный безумец, в панике хватаясь за подлокотники трона. – Ты пришла меня убить?

– Нет, ваше величество, – поспешила заверить Адсхорна воительница. – Напротив! Я желаю вам всяческого благополучия и процветания, а на Зачарованное побережье попала в качестве охранницы Наследницы!

– Наследницы? – На лице короля появилось осмысленное выражение. – Я не ослышался? Речь идет именно о Наследнице трех эльфийских кланов? – Он беспомощно оглянулся на Альсигира, безмолвно и неподвижно, словно статуя, застывшего за его троном.

– Именно так! – подтверждающе улыбнулся старый чародей. – Пророчество Неназываемых начинает сбываться.

– Но где же эта девушка? – продолжал недоумевать король. – Я вижу перед собой лишь ниуэ, лайил и человеческого мальчика-чародея со звездой на груди...

Поняв, что настал мой черед вмешаться, я скинула с головы капюшон пелерины, освобождая свои длинные волосы, и бестрепетно выступила вперед:

– Меня зовут Йохана! Я та, о ком вы говорите!

– Йохана? – задумчиво произнес король, всем телом подаваясь вперед и впиваясь испытующим взором в мое лицо. Совсем рядом со своими глазами я увидела его болезненно расширенные зрачки – мутные, растерянные. – Кто твои родители, девочка?

– Я не ведаю имени моей матери, – откровенно призналась я. – А моим отцом стал сын короля Арцисса и Эврелики, родившийся уже после гибели повелителя Полночных. Не знаю, как и почему они встретились, но подозреваю, что это событие произошло на знаменитой осенней ярмарке, около семнадцати лет тому назад.

– Твоя мать жива и поныне?

– Нет, – спокойно ответила я, решив ничем не выдавать того горя, которое причинял мне вполне очевидный факт скоростижной кончины моей матери. – Я уверена, что она умерла вскоре после родов. Я никогда ее не видела и воспитывалась в приюте.

– Так значит ты – моя внучатая племянница! – задумчиво протянул король. – Сиротка, слабая девочка... Как можешь ты спасти погибающий Лаганахар? – прозвучал беспомощный вопрос.

– У меня есть это! – Я положила правую руку на Звезду моей души. – И это! – Левая рука легла на мое собственное сердце, горячее, живое. – Я исполнена искренней любви ко всем созданиям нашего мира. И я клянусь, что любой ценой остановлю наступление Пустоши!

– Слышишь, Сильвана, она клянется! – вдруг тоненько хихикнул король. Его лицо перекосилось, глаза выкатились из орбит, а нижняя челюсть мелко затряслась, выпуская ниточку слюны. – Помнишь, Сильвана, мы тоже много в чем клялись... И где сейчас эти клятвы? – Адсхорн неожиданно откинулся на спинку трона и забился в конвульсиях, сильно похожих на приступ эпилепсии.

По залу прокатился всеобщий стон горя...

Терзаемая жалостью к сумасшедшему королю, я бегом преодолела три ступеньки, ведущие к трону, одной рукой нажала на плечо чуть приподнявшегося владыки, усаживая его обратно, а второй – сорвала корону, венчающую голову Адсхорна.

По тронному залу пронесся единодушный громкий крик возмущения, вызванный моей бесцеремонностью...

Не могу сказать, почему я поступила именно так, а не иначе. Как обычно, мною руководила одна лишь интуиция, совершенно не поддающаяся логическому анализу. Я

обеими ладонями плотно обхватила покрытые испариной виски больного короля, ощущая темную массу безумия, властно клубящегося внутри воспаленного мозга. Почти физически я разделяла в тот миг страдания владыки: страх за судьбу Полуденного клана, тоску по предавшей возлюбленной, раскаяние за убийство принца Родрика, вину за отступничество от короля Арцисса и тяжкое бремя смерти последнего. Разум несчастного Адсхорна не вынес подобных испытаний, погрузившись в вязкую пучину безумия и безвыходно заблудившись на границе Тьмы и Света. И теперь я, капля по капле, вытягивала из него весь этот ужас, стремясь исцелить. Мои ладони нагрелись и покраснели, наливаясь извлеченной из короля болезнью. Я скрежетала зубами от боли, испытывая неописуемые муки, но все-таки не отступала, чувствуя, как постепенно светлеет рассудок моего венценосного пациента, как медленно обретает четкость и ясность запутанный клубок доселе бессвязных мыслей...

Наконец, пошатываясь и совершенно обессилив, я отпрянула от Адсхорна, взвизгивающего на меня с немим изумленным облегчением.

– У тебя ее лицо, – вдруг взволнованно сообщил он. – Лицо моей сестры Эвриелики... Ее темные волосы и гордый взгляд Арцисса... – Он потянулся, словно хотел погладить меня по щеке, но смутился и отдернул пальцы. – Ее прекрасные глаза и его твердый подбородок. О, Неназываемые, как же ты похожа на короля Арцисса, племянница! Но как же ты похожа и на мою сестру тоже!

– Спасибо, – благодарно шепнула я, умилившись не столько комплиментами, сколько тем фактом, что король заговорил нормально и разумно.

– Спасибо тебе, целительница! – не остался в долгу повелитель.

– Встряхни! – Идиллическую картину воссоединения разлученных родственников нарушил требовательный выкрик чародея Альсигира. – Йона, немедленно встряхни свои руки! – Он подставил мне большой чистый платок.

Не понимая, чего конкретно от меня добиваются, я тем не менее резко взмахнула кистями обеих рук над поднесенным платком... У меня немедленно возникло такое ощущение, будто из меня выкатилось нечто тяжелое и горячее, похожее на язык пламени. Сгусток темной энергии стек с кончиков пальцев, замер на мгновение и смачно шлепнулся в платок, окрасив белую ткань в черный цвет.

– Слава Неназываемым! – Чародей торопливо свернул платок, скрывающий болезнь, вытянутую из короля Адсхорна, и завязал его узлом, вполголоса шепча какие-то защитные заклинания. – Ты стала очень сильной и талантливой целительницей, девочка, но пока что остаешься диким магом...

– Диким? – не поняла я, чувствуя себя совершенно нормально и здоровой, однако изрядно замороченной его намеками и недомолвками.

– Интуитивным, еще не обученным всем тонкостям магии, – доходчиво пояснил Альсигир и жестом поманил к себе стражника, стоящего в почетном карауле возле трона владыки: – Унесите это и сожгите! – приказал он, отдавая черный узелок. – Теперь эта болезнь уже никому не сможет навредить.

– В эльфийском Лазарете я прочитала Первую Книгу, но пока не умею управлять своими возможностями, – задумчиво бормотала я. – Вы научите меня азам чародейства, уважаемый наставник?

– Насколько смогу! – любезно поклонился Альсигир. – Но учти, тебе нужно обязательно встретиться с Лаллэдрином, ибо только он сможет огранить столь бесценный алмаз, как ты, девочка, и придать ему нужную форму.

– Слышишь, Сильвана! – громко рассмеялся король Адсхорн. – Среди нашего народа появилась новая чародейка, куда более сильная, чем ты или Альсигир!

– Но какая Сильвана? – изумленно приоткрыла я рот. – Ваше величество, опомнитесь, ведь она давно уже умерла... А я-то полагала, будто полностью исцелила ваш рассудок!

– Не помогло... – Уголки губ Альсигира опустились вниз. – Ему не помогло даже твое искусство, Наследница!

– Что ж, – стараясь выглядеть спокойной, твердо заявила я, – в нашем мире нет ничего

идеального, у каждого имеются свои недостатки. Значит, я найду иное средство или лекарство, способное помочь нашему дорогому повелителю!

– Не нужно мне ничего другого, я здоров! – Адсхорн сошел с трона и заключил меня в свои отеческие объятия, бережно целуя в лоб. – Что же касается недостатков... Поверь, девочка, через некоторое время тебе придется придумывать их для себя специально. Потому что, если говорить откровенно, мы, мужчины, женскими достоинствами только любимемся. А любим вас... Я даже не знаю, за что. Возможно, как раз за недостатки! У моей Сильваны, например, их было огромное количество. Наверное, поэтому я и люблю ее сейчас так же сильно, как в первый день нашего знакомства, хотя ее уже двести лет нет на этом свете.

– Нет! – согласно кивнула я. – А с кем же вы тогда все время разговариваете?

– С ней, конечно! А с кем же еще? – лучезарно улыбнулся король, и в его ликующем взгляде я прочитала столько счастья, что невольно зажмурилась, боясь ослепнуть. – И знаешь, это ведь и есть самое главное в отношениях между мужчиной и женщиной: их неразрывная ментальная связь. Ибо если мужчина действительно любит женщину, то разлучить его с ней не сможет даже такая серьезная неприятность, как смерть!.. А, Сильвана, я верно выразился?

Он прислушался так, будто слышал чей-то нежный голос, предназначенный лишь для него одного.

– Слышите? Молчит... – Король выразительно поднял вверх указательный палец, подчеркивая значимость текущей минуты, и торжественно добавил: – Она не возражает... Значит, я все говорю правильно!

Я облегченно вздохнула, убедившись в безупречном благополучии Адсхорна.

– В таком случае я хочу сделать вам небольшой подарок! – Я вынула из кармана грубый деревянный гребень для волос, найденный мной среди останков Сильваны, и вложила в затрепетавшую ладонь короля. – Вы узнаете эту вещь?

– Безусловно! – По щекам повелителя Полуденного клана скатилась пара крупных прозрачных слезинок, чистых, как вода в горном роднике. – Однажды, очень давно, в пору нашей молодости, три неразлучных друга, три короля – Арцисс, Адсхорн и Джоэл – решили доказать, что они способны не только управлять своими народами, но и вполне могут прокормить себя обычным ремеслом, что они не какие-то там ленивые бездари...

– Вдруг пришлось бы лишиться корон! – с намеком подмигнула я.

– Именно так, – со светлой грустью вздохнул повелитель. – Мы выбрали ремесло резчиков по дереву, полагая его самым легким из всех и доступным каждому.

– Вы ошиблись? – прозорливо усмехнулась я.

– Ты даже не представляешь насколько, племянница! – бурно расхохотался Адсхорн, погружаясь в приятные воспоминания. – Это стало настоящим испытанием для нашего терпения, пальцев и самолюбия. Мы изрезались в кровь, погубили кучу ракитовых деревьяшек и получили отличный урок, научившись уважать труд каждого бедного ремесленника. Мы поняли, что не бывает ненужной работы и бесталанных людей, все мы несем в себе искру творца, все мы нужны этому миру!

Я согласно кивнула, всецело разделяя убеждения своего венценосного дяди.

– В итоге мы все-таки умудрились создать нечто стоящее! – важно напыжился король. – Самым умелым из нас оказался Джоэл – он вырезал прекрасное седло, которое подарил своему закадычному другу Арциссу. Тогда они еще не были знакомы с моей младшей сестричкой Эввеликой, – тихим шепотом пояснил он, – и их товарищеские отношения не были омрачены ни одной размолвкой. Я с превеликими муками вырезал из дерева вот этот гребень, который позже преподнес Сильване. А вот Арцисс, уже в те годы прославившийся умом и ратными подвигами, проявил себя самым неудачливым из нас троих... – Король замолчал, обдумывая высказанную им двусмысленность, угодившую, что называется, не в бровь, а в глаз.

– Что же сделал мой дед? – напомнила я.

– Да, он стал самым неудачливым из нас во всех смыслах этого слова, – печально

развил мысль Адсхорн. – Он сумел вырезать лишь посох из ствола молодой ракиты, впрочем, тоже не лишенный нужных свойств.

– О каких свойствах идет речь? – совсем запуталась я. – Ведь вы создавали самые обычные поделки, не так ли?

– Обычные, да необычные, – непонятно хмыкнул король. – Все мы были не лишены склонности к магии, а посему и вещицы, вышедшие из наших рук, были не простыми. Седло Джоэла никогда не натирало спину лошади или бедра седока, мой гребень легко расчесывал самые запутанные локоны, не вырывая ни пряди, а вот посох Арцисса оказался совсем неправильным...

– Неправильным? – затаив от волнения дыхание, переспросила я, понимая, что сейчас услышу нечто очень важное.

– Ага! – поддакнул король. – Он указывал на скрытые в земле источники воды, но лишь воды горячей. Ты только представь себе, племянница, какую забавную и бесполезную вещь создал наш друг Арцисс!

– Представляю... – задумчиво протянула я, осененная потрясающей догадкой. – А потом он подарил тот посох Эврелике, не так ли, дядюшка?

– Точно! – Лицо короля вытянулось от удивления. – А откуда ты это знаешь?

Но я лишь неопределенно пожала плечами, уходя от ответа, ибо моя догадка, объясняющая слишком многое, еще нуждалась в реальном подтверждении.

– Хорошо! – торжественно захлопал в ладоши король. – А теперь я предлагаю отметить этот радостный миг воссоединения родственников. Несите вино, будем праздновать!

– Вино? – Ребекка нервозно дернула меня за рукав камзола. – Ты думаешь, нам стоит его пить?

– А оно точно безвредное? – заволновался Беонир, очевидно вспомнив недавнюю байку не в меру красноречивого Горма.

– Не бойтесь, это была всего лишь шутка, – хихикнула я, тайком показывая эльфу кулак. – Но если что, я всегда смогу вас излечить.

В зал внесли большой круглый поднос, уставленный, к нашему безмерному удивлению, множеством самых разнообразных бокалов с вином: фарфоровых, стеклянных, хрустальных, золотых, деревянных. Среди них попадались как очень дорогие и изысканные, так и, наоборот, дешевые и неброские, нарочито невзрачные на вид. Я секунду подумала, а затем протянула руку и уверенно взяла с подноса самый непрезентабельный сосуд – кривобокий, деревянный, надколотый и потемневший от старости, сознательно не отвечая на шокированный взгляд лайил. Ведь сама воительница выбрала золотой бокал, а Беонир – хрустальный, вычурно оплетенный серебряной проволокой. Когда присутствующие в зале гости разобрали бокалы и замерли, ожидая официального тоста от короля, вперед вдруг вышел чародей Альсигир и заговорил:

– Это наша древняя традиция – угощать своих гостей вином, проверяя тем самым истинную подоплеку их намерений!

Услышав эту фразу, Ребекка и Беонир разом побледнели, преисполнившись самыми пессимистическими подозрениями, а Горм иронично хмыкнул. Я же улыбнулась, ожидая чего-то совершенно поразительного.

– Как видите, все роскошные бокалы разобраны, – между тем вещал Альсигир, обводя взглядом всех присутствующих. – Почти никто из вас не выбрал себе бокал из простого материала. Но, увы, желание получить все самое лучшее и есть источник ваших проблем. Поймите, что бокал сам по себе не делает налитое в него вино лучше и вкуснее. Иногда он даже портит вкус того, что мы пьем. В действительности мы хотели получить вино, а не бокал. Но большинство из вас сознательно выбрало лучшую посуду. А затем вы принялись рассматривать и оценивать выбор соседа, сравнивая его со своим. А теперь подумайте: жизнь – это вино, а вот деньги, власть, положение в обществе – это бокал. Это всего лишь инструмент для хранения жизни. То, какой бокал мы имеем, не определяет и не меняет качество нашей жизни. Иногда, концентрируясь на цене и красоте бокала, мы забываем

насладиться вкусом самого вина. Наслаждайтесь же своим вином!

После этих слов чародей приблизился ко мне и низко поклонился. Он взял из моих рук выбранный мною бокал и поднял его высоко над головой, демонстрируя всем:

– У счастливых людей нет самого лучшего. Но они извлекают все лучшее из того, что у них есть! – провозгласил он. – Наивысшее и настоящее счастье заключается в том, чтобы хотеть то, что у тебя есть, а не в том, чтобы иметь то, что хочешь! Мы рады получить столь наглядное свидетельство твоей мудрости, Наследница!

Выпив вино, я поцеловала руку своего наставника, благодаря его за науку.

– Жизнь дается нам лишь единожды, – уточнила я. – А поэтому мы должны смело нарушать установленные судьбой правила. Давайте прощать – быстро, целовать – медленно, любить – искренне, а смеяться – неудержимо. И еще – никогда не жалеть о том, что заставило нас улыбнуться!

– Да будет так! – подвел итог Альсигир. – Наследница, теперь я полностью верю в то, что ты почти готова к подвигам во имя спасения нашего мира!

– Почти? – Я недоверчиво уставилась на мага, но он лишь сделал многозначительный жест рукой, будто намекая: «Поговорим об этом позднее».

Глава 8

– Ну что же, – удовлетворенно произнес король, после того как вино допили, а посуду унесли, – раз мы закончили с приятной частью нашей встречи, то пора переходить к неприятной...

Повинуясь его знаку, из-за спускающихся с потолка гобеленов вышли доселе не замеченные мною стражники, где они бдительно оберегали покой своего повелителя. Воины вытолкали в центр зала растерявшихся Ребекку и Беонира, удерживая их древками алебард.

– Голубчики вы мои! – с наигранной приветливостью хмыкнул Адсхорн, кровожадно потирая руки. – Предатели, убийцы и шпионы. И что прикажете с вами делать?

– Казнить! – безапелляционно потребовали многие из собравшихся в зале эльфийских дворян. – Их проступок не заслуживает снисхождения!

«Казнить? – раскатистым набатом бухнуло у меня в мозгу. – Обоих? Моих друзей? Отважную Ребекку и забавного невезучего Беонира? Оборвать их молодые жизни в самом начале, не дав возможности повидать мир, испытать любовь, родить детей? Да что они успели познать до сих пор, кроме бед, проблем и сложностей?..»

– Ни за что! – холодно отчеканила я, выходя вперед и собственной спиной закрывая побледневших и испуганных ниуэ и лайил. Широко разведенными руками я символически обхватила их тела, словно пыталась оградить своих друзей от гнева Полуденного клана. Боюсь, в тот миг моей хрупкой фигурке здорово не хватало величественности, а со стороны это выглядело глупо и даже комично: маленькая девчушка, прикрывающая двух могучих великанов...

– Хм-м... – задумчиво протянул владыка, с сомнением почесывая подбородок. – Намекаешь на то, что ты их простила?

По залу поплыл недоверчивый осуждающий гул множества голосов, но я не дрогнула и не изменила позу, намеренно бросая вызов всему Полуденному клану.

– Одумайся, племянница! – начал медоточиво увещевать меня Адсхорн. – Ты даешь нам понять, что готова помиловать предателей, покушавшихся на твою жизнь. Но зачем и во имя чего?

– Во имя добра! – Мой голос звенел, словно стальной клинок, столкнувшийся с каменной глыбой. – Я полагаю, негоже мне начинать жизненный путь с мести друзьям, пускай в чем-то виновных, однако признавших в своих проступках и раскаявшихся. Как и наш мир, Ребекка с Беониром тоже заслуживают второго шанса. Я искренне верю в возможность их исправления!

– Хм-м... – еще недоверчивее протянул король, усердно скребя подбородок. – Ты

надеешься, что своей добротой сможешь переломить сложившуюся ситуацию и исправишь порочные характеры этих лицемеров?

– Нет! – звонко рассмеялась я. – Характер человека способен выправить лишь сам человек. Я не могу изменить ситуацию, но попробую изменить свое отношение к ней.

– Мудрое решение! – чуть слышно шепнул Альсигир, одобрительно улыбаясь мне.

– При рождении в каждого из нас закладываются абсолютно равнозначные зачатки добра и зла, – между тем спокойно продолжала я. – И лишь от нас зависит, какая сторона наших качеств разовьется больше другой, определив судьбу своего хозяина. Никто не является убийцей до тех пор, пока он кого-нибудь не убьет. Но ведь меня-то не убили!

– Зато пробовали! – весело вставил король.

– Да, – не стала спорить я. – Но откуда вы знаете, вдруг судьба готовила мне именно такое нешуточное испытание, проверяя меня на выносливость и целеустремленность?

Адсхорн смотрел на меня ошеломленно, не находя что возразить. Похоже, ему даже в голову не приходил подобный вариант развития событий.

– Поэтому я снимаю с Беонира любые обвинения и, более того, выношу ему благодарность! – Я дружески подмигнула юноше, с радостью замечая, как его губы несмело раздвигаются в ответной благодарной улыбке.

– Ну ладно, так и быть! – неохотно выдавил повелитель. – Твой несостоявшийся убийца оправдан. Но как тогда поступить с ней, – он указал на Ребекку, – прислужницей богини Банрах, приставленной к тебе в качестве соглядатая?

– А никак, – улыбнулась я. – Только загнав человека в угол, можно понять, на что он способен. Отдаю должное сообразительности Ребекки, ведь, согласившись выполнить миссию, порученную змееликой, она тем самым подготовила удобную почву для реализации собственных, истинных намерений. Но когда вопрос о том, чью сторону выбрать, встал ребром, она без колебаний отвергла богиню и поддержала меня. Так за что же мы ее судим?

– А действительно, за что? – замороченно спросил король, но тут же рассмеялся и помотал головой, словно отгоняя от себя дурман, навеянный моими пылкими доводами. – Ох, племянница, ну и ловка же ты словами играть! Надеюсь, ты станешь моим защитником в тот решающий час, когда я буду лежать на смертном одре, а судьба примется судить, достоин ли я внимания белых мантикор, уносящих на небеса души праведников? – Его просьба прозвучала как невинное баловство, но всем известно, что в подобной внешне безобидной шутке таится немалая доля истины.

– Обязательно стану! – серьезно пообещала я.

– Да она, кажется, способна переговорить самого Железного Дракона! – восхищенно прилетело из рядов дворян.

– Простите, какого дракона? – недоуменно приподняла бровь я.

– Железного! – любезно пояснил Горм. – У нас существует такая традиция – если кто-нибудь выражается слишком логично и красноречиво, то такому предлагают: «А попробуй-ка уболтать Железного Дракона», тем самым намекая на нецелесообразность подобного занятия.

– Ясно... – Я силилась вспомнить, где и когда уже слышала о драконах нечто важное, но мои размышления опять прервали самым бесцеремонным образом.

– А мы в свою очередь клянемся больше никогда не предавать Наследницу! – неожиданно подала голос Ребекка. – Мы искупим свои прежние грехи и оправдаем оказанное нам доверие, последовав за ней хоть в Пустошь, хоть в Запретные горы. – Горящий внутренним огнем взгляд воительницы отражал непреклонную решимость во что бы то ни стало сдержать данное ею обещание. – Мы останемся с ней навсегда – и в жизни, и в смерти...

И тогда я крепко обняла Ребекку и Беонира, осознав, что отныне они оба стали моими настоящими друзьями, на которых я должна полагаться во всем и которым отныне могу безоговорочно доверять.

– Никогда еще враги не становились друзьями! – достигло моего слуха едва различимое

безрадостное бормотание старого Альсигира. – Это неправильно, это несет с собой опасность. Эх, неразумные дети мои, вы ведь даже не понимаете, каким страшным силам бросили вызов минуту назад...

Рассудком я была согласна со словами умудренного жизнью мага, но наперекор всему мои эмоции продолжали ликующе выпевать вечную песню дружбы и единения. Даже если Альсигир и прав, теперь я уже не в одиночку противостояю коварной судьбе. Теперь нас трое, и мы непременно заставим ее сдаться, действуя не только посредством храбрости, взаимной поддержки и доверия, но, если придется, и посредством оружия!

А о том, что у судьбы имеются свои, куда более действенные способы воздействия на жизнь каждого из нас, я тогда даже не догадывалась...

Пользуясь воцарившейся в зале неразберихой, я украдкой поманила к себе Лорейну и шепнула несколько слов, предназначенных только для нее. Девушка просияла счастливой улыбкой и выбежала из комнаты, не привлекая к себе внимания... А мне оставалось молить Неназываемых о том, чтобы наш небольшой заговор удался.

– Я устал, – капризно возвестил король, ерзая на троне. – Сегодняшний день выдался очень уж богатым на события. Предлагаю всем разойтись и отдохнуть. А тебя, племянница, – он ласково посмотрел на меня, – приглашаю воспользоваться гостеприимством Эррендера.

– Спасибо за любезное предложение! – вежливо поклонилась я. – Но я не отправлюсь на отдых до тех пор, пока не разрешу еще одну сложную дилемму...

– Что такое? – брезгливо поинтересовался повелитель, недовольно усаживаясь обратно на бархатную подушку, которую ему так не терпелось покинуть. – Какая еще дилемма?

– У вашего величества нет сына, наследника трона! – жестко напомнила я. – Кому же вы собираетесь передать бразды правления государством?

– Ты права, племянница, – закручинился Адсхорн. – У меня есть дочка, но второй подобной свистушки и вертихвостки не сыщешь на всем Зачарованном побережье. Знаешь, я даже приказал нашим магам удерживать ее в Эррендере с помощью зыбучих песков, но боюсь, что Лорейну не запугаешь ничем на свете. Вот и сейчас, – он тщетно поискал принцессу глазами, – она опять куда-то убежала...

– Если Лорейна и свистушка, то свистит она лучше любого соловья! – рассмеялась я. – Ваше величество, вам нужно просто выдать принцессу замуж за умного и хорошего эльфа, способного помочь ее в управлении государством.

– Да где же такого найдешь? – устало отмахнулся дядюшка. – На ее-то вкус? Лорейна уже отказала пяти достойным претендентам, а они происходили из самых благородных семейств.

– А вы отдайте принцессу за того, кого она любит! – вдруг смело заявила Ребекка. – И тогда все останутся довольны, а вы будете нянчить внуков.

– Внуков... – замечтался король, но потом вдруг напрягся, сердито барабанил пальцами по подлокотнику трона. – А если она полюбит того, кто ее не стоит?

– Ваша-то дочь? – хором не поверили мы. – Да ни в жизнь!

– Ладно, ладно! – Словно защищаясь от нашего напора, Адсхорн выставил вперед свои безвольные белые ладони, полностью оправдывая данное ему прозвище Нерешительный. – И кого же любит моя единственная дочка?

– Моего сына Ульвина Песенника! – Кузнец Турран бесстрашно шагнул вперед и упал на колени перед тронном короля. – А он давно влюблен в принцессу...

– Моя дочь и твой сын? – почти по-змеиному прошипел Адсхорн, брезгливо подбирая подол своей мантии. – Никогда! Ни за что! Да я скорее тресну...

– И треснешь! – раздался от входа в зал звонкий и предельно возмущенный голосок принцессы. – Скоро треснешь от своего дутого чванства, старомодного высокомерия и выдуманных обид! – Лорейна вошла под руку с Ульвином, исполненная отнюдь не девичьей решимости дать отцу беспощадный бой.

– Да, дочка, кажется, я тебя окончательно разбаловал! – гневно рявкнул Адсхорн, картинно подбоченясь. – Придется наказать.

– Какая несправедливость! – обиженно вздернула носик Лорейна. – Избаловал – ты, а наказывать – меня. Учти, я никогда не выйду замуж за кого-либо другого, кроме Ульвина. Он тебе не враг...

– Не болтай о том, чего не понимаешь, дочка! – торопливо перебивая девушку, угрожающе нахмурился король. – Иначе я прикажу запереть тебя в самой высокой башне и...

– А я тогда объявлю голодную забастовку! – строптиво уперла кулаки в бока принцесса, во всем копируя своего батюшку. – Обижусь, буду плакать и перестану петь тебе песни... Вот! – Алые губки девушки капризно надулись, и она наигранно повернулась спиной к отцу, демонстрируя высшую степень обиды.

– Ой-ей-ей! – схватился за щеки король, ошарашенный подобной отповедью. – Так нечестно!

Я лукаво подмигнула Лорейне, получив в ответ не менее красноречивое подмигивание. Затеявая маленький заговор, мы-то с ней отлично знали, что умный мужчина старается не давать женщине повода для обид. Но умной женщине, для того чтобы обидеться, повод и не нужен.

– Можно, я скажу вам несколько слов наедине? – спросила я, в упор глядя на дядюшку. Тот растерянно кивнул.

Я быстренько взбежала по ступенькам трона и нагнулась к уху короля.

– Мертвый король Арцисс ни в чем вас не винит, – оповестила я, хватая Адсхорна за руку, ибо, едва услышав имя своего погибшего друга, он тут же попытался увернуться, избегая неприятного разговора. – Наоборот, он всецело одобряет ваш поступок, ведь, уклонившись от битвы у Аррандейского моста, вы тем самым спасли свой народ.

При этих моих словах на бледных губах терзаемого муками совести короля нарисовалась первая робкая улыбка.

– Да-да, – продолжала напирать я, стремясь закрепить достигнутый успех. – Арцисс считает, что если вы и совершили какие-то ошибки, то уже в полной мере искупили их своей болезнью. И он очень опечален глупой враждой, возникшей между двумя его лучшими друзьями. Замиритесь с Турраном, – я добавила своему голосу торжественности, – и это будет воистину великий жест, достойный величайшего из королей!

«Почему бы не сыграть на его самолюбии? – мелькнуло у меня в голове. – Ради благой цели?»

– Ты так думаешь, Наследница? – Король искал моей поддержки.

«Именно так», – показала я одними глазами, уважая статус владыки и поддерживая его репутацию единоличного повелителя Зачарованного побережья.

Адсхорн заметно повеселел, а с высокого королевского чела ушло доселе его омрачавшее облачко тяжелой думы. Было заметно, что совесть повелителя облегчилась, лишившись страшного и давнего груза.

– Подойди ко мне, Турран по прозвищу Певучая Наковальня! – патетично провозгласил владыка, поднимаясь со своего места. – Прошу тебя, давай оставим в прошлом все огорчения и возобновим нашу дружбу. Если мы причинили друг другу обиды, то забудем о них и начнем жить с чистого листа. Ты согласен?

– О, дорогой мой друг! – прослезился кузнец, заключая Адсхорна в свои крепкие объятия. – Ты воистину величайший из эльфийских владык!

На красивом лице короля расплылась улыбка полнейшего удовольствия.

– Благословите нас! – Правильно истолковавшие значение текущего момента Лорейна и Ульвин повалились в ноги королю, громко бухнувшись коленями об пол. – Объявите о нашей свадьбе!

Я испытующе оглядела полноватую, но ладную фигуру Песенника, встретила взглядом с его умными, ясными глазами, отметила твердую линию подбородка и восхитилась открытым разворотом широких плеч. Несомненно, я в нем не ошиблась! Пусть простят меня Неназываемые за эту маленькую ложь, но я верю, что Арцисс желал бы того же

самого, хотя, разумеется, не давал мне никаких советов и указаний относительно личной судьбы принцессы Лорейны. Просто я знала, что сильнее всего он переживал за участь своего народа, а судьба народа складывается из жизненных путей каждого представителя. Возможно, в будущем мне еще придется расплатиться за свое маленькое вранье, но сейчас я о нем не жалела.

«Достоин?» – взглядом спросил у меня король.

«Достоин!» – так же безмолвно ответила я.

– Сегодня я официально объявляю свою дочь, принцессу Лорейну, и Ульвина Песенника женихом и невестой! – громко изрек король, соединяя руки молодых. – Их свадьба состоится сразу же после того, как Наследница выполнит свое предназначение и спасет Лаганахар от гибели!

«Вот хитрец, как красиво вывернулся, а!» – насмешливо думала я, пока в зал повторно вносили вино и разливали его по бокалам. На сей раз я специально выбрала самый шикарный сосуд и произнесла пышную речь в честь жениха и невесты, пожелав им всяческих благ. Вот и вертись теперь как белка в колесе, Наследница, спасай мир и обеспечивай счастье своих родичей. А если ты проиграешь, если ты не победишь и тьма поглотит весь Лаганахар? На один краткий миг в мою душу закралась неуверенность в собственных силах, но я упрямо отогнала пораженческую мысль и ехидно улыбнулась.

Слушай-ка меня, судьба, я расскажу тебе занимательную сказку... На высокой башне стояли два мага, злой и добрый, и бросали камни в проходивших внизу людей. Злой маг попал десять раз, а добрый – пятнадцать. А знаешь почему? Да потому что добро всегда побеждает зло! И пожалуйста, судьба, заруби себе на носу эту непреложную истину... А если ты не захочешь этого сделать, я сделаю тебе зарубку сама!

На следующий день я напросилась в гости к Альсигиру, ибо меня чрезвычайно заинтересовала его лаборатория, она же обсерватория, столь легкомысленно мной высмеянная. Уж очень мне хотелось загладить свою вину, к тому же не терпелось приобщиться к секретам цивилизованной магии, в противовес моей нынешней, «дикой».

И вот по этой-то весомой причине я, приняв заинтересованный вид, с умным лицом перебирала книги и свитки, кучами наваленные на столе старого чародея, затем бурно повосторгалась трубой с линзами, позволяющей наблюдать за звездами, и, наконец, сочла возможным перейти к тем невысказанным вопросам, от которых так сильно зудел мой болтливый язык. Маг любовно погладил свою седую бороду, галантно указал на кресло, приглашая присесть, и покосился на меня донельзя лукаво, пока я раскладывала перед ним добытые мной раритеты, чувствуя себя то ли незаконной наследницей старьевщика, то ли малолетней смотрительницей музея.

– А я-то думал, что Наследница желает приобщиться к тайнам магии... – немного разочарованно протянул он, вертя в узловатых пальцах найденный мною ключ.

Я с энтузиазмом закивала, подтверждая, что желает, еще как желает, но сначала она хотела бы знать, для чего и почему ей достались эти странные предметы.

– Сие мне неведомо! – с усмешкой заявил Альсигир, предваряя мой невысказанный вопрос, но его отговорка прозвучала крайне неубедительно.

– Уважаемый наставник, я вам не верю! – со вкусом парировала я, скрещивая руки на груди и с вызовом сверля чародея пристальным взглядом в упор. – Да чтобы такой опытный и почтенный чародей не знал...

– Не работает! – ехидно хихикнул маг. – Лесть – не работает!

Я виновато прикусила губу и сердито нахмурилась.

– Ну, хорошо, хорошо, – пошел на попятную мой хитрый собеседник. – Если я не властен поделиться с тобой информацией, то хотя бы постараюсь создать положительные эмоции.

– Не прокатит, – хмуро буркнула я, успешно переводя наш соревновательный спор в положение почетной ничьей. – Положительные эмоции возникают только в том случае, если

ты вознамерился на все положить. А я себе подобную роскошь позволить не могу... Меня ведь испытания ждут.

– Виноват, признаю, – с сожалением вздохнул чародей. – Но если человека лишили чувства юмора, то значит, было за что.

На этот раз ему удалось-таки вызвать улыбку на моих губах. Однако терзающие меня вопросы все еще продолжали оставаться безответными, а поэтому я ультимативно ткнула пальцем в первый из загадочных предметов:

– Что это?

– Ключ, – спокойно ответил маг. – Неужели он похож на ложку, вилку или на столь любимые Беониром грабли? – Альсигир позволил себе толику сарказма.

– Вижу, что ключ! – отбила подачу я. – Но все ключи что-нибудь да открывают. От какой же двери мой ключ?

– Увы, – картинно пожал чародей плечами, – эта тайна принадлежит не мне. Когда-то мы обещали ее не разглашать, и я не собираюсь нарушать клятву, данную перед алтарем бога Шарро.

– Предпочитаешь унести ее с собой в могилу? – жестко уточнила я.

– Если придется! – смиренно согласился он. – Поверь мне, девочка, существуют секреты, которым лучше навсегда остаться нераскрытыми...

– А то что?

– А иначе обладание ими принесет своему владельцу больше вреда, чем пользы. Есть двери, достигать которых категорически не рекомендуется, и твоя – как раз из этой категории, ибо путь к ней может стоить тебе жизни... Просто сохрани его, и все! – Он ультимативным жестом бросил ключ обратно в мою сумку и победно кашлянул, подразумевая, что эта тема закрыта.

Я оторопело моргала, взирая на чародея со смесью негодования и восхищения. Вот так упрямяство! Никогда бы не подумала, что в этом хрупком костяке, укрытом морщинистой кожей, таится столь завидная сила воли, намного превосходящая мою собственную. Но тут уж ничего не попишешь, придется смириться...

– Тогда я, в свою очередь, клянусь, что раскрою эту тайну сама! – самоуверенно заявила я. – И даже судьба не сможет мне помешать!

– Да будет так! – торжественно кивнул Альсигир, принимая мое обещание.

– А что вы скажете об этой вещице? – поинтересовалась я, придвигая к нему голубую раковину, изъятую мною из рук мертвого короля Арцисса и поднятую со дна моря.

– Я не уверен в своей правоте... – Старый чародей подслеповато прищурился, со всех сторон внимательно разглядывая, а также изучая на ощупь прекрасный дар моря. – Но в молодости мне приходилось слышать легенду об удивительной раковине, в которой обитает сама душа морской стихии. И, дескать, эта раковина умеет петь. Послушай... – Он поднес ее к моему уху, и я немедленно уловила негромкий, но мелодичный рокот, доносящийся из перламутрового витка и идеально воспроизводящий плеск волн.

– Все ракушки умеют петь, – равнодушно пожала плечами я. – Петь печально и бесконечно. Не вижу в этом ничего особенного.

– Да, – улыбнулся Альсигир, – но не все раковины умеют плакать!..

– Плакать? – изумленно переспросила я. – Но зачем?

– По легенде, такой раковине суждено однажды заплакать там, где нет воды, и залить своими слезами чужое горе, – поведал Альсигир. – Но где и когда это произойдет, я не знаю.

Он мечтательно закрыл глаза и нараспев продекламировал:

Вода есть злейший враг песка,
В песке сокрыта их тоска,
И чтобы горя смыть налет,
Ракушка плачет и поет.

Разрушив зла могильный тлен,
Неси в мир силу перемен,
Погибший город из песка
Поднимет пусть твоя рука...

«Что? – мысленно обалдела я. – И это все обо мне? Пройти через могильный тлен и поднять из песка погибший город? Да за кого он меня принимает, за всемогущую богиню?..» Я раздраженно фыркнула и отправила раковину вслед за ключом, упрятав ее в бездонную сумку Лаллэдрина. Все мои надежды пошли прахом, ибо разговор с Альсигиром не только не уменьшил количество вопросов, а наоборот, породил новые, куда более сложные. И ответы на них мне, безусловно, придется искать самой!

– Ну хоть этот-то предмет вам знаком? – Впав в отчаяние, я почти ткнула в лицо магу замшевый футляр, в котором хранился овальный объект, обнаруженный мною в кибитке старьевщика. – Ведь вы же сами отдали его тому, кто назвал себя последним из жрецов бога Шарро!

– Отдал, – не стал отнекиваться чародей. – Долгие годы он хранился в храме, будучи возложенным на главный алтарь не кем иным, как самой принцессой Эвреликой. Она оставила его для тебя... Но когда я понял, что жизнь, заключенная в этом предмете, начинает затухать, то передал его жрецу, умоляя поскорее доставить великий раритет той, чьей неотъемлемой частью он является.

– М-да, уважаемый наставник, с ответом на мой третий вопрос ты явно превзошел самого себя! – иронично усмехнулась я. – Еще никогда в жизни меня так не запутывали. Жизнь внутри предмета? О да, помню: Ребекка назвала его плодом, а Беонир считает его камнем... Так чем же он является на самом деле?

– Ни тем, ни другим, но при этом и тем, и другим одновременно, – не соизволил высказаться яснее чародей. – Пока это ничто, но чем оно станет в итоге, зависит только от тебя. Согревай этот предмет теплом своего тела, напитай его справедливостью своих деяний, взрасти своей любовью, и тогда он тоже тебя не разочарует... Учти, его дальнейшее развитие зависит лишь от тебя.

– Ага, вот, значит, как, – потрясенно бормотнула я. – Наше прошлое неоднозначно, будущее – неопределенно, а настоящее – нестабильно.

– Истинно так! – Чародей одобрительно похлопал меня по плечу. – Твои догадки верны, помыслы чисты, а намерения – благородны. Нужно только направить их в нужное русло.

– В какое именно? – не поняла я.

– Ты обязана постичь суть магии! – торжественно провозгласил Альсигир, воздевая руки к потолку. – Ибо сознательное отношение к своим возможностям и способностям в корне меняет мышление и жизнь мага.

– Так научите меня! – взволнованно попросила я, вспоминая сьерру Клариссу. Мне казалось, будто я перебрасываю из ладони в ладонь раскаленный уголек, в каждую последующую минуту угрожающий обжечь, а то и вовсе погубить меня. И этот уголек зовется магией. Думается мне, глава гильдии Чародеев уже не раз им обжигалась...

– По своей природе магия есть рукотворный процесс: сотворение мира усилиями личной воли чародея и фрагментами его эмоционально-образного мышления, – вдохновенно начал Альсигир. – Ее суть есть постижение внешней и внутренней реальности, а также определенные навыки управления этими реальностями. Магия живет в каждом из нас, нам лишь остается пробудить эту силу и задействовать, направив ее возможности и достижения на благо себе и другим во имя света, любви и гармонии...

– Так получается, что черной магии не существует вообще? – недоверчиво перебила я.

– Ты выражаешься как дремучий дилетант, девочка, – покровительственно рассмеялся мой наставник. – Все предметы, явления, люди, объекты и существа излучают определенную порцию энергии, которую маг способен забрать, перенаправить и трансформировать.

Поступая тем или иным образом, выбирая то или иное действие, мы, по сути, выбираем ту или иную сторону энергии, то есть встаем на сторону Света или Тьмы.

– Значит, черная магия забирает энергию других людей? – высказала я предположение, в душе преисполненная непоколебимой уверенности в собственной правоте. – А белая?

– Совершая высоконравственные, духовные, добрые, позитивные поступки, мы творим белую, или, как мы говорим, светлую, магию. Светлый маг является транслятором внешнего мира, он питается энергией природы, силами всех стихий, светом Сола, Уны и звезд. Теперь ты понимаешь, для чего мы наблюдаем за небесными светилами?

Я утвердительно кивнула, коря себя за свою былую неосведомленность. Впрочем, работая интуитивно, я и сама уже вполне успешно взаимодействовала с огненной и водной стихиями, правда, не осознавая сути совершаемых действий.

– А черный, вернее темный, маг забирает жизненную энергию у других людей и использует ее в своих целях? – пришла к логичному выводу я.

– Правильно, ты умница! – похвалил Альсигир. – Такой маг не устанавливает связь с внешним миром, ибо ничего не желает ему отдавать. Поэтому он высасывает силу из более слабых, чем он, существ, паразитируя на них, и постепенно превращается в чудовище. Но поскольку добро не может существовать без зла, то и черный, и белый маги рано или поздно обречены на неудачу и поражение.

– Вот почему вы проиграли! – озаренно вскричала я. – Ведь сам мир не белый и не черный, следовательно, чаша равновесия, укрепленная на оси мировых весов, постоянно колеблется, меняя местами добро и зло.

– Так и произошло, – полностью подтвердил мою догадку Альсигир. – В этом цикле развития победило зло, а следующем, возможно, победит добро, и так будет продолжаться до бесконечности. Никто и никогда не сможет остановить или изменить закон мироустройства.

– Если только в нашем мире не появится серый маг, способный уравновесить Свет и Тьму! – задумчиво произнесла я. – Я полагаю, наш мир един, а не двойственен, он не разделен на дурное и хорошее, на верх и низ, на материальное и духовное. Нет, он включает в себя все сразу и потому развивается гармонично одновременно во всех направлениях.

– Твоя идея грандиозна! – уважительно поклонился мне Альсигир. – Но такого мага в нашем мире еще не было. Еще никто не сумел подавить вечную вражду между Светом и Тьмой, научив их жить в равновесии и соблюдая баланс сил. Противостояние добра и зла продолжается.

– Я очень хочу стать таким магом! – откровенно призналась я. – И я попробую создать гармонию, примирив противоборствующие стороны силы.

– Ой ли, – с сомнением покачал головой Альсигир. – А ты уверена в том, что понимаешь, каким способом можно добиться нужного результата?

– Кажется, понимаю, – медленно произнесла я, взвешивая каждое свое слово. – Я не стану слепо следовать своему предназначению. С настоящей минуты я начну заново, осмысленно строить свою судьбу! Я прислушаюсь к голосу своего сердца, к зову своей души и буду отслеживать в себе все изменения соотношения сил, наблюдать за их колебаниями в ту или иную сторону. Я стану отражением внешнего мира и введу его в себя.

– Тогда иди по выбранному пути, и да пребудет с тобой благословение Неназываемых! – Губы старого чародея почти неощутимо коснулись моего лба. – Я горжусь тем, что удостоился знакомства с тобой, будущий великий серый маг, и верю в твои способности!

Окрыленная добрым напутствием, я вышла из замка Альсигира и, беззаботно посвистывая, зашагала по улицам Эррендера, мысленно прощаясь с этим заповедником тепла и света. Мне предстояло покинуть Зачарованное побережье и снова окунуться в водоворот странствий, приключений и насущных забот. Где-то там, впереди, меня ждало и властно звало к себе мое третье испытание, обещая явиться очень скоро! И в этом я тоже не сомневалась...

Честно говоря, в глубине души я испытывала смутный страх перед будущим и не стеснялась в этом признаться. Наверное, любой оказавшийся на моем месте ощутил бы то же

самое. Ничего не бояться только глупцы и покойники, а я не относилась себя ни к первой категории, ни, слава Шарро, пока не относилась ко второй. Я должна распрощаться с гостеприимным Эррендиром, возможно, навсегда, чтобы незамедлительно продолжить свой путь: углубиться в сухую степь, пройти жаркую Пустошь, а после подняться в холодные, вечно заснеженные Запретные горы. Для подобных свершений потребуются все мои силы и помощь верных друзей – Ребекки и Беонира, которым я теперь верила безоговорочно, как самой себе. Не исключено, что вместо ожидаемых побед и новых знаний я найду забвение и смерть, но разве цель не стоит этих жертв?

Во всяком случае, я уже не прежняя беззащитная девочка, ибо кое-чему научилась и даже вывела для себя несколько законов бытия, способных помочь в спасении и восстановлении Лаганахара. Я приобрела неоценимый жизненный опыт, заплатив за него немалую цену, ведь учеба – это изучение правил, а опыт – изучение исключений из правил. Сегодня я поняла, что в нашем мире все взаимосвязано. Любые слова и поступки вносят изменения и во внутренний мир человека, и во внешнюю среду. Так готова ли я отвечать за свои поступки и за их последствия?

Проблем не существует, ибо они живут лишь в нашем воображении, а в реальности есть только задачи, требующие решения, плюс наше отношение к ним. Жизнь человека – постоянное движение, да вот только один продуктивно шевелит мозгами, а другой в это время бестолково хлопает ушами. А куда двигаюсь я? На моем пути возникают различные препятствия, но их необходимо воспринимать как естественные барьеры и преодолевать спокойно, относясь к этому процессу как к обычной составляющей бытия. Всегда найдется другой уровень развития и иная точка зрения. На любую ситуацию можно смотреть по-разному, с противоположных углов, с полярных точек зрения, а поэтому, балансируя между логикой и эмоциями, нужно стремиться к объективности и целостности.

Мир иррационален во всех своих проявлениях, но на человеке лежит ответственность и за личную судьбу, и за будущее остального мира. Каждый из нас обязан ковать свое счастье сам, а не ждать милостей свыше. Помощь богов конечно же придет, но порой ее приходится ждать очень долго, потому что, пока мы надеемся на лучшее, оно, в свою очередь, надеется на нас. Добро и зло условны, ибо они не существуют по отдельности, а там, где черное выдают за белое, в итоге процветает нечто грязное и ложное. Но мне не стоит бояться зла, любое взаимодействие обогащает обе стороны силы, темную и светлую, наделяя некими особенными, присущими лишь им качествами. Именно так происходит духовная эволюция мира, всех населяющих его созданий, а магов – в особенности.

Да, изначально передо мной ставили всего одну задачу, но теперь моя миссия сильно усложнилась, ибо отныне мне предстояло стать не просто магом, а первым серым чародеем за всю историю Лаганахара!

А ведь первопроходцы почти всегда погибают... Нет, сейчас мне не хочется думать о грустном! Я хулигански подковырнула носком сапога весьма кстати подвернувшийся под ногу камешек, проследила за его полетом и... чуть присела, услышав неподалеку звон разбившегося оконного стекла. Ладно, будем считать, что первопроходцы всегда набивают немало синяков и шишек, иногда получают раны, но непременно возвращаются домой, овеянные славой и почетом...

На этой радужной ноте я прервала свои размышления и помчалась во всю прыть, улепетывая от разгневанной горожанки, всерьез вознамерившейся наставить мне первую порцию этих самых синяков и шишек. Мой копчик выразительно ныл от ее увесистого, все-таки настигшего меня пинка. Интересно, и кто это придумал называть женщин слабым полом? Полагаю, что мужчины! И не иначе, как с великого перепугу...

Глава 9

Я мягко покачивалась на теплых волнах, а море что-то ласково шептало мне на ухо...
– Проснись, лежебока!

Сон развеялся, а волны превратились в Лорейну, которая требовательно трясла меня за плечо:

– Я ведь предупреждала, что зайду за вами рано утром. Имейте совесть, лентяи! Негоже провести в постели ваш последний день пребывания в Эррендире!

Я приподнялась на локте и обнаружила, что утро уже в самом разгаре. Ребекка, обутая в новые роскошные сапоги, сидела на своем матрасе и полировала ногти, а свежееумытый Беонир стоял в дверях с полотенцем в руках и старательно вытряхивал воду из ушей. Мы наскоро позавтракали, подгоняемые безостановочным ворчанием принцессы, и покинули отведенную нам комнату. Лайил шла последней, с задумчивым видом неся в ладони конфету из водорослей и поглядывая на нее с явным неодобрением.

– Почему эльфы не спят в кроватях? – задала я принцессе вопрос, мучающий меня еще со вчерашнего дня.

– А зачем? – Лорейна по своему обыкновению рассмеялась. – Или наши матрасы оказались недостаточно мягкими для тебя?

– Странные они какие-то, – протянула воительница сквозь зубы. – Неужели в них тоже водоросли?

Она озадаченно подвигала нижней челюстью, и я едва сдержала смех, догадавшись, что за щекой лайил держит конфету, ни в какую не поддающуюся разжевыванию. Еще одну порцию сладкого деликатеса Ребекка втихую скормила чайке, и не подумавшей отказаться от дармового угощения.

– Точно! – кивнула эльфийка. – Особые. Впрочем, на Зачарованном побережье их много, сами увидите, потому что я приглашаю вас прогуляться по городу. А ближе к вечеру, на закате, мы отправимся купаться.

– А это обязательно? – помрачнела Ребекка, подверженная приступам острой неприязни к воде.

– Конечно нет, – удивленно приподняла брови эльфийка. – Можно просто посидеть на берегу, закаты сейчас особенно красивы.

– А я всю жизнь мечтала поплавать в Великом море, – призналась я. – Сколько себя помню, меня всегда тянуло на Зачарованное побережье. Впрочем, теперь я понимаю, насколько мало правды было в словах людей, которые посещали осенние ярмарки и воочию видели эльфов...

– Мы редко выбираемся за защитный магический периметр, окружающий наш берег, – охотно пояснил Горм. – Времена нынче беспокойные.

Но я посмотрела на воина с ехидным недоверием, вспомнив услышанные от принцессы сплетни, касающиеся его бурной в интимном плане молодости. Эльф багрово покраснел и поспешно отвернулся.

– Это в тебе кровь играет, – улыбнулась мне Лорейна, от которой не укрылась забавная реакция ее телохранителя. – Наша, эльфийская, между прочим. Ладно, ноги в руки – и вперед.

До самого вечера мы впятером бродили по улицам Эррендира, жадно вдыхая ароматы моря и подставляя лица Солу, щедро изливающему на Зачарованное побережье жаркие лучи. Лето полностью вступило в законные права, превратив изматывающие зимние ознобы в смутные воспоминания, уже почти стершиеся из моей памяти. Даже не верилось, что в это же самое время оставленный нами Блентайр изнемогает от ночного промозглого холода, дневной пыли и отсутствия воды. А впрочем, мне ведь уже объяснили природу столь мягкого прибрежного климата, поддерживаемого магией эльфийских чародеев.

Вскоре я позабыла о былом, отбросив прочь грустные мысли, ибо оказалось, что помимо парящего в небе королевского дворца на побережье достаточно и других завлекательных диковинок. Например, выяснилось, что одежду эльфы делают из водорослей, особым образом высушивая ламинарию и используя ее волокна как нити, из которых местные мастерицы ткут удивительно красивую мягкую ткань. Наша отважная воительница остановилась как вкопанная возле оружейной лавки, любуясь на великолепные клинки,

кинжалы изящной формы и метательные лезвия в виде морской звезды. С большим трудом мне удалось уговорить ее оторваться от возжеленных железяк и сдвинуться с места.

Беонира сильно заинтересовала судебная система эльфов, их тюрьмы и методы наказания преступников, однако его вопрос заставил принцессу хохотать до упаду. Отсмеявшись, девушка объяснила, что судопроизводство давно стало совершенно ненужным в эльфийском городе понятием, а единственным хулиганом, которого король Адсхорн мечтает посадить под замок, является она сама.

Побывали мы также и на пристани, где привязанные к причалу лодки соперничали между собой пестрой росписью бортов и искусной резьбой на веслах. Лорейна с гордостью продемонстрировала нам своего «Альбатроса» – это маленькое суденышко сразу же привлекло наше внимание, поскольку выделяясь среди прочих изящно вырезанной фигуркой птицы на носу и серебристыми бортами.

Покинув причал, мы решили не возвращаться в город, а побрели вдоль берега по мягкому золотистому песку, любуясь оранжевым Солом, далеко на горизонте плавно опускающимся в безбрежную гладь моря. Я ощущала неведомое ранее блаженство. На душе стало так спокойно, как никогда доселе. Волны по-собачьи преданно лизали пятки, словно уговаривая окунуться в теплую, как парное молоко, воду и смыть с тела грязь, страхи и боль последних дней.

Наконец принцесса привела нас в маленькую бухточку, надежно укрытую за невысоким холмом. Песок здесь перемежался россыпями разноцветных ракушек, а покатые белые камни создавали естественный волнорез, защищающий залив от шторма.

– Ну вот, это мое укромное замечательное место...

– Э-э? – озадаченно промямлил Беонир.

– Замечательное место для мечтаний, – томно промурлыкала принцесса.

– То есть о нем никто не знает? – удивилась Ребекка, снова насмешив Лорейну.

– Да нет, знают все, но никто и не собирается посягать на мое уединение. Давайте, долой эти тряпки – и в воду!

– Я, пожалуй, еще чуток пройдусь вдоль берега, если ваше высочество не против! – смущенно заотнекивался Беонир.

– Лорейна! – Девушка с шутливой строгостью зыркнула на юношу. – Еще раз забудешь мое имя, и я скормлю тебя королевским чайкам...

– Я с тобой, – неожиданно заявила Ребекка, и на лице ниуэ проступило некое подобие улыбки. – Что-то меня сегодня совсем не тянет плескаться...

Сладкая парочка влюбленных врагов давно скрылась за изгибом дюны, а я все еще не решалась скинуть рубашку. У меня возникло странное, не поддающееся рациональному объяснению чувство, что, обнажив свои крылья, я причиню эльфийке сильную душевную боль. Но и просто стоять спиной к принцессе было невежливо, а посему я вздохнула, медленно стащила рубашку через голову и бросила ее на песок, отправляя к уже снятым камзолу и штанам. Позади меня раздался громкий полустон-полувсхлип. Я резко обернулась...

Лорейна сидела все там же, на обточенном морем камне. Крупные прозрачные слезы струились по ее лицу и, не встречая на пути никакой преграды, тяжело падали на песок.

– Услышали... – Только сейчас я поняла, что эльфийская принцесса счастливо улыбается. – Они нас услышали...

– Кто?... – оторопела я, ожидающая чего угодно, но только не такой загадочной реакции.

– Я хотела бы озолотить тебя, Йохана, но даже все королевские сокровища не кажутся мне наградой, достойной нашей Наследницы. Само твое существование – это уже чудо и дар... Ох, да что же я мелю! – Лорейна вскочила, порывисто прижала меня к своей груди и крепко расцеловала. – Спасибо тебе, Йона.

– Но за что, милая Лорейна?

– За то, что ты спасла меня от смерти, устроила мое личное счастье, вернула нам море и

оживила веру в мечту. Раскрой их... Я хочу еще раз полюбоваться твоими крыльями.

Я выполнила ее просьбу, а потом медленно направилась к воде, которая дружелюбно приняла меня в свои ласковые объятия. Вскоре, не помня себя от счастья, я радостно плескалась в удивительно теплых и прозрачных волнах Великого моря. Безмятежно текли минуты, а мне все не хотелось возвращаться на берег... Но, увы, с громким, пусть и всего лишь притворно суровым голосом Ребекки не осмеливался спорить никто, и поэтому мне пришлось подчиниться.

– Давай-ка выбирайся на берег, медуза! А то как начнешь чихать – и все твои испытания в ужасе разбегутся!

Я очень медленно, нехотя вышла из воды и завернулась в поданное мне пушистое полотенце. Беонир сидел на камушке и усиленно делал вид, будто занят исключительно видами моря, темнеющего неба и зажигающихся на нем звезд. Ребекка покровительственно приобняла меня за плечи, и мы уселись рядом с неизвестно откуда появившимся Ульвином. Песенник переглянулся с принцессой и повернулся ко мне.

– Я хочу пояснить, – мягко произнес он. – Ты вернула нам море, но вместе с твоим появлением в наших сердцах ожила и надежда на то, что остальные два клана тоже живы и что однажды мы вновь с ними соединимся, превратившись в один могучий и мудрый народ. Как это было раньше. Ты крылата, но при этом ты способна дышать под водой. И я верю в то, что в один прекрасный момент твоя третья кровь тоже даст о себе знать...

– Кровь Повелителей мантикор? – обомлела я.

Ульвин и Лорейна энергично закивали в унисон, заверяя меня в обоснованности подобного вывода.

Я скептически фыркнула. Мантикоры? Да я же их только в Книге Преданий видела, ну и, пожалуй, еще на фреске в Немеркнушем Куполе...

– Завтра утром мы уйдем, – напомнила я. – Жаль покидать ваш чудный берег, но я должна следовать за своими испытаниями.

– Мы понимаем, – печально вздохнула принцесса. – Йона, умоляю тебя, бойся своих снов...

– Снов? – не поняла я. – Но почему? – И в моей памяти тут же всплыло то пророческое сновидение, которое предварило посещение грота Изломанных Течений. – Неужели они способны мне навредить?

– Я не полностью уверена в своих ощущениях, – неопределенно отозвалась эльфийка, нервно комкая подол юбки, – но привыкла не доверять своим собственным снам. Они несут мне образы утерянного прошлого. Я вижу Блентайр, хотя никогда его не посещала, крылатых воинов в серебристых кольчугах и огромных, величественных мантикор. А сегодня ночью, – она смотрела на меня почти испуганно, – я увидела тебя, сильную и уверенную в себе, восседающую на спине белоснежной мантикоры. И ты называла ее Мифрил!

– Ого! – с наигранной беззаботностью хмыкнула я, пытаюсь скрыть овладевшее мной изумление.

Помнится, бард на площади Блентайра тоже говорил о какой-то могучей тени у меня за спиной... Нет, почему-то не верю я в то, что это простое совпадение. Я изобразила безразличие:

– В такое трудно поверить! Скорее всего, тебе приснилась вовсе не я, а наша прародительница Эврелика. Если хочешь разобраться в себе, то сложи о ней песню или сказку...

– Мы уже сложили новую песню! – вмешался в наш разговор Ульвин. – Специально для тебя. Песню о скорбной доле эльфийского народа!

Он достал из замшевого чехла мелодику, более тяжелую, чем у принцессы, выточенную из черного дерева, и они с Лорейной запели гармоничным дуэтом:

Не всем дано познать любовь,

Не все ее приходу рады,
Но все равно, презрев награды,
Мы за нее пролили кровь,
Преодолев разлук преграды.

Не всем дано пройти войну,
Но, не нуждаясь в одобренье,
Она придет в одно мгновение
И, не признав свою вину,
Заглушит всех сердец биенье.

Не всем дано понять судьбу,
Порою к ней мы просто глухи,
Пророчества для нас – лишь слухи,
Мы к небесам взнесем мольбу,
Жужжа бессмысленно, как мухи.

Не всем дано осмыслить смерть,
С лихвою ей отдать налоги,
Уснуть спокойно, словно боги,
И, дней просеяв круговерть,
Разумно подвести итоги.

Не всем дается все сполна,
Молились мы или блажили —
Мы как умели, так и жили,
Но жизнь испили всю до дна,
Видать, другой не заслужили...

Их волшебные голоса, нежный девичий и сильный, полнозвучный мужской, слаженно плыли над морем, ненавязчиво вплетаясь в шелест волн. Потом они замолкли, но эхо, порожденное музыкой, долго откликалось среди песчаных дюн, пробуждая в моей душе скорбь и печаль. Как? Они считают, будто не заслужили другой жизни? О нет, они заблуждаются! Клянусь Неназываемыми, я переборю жестокую судьбу и верну эльфам их прежнее счастье, столь несправедливо у них отнятое. Клянусь!

– Ты пришла к нам сюда, Наследница, – тихонько шепнула Лорейна, – как свежий поток обновляющего ветра. А завтра ты нас покинешь... Мы уже начинаем скучать по тебе! Вернее, я лишь хотела сказать, что здесь тебя всегда будут ждать. Знай, если когда-нибудь тебе захочется вернуться на Зачарованное побережье, наши ворота мгновенно откроются перед тобой, полуэльф с серебряными крыльями.

– Спасибо! – с волнением поблагодарила я, гадая, не есть ли то место, где нас всегда ждут, наш истинный дом.

Выйти из Эррендера на рассвете, как запланировал наивный Беонир, нам конечно же не удалось. Сначала этому помешало долгое сердечное прощание, устроенное Ульвином и его родителями. Наша неразлучная троица почти утонула в потоке благодарственных и восхищенных фраз, и я в который раз подивилась странному таланту эльфов напускать на себя строгость и неприступность, находясь за пределами страны. Дома они были совсем не такими.

Когда мы наконец-то сумели разомкнуть дружеские объятия излишне гостеприимных хозяев (хотя разве гостеприимство бывает излишним?) и вышли за порог дома, нагруженные разнообразной снедью и флягами с молодым игристым вином, то наше последующее

продвижение к городским стенам происходило очень медленно. Это случилось из-за большого количества горожан, желавших поздравить меня с пройденным испытанием, пожелать нам счастливого пути или просто улыбнуться. Да, провожать нас вышел практически весь Эррендир!

Сол неумолимо приближался к зениту, а мы только-только добрались до главных городских ворот в виде створок золотой раковины, где нас ожидали неизменно сдержанный Горм и грустно улыбающаяся Лорейна.

– Ну вот, все чудесные сны когда-нибудь заканчиваются, – вздохнула эльфийская принцесса и обернулась к стражнику, который держал в руках большой сверток: – Позвольте преподнести вам небольшие памятные сувениры, и пусть частичка Зачарованного побережья навсегда останется с вами, куда бы ни привела вас дорога.

Она развернула самый большой предмет, который оказался великолепным набором метательных пластин настоящей эльфийской работы, помещенных в специальный чехол, и протянула его Ребекке:

– Мы рады, что ты так горячо любишь наши творения. Они обладают уникальной способностью – делают тайное явным. Так пусть же одно из них отныне и навсегда станет твоим.

– Я... – Воительница еще никогда не чувствовала себя такой растерянной и счастливой. – Я, конечно, не совсем понимаю, на что ты намекаешь, но они так прекрасны! Спасибо. У меня просто нет слов, Лорейна...

Но та уже повернулась к Беониру и передала ему несколько свитков, перевязанных тонкой серебряной бечевой:

– По распоряжению моего отца наши писцы скопировали для тебя карты земель, расположенных за Зачарованным берегом. Мы верим, что ты сумеешь мудро распорядиться этим даром, следопыт.

Ниуэ потерял дар речи и смог лишь отвесить низкий поклон, а Лорейна, полушутливо разведя руками, обратилась ко мне:

– Я не нашла подарка, достойного тебя, Наследница! Но мы с Ульвином научили твою раковину новым песням, которые поют только эльфы. И если тебе станет по-настоящему тяжело или понадобится поддержка, то поднеси ее к уху, чтобы услышать наши дружеские голоса!

Со слезами на глазах я нежно обняла свою дорогую сестренку, прошептав, что о подобном подарке и мечтать не смела. Лорейна сдавленно всхлипнула, вырвалась из моих объятий и убежала прочь, видимо, боясь разрыдаться и тем самым омрачить и без того грустный миг нашего отбытия из города.

Нам предложили взять лошадей, но, для пробы взгромоздившись на спину резвого скакуна, я незамедлительно поняла: посередине лошадь чрезвычайно неудобна, а по краям – жутко опасна. Теперь-то я полностью понимала своего друга Джайлза, испытывающего острую антипатию к верховой езде. Поэтому, посоветовавшись со своими спутниками, я отказалась от столь щедрого дара короля Адсхорна.

– Ваше величество, могу я спросить? – Свой последний и самый важный вопрос я припасла для владыки.

– Ну конечно, дитя мое! – Дядюшка казался не на шутку опечаленным нашим приближающимся расставанием.

– Почему вы скрываете свою истинную сущность? Вы, эльфы, на самом деле такие замечательные, веселые и добрые. Такие родные... – При этих словах провожающая нас толпа Полуденных разразилась восторженными криками. – Но когда вы раньше посещали осеннюю ярмарку, то производили впечатление заносчивых, напыщенных, холодных созданий. Вы уж простите меня за бесцеремонность. – Я смущенно сглотнула и опустила глаза к земле.

– Это непросто объяснить, девочка моя... – Адсхорн задумчиво тер подбородок. – Как ты уже заметила, мы неплохо защищаем себя и свои владения – наше побережье вообще

нельзя увидеть издали, да еще эти зыбучие пески... Наша высокомерность – из той же категории: никто не должен догадаться, как уязвимы и мягкосердечны мы на самом деле. А иначе кто-нибудь непременно захочет отобрать у нас Эррендир, как отобрали Блентайр...

– Но доброта – это не слабость! – горячо запротестовала я.

– Правда? – Король осторожно коснулся пальцами моей щеки, заставляя посмотреть прямо ему в глаза. – Верь в это, пока достанет сил, ладно? Кто знает, что именно может оказаться истиной...

– Истина состоит в том, что Блентайр умирает! – ответила я.

– И поделом ему! – злорадно усмехнулся король.

– Помогите им! – Я гипнотизировала Адсхорна своим пламенным взглядом, вспоминая в этот момент о брате Флавиане, Джайлзе, старом Иоганне и обо всех своих бывших товарищах по приюту. – Проявите свое истинное величие, докажите, что доброта есть сила! Ведь мстят только злые и слабые, а сильные и добрые прощают и помогают!

– Ни за что! – непритворно вознегодовал дядюшка, но стушевался, не вынеся тяжести моего обличающего взора. – Я подумаю... – через силу пообещал он. – Ну если только из благодарности к тебе...

– Ладно! – буркнула я, переполненная щемящей жалостью к этому удивительному народу. – Однажды я докажу свою правоту! Обещаю!

– Дай-то Шарро! – пробормотал король, отечески целуя меня на прощание. – И да хранят тебя Неназываемые.

Горм разочарованно облапал Ребекку. На его красивом лице нарисовалось неподдельное горе, а широкая, словно лопата, ладонь воина фривольно сползла на ягодицы лайил.

– Может, пристроишь свою руку в какое-нибудь другое место? – ехидно поинтересовалась девушка.

– Да я бы с радостью, – беззаботно гоготнул нахал, – так ты же мне все зубы за это выбьешь!

Он помолчал и добавил:

– Слушай, красавица, возвращайся-ка ты поскорее из своего похода и выходи за меня замуж, а?

– Прости, Горм, ты всем хорош, но ты не в моем вкусе! – категорично покачала головой Ребекка.

– Так ты же еще меня и не пробовала даже! – шутливо возмутился отвергнутый кавалер.

Но воительница лишь улыбнулась и отошла к нетерпеливо переминающемуся в сторонке Беониру, многозначительно намекая на то, что ее выбор уже сделан.

Горм проводил нашу компанию до самой границы золотого пляжа, сказав, что теперь зыбучие пески уже никогда не затянут нас в свою смертоносную пучину. Для эльфийского народа мы стали своими. И даже находясь на этом последнем рубеже, мы смогли разглядеть в лучах Сола самую высокую сторожевую башню Эррендир, а на ней – тонкую девичью фигурку с развевающимися волосами и поднятой в прощальном жесте рукой...

Мы едва успели отойти на пару десятков шагов, все еще провожаемые пожеланиями счастья и удачи, как вдруг за нашими спинами раздались громкие жалобные вопли и суетливый, сбивчивый топоток чьих-то не очень уверенно ступающих по земле ног. Я изумленно обернулась. Оказалось, что нас бегом догоняет старый Альсигир, тяжело дыша и заморенно хватаясь за ходящую ходуном грудь.

– Уважаемый наставник! – Я бережно подхватила запыхавшегося чародея. – Что это вы вдруг вздумали упражняться в резвости и выносливости?

– Это все мой треклятый маразм виноват! – начал извиняться маг. – Я совсем забыл отдать тебе наш последний подарок...

– Шутите? – с негодованием рывкнула Ребекка, демонстративно потрясая здоровенным

мешком, битком набитым всевозможными дорожными припасами. – Да мы же помрем в дороге от обжорства, и все по вине ваших добрых эльфов!

– Просто ужас каких добрых! – согласно подпел ушлый Беонир.

Но чародей намеренно проигнорировал их дружное возмущение и протянул мне неровно оборванный кусок пергамента, старый и грязный.

– Вот! – победно улыбнулся он. – Полагаю, раз ты Наследница, значит, гораздо лучше нас разберешься в том, что с ним следует делать. Это оставил мне Лаллэдрин с просьбой отдать лично тебе в руки.

– Хм-м... – Я рассеянно вертела в пальцах сей странный дар, тут же подметив, как сильно он похож на аналогичный обрывок, вынесенный мною из подвала под Немеркнушим Куполом.

– Попробую разобраться... – Я подняла взгляд и увидела обалдело вытаращившую глаза Ребекку, пристально наблюдающую за мной.

«Интересно, что это с ней такое приключилось? – быстро пронеслось у меня в голове. – Столбняк напал, что ли?»

– Чтoб тебя мантикора три раза переварила! – отмерла воительница.

Я хмыкнула еще заинтригованнее и спрятала в свою сумку неожиданный дар, не дождавшись от подруги никаких разъяснений. Ладно, не горит пока, потом разберемся с этой новой загадкой.

– Куда вы отправитесь теперь? – поинтересовался чародей.

– Либо в Пустошь, либо в лес Шорохов, – пожала я плечами. – Мне все равно.

– Я советую начать с Пустоши... – Альсигир помедлил. – Знаю, в это время года там безумно жарко, но венец лета, как мы его называем, – священный сезон. Больше шансов быстро найти искомое. Идти туда не меньше пары месяцев, но оттуда и до Белых гор уже не так далеко. Однако плохо то, что дорога до Пустоши пролегает через Черные холмы, Лиднейское болото и степь...

– А чем вам не угодили эти места? – с подозрением осведомилась осторожная, но любопытная, словно кошка, Ребекка.

– Да как бы сказать поточнее... – замялся старый чародей. – Вроде бы ничего особо опасного там теперь нет, ведь населяющих болото змей истребили эльфы еще во времена правления короля Арцисса. О степных кочевниках мы уже давно не слышали, знаем лишь об их древней традиции поклонения гигантскому Нагу, а Черные холмы безвозвратно утратили большую часть своей магической ауры. Плохо лишь то, что такой долгий путь вытянет из вас силы и сильно измотает ваши нервы...

– Ауры? – настал мой черед проявить любопытство.

– Понимаете, в наших преданиях эти холмы именуются местом изначального сотворения, – охотно пояснил Альсигир, но увидел недоумение, нарисованное на наших лицах, и начал рассказывать подробно: – Согласно легенде Неназываемые имели двоих детей. Старший был мальчик – бог Шарро, а младший ребенок – девочка, его родная сестра Банрах. Устав от скучного и пустого мира, Шарро зачерпнул горсть плодородной жирной почвы с Черных холмов и создал из нее Перворожденного, прибавив к изначальному материалу горный ветер, морскую воду, свет Сола, Уны и звезд. Именно поэтому эльфы стали самой старшей расой, превосходящей все прочие по дарованным им талантам. Потом бог зачерпнул вторую горсть земли, добавил к ней частицу магии и создал народ ниуэ. Но всеблаготворитель заторопился, подгоняемый своей завистливой сестрой, которой не терпелось занять место творца, и поэтому допустил страшную оплошность... Силой своей магии он дал ниуэ способность обращаться в Белых псов, но ошибка в заклинании творения приговорила их к страшной участи оборотней: в полноуние все ниуэ обращаются в неуправляемых кровожадных тварей, на одну ночь полностью утрачивая человеческий облик.

Мы с Ребеккой содрогнулись, а Беонир жалобно шмыгнул носом и смущенно потупился.

– И к чему привело рвение Банрах? – с подозрением спросила Ребекка.

– А ни к чему хорошему, – в тон ей невесело ответил маг. – Добавив к земле немного тьмы, богиня создала людей: изменчивых, противоречивых и непредсказуемых. Смешав землю с каплей своей порочной крови, она сотворила лайил – самых жестоких тварей нашего мира. Ой... – Он испуганно замолк, осознав, с кем именно сейчас разговаривает. – Простите, я не имел в виду лично вас.

– Чтоб ее мантикора три раза переварила! – бессильно выругалась воительница. – Видно, не зря я всегда подозревала, что у Банрах руки не из того места растут!

Альсигир тихонько хмыкнул, отдавая должное весьма своеобразному, но честному и прямолинейному юмору моей телохранительницы.

– А еще... – Он задумчиво замолчал, искоса поглядывая на меня.

– Вас что-то беспокоит, уважаемый наставник? – напомнила я, устав от затянувшейся паузы. Ох уж мне эти чародеи, никогда никуда не торопятся и частенько беспричинно впадают в прострацию.

– Кх-м! – смущенно кашлянул старик. – Можно я задам тебе личный вопрос?

– Попробуйте, – нехотя разрешила, немного опасаясь его прозорливости.

– Тебя разлучили с мужчиной? – Эта построенная как вопрос фраза прозвучала не требующим подтверждения утверждением.

Я сдержанно кивнула.

– Змееликая? – Интонации Альсигира не изменились.

Второй кивок.

– Ищи его в храме Песка, в самом центре Пустоши, – посоветовал чародей. – На нижнем ярусе святилища, там, где обитают гхалии...

– Кто? – удивилась я, услышав совершенно незнакомое слово.

– Гхалии! – с отвращением скривилась Ребекка. – Не советую тебе с ними связываться, ибо вторых подобных им тварей не сыщешь во всем Лаганахаре!

– Как они выглядят? – проигнорировав реплику воительницы, обратилась я к Альсигиру, ожидая его пояснений.

Но чародей лишь неопределенно пожал худыми плечами:

– Не знаю. Мне приснился сон – распростертый на песке юноша с каштановыми локонами и темные тени вокруг него. А ветер шелестел, повторяя: «Гхалии, гхалии...»

– Юноша? – Мое лицо осталось невозмутимым, но голос предательски дрогнул, выдавая охватившее меня волнение. – А при чем тут я?

– Он шептал твоё имя, – опустил глаза маг. – А на его шее я увидел золотой кулон в форме меча...

Я мысленно содрогнулась, вынужденная признать очевидное, – чародею приснился именно Арден, остро нуждающийся в моей помощи!

– Честно говоря, – я позволила себе предельную откровенность, – меня пугает неотвратимость посещения храма Песка. Пожалуй, трудно найти более опасное место.

– Храм не имеет стабильной формы и скрывает массу подземных ярусов, наполненных различными артефактами, могилами и памятниками. Поговаривают, будто его охраняют не только жрецы и жрицы, но и ожившие мертвецы, – мрачно подхватила Ребекка.

– Ожившие мертвецы? – Беонир испуганно моргнул. – Ой, папочка...

– Мне не верится, чтобы эти рассказы оказались правдой, но... – Альсигир извлек из рукава своей мантии небольшой свиток, выполненный на странном черном пергаменте и перевязанный шнуром, запечатанным медальоном из сургуча. – Если ты не будешь знать, куда нужно идти, разверни этот свиток, он подскажет тебе путь в сердце храма Песка.

Я благодарно кивнула, приняла свиток и опустила в свою сумку.

– Хорошо... – Мне очень не хотелось думать сейчас про все те ужасы, которые сулила нам Пустошь, имеющая крайне дурную славу. – Как вы думаете, нам повезет?

– Не знаю, – смущенно нахмурился маг. – Вернее, меня посетило нехорошее предчувствие...

– Это еще какое? – угрожающе набычилась лайил, видимо, подозревающая чародея в неких тайных каверзах. – Сны, видения, предчувствия... Уважаемый, а тебе, случаем, нервы полечить не пора ли?

– В этот раз ты оказалась сильнее смерти. – Не обращая внимания на грубость Ребекки, маг адресовал откровение только мне. – Но помни: судьба всегда берет реванш, рано или поздно наверстывая свое. Я чувствую, как над вашими головами сгущается темное облако опасности, а многочисленные враги собираются с силами, дабы...

– Хватит каркать, старый дурак! – протестующе оборвала его воительница и, схватив меня за руку, решительно потащила за собой. – Не позволю ему нам мозги набекрень сворачивать...

– Каждый чародей еще и психотерапевт! – примирительно улыбнулась я, незаметно помахав растерянному Альсигиру и давая понять, что у нас все хорошо.

– Не знаю, что в твоём понимании означает это странное слово, – отбрила упрямая Ребекка. – Но, по-моему, психотерапевт – это умник, который может научить, как сохранять улыбку на лице, даже когда ты достаешь мыло и веревку.

– Ты хочешь повеситься? – ужаснулся Беонир, ничего не разобравший в мудреных сентенциях девушки.

– Нет, блин! – едко фыркнула предельно рассерженная Ребекка. – Помоюсь – и в горы!

– Можно и в горы, но сначала – в пустыню, – со смешком поправила я. – В Пустошь!

В Блентайр пришло лето...

Вернее, должно было прийти. Послушав степенные разговоры мужчин, сбивчивую женскую болтовню и маловразумительные реплики детей, можно было с уверенностью констатировать – никто из жителей города даже и не думал называть нынешние месяцы летними, ибо это было бы откровенным враньем. Да уж, вопреки утверждениям календаря, лета в Блентайре не было и в помине. А посему установившийся отвратительный сезон люди называли по-всякому, кто во что горазд: сухью, суховеем, душегубкой, но только не тем старым, привычным и желанным словом «лето», которое, казалось, уже начисто вышло из употребления. Ибо подобного черного «лета» в Лаганахаре еще не видывали!

Шаг за шагом, подкрадываясь тихо и незаметно, Пустошь вплотную подступила к стенам города, неумолчно и безостановочно скребясь в них своими острыми когтями. Караульные на башнях столицы тряслись мелкой дрожью от ужаса, а покидая утром свои посты, они божились, что окружившие город пустыня и ветер вполне разумны и, словно сговорившись, роют подкоп под мощные стены Блентайра. Дескать, в реве ветра им постоянно слышится разумный человеческий голос, хрипло и злорадно выпевающий: «Так не доставайся же ты никому». Король Вильям, за последнее время сильно постаревший и ставший совсем седым, категоричным тоном потребовал от городских дозоров на корню пресекать подобные пораженческие разговоры и не сеять в городе смуту да панику. Но разве такое пресечешь?

А члены совета, состоящего из глав всех гильдий, лишь недовольно качали головами и мрачно перешептывались. Король ведет себя более чем странно, значит, есть из-за чего!.. Как ни крути, а он ведь приходится внуком тому самому Джоэлу Гордому, при котором и заварилась вся эта неразбериха, пришла всеобщая беда, названная позднее Проклятой эпохой. Видно, знает повелитель Блентайра много чего важного, да только молчит... Эх, собрались бы жители столицы да заставили короля раскрыть истинную подоплеку их нынешних бед, глядишь – что-то и изменилось бы... Хотя нет, вряд ли изменилось бы, ведь все уже понимают: шанс на спасение упущен, поздно теперь что-либо менять. Хотя, и в этом следует признаться откровенно, робкая надежда все же продолжала теплиться в их душах, ведь даже если ты летишь в пропасть, то не стоит зажмуриваться от страха. Наоборот, нужно смотреть в оба – а вдруг удастся за что-нибудь ухватиться? И наиболее умные – смотрели...

Но, вопреки досужим домыслам членов совета, простые горожане не проявляли никакого интереса к перешептываниям власть имущих или же к королевской кручине.

Загнанный в ловушку зверь ведет себя точно так же, как они, ибо он просто пытается выжить. Но если попавшая в капкан лиса перегрызает себе лапу и поспешно ковыляет прочь, то нынче бедному человеку приходится не в пример хуже. Что бы ты там себе ни отгрыз, ногу или руку, к примеру, из столицы все равно не вырваться и не сбежать. Крепко запертые ворота города захлопнулись, словно ловушка, превратив Блентайр в смертельный капкан. Да и куда прикажешь бежать, если за стенами уже нет ничего и никого живого? Ни травинки, ни птички...

Любители впустую почесать языками сказывали, будто в обители всеблагой богини Банрах еще остались живые братья, умудрившиеся забаррикадироваться в глубоких подвалах монастыря. Но от монахов так давно не приходило никаких вестей, что в ответ на подобные сплетни горожане лишь недоверчиво отмахивались, с жалостью поминая благочестие безобидных послушников. Впрочем, почему же с жалостью? Пожалуй, мирно почившим братьям можно и позавидовать, они-то уже отмучились... А их собственные мучения, интересно, насколько еще затянутся?

Каждое утро, обходя городские улицы, а в особенности бедняцкие закоулки, стражники обязательно находили несколько свежих трупов, неловко скрюченных на тротуарах. Кто-то из этих бедолаг скончался от голода и жажды, но большинство несчастных уходило из жизни абсолютно добровольно, сводя с нею последние счета. Тощие, покрытые болячками и коростами тела грешных самоубийц торопливо сбрасывали с городской стены, сопроводив короткой зауспокойной молитвой. Копать могилы на территории Блентайра не разрешалось, чтобы не привести к распространению болезней, да и сил на это ни у кого уже не осталось. Поговаривали, что, несмотря на старания врачей, в южной части города участились случаи вспышек ветряной оспы, в переулке Кинжалов орудовал неуловимый маньяк-убийца, а на улице Терпких Ароматов объявилась самая настоящая ведьма. Вот и поди разбери, где тут правда, а где ложь... Впрочем, какая теперь разница?

Некогда полноводная река Алларики пересохла окончательно, превратившись в жалкий ручеек, не способный напоить все еще многолюдный город. Озеро Аррун обмелело впервые за всю историю Лаганахара, превратившись в лужицу жидкой грязи. Невыносимо жаркие дни сменялись жутко морозными ночами, а осадков по-прежнему не выпадало ни капли. И единственным источником влаги для людей была образующаяся за ночь изморозь, поутру превращающаяся в капли прозрачной росы. Поэтому-то все улицы и крыши города на ночь уставлялись широкими глиняными мисками, которые торопились собрать до восхода огнедышащего Сола, испепеляющего и эту скудную влагу. Тем и жили.

Королевские кладовые и житницы опустели полностью, и голодные люди тщетно собирались возле стен дворца, умоляя о куске хлеба. На обед королю подавали суп из лебеды, жаркое из мышей и лепешку из ржи, испеченную пополам с трухой. В городе давно съели всех лошадей, собак и даже кошек, переловили всех крыс и перебили тощих, мелких, как горох, воробьев. Кстати, самого гороха в городе не пробовали уже месяца три. Знаменитые придворные красавицы, ранее славившиеся пышностью форм и роскошными бюстами, отощали до неузнаваемости и напоминали палки, завшивели и даже не помышляли о балах. Да и какие там балы, если все музыкальные инструменты пошли на растопку каминов, платья – на одеяла и занавески, а шелковые чулки – на силки для мышей.

Единственной надеждой города теперь оставался бойкий рыжеволосый юноша в оборванном плаще чародея, без устали переходивший из дома в дом и внушающий людям, что помощь придет и надо в это верить! Молодой чародей утверждал, что счастье бывает двух видов: то, которое уже не вернуть, и то, которое мы еще ждем! А значит, нам нужно ждать, надеяться и верить...

И вот однажды его слова все-таки подтвердились. Высыпав на стены, горожане недоверчиво терли веки, не смея поверить собственным глазам. Они привыкли считать Перворожденных сказкой, навечно сгинувшим народом после событий столетней давности, но сейчас перед ними предстали самые настоящие эльфы, прибывшие с караваном под стены Блентайра. Да, это, бесспорно, были они, существа из сказок и легенд – рослые, светлокожие,

длинноволосые и остроухие! Враги, по представлениям людей, алчно жаждущие человеческой крови и мечтающие об отмщении за отобранный у них город!

А между тем сейчас эти мифические чудовища неспешно разгружали повозки и привязывали к спущенным со стены веревкам корзины с вяленой рыбой и сыром, с хлебом и мясом, с яблоками и ягодами и — о, восторг! — кувшины с чистой питьевой водой. Собравшиеся на стене люди плакали от раскаяния, славя своих недавних недругов. Ведь что может быть величественнее и благороднее, чем помощь, полученная от врага?

Личные покои главы гильдии Чародеев утопали в полумраке. Огонь в камине не горел, потому что дрова в башне давно закончились, а расходовать магию для столь незначительных целей, по нынешним суровым меркам, было бы сущим расточительством. Звезды на потолке потускнели, шкаф с фолиантами уродовали нити бурой паутины, под столом перекатывались клоки пыли, а сама сьерра Кларисса немного похудела и побледнела, идеально вписываясь в картину общего упадка. Тем не менее верховная чародейка по-прежнему величественно восседала на своем обычном месте, оставаясь такой же безупречно красивой и противоестественно молодой. Королева в изгнании — Кларисса упрямо продолжала тешить свое самолюбие этой неудачной ролью, не желая замечать, что ее сценический образ безнадежно устарел, а декорации обветшали.

Лоб магички озабоченно хмурился, а ножки рефлекторно переступали, будто нервно отплясывали, но при этом настырно не желали покидать буквально «горящую» под ними землю, вернее, в данном случае — пол одного из ярусов Звездной башни. Пожалуй, уважаемая сьерра чародейка была сегодня единственным человеком в Блентайре, который не радовался столь своевременной подоспевшей помощи.

В ликующих криках, доносящихся с улицы, Клариссе слышались отзвуки ударов похоронного колокола, знаменующие конец ее гильдии. Нет, говоря точнее — начало конца самой значительной силы в Лаганахаре. А ведь всем понятно, что повлекут за собой подобные перестановки во власти: разброд в умах, политические шатания и последующую анархию. А этого Кларисса старалась не допустить любой ценой... Той, которую уже заплатила, и той, которую еще только собиралась заплатить. О, она давно привыкла к одиночеству, к всеобщему почтению, основанному на страхе, а отнюдь не на уважении; к отстраненности от внешнего мира и к своей ментальной изоляции. Но все это вполне оправдывалось тем фактом, что ей принадлежала власть — самая сладкая и упоительная, кружившая ее голову куда сильнее, чем бокал выдержанного вина или изысканнейший аромат от эльфийских парфюмеров.

Ни для кого не секрет, что обретший власть обречен на одиночество, зависть и наветы. Впрочем, сегодня Кларисса была не одна... В углу ее комнаты скорчилась некая худощавая фигура, облаченная в жалкий обрывок некогда роскошного, вышитого звездами плаща. Сквозь прорехи в одежде этого человека проглядывали многочисленные синяки и ссадины, своей формой и застарелостью наводя на справедливую мысль об их искусственном происхождении. Такие не получишь, упав с лестницы или ввязавшись в случайную драку, нет, подобные отметины возникают только вследствие пыток и долгих целенаправленных побоев.

К глубокому разочарованию сьерры чародейки, жуткая изможденность узника категорически не вязалась с непокорным взглядом красивых голубых глаз, пронзительно выглядывающих из кусти отросших грязных засалившихся рыжих волос. Мимолетного взгляда на их обладателя было достаточно, дабы убедиться, что голодный и избитый узник отнюдь не смирился со своим плачевным положением и ничуть не утратил обычного задора и оптимизма.

Рыжеволосый пленник, ранее состоящий в гильдии Чародеев и носящий имя Джайлз, объективно оценивал свои скудные шансы на выживание, но вопреки здравому смыслу даже и не думал о спасении. Наоборот, Джайлз вел себя крайне вызывающе, предпочитая руководствоваться весьма опасным принципом, присущим только истинным храбрецам и

героям: лучше прожить один день драконом, чем сто лет – овцой!

– Невероятно! – в голос воскликнула сьерра Кларисса, лихорадочно царапая ногтями подлокотник кресла. – Значит, негодная девчонка сумела-таки добраться до Зачарованного берега и заручилась поддержкой Полуденных эльфов!

– Она нас спасла! – резонно констатировал закованный в цепи Джайлз, брошенный к ногам главы гильдии.

– Молчи, отступник! – Чародейка с возмущением пихнула рыжеволосого юношу носком своей щегольской туфельки. – О, что за невезение меня постигло! Сначала меня предал этот негодный раб Беонир, подпустив девчонку к последнему оплоту эльфийского народа и позволив ей соприкоснуться с его древними тайнами и святынями. И ведь подлый пес не убоился за судьбу своего отца! – Чародейка заскрежетала зубами. – А потом ты – лучший из наших молодых магов, повторил его предательство, выйдя на улицы города и начав проповедовать вредную для гильдии ересь!

– Это не ересь! – строптиво опроверг Джайлз. – Я принес людям правду.

– Невероятно! – Чародейка с удовольствием повторила определение, столь точно обрисовывающее ее отношение ко всему происходящему. – Мой лучший ученик пошел против меня, против своей гильдии!

– Не против гильдии! – протестующе выкрикнул Джайлз, приподнимаясь с пола. – Вы – еще не вся гильдия!..

– В самом деле? – с издевкой в голосе протянула чародейка, приближая к нему свое перекошенное от ярости лицо. – Тогда я докажу тебе обратное!

– Зря стараетесь, – мстительно рассмеялся пленник, растягивая разбитые окровавленные губы в широкой жизнерадостной улыбке. – Теперь я понимаю, что вы никогда и не думали о судьбе Звездной башни, а помышляли лишь о личной корыстной выгоде.

– Глава гильдии неотделима от самой гильдии! – пафосно процитировала чародейка. – Разве ты не читал наш устав?

– Его написали ваши единомышленники по морали, а вернее – по ее отсутствию! – пылко парировал молодой маг. – Чудовища по духу и сути!

– Мы всего лишь заботились о рядовых членах нашей общины, – не обращая внимания на его возражения, напыщенно продолжила сьерра Кларисса. – Пусть погибнут все – люди, эльфы, короли и простолюдины, но чародеи обязаны выжить, чтобы стать опорой нового мира, который будет построен!

– Преступница! – обличающе отчеканил Джайлз, пожирая свою наставницу ненавидящим взглядом и невольно переходя на фамильярное «ты». – Эгоистка! Так вот какова твоя истинная цель: укрепить башню костями загубленных тобой существ! Да ты кровожаднее, чем прислужники кровавой богини!

– Что? – Чародейка откинула голову и громко расхохоталась с наигранным весельем. – Ты молод и глуп, сам не понимаешь, что несешь!

– Все я понимаю! – спокойно отозвался Джайлз, в противовес главе гильдии всецело контролирующей собственные чувства и эмоции. – Каюсь, я был слеп и наивен, я верил вам, как и все остальные в гильдии. Мы искренне полагали, будто вы печетесь о благе Лаганахара и ищете средство, способное остановить надвигающуюся Пустошь...

– А ведь так оно и есть, ибо зачем мне нужен мертвый город? – иронично мурлыкнула чародейка.

– О нет, – осуждающе покачал головой ее узник. – Вы всего лишь лицемерная лгунья и обманщица. Вы предпочтете умереть вместе с Блентайром, но не откажетесь от власти над ним...

– Глупец! – истерично заорала Кларисса, вскакивая с кресла и принимаясь метаться по комнате. – Неужели ты готов добровольно прозябать в нищете и безвестности, опустившись до уровня быдла с окраин королевства? Жизнь ничто без власти и богатства. И ради сохранения своего положения я не пощажу никого!

– Мне жаль вас! – с искренним сожалением признался Джайлз. – Вы всегда жили какой-то чужой, не настоящей, а всего лишь придуманной жизнью. Вы потратили свои лучшие годы впустую, гоняясь за выпестованными вами химерами. Я никогда не понимал тех, кто занимается показухой: покупает вещи, которые им не нужны, на деньги, которых у них нет, чтобы произвести впечатление на людей, которых они не знают. Тех, кто меняет реальные радости бытия на эфемерные заслуги и мнимые достижения. А вас мне жалче вдвойне, ведь вы, по сути, не достигли ничего действительно стоящего, не совершили ни одного доброго поступка, не любили, не дружили, не родили детей...

– Ты неправ! – чуть слышно прохрипела чародейка, но юноша не услышал ее последней реплики, увлеченный собственной речью.

– Поверив вам, – возвышенно вещал он, – я отправился на поиски знаний и стал одним из тех немногих, кто сумел вернуться обратно в Блентайр и принести с собой нечто полезное.

– Ты стал чародеем, – воскликнула глава гильдии, – благодаря мне! Подумай сам, разве ты бы добился чего-нибудь без меня?

– Возможно, что и нет. Зато я знаю ту, которая непременно станет чародейкой без помощи гильдии! – иронично ухмыльнулся Джайлз. – Назло вам.

– Дурак! – Сьерра Кларисса почти задохнулась от гнева. – Какой же ты неисправимый дурак, мальчик! Вспомни пророчество Неназываемых... Разве ты не понимаешь, что, возвысившись, обретя силу и знания, Йохана в первую очередь уничтожит нас, магов?..

– Пускай! – храбро ответил молодой чародей. – Я пришел к выводу, что мы этого заслуживаем. Именно мы стали причиной всех бед, постигших Лаганахар. Да, все началось с честолубивой Сильваны, развязавшей войну с эльфами. А теперь ее заблуждения повторяете вы: вместо того чтобы искать способ остановить пустыню, вы ищете способ остановить одну хрупкую и беззащитную девочку!

– Хрупкую и беззащитную? – Кларисса шокированно закатила глаза, потрясая вскинутыми к потолку кулаками. – О нет, она не такая! Боюсь, я недооценила эту маленькую тварь, сумевшую втереться в доверие к эльфам и подарить всем веру в себя. Слышишь? – Она с не женской силой схватила Джайлза за руку и подтащила к распахнутому окну, заставляя прислушаться к царившей снаружи суете. – Слышишь? Они выкрикивают ее имя... – Губы чародейки тряслись от злобы и зависти. – Не мое, не твое...

– У каждого народа свои герои! – усмехнулся чародей, понимая, какую страшную боль причиняют Клариссе его слова. – А из вас героя не получилось.

«Как такое стало возможным? – с паникой думала Кларисса. – Чтобы мой собственный воспитанник вдруг превратился в моего злейшего врага? Я боялась, вдруг Джайлз вознамерится занять мое место, но он пошел дальше, намного дальше, подрывая сами устои нашего мира. Как же мне переубедить его? Как обезопасить себя?..» Внезапно решение пришло к ней само. К чему спорить и бросаться не аргументами, а всего лишь нелогичными эмоциональными выплесками? Острая дискуссия предполагает отсутствие тупых оппонентов. А гнев еще никогда не считался хорошим советчиком, ибо он напрочь убивает любую разумную мысль...

Нет, она не имеет права на гнев. Ей нужно сосредоточиться, быть сильной и точной. Она всегда гордилась остротой своего ума, даже его порочной изворотливостью, скоростью реакции и умением манипулировать людьми, но теперь события стремительно выходили из-под контроля и Кларисса чувствовала, как она скользит по ледяному склону отчаяния и ей не за что зацепиться. Власть – капризная дама, не менее капризная, чем сама чародейка. Сегодня ты на вершине, а завтра, гляди, покатился вниз – только пятки и затылок мелькают, словно спицы в колесе. Трудно остановиться на пути в пропасть...

– Ну это мы еще посмотрим, чья в итоге возьмет! – вмиг успокоилась магичка, обретая свою прежнюю невозмутимость и ясность мысли. Сейчас ей было почти стыдно за краткую вспышку гнева, показавшую Джайлзу истинное лицо наставницы. – Обещаю тебе, мой неразумный мальчик, что Йохана никогда не получит Блентайр. Уж скорее я добью его

собственными руками, – жестко добавила она. – И пусть он не достанется никому!

Джайлз вздрогнул, безмерно уstraшенный столь зловещим завершением речи. Эти слова... Ему казалось, что он их уже слышал. Вот только где? Возможно, они присутствовали в вое ветра и шелесте песка?

– Не получит! – Кларисса сопроводила свое обещание короткими, рубящими жестами ультимативно сжатого кулака. – Скорее Неназываемые проснутся!

– Неназываемые? – Пальцы Джайлза стальными клещами впились в богатые кружевные воланы, нашитые на лиф платья магички. – Что вам о них известно?

– Отстань от меня, сумасшедший! – истошно завизжала чародейка, отбиваясь от своего бывшего ученика. – Ты меня предал. Я прикажу бросить тебя в каземат!

– Вам все равно ее не победить! – иступленно рычал Джайлз, схватив чародейку за горло и пытаясь задушить. – Она вернется, и тогда...

Тут Кларисса вспомнила о том, что в первую очередь она все-таки могущественная магичка, а не испуганная беспомощная женщина. Ее руки поднялись над головой и вычертили замысловатую руну, которая стала зримой и поплыла по воздуху... В комнате блеснула ослепительная молния, отбросившая Джайлза обратно в угол. Да вот неприятность – в кулаке юноши остался кусок пышного волана, ранее являвшегося частью платья Клариссы. Чародейка изумленно взглянула на свою обнажившуюся грудь и отчаянно завывала...

Джайлз оторопело сидел на полу, не отводя потрясенно расширенных глаз от беснующейся перед ним женщины. О нет, причиной его оцепенения стала отнюдь не ее обольстительная нагота, а то, что находилось на обнаженной груди сьерры Клариссы: черная, похожая на спекшийся шлак Звезда ее души!

– Так вот оно что! – с озаренным придыханием бормотал Джайлз, осознавая себя прозревшим. – Ты, ты... Ты и правда чудовище – жестокое, бездушное, мертвое!

– Стража! – истерично заголосила сьерра Кларисса, зажимая порванное платье. – Сюда, ко мне!

Ворвавшиеся в комнату охранники быстро скрутили Джайлза и поволокли его вниз по лестнице, в казематы, расположенные в подземелье.

– Предатель, ты сгниешь в тюрьме! – напоследок пообещала разъяренная глава гильдии. – Вместе с непокорным Беодаром, сыном Беовульфа. Я научу вас смирению! Сгниешь и никогда больше не увидишь свою хваленую Йону!

– Она придет! – гордо вскинув непокорную голову, отвечивал узник. – Наследница трех кланов вернется, восстановит поправленную справедливость и накажет виновных... Я проклинаю тебя, Кларисса!

Сьерра Кларисса замолчала, не желая верить в его слова. Нет, это безумное проклятие никогда не сбудется. Да, но как же тогда быть с пророчеством Неназываемых?.. И как следует поступить с тем договором, который прочно связал ее с богом Шарро, заставив заключить страшную сделку?

Чародейка закрыла ладонями свое пылающее, будто в приступе лихорадки, лицо, разрываясь от противоречивых эмоций. С одной стороны, она понимала, что потеряет власть над ситуацией именно в том случае, если Наследница обретет силу и знания, сумев наполнить Звезду своей души. И тогда девчонка уничтожит гильдию Чародеев. Значит, Йохану нужно остановить во что бы то ни стало и любой ценой. А с другой стороны – противодействие Наследнице повлечет за собой гнев бога Шарро, и Кларисса уже никогда не увидит своего драгоценного мальчика, своего единственного сына... Так как же ей поступить? Но ведь, потеряв власть или даже саму жизнь, она не увидит его совершенно точно! Нужно просто сделать выбор: власть или сын...

Кларисса колебалась очень долго, с испугом ощутив, как ее сердце постепенно склоняется на сторону власти. Это свидетельствовало о том, что в ее душе безвозвратно отмерла последняя, крохотная частица добра...

«Йона не осмелится сунуться в Пустошь, – размышляла чародейка. – Значит, она

отправится в лес Шорохов. А гильдия Охотников обязана мне слишком многим... Следовательно, нужно просто отправить к ним гонца и приказать остановить девчонку!»

В тот миг чародейка еще не знала, насколько сильно ошибается, она думала лишь о том, что приняла болезненное, но правильное решение, должное принести успокоение ее мятущейся душе. Как, оказывается, мало нужно сделать, чтобы стать счастливой: просто принять верное решение, от которого ее сердце буквально разрывается на сотню мелких кусочков. Но полно, хватит терзаться, ведь все сомнения остались позади и отступать уже некуда. Дальше будет легче...

А будет ли?

– Невероятно! – Карающий голос змееликой грохотал под сводом храма так тяжело, словно на его крыше перекатывались огромные каменные глыбы. – Она меня предала!

Ряды униженно коленопреклоненных жрецов и жриц мелко затрясли плечами, подтверждая правоту своей повелительницы. Подумать только, кто-то решился предать богиню Банрах! Да на такое злодеяние доселе не осмеливался никто – ни человек, ни лайил. И уж тем более подобного не ожидали от потомственной жрицы, избранной воительницы, которой доверили совершенно секретную и важную миссию – слежку за той, кому суждено свершить древнее пророчество Неназываемых, столь неугодное змееликой.

Получив змеиный глаз, избранная жрица заверила богиню в своей преданности и отбыла за пределы Блентайра. Позже она втерлась в доверие к той, кого змееликая ненавидела больше всех на свете: Наследнице трех кланов, мерзкой полукровке, незаконнорожденному эльфийскому отродью, чье появление на свет уже само по себе было непростительным преступлением в глазах слепой Банрах. Такова сущность истинного зла – оно никогда не действует открыто, предпочитая вредить исподтишка и бить в спину. Зло – корыстно и подло, ибо умело использует в своих целях добро, извращая его суть. Зло вредит нам нашими же руками... Впрочем, не все так безнадежно, ибо приличного и доброго человека всегда можно узнать по тому, как неуклюже он делает подлости... Не верите? Тогда присмотритесь к своим врагам, и вы все поймете сами!

До последнего времени засланная жрица неплохо справлялась со своими обязанностями. Она вела себя практически безупречно, завязав дружеские отношения с вверенной ей подопечной. Правда, страшное пророчество Неназываемых, высеченное на стенах Немеркнувшего Купола, тоже потихоньку начинало сбываться, и это несказанно беспокоило змееликую. Богиня понимала, что успехи Наследницы повлекут возвращение прежних порядков. Банрах будет вынуждена вновь спрятаться во тьму, отступить на задний план и вернуть этот мир его законному покровителю, ненавистному богу Шарро, ее братцу, озабоченному утопическими идеями равноправия и всеобщего процветания. Да ничего глупее этих проектов Банрах в жизни не видывала! Уж она-то понимала истинную ценность власти, жестокости и, конечно, теплой человеческой крови, к коей привыкла за двести лет своего владычества. Снова лишиться всего этого? Да ни за что!

– Взбунтовавшаяся Ребекка уничтожила змеиный глаз! – бушевала богиня, вспоминая болезненные ощущения, испытанные ею в тот момент, когда воительница наступила на бесценный артефакт и растоптала хрупкий шарик, позволявший Банрах следить за всеми передвижениями ее шпионки. – Но я ей отомщу! Подойди сюда! – приказала она.

Устрашенный ее шипящими интонациями, верховный жрец храма богини в Блентайре практически на животе подполз к постаменту статуи своей повелительницы.

– Ты! – Голос змееликой исключал возможность каких-либо возражений. – Ты распечатаешь хранилище с запрещенными манускриптами, прочитаешь древние заклинания и разбудишь гхалий, спящих на нижнем ярусе храма Песка!

– Но владычица, разумно ли это? – испуганно затрясся жрец, все-таки дерзнувший поспорить с всемогущей богиней. – Тварей Тьмы очень трудно остановить, ибо их голод ненасытен. Уничтожив врагов, гхалии примутся пожирать всех без разбору. В последний раз гхалий выпускали двести лет тому назад, в день битвы при Аррандейском мосту. Тогда

воины из Полуночного клана истребили большую часть этих созданий, а две выжившие твари были погружены нами в магический сон...

– Так их осталось всего две из десяти? – разочарованно переспросила богиня, но тут же ехидно рассмеялась: – Чтобы покарать вышедшую из повиновения жрицу, убить жалкого слюнтяя ниуэ и уничтожить дерзкую девчонку, мне хватит и этих двух! Выпускайте гхалий. Дайте им прядь волос Наследницы, отсеченную у нее на болоте в Серой долине, это поможет охотницам найти проклятую девчонку. Пусть они дожидаются наших неразумных путешественников на окраине Белых гор, ведь обходной путь, позволяющий миновать пустыню, пролегает именно там. Я не верю, что проклятая полукровка дерзнет сунуться в самое сердце Пустоши... – Ее голос преисполнился непоколебимой уверенности. – Ни одно разумное существо не отважится по собственной воле ступить в пределы Пустоши! А если даже и осмелится, то ее либо прикончат тарантуки, либо захватят мои верные дочери песка!

Лишь много позднее Банрах было суждено узнать о том, как сильно она просчиталась... Ее терзал страх за собственное будущее, а поэтому принятое решение казалось верным и спасительным, хоть и несло массу проблем и неудобств. Ведь змееликая выпускала на волю гхалий, необузданной злобы которых остерегалась даже она сама.

Отдав приказ разбудить тварей Тьмы, богиня облегченно вздохнула и расслабилась, убедив себя в том, что дальше будет легче...

А будет ли?

Глава 10

Теперь перед тремя путешественниками, возможно, сильно преувеличивающими свои скромные способности и поэтому подвергающими себя неоправданному риску, лежала дорога длиной в несколько месяцев, в конце которой маячила грозная тень Пустоши. Пустошью, или Мертвой пустыней, у нас испокон веков называют обширнейший район суши, раскинувшийся к северу от Блентайра, почти неизведанный, практически необитаемый и крайне опасный. Сразу же следует пояснить, что слухов о нем в сотни раз больше, чем точных, внушающих доверие сведений. Поговаривают, будто даже сам воздух там смертелен и похуже любого яда, ведь он настолько горяч, что способен мгновенно испепелить человека, вдохнувшего хотя бы глоток жуткой субстанции.

К счастью, в подобные страшилки верили немногие, ну разве только наиболее впечатлительные ротозеи из числа лентяев, которые вечно отлынивают от работы и собираются на площади, дабы послушать истории заезжих пилигримов и паломников. А ведь находятся и такие безумцы, которые отправляются к границе Пустоши, желая если не приобщиться к ее тайнам, то хотя бы поклониться этому страшному месту, считающемуся родиной кровавой богини Банрах.

Честно говоря, я не испытывала никакого желания бродить по пустыне, ибо на основании крайне скудной информации, почерпнутой мною из книг, а также из болтовни Беонира, я сделала следующие выводы, весьма неутешительные: сказки сказками, а обилием растительности Пустошь и впрямь похвастаться не может. А там, где мало растений, там мало воды и чрезвычайно затруднен сам процесс существования. Немногие смельчаки отваживаются пересечь границу мертвой пустыни, и еще меньшее их количество благополучно возвращается обратно. Но гораздо больше, чем отсутствие воды, меня волновали рассказы о всевозможных чудовищах, якобы населяющих Пустошь: скорпионах, гремучих змеях, гигантских тарантуках и загадочных песчаных стоножках.

Впрочем, на этой пессимистичной ноте мои знания о Пустоши заканчивались, и поэтому я предпочла не говорить друзьям о своих страхах, сильно сомневаясь в достоверности сведений, вычитанных в Книге Преданий, и уже тем более – полученных из чьих-то болтливых уст. Да и стоит ли заранее пугать тех, кому вскоре предстоит самолично испытать на себе сомнительное гостеприимство Пустоши? Полагаю, что нет.

Следовало признать, что все мои размышления носили сугубо теоретический характер.

На данный момент нас отделяли от Пустоши долгие дни пути, хотя заблудиться мы не боялись, с помощью Беонира успешно ориентируясь по карте, подаренной Полуденными. Мы в умеренном темпе продвигались в северо-западном направлении, с каждым днем все ближе подступая к Черным холмам, за которыми затаились печально известные Лиднейские болота – обиталище гигантских змей, – переходящие в густо поросшую ковылем степь.

Пока что нас окружала безлюдная, но вполне уютная равнинная местность, где между покрытыми засохшим бурьяном холмами изредка попадались крохотные пяточки живой зеленой травы. Здесь также текла тоненькая, будто ниточка, речушка, один из многочисленных притоков Алларики, своим скромным журчанием отвлекавшая нас от мрачных мыслей. Я остановилась на вершине невысокого холма, поросшего лысоватыми приземистыми деревцами, и устремила свой взгляд на север, испытывая легкую растерянность.

Холодный колкий ветерок проникал под камзол, заставляя зябко поеживаться. Я интуитивно ощущала враждебность равнины, ее явное нежелание принимать нас, ибо эти земли очень сильно отличались от тех, которые я привыкла видеть в окрестностях Блентайра. Деревья там не походили на уродливых карликов, а были прямыми, огромных размеров, с крупными длинными листьями, растущими от вершины, словно гребень волос Перворожденных. По сравнению с ними то, что принимают за деревья в этом краю, выглядит просто чахлым, кривым, мохнатым кустарником. Ветки этих растений напоминали пальцы старых солдат, пораженные артритом, возникшим за долгие годы обращения с мечом. Как на нашей карте помечены эти деревья? Подлесок? Так странно... Подумать только, а ведь именно отсюда и пришли первые люди, которые впоследствии осели в Блентайре, в корне изменив его судьбу!

Первые три дня пути ознаменовались эйфорией от наших прошлых удач, а посему прошли в веселых шутках и легких, ни к чему не обязывающих разговорах. И только к концу первой недели я начала замечать, что с Беониром творится что-то неладное. Впрочем, если присмотреться повнимательнее, можно было заметить, что тяготы трудной дороги сказываются даже на Ребекке, самой выносливой участнице нашей команды. Она тоже выглядела далеко не такой бодрой и довольной, как сразу после отбытия из эльфийского королевства.

Помусолив в мозгу свои выводы, четко обрисовавшиеся в течение сегодняшнего дня, я приступила к выяснению насущных проблем сразу же после ужина, подбив друзей на трудный, но столь необходимый нам всем разговор. Костер потрескивал, жадно пожирая сухие ветви кустарника. Ребекка, нахохлившись, сидела у огня и поджаривала ломтик рыбного филе, нанизанный на тонкий прутик. Мы уже поели и собирались устраиваться на ночлег, ибо завтра нас ждал еще один долгий день пути, но спать почему-то никому не хотелось. Беонир, по каким-то личным делам ненадолго отходивший за соседний холмик, вернулся и смиренно подсел к молчаливо-сосредоточенной воительнице, рассеянно превращающей в уголек ни в чем не повинную рыбу.

– Скучаешь?

– Да, но не настолько! – сердито фыркнула лайил, похоже, не собираясь делиться с нами своими переживаниями.

– Беонир... – ласково позвала я, надеясь вызвать юношу на откровенность. – Что тебя беспокоит?

Но ниуэ лишь сердито мотнул своими длинными светлыми волосами, а его губы искривила страдальческая усмешка.

– Это природа, – нехотя, сквозь зубы пояснил он. – А против природы не пойдешь. Вы не сможете справиться со мной даже вдвоем, потому что в период превращения мои силы многократно возрастут. Лучше убейте меня сейчас, пока еще не стало слишком поздно, пока я не убил вас... – Он всхлипнул и отвернулся, отказываясь от продолжения беседы.

Итак, откровенного разговора не получилось. Я изучающе посмотрела на юношу. Говоря по правде, я вовсе не собиралась на него смотреть и даже боялась, это вышло

непроизвольно. Он ответил мне внимательным, чуть напряженным взглядом. Как будто просчитывал что-то про себя и никак не мог просчитать. Возможно, ниуэ мысленно взвешивал все известные ему симптомы и признаки, пытаясь правильно оценить собственные силы? Мы все терзались одним и тем же вопросом, совершенно не нуждающимся в озвучивании. Как это будет? Этого мы не знали...

А между тем каждый последующий день все явственнее выявлял недомогание Беонира. Черты его лица все сильнее заострились, глаза были обведены страшными синими тенями. И словно издеваясь над несчастным страдальцем, сияющее в небе ночное светило становилось все ярче и полнее, стремясь принять идеально круглую форму. Приближалось полноуние...

Уже неоднократно у меня мелькала заманчивая мысль использовать магию и с помощью чар ослабить или вообще нейтрализовать приступ трансформации, надвигающийся на Беонира. Да, я слишком хорошо помнила его рассказ о том, как в ночь полноуния все ниуэ обращаются в хищных тварей, не способных контролировать свои животные рефлексy. В такой момент жажда крови полностью выключает их рассудок, заставляя нападать на любое встреченное существо. Стоило предвидеть, что события, грядущие за обращением Беонира, могут развиваться по двум предсказуемым сценариям. Он либо загрызет нас с Ребеккой, либо встретит отпор и получит ранения. Очевидно, что в каждом из этих случаев мне следует опасаться за его психику и рассудок. Ибо стыд и раскаяние, которые непременно последуют за совершением столь чудовищных поступков, могут свести с ума и более устойчивого в психическом плане мужчину, чем Беонир.

Я могла бы подчинить его рассудок своей воле и тем самым контролировать поведение ниуэ, но это бы означало переход к манипулированию его личностью, что само по себе казалось мне чем-то грязным и подлым. Мне пришлось бы обмануть несчастного юношу, а начав обманывать, уже трудно остановиться. С другой стороны, ему пришлось бы полностью впустить меня к себе в душу. Одно из важнейших условий манипуляции сознанием – человек не должен понимать, когда ему лгут. Можно привести лошадь на водопой, но нельзя заставить ее пить. Можно задавать вопросы, но как заставить отвечать на них правдиво? Палачи и шантажисты умеют проделывать подобное, но меня покамест не прельщает ни карьера палача, ни роль шантажиста. Я хотела только доверия, взаимного и откровенного сотрудничества двух честных разумов. Но еще больше я хотела помочь своему другу, с затаенным ужасом ожидающему приближения неминуемого несчастья...

Я конечно же видела, что с каждым часом ломка у ниуэ становилась все более мучительной. Нам пришлось серьезно сбавить темп движения, потому что юношу трясло как в лихорадке; во время еды руки отказывались ему повиноваться, щеки ввалились, а запавшие глаза, подернутые мутной поволокой, болезненно реагировали на яркий свет. Ночью он никак не мог уснуть, беспрестанно ворочался с боку на бок или же, наоборот, неподвижно лежал на спине, загнипнотизированно глядя на все увеличивающуюся Уну, и тихонько стонал.

А на следующую ночь он и вовсе попытался уйти из лагеря... Тогда меня разбудил какой-то подозрительный шорох, и, открыв глаза, я увидела Беонира, неистово бьющегося в сильных руках Ребекки, удерживавшей его нежно, но крепко. Воительница обнимала юношу одной рукой за талию, а другой гладила по голове, утешая и уговаривая подчиниться, словно непослушного ребенка. Утром мы продолжили медленно брести по равнине, но меня повергал в ужас вид донельзя измученного друга, с явным усилием опирающегося на палку и с трудом переставляющего непослушные ноги. Теперь я думала только о том, что необходимо найти подходящее решение для его спасения. Найти срочно, чего бы мне это ни стоило...

Ночь от ночи Беонир мрачнел все сильнее, а в начале третьей недели юноша показал на почти полную Уну и предупредил:

– Осталось две ночи. На третью...

– Не дрейфь, лохматый! – преувеличенно бодрым голосом отозвалась лайил. – Чего ради я, по-твоему, таскаю с собой эту тяжеленную цепь?

– Лучше бы мы взяли с собой сильнодействующее снотворное, – грустно пробормотала

я.

– Его действие очень сложно предугадать, – спокойно ответил Беонир. – Нет ни одного снадобья, которое стопроцентно меня усыпит. Цепь все равно бы понадобилась.

– Это... Это будет ужасно. Я чувствую! – виновато вздохнула я, будто в ожидающем Беонира испытании присутствовала и толика моей вины.

– Не хуже, чем всегда, – неловко попытался приободрить меня ниуэ. – Нет, даже лучше.

– Это чем же? – удивленно посмотрела на него воительница.

– Когда рядом друзья, всегда лучше, – серьезно откликнулся юноша, но Ребекка лишь недоверчиво покачала головой и криво улыбнулась. Она боялась за Беонира в сто, нет, в тысячу раз сильнее меня. Наблюдая за своими друзьями, ведущими себя столь мужественно, я пригорюнилась еще сильнее. Неужели их едва расцветающая любовь оборвется столь страшно и трагично?

Однако уже следующие две ночи оказались для ниуэ не самыми приятными – он так и не сомкнул глаз, мучаясь неведомой нам болью и тоской, а утром выглядел осунувшимся и не выспавшимся. Заметив синяки у него под глазами, я настояла на том, чтобы дневной привал длился пару часов, и уговорила юношу провести их лежа. Но, увы, старалась я зря, ибо мои заботы не принесли Беониру никакого облегчения.

Мы расположились на ночлег в большой, поросшей мягким сухим мхом лошине, неспешно перекусили, но разговора не получалось. Предчувствуя приближение чего-то судьбоносного, я даже и не пыталась отвечать на вроде как шаловливые и беззаботные реплики Беонира и Ребекки. Я все глубже погружалась в невеселые мысли, вызванные приходом быстро спускающейся на землю ночи. Наконец ниуэ поднялся...

– Пора! – кивнул он Ребекке, которая вытащила приготовленную цепь.

Беонир сам защелкнул ошейник на своей шее и серьезно посмотрел на воительницу, которая старательно прикрепляла цепь к стволу самого крепкого дерева из всех, имеющихсся в округе.

– Милая, прошу тебя, помоги Йохане справиться с этим... Боюсь, она выбрала плохих попутчиков, но теперь уже поздно что-либо менять, – попросил он.

– Мы не плохие попутчики, – ворчливо отозвалась девушка, протестуя морщась. – Просто мы – попутчики с проблемами.

Я сидела на одеяле, поджав под себя согнутые в коленях ноги, и игнорировала все уговоры Ребекки, настойчиво предлагавшей мне лечь и попробовать заснуть. Я не могла заставить себя отвернуться от лежащего под деревом Беонира, совершенно спокойно разглядывающего небо. Ветер донес до нас его тихий голос:

– Знаете, а я ведь и не помню ее совсем, нашу Уну. Оказывается, я еще никогда не видел ее так близко, так свободно... Раньше я всегда укрывался в подземелье и никогда не видел, как она появляется...

– Он еще и разлагольствует, лохматый идиот! – пробурчала Ребекка с дрожью в голосе, и я вдруг поняла, что воительница отчаянно бодрится и тоже отгоняет от себя дурные мысли.

Все последующие события произошли практически одновременно... На ясном небе зажглись первые звезды, между которыми издевательски засиял безупречно круглый серебряный диск Уны, а Беонир вдруг испустил сдавленный, полный тщетно подавляемой боли крик. Мы с Ребеккой неосознанно вцепились друг в друга, будучи не в силах оторвать взгляд от ужасного зрелища, представшего перед нашими выпученными от потрясения глазами.

Все тело юноши внезапно выгнулось дугой, послышался треск разрываемой ткани. Руки и ноги ниуэ свело судорогой, а через прорехи в его одежде мы отчетливо увидели шерсть, проступающую сквозь кожу. Лицо Беонира вытянулось, волосы встали дыбом, а чудовищный оскал новоявленной твари грозно сверкал в неверном свете Уны. Нет, теперь перед нами был уже не прежний белый пес, а уродливый хищник, больше похожий на волка.

И вот этот волк резко дернулся, стараясь сорваться с удерживающей его цепи, и протяжно завыл...

Казалось, подвергшийся трансформации ниуэ не знает усталости. Полночи уже прошло, но волк продолжал рваться и метаться, заставляя нас ежесекундно вздрагивать, подозревая даже в малейшем издаваемом им шорохе скрип готового повалиться дерева. Наконец, выбившись из сил, оборотень сменил тактику: распластавшись на земле, он, хрипло дыша, полз в нашу сторону, пока хватало длины цепи, жалобно скуля и сверкая горящими глазами. Это зрелище оказалось еще более непереносимым для моих нервов. Вцепившись в предплечье подруги, я с трудом сдерживала слезы и просила:

– Он уже пришел в себя, видишь? Ему, наверное, так больно! Пойдем, надо ему помочь. Ребекка, умоляю тебя, пойдем!

Но воительница молчала, упрямо мотая головой и крепче прижимая к себе мое дрожащее как в лихорадке тело.

– Нет, – вдруг прошипела она. – Я люблю этого блохастого уроды, но не имею права рисковать твоей жизнью даже ради своей любви. Ты слишком нужна нашему миру, помни это, Йона!

Несколько минут мы с лайил исступленно боролись: я – пытаюсь вырваться из ее объятий, и она – преданно оберегая мою жизнь. Лицо воительницы исказилось до неузнаваемости, выдавая ее решимость во что бы то ни стало принести себя в жертву ради достижения высшей цели, а именно – спасти меня и весь Лаганахар! Увы, наши силы оказались слишком не равны: лайил возвышалась надо мной на целых три головы и весила в три раза больше, а поэтому она запросто скрутила меня, собственнически подмяв под себя.

Но тут случилось непредвиденное: я наклонила голову и резко, жестоко укусила Ребекку за руку... Воительница громко вскрикнула, но не от боли, а скорее от обиды на неблагодарную меня. Пальцы ее непроизвольно расслабились, а я тут же вскочила на ноги, диким и в то же время каким-то грациозно-танцевальным па отпрыгивая от девушки на добрый десяток шагов. Лайил проследила за мной глазами и закричала еще отчаяннее, с какой-то невероятной обреченностью.

– Там! – Ее рука указывала за мою спину. – Он там!

Я удивленно обернулась и тоненько взвизгнула от испуга... Мое сердце стремительно подкатилось к самому горлу, а потом падающим камнем ухнуло вниз, провалившись до пяток. «И это к нему на помощь я рвалась? А мне, мне-то кто поможет?..» Кстати, эти панические рассуждения вовсе не выглядели чем-то неуместным, ибо оказалось, что, увлеченные борьбой, мы с Ребеккой совершенно позабыли про Беонира, который в этот самый миг сумел-таки сломать удерживающее его дерево и теперь, растопырив огромные когти, угрожающе надвигался на меня, голодно посверкивая налитыми кровью глазами. Я вскинула руки, пальцами выплетая вязь магических рун, но чудовищный волк прыгнул вперед, а волокущаяся за ним цепь змеей свистнула в воздухе, подбивая меня под колени.

До крови прикусив язык и мгновенно забыв так и оставшееся недосказанным заклинание, я повалилась на спину, а над моей головой нависла разверстая пасть огромного волка, источающая отвратительный смрад сырого мяса. Я обреченно зажмурилась и приготовилась к смерти...

Считается, что сила женщины заключается именно в ее слабости. Кто придумал эту парадоксальную фразу, я не знаю, но подозреваю, что опять же мужчины. Лично я полагаю, что пресловутая женская слабость должна носить сугубо внешний, декоративный характер, ибо в трудные жизненные моменты, возникающие сплошь и рядом, женщине абсолютно не на кого надеяться, кроме как на саму себя. Да, стать слабой – очень заманчивая перспектива, но вокруг то кони скачут, то избы горят... Ну и до слабости ли нам тогда?

Я услышала громкий скрежет, негодующую ругань Ребекки и оглушительный волчий рев... Понимая, что каким-то чудом опять осталась жива, я распахнула ресницы и увидела оборотня, всем своим немалым весом давящего на воительницу, отважно преградившую ему путь и подставившую под когти твари обнаженные акинаки. Именно соприкосновение

когтей и металла и стало причиной этого ужасающего скрежета, пробудившего мой временно задремавший инстинкт самосохранения. Откатившись вбок, я ушла с линии удара волка, а тяжело переводящая дух Ребекка тут же развела клинки и отскочила в сторону.

Тварь обиженно взревела, уразумев, что ее ловко обвели вокруг пальца. Сейчас волк находился точно между мной и воительницей, нерешительно поводя мордой, облепленной хлопьями кровавой пены, и решая, на кого из нас ему следует напасть в первую очередь. Я медлила, мысленно перебирая известные мне заклинания и оценивая убойную силу каждого. Убивать оборотня мне не хотелось, следовало просто обездвижить безумную тварь, а затем связать ее покрепче... Но, к сожалению, не посвященная в мои замыслы Ребекка предпочла поступить по-своему, начисто разрушив столь многообещающий план.

– Цып-цып-цып, – ехидно пропела она, обходя волка по широкому полукругу на чуть согнутых в коленях, упруго переступающих ногах прирожденного воина. – Иди сюда, зубастенький! Уси-пуси, блохастенький мой!

Ответом ей стал громогласный вой оскорбленной твари. Чудовище отвернулось от меня и послушно пошло на воительницу, судя по всему, мечтая вколотить ей обратно в глотку эти язвительные прозвища.

– Так-то оно лучше, – удовлетворенно констатировала лайил, возбужденно поигрывая клинками. – Иди-иди к мамочке... – Но закончить свою ироничную фразу девушка не успела, потому что тварь вдруг напряжилась и прыгнула, клыками целясь точно в горло отважной воительницы.

«Бдзинь!»...

Получив по зубам рукоятью меча, волк плачуще взвизгнул, перекувырнулся в воздухе и как подкошенный замертво рухнул на землю. Звук был таким осязаемым, настолько реалистичным, что я остолбенела, боясь пошевелить языком в своем собственном рту: а вдруг там обнаружатся обломки зубов?

Тварь лежала неподвижно, не подавая ни единого признака жизни. Ребекка замерла на месте, взволнованно вытягивая шею и настороженно вглядываясь в распростертую перед ней фигуру оборотня. На ее лице отразилась целая гамма противоречивых чувств, постепенно меняющаяся от удивления к раскаянию.

– Неужели убила? – испуганно пролепетала воительница, вкладывая клинки в ножны и приближаясь к волку. – Беонир, радость моя, ты как?

– Осторожнее, он притворяется! – предупреждая закричала я, но мое предостережение конечно же опоздало.

Тварь молнией взвилась вверх и взмахнула огромной лапой, сшибая утратившую бдительность девушку. Ребекка невесомой пушинкой отлетела прочь, ударились виском о выступающий из жухлой травы камень и замерла, в неловкой позе растянувшись на земле. Понимая, что наиболее опасный из двоих его противников уже надолго выведен из строя, тварь довольно оскалилась и неспешно направилась ко мне, настороженно шевеля мохнатыми ушами...

Анализируя собственную жизнь (ибо, день за днем бредя через унылую равнину, трудно придумать для себя какое-то более достойное занятие), я пришла к закономерному выводу: судьбы не существует. Вместо нее миром правит строгий закон причин и следствий, определяющий последовательность, целеустремленность и завершенность нашего бытия. Каждое наше действие является логическим следствием предыдущего и причиной последующего.

Судьба, а вернее, то, что принято называть судьбой в глобальном смысле этого слова, вовсе не так строга и слепа, как это описывают в различных жутко заумных богословских и магических трактатах. Нет, судьба любопытна и любит экспериментировать, поэтому она всегда дает нам несколько вариантов на выбор, а уж далее мы сами выбираем тот или иной из них. Смерть же не выбирает никто, будучи, конечно, в здравом уме и твердой памяти. Но вот парадокс – самоуверенные идиоты вроде меня частенько при этом оказываются на

волосок от гибели, ибо каждая нелепая смерть начинается с глупой фразы: «Посмотри, как я умею!..»

Каюсь, я выкрикнула именно эти слова, многозначительно щелкая пальцами и пытаюсь создать огненный шар, способный остановить разъяренное чудовище, жаждущее моей крови. Не сработало... Второпях я проглотила пару слов из заклинания, и посему на ладони возник отнюдь не клубок спасительного огня, а всего лишь крохотный светлячок, еще больше раззадоривший невменяемого оборотня. Я с превеликим трудом увернулась от его зубов, волк на всех парах промчался мимо меня, взрывая мягкую землю мощными лапами.

Он быстро развернулся и одним скачком сократил разделяющее нас расстояние, сумев выдрать изрядный клочок ткани из моей пелеринки. На сей раз я испугалась не на шутку, ощутив распаленное дыхание смерти, пронесшейся всего в каком-то миллиметре от моего плеча. Зато следующая моя попытка увенчалась ослепительным успехом... Целый столб пламени ударил в морду оборотня, выжигая его глаза, обугливая кожу и шерсть, опалив уши и усы твари.

С диким страдальческим воем волк рухнул навзничь, и в этот самый момент горизонт окрасился в бледно-розовый цвет, возвещая восход Сола. Тело оборотня начало стремительно трансформироваться, принимая человеческий облик. Я немного постояла, опечаленно рассматривая сильно обожженного, изуродованного, покрытого волдырями и струпьями Беонира, а затем с кряхтением приподняла тяжелого юношу за плечи, кое-как подтащила к ближайшему холмику и принялась обильно присыпать рыхлой черной землей, словно собиралась похоронить...

– Вот Тьма! – Ребекка сдавленно охнула, прикоснувшись к своему виску. – Интересно, почему у меня так невыносимо болит голова?

– Потому что тебе ее о камень расколотили, – спокойно пояснила я, прикусывая сухую травинку и оценивающе рассматривая лежащую на плаще лайил. – Как орех.

– Не люблю орехи, – проворчала воительница, удивленно облизывая собственный палец, испачканный чем-то черным. – Они в зубах застревают.

– А уж как они-то тебя не любят! – поддразнивающе усмехнулась я.

– Не смешно. – Ребекка фыркнула, попыталась сесть, застонала, схватилась за голову уже обеими руками и поспешно улеглась обратно. – Судя по ощущениям, я сегодня умерла... – В ее голосе появились вопросительные интонации. Она явно ожидала от меня опровержения этой безумной идеи, но я отнюдь не торопилась ее успокаивать.

– Ну, почти умерла, – снисходительно поправила я. – А Беонир, тот и вообще почти не выжил...

– Чего? – шокированно взывала Ребекка, подпрыгнула и тут же шлепнулась обратно, морщась от боли. – Йона, хватит мне голову дурить!

– А я тебе ее и не дурю вовсе, – лучезарно улыбнулась я. – Я тебе ее лечу.

– Этим? – Воительница демонстративно растопырила свои черные пальцы. – Грязью?

– Землей, – педантично уточнила я. – Первородной землей Черных холмов, обладающей соответствующими магическими свойствами, нужными для исцеления. Ну и парочкой своих заклинаний, – заговорщицки подмигнула я девушке. – Как видишь, сработало. Ты уже пришла в себя, а Беонир, – я с преувеличенным вниманием прислушалась к слабым звукам, издаваемым юношей, – начал дышать.

– А не дышал, выходит? – сварливо осведомилась Ребекка, с недоверчивым подозрением косясь на лежащего рядом ниуэ, с ног до головы обмазанного целебной землей Черных холмов.

– Выходит, что так! – скромно потупилась я. – Ну признаюсь, перестаралась я с огнем... С кем не бывает?

– Та-а-ак, – с угрозой протянула воительница. – Перестаралась, значит... – Но тут же засекла мой обескураженный вид и громко расхохоталась. – Знаешь, все это напоминает мне одну занятную историю, как-то приключившуюся с нашим караулом...

– И? – заинтересовалась я.

– Вызвали нас, значит, как-то ночью тушить один городской лазарет, – охотно начала Ребекка. – Ну, мы, естественно, сделали все по высшему разряду, как и подобает настоящим героям: пожар потушили, в грязь лицом не ударили... – Она шаловливо потерла свой испачканный висок. – А после окончания тушения наш капитан и докладывает главному лекарю: «Так, мол, и так, задача выполнена, возгорание ликвидировано. Правда, имеются пострадавшие. Девять человек. Семерых из них мы откачали, а вот двоих, увы, не удалось. Вы уж не обессудьте...» И представь, выслушав нас, главный лекарь вдруг бледнеет, краснеет и хлопается в обморок... – Воительница скорчила хитрую мордочку и торжествующе замолчала, ожидая моей реакции.

– И? – еще более заинтригованно протянула я.

– Очнувшись, он, заикаясь и еле выговаривая слова, заявляет: «Как – семерых? Ребята, вы же морг тушили...»

Мы с Ребеккой хохотали долго и бурно. Но куда сильнее, чем эпилог забавной истории, нас обрадовал тот факт, что наш дружный дуэт уверенно поддержал пусть пока еще совсем тонкий и слабый, но все-таки вполне различимый голос едва пришедшего в себя Беонира!

Утро уже полностью вступило в свои законные права, когда мы кое-как отмыли от грязи радостно поругивающего нас Беонира, уложили его на охапку сухой травы и собрались перекусить, пользуясь тем, что обессиленный от моих целительских экспериментов ниуэ расслабился и задремал. Признаюсь, кусок не лез нам в горло до тех пор, пока юноша не пошевелился и не открыл глаза, слабо охнув.

– С нами все в порядке? – Таков был его первый вопрос.

– Спроси свой желудок, – улыбнулась Ребекка. – Если он просит есть, значит, мы живы.

– Беонир, как хорошо, что эта длинная и страшная ночь закончилась. – Я доверительно взяла его руку в свои ладони. – Мы так волновались...

– Я тоже волновался. За вас.

– Ладно, приказываю отставить нежности, – с притворной суровостью оборвала нас воительница. – Настало время набить животы чем-нибудь съедобным.

Перекусив, мы все трое снова улеглись и проспали до полудня, после чего с новыми силами двинулись в путь. Беонир еще не очень уверенно держался на ногах, он немного прихрамывал, иногда пошатывался, то нем не менее выглядел совершенно счастливым, а с его губ не сходила широкая улыбка облегчения. Подумать только, он не причинил нам вреда, а ведь именно этой беды ниуэ и боялся пуще всего на свете.

Мы все остались живы и целенаправленно продолжали свой путь, должный привести нас в итоге либо к полной победе, либо к сокрушительному поражению. Но все это произойдет еще очень нескоро, а пока мы осознавали, что с честью вышли из очередного сражения и имеем полное право гордиться своими достижениями. В этот раз мы сражались с теми проблемами, которые носили внутри себя. Но мы также понимали – это испытание, уже далеко не первое из тех, что выпали на нашу долю, отнюдь не последнее. Возможно, успешно выпутавшись из сегодняшних проблем, мы обретем второе дыхание и получим шанс надеяться на то, что дальше будет легче...

Но вот будет ли?

Неоднократно проверенная на практике народная мудрость гласит, что хорошо не там, где нас нет, а там, где нас никогда не было и, более того, никогда не будет. Значит, для воплощения мечты о спокойной жизни нам остается сушая мелочь – найти такое место, куда мы никогда не попадем. Честно говоря, когда-то я считала, что Лиднейские болота относятся именно к таким мифическим краям, где доселе не ступала нога человека и не ступит во веки веков.

Ах да, досконально следуя фактам, нужно упомянуть, что эти треклятые болота когда-

то посещали эльфы, причем не просто посещали, но даже привезли оттуда в Блентайр народ ниуэ, Белых псов, ставших преданными соратниками Перворожденных. Так ведь эльфы – это вам не люди. А тягаться в подвигах с легендарным Полуночным кланом не стоит и пробовать, сразу же пуп сорвешь. Хотя, если ты сама являешься потомком непревзойденного короля Арцисса, а в странствиях тебя сопровождают такие непростые личности, как ниуэ – внук великого Беовульфа и лайил – внучка печально прославившегося Финдельберга Законника, то, пожалуй, можно и попытаться... Авось да повезет.

Такие неоднозначные мысли мелькали у меня в голове в тот момент, когда я стояла на последнем твердом клочке земли, разглядывая расстилающиеся передо мной болота, уже порядком подсохшие, но все еще пугающие и темные. Беонир что-то недовольно ворчал себе под нос, уткнувшись в подаренную нам карту и сравнивая ее с реальной местностью. Судя по его кислому выражению лица, достоверность нанесенного на бумагу рисунка не выдерживала никакой критики и оставляла желать лучшего.

– Ну и как? – нетерпеливо поинтересовалась Ребекка, нервно постукивая тонким прутиком по голенищу своего сапога. В голосе воительницы проскользнули скучающе-капризные интонации, ибо самообладание и тактичность никогда не входили в число ее врожденных талантов. – Не умеешь ориентироваться по карте – значит, и не берись...

– Милая, а ты не пыталась научиться вести себя хоть чуточку скромнее? – мягко поинтересовался Беонир, отводя взгляд от злополучной бумаги.

– Зачем? Я ведь и так скромная до предела, дальше некуда! – сварливо огрызнулась воительница. – Причем о своей неземной скромности я могу говорить часами.

– Вернее, до беспредела! – шутливо поправила я.

– О, Тьма! – возмущенно закатил глаза выведенный из себя юноша. – Ну почему женщины так любят, когда их называют кисочками и мусечками, при этом считая записными стервами?

Вопрос прозвучал риторически, но Ребекка ответила, ибо предпочитала, чтобы последнее слово в любом случае всегда осталось за ней.

– Ничто не придает мужчине столько сил, сколько женская слабость! – наставительно процитировала она. – А у меня слабостей нет!

– Да-а-а? – искренне возмутился Беонир. – Давай-ка посчитаем... – Он поднял руку и растопырил пальцы, приготовившись их загибать, но я поспешно вмешалась, сочтя необходимым на корню пресечь эту очередную попытку померяться крутостью, грозящую перерасти в новую свару.

– Вперед! – безапелляционно заявила я и первая решительно шагнула в мутную болотную жижу, следуя по едва просматривающейся среди кочек тропке.

Непримиримые друзья-соперники ошарашенно переглянулись и наперегонки ломанулись за мной, разбрызгивая грязь и отчаянно ругаясь. Похоже, никто из них не собирался уступать противнику первенство ни в чем, даже в возможности провалиться в топь.

Целый день мы героически месили болотную грязь, промокли насквозь и устали до невменяемого состояния. Несколько раз проваливались в трясину то по пояс, а то и по горло, вытаскивали друг друга, демонстрируя чудеса дружелюбия и взаимопомощи, а Ребекка – еще и свой богатый запас ругательств, из которых самым безобидным было ее любимое: «Чтоб тебя мантикора три раза переварила». К вечеру, осознав крайнюю степень своей вымотанности, мы со стонами выползли на сухой каменистый клочок земли, видимо, по недосмотру Неназываемых некстати затесавшийся среди вечной сырости.

Набрав скудную кучку хвороста, развели костерок, пытаясь одновременно решить несколько взаимоисключающих задач: организовать себе горячий ужин, просушить мокрые сапоги и обогреться. Вскоре от нашей мокрой одежды повалил белесый пар, от Беонира сильно пахло псиной, а от Ребекки – чем-то едким вроде того старого дубленого тулупа, который носил в холода брат Флавиан. Ниуэ язвительно ржал и клялся папой, доказывая, что

из воительницы испаряется не лишняя влага, а ее вредный характер. Я же просто улыбалась, вставляла лаконичные реплики и, щелкая зубами от ночного холода, с аппетитом уплетала вяленую рыбу, запивая ее вином, выданным нам добросердечными эльфами.

– Странное место, – констатировала Ребекка, настороженно озираясь по сторонам. – Заметь, все вокруг заполнено грязью, вонючей травой и гнилыми камышами, а здесь, – она красноречиво постучала пяткой, – почему-то находится единственный на все болото пятачок твердой почвы, правда, какой-то странной, волнистой. Ты знаешь, что это такое?

– Откуда? – недоуменно пожала плечами я. – Почти все мои познания в географии Лиднейских болот ограничиваются эльфийской картой и туманными намеками Беонира.

– Точно! – сразу оживилась лайил. – Нужно поподробнее расспросить блохастого. Эй, лохматое обиталище глистов, просыпайся! – Девушка бесцеремонно затормошила ниуэ, уже улегшегося на бок, накрывшегося плащом и готовящегося отойти ко сну. – А ну-ка, засоня, изволь поделиться с нами своими родовыми легендами...

– Нет от вас покоя ни днем, ни ночью, – сердито ворчал Беонир, нехотя поднимаясь. – Ладно-то у меня легенды, так ведь у вас – родовые травмы головы, а это куда серьезнее...

– Не борзей! – посоветовала Ребекка, выразительно поглаживая рукоять своего меча. – Не забывай, жизнь дается нам только один раз, и в основном случайно...

– Намекаешь, что можешь так же случайно у меня ее и отнять? – нехорошо рассмеялся юноша. – А ты попробуй...

– И попробую! – высокомерно надула губы лайил.

– Попробуй! – нахраписто подначивал вредный ниуэ. – Или слабо?

– Хватит! – рыкнула я, восстанавливая пошатнувшуюся дисциплину. – Вы дня без раздоров прожить не можете.

– Можем, – дружно опротестовала сладкая парочка. – Но только порознь!

– Договорились, – примирительно улыбнулась я. – Обещаю, что когда наш поход закончится, вы сразу же разойдетесь по разным концам Лаганахара и впредь больше не увидите. Ни разу в жизни!

– С чего это вдруг? – возмутилась Ребекка, строптиво надувая губы.

– Ну вот еще! – протестующе скривился Беонир.

– Ага! – с пониманием рассмеялась я. – Значит, вы все-таки друг другом дорожите!

Беонир и Ребекка смущенно переглянулись, понимая, что выдали себя с головой, и синхронно покраснели.

– Так о чем это мы? – наигранно закашлялся ниуэ, желая замять щекотливую тему.

– О Лиднейских болотах! – медовым голосочком напомнила воительница. – Расскажи нам о них все, что тебе известно...

– Да тут, пожалуй, и рассказывать-то особо нечего, – замялся юноша. – В общем, в стародавние времена этот край считался довольно плодородной местностью, изобилующей съедобными растениями, всевозможными животными и птицами. Основную территорию болот делили между собой два народа: мои предки ниуэ и огромные ядовитые змеи – детища богини Банрах. Поговаривают, будто у змей, как и у ниуэ, тоже имелся свой великий вождь, носящий имя Наг. Мирная жизнь двух народов длилась долго, но со временем трясина начала размывать почву, сильно сократив пригодные для обитания участки, что привело к развязыванию войны, продолжавшейся очень много лет. В результате род ниуэ оказался вытесненным на самый край болот, где его ожидали лишь голод и медленное вымирание. Змеи же, наоборот, расплодились сверх меры, силой захватив себе большую часть незаболоченной суши. Ниуэ уже почти отчаялись и утратили веру в светлое будущее своего рода, когда в Лиднейские болота прибыли отряды Перворожденных, мечтавших достичь долины Дурбан и начать разработку месторождений тамошнего розового мрамора, необходимого им для постройки Блентайра.

– И они добыли мрамор, не так ли? – уточнила любознательная Ребекка.

– Да, – согласно кивнул наш рассказчик. – Но это произошло намного позже описываемых мною событий. А сначала они уничтожили всех змей и пригласили народ ниуэ

покинуть суровые болотистые края, дабы навечно обосноваться в Блентайре.

– С тех пор о лиднейских змеях никто ничего не слышал? – предположила я, мучимая какой-то смутной ассоциацией, связанной с чьими-то недавними словами. – Их что, и правда истребили всех поголовно?

– Вроде бы так и произошло, – неуверенно произнес Беонир, – но полностью я не уверен. Впрочем, если кто-то из змей и выжил, то об их дальнейшей судьбе наши легенды умалчивают.

– Интересно... – медленно протянула я, тщетно копаясь в своей памяти, никак не желающей идти со мной на контакт. Наверное, я слишком устала сегодня, чтобы анализировать свои смутные подозрения.

– Пора на боковую, – заплетающимся языком заявила Ребекка, отчаянно зевая во весь рот. – Надеюсь, эти болота простираются не слишком далеко?

– Судя по карте, мы должны преодолеть их дня за три, – невнятно пробубнил не менее сонный, чем она, Беонир. – Спокойной ночи вам, девочки!

– Приятных снов! – воспитанным дуэтом откликнулись мы.

Через секунду над нашей стоянкой воцарилась почти идеальная тишина, нарушаемая лишь потрескиванием костра и стонущими звуками, издаваемыми то ли проседающим на глубину илом, то ли поднимающейся со дна грязью. Уна хмуро светила через облака, заливая все болото тусклым синим светом. Казалось бы, вся окружающая обстановка как нельзя лучше благоприятствовала спокойному ночлегу, но нашим благим мечтам не было суждено сбыться, ибо грядущая ночь стала отнюдь не такой спокойной, как того пожелал Беонир...

Наверное, не прошло и часа, как ночную тишину неожиданно нарушил громкий, исполненный неподдельного негодования вопль чем-то разбуженной воительницы.

– А-а-а! – истошно орала заспанная Ребекка. – Оно проползло у меня под боком!

– Что «оно»? – не понял изрядно напуганный этой какофонией звуков Беонир, трущий глаза кулаками и старательно осматривающийся по сторонам. – Успокойся, милая, тебе просто приснилось что-то неприятное.

– Приснилось? – взбешенно заверещала девушка, мстительно пихая юношу острым кулачком. – Я, по-твоему, что, дура? Уже не отличаю сон от реальности?

– Да! – кивнул совсем замороженный Беонир, но увидел перекошенное от гнева лицо подруги и понял, что ляпнул не то. – Вернее, нет!

– Ой! – подпрыгнула я, увлеченно прислушивавшаяся к их перепалке, ибо в этот самый миг по моим опирающимся на землю пальцам тоже скользнуло нечто тонкое, холодное и короткое. – Я тоже...

– Также дура? – иронично прищурилась Ребекка, злорадно хихикнув. – Видимо, я не одна здесь такая.

– Я тоже что-то почувствовала, – терпеливо пояснила я. – Тут кто-то ползает.

– Живой? – не поверил Беонир.

– Нет, мертвый! – истерично рывкнула воительница, стараясь не щелкать зубами от страха, ведь ловить городских воришек – это одно, а столкнуться с чем-то неведомым – совсем другое. – Подозреваю, это твои глисты вырвались на свободу и сейчас расползаются по всему болоту.

– Ничего страшного, – попыталась успокоить ее я, – не волнуйся, я знаю отличный народный метод лечения глистов.

– Ох, кажется, вы обе точно дуры! – мученически простонал вконец обалдевший от наших высказываний Беонир, хватаясь за голову. – Ну объясните, зачем вам понадобилось лечить глистов?

– Ну как же! – важно задрала нос Ребекка, заговорщицки мне подмигивая. – Будто ты не знаешь? Глисты живут только в здоровом теле, следовательно, самый верный признак безупречного здоровья – это здоровые глисты!

– Чего? – потрясенно отвалил нижнюю челюсть юноша. – Ты это серьезно?

– Не обращай внимания на злые шутки Ребекки! – успокаивающим жестом положила я

руку ему на плечо. – Лечат не глистов, лечат от глистов... – И тут я опять ощутила какое-то движение прямо у себя под боком... Я порылась в складках плаща, служившего мне одеялом, и вытянула оттуда нечто серое, тонкое, не очень длинное, похожее на шнурок от ботинка...

– Глист! – торжествующе взвизгнула лайил, упиваясь собственной прозорливостью.

Беонир изумленно молчал, хлопая ресницами.

– Да нет, – я внимательно пригляделась к своей добыче, – это не глист. Это маленькая змейка!

– На Лиднейских болотах уже давно нет змей, – недоверчиво покачал головой пришедший в себя Беонир. – Я же вам рассказывал – их всех истребили.

– Похоже, всех, да не всех, – язвительно хмыкнула Ребекка. – Я вам сразу сказала, что это место внушает мне беспокойство, ибо выглядит неестественным. Давайте-ка обследуем его потщательнее...

Затеянные воительницей изыскания привели нас к неожиданному результату. Оказалось, что мы заночевали отнюдь не на клочке шероховатой каменистой почвы, а на огромном скоплении змеиных яиц, окаменевших от старости и покрывшихся коркой известкового налета. Многие десятки лет скрытые в них зародыши спали беспробудным сном, замерзшие и замурованные под слоем скорлупы и ила. Разожженный нами костер пробудил змеят к жизни, заставив выбраться наружу...

– Чтoб их мантикора три раза переварила! – ворчала Ребекка, пиная крохотных змеек, во множестве ползающих вокруг нас. – Надеюсь, они не ядовитые?

– Пока еще нет, – быстренько утешил девушку Беонир. – Но вот месяца через три они отрастят зубы и тогда...

– Ясно! – смысленно хмыкнула воительница. – А вот и не отрастят, не успеют, ибо мы их сейчас всех передадим!

– Не всех, – запротестовала я, опускаясь на колени, собирая змеят в полу своего плаща и старательно их сортируя.

Из хранимых в приюте книг я знала о некоторых особенностях этих хладнокровных созданий. Их самцы отличаются от самок более яркой окраской, а поэтому я уверенно отбрасывала мальчиков прочь, оставляя себе только змеиных барышень, коих заботливо складывала в мешок из-под рыбы, пока не набрала штук двадцать.

– Зачем тебе понадобились эти мерзкие твари? – Ребекка с неодобрением наблюдала за тем, как я крошу в мешок со змеями мелко нарубленное вяленое мясо и предусмотрительно затягиваю его горловину крепкой веревкой. – Откормишь и вырастишь на убой?

– Возможно, да, а может, и нет, – неопределенно ответила я. – Вернее, хочу проверить на практике одну свою теорию...

После чего я спокойно улеглась досыпать, предоставив своим спутникам сомнительное право занудно дискутировать до рассвета, выясняя и оспаривая роль всех живых существ в непростой судьбе нашего мира. Полагаю, раз уж Неназываемые почему-то создали такую несусветную гадость, как ядовитые змеи, значит, нам эти твари тоже зачем-нибудь да пригодятся...

Часть вторая

Поцелуй Нага и храм Песка

Глава 1

В воздухе почти физически чувствовалось приближение осени. По небу носилось нечто незримое, сухое и траурное, возвещающее о скорой кончине лета. Звонкий холодный ветер царапал по земле бурыми листьями, причудливо скрюченными от старости. Кустарники и деревья стояли нагие и беззащитные, напуганные нерадостной перспективой грядущего

возвращения зимних холодов. Какой она станет, следующая зима?..

Джайлз сидел на охапке прелой соломы, подставив бледное лицо слабому дуновению ветерка, едва пробивающемуся в узкое, похожее на бойницу оконце. Он давно уже потерял счет дням, а возможно, и месяцам, проведенным им в подземном каземате Звездной башни. Единственную его радость составляло вот это колодезоподобное отверстие, выходящее наружу к подножию башни и приносящее с собой едва уловимый рокот жизни. Свободной жизни. Молодой чародей с грустью вспоминал свои покои, несомненно, разграбленные и опустошенные по приказу алчной сьерры Клариссы.

Нет, он нисколько не жалел ни о шелковых коврах, ни о наборе серебряной посуды, ни даже о теплом, бархатном, богато подбитом мехом плаще, весьма пригодившимся бы ему в промозглой камере. Он жалел лишь о своей личной библиотеке, безвозвратно для него утерянной. Да, о книгах мы зачастую сожалеем сильнее, чем обо всем остальном, ведь в них заключается смысл жизни тех, кто погибал в сражениях и умирал от болезней, тех, кто ушел намного раньше нас и придет следом за нами... Интересно, а напишут ли когда-нибудь книги о нас? Вряд ли. Мы так и умрем безвестными, будучи никем и ничем...

Джайлз понимал, что обратного пути уже нет. Он никогда больше не станет полноправным членом гильдии Чародеев, не поднимется по винтовой лестнице и не сядет в кресло зала совещаний, облаченный в вышитую звездами мантию. Он теперь не чародей. А единственное не отнятое у него достояние составляет теперь его хрустальная звезда, слабо мерцающая на впалой груди. Чародей неотделим от своего личного артефакта, но пройдет неделя, другая, и звезда Джайлза погаснет навсегда, упокоившись вместе со своим владельцем. Его силы на исходе, дыхание хрипит и срывается, ободранные в кровь пальцы дрожат, а магическая энергия едва теплится в волшебном сосуде.

Но, собрав в кулак остатки воли, Джайлз снова поднял осколок глиняной миски и врубился ею в неподатливую твердую почву подземелья, стремясь выкопать лаз, через который можно выбраться на свободу.

О да, память никогда его не подводила. Вот и сейчас он отчетливо помнит расположение комнат, находящихся точно над подземельем. Сначала идут оружейные... Там, за стеклами шкафов, в старомодных витринах, а то и просто вразброс по столам лежит оружие... Древнее, музейное, раритетное: клинки всех форм и размеров, откованные еще эльфийскими мастерами; боевые конские упряжи; неподъемные для людей секиры Полночных, увитые металлическими нитями; длинные пики Повелителей мантикор с чеканкой на древках. Лежит напоказ, как свидетельство гнусной лжепобеды над Перворожденными. Впрочем, там можно найти и клинки попроще, предназначенные для нынешних воинов, однако тоже выполненные с той мерой красоты и изыска, которая всегда отличала изделия местных мастеров. А в углах комнат скромно устроились странного вида, неброские и как бы прозрачные от необычного блеска, легкие и тонкие кирасы, шлемы, поножи и наручи из золоченых пластин, не нуждающиеся в украшениях, ведь совершенная форма этих изделий сразу же выявляла руку их творцов, сгинувших намного раньше своих детищ. Левее находится склад медикаментов и высушенных трав... Нет, он определенно не ошибается и копает в нужном направлении...

Внезапно, с трудом вывернув очередной камень, добавившийся к бесконечной череде точно таких же, изрядно приподнявших пол камеры Джайлза, чародей услышал тихий шепот, идущий откуда-то из-под стены. К счастью, нерадивые тюремщики безоговорочно доверяли легенде, провозгласившей подвалы Звездной башни самой надежной городской тюрьмой. И посему эти лентяи никогда не входили в камеру, а просовывали пищу для узника в крохотное дверное оконце. Иначе они бы уж точно обратили внимание на необъяснимо повысившийся уровень пола и кривую дыру, изуродовавшую северную стену каземата. И вот из этой-то дыры и шел сейчас тот тихий звук, который насторожил бдительного Джайлза.

Юноша просунул голову в лаз, затаил дыхание и прислушался...

– Ты... – Слово прозвучало вполне разборчиво. – Ты кто?

Запаниковав в душе, молодой чародей не решился ответить. Неужели его рассекретили,

а тщательно продуманный план побега рухнул в одночасье?

– Не бойся! – вновь донеслось до его слуха. – Я не враг, а такой же узник, как и ты!

– Как твое имя? – робко спросил Джайлз, осмелившись наконец-то подать голос. – За что сидишь и давно ли?

– Я – Беодар! – В интонации неведомого собеседника проскользнули нотки гордости. – А сколько я тут сижу, вы, люди, столько и не живете...

– Тот самый Беодар!? – потрясенно ахнул юноша. – Вождь повстанцев ниуэ?

– Тот самый, – невесело усмехнулся герой. – Некоторое время назад я занимал ту самую камеру, в которую ныне поместили тебя. Я много лет готовился к побегу, и мне помогали друзья... Но, увы, потом меня перевели в карцер с железными стенами, и наши планы потерпели крах.

– Ты услышал, как я копаю? – догадался Джайлз.

– Да, – довольно подтвердил Беодар. – Камень хорошо проводит звуки. Ты все делаешь верно. Бери чуть левее и тогда непременно попадешь в туннель, вырытый моими соратниками. Промаяхнуться здесь невозможно. Найди приготовленную для меня одежду и беги к Немеркнушему Куполу – только пройдя через его подвал, ты сможешь выбраться за городскую стену.

– А ты? – благодарно выдохнул чародей, поверив в близкое спасение.

– Не думай обо мне! – твердо отчеканил голос. – Я молился всеблагому Шарро, заклиная его с пользой использовать мой многолетний труд, и вижу теперь, что мои мольбы были услышаны. Бог послал мне тебя! Зачастую случается так, что плоды наших трудов переходят к кому-то другому, отмеченному судьбой. Значит, твоя миссия важнее моей и именно тебе предстоит совершить нечто важное, направленное на благо всего Блентайра. – Голос отважного Беодара буквально завораживал своей торжественностью и проникновенностью. – Не медли! – скомандовал он. – Воспользуйся почти готовым проходом и покинь каземат, а уж дальше провидение само направит тебя по нужному пути!

– А ты? – снова повторил вопрос донельзя ошарашенный Джайлз. – Что ждет тебя?

– Уже неделя, как меня перестали кормить! – еще горше рассмеялся Беодар. – Похоже, сьерра Кларисса устала от моего упрямства и решила заморить голодом своего нестигаемого врага... М-да, трудности закаляют любого, после чего нас проще ломать.

– Ох, как же я мог забыть такое?! – озаренно хлопнул себя по лбу чародей.

– О чем это ты? – удивился его собеседник.

– Кларисса упоминала о предательстве Беонира, не оправдавшего ее надежд и посмеявшегося не подчиниться ее указаниям! – торопливо поведал Джайлз. – Видимо, всю вашу породу не так-то легко подчинить или запугать.

– Отличная новость, клянусь Неназываемыми! – До юноши донесся раскатистый басовитый смех. – Напрасно я считал Беонира рохлей и неженкой. Выходит, мой сынок сумел-таки ускользнуть от всевидящего ока главы гильдии Чародеев и вступил на нелегкую стезю исполнения пророчества Беовульфа!

– Я тоже слышан об этом пророчестве, – легкомысленно откликнулся Джайлз. – Великий воин из племени ниуэ обещал перед своей кончиной, что сын вашего народа примет участие в спасении Блентайра и именно после этого все четыре расы воссоединятся, а ниуэ покинут подземелья и скинут ярмо рабства!

– Кто ты такой? – с подозрением осведомился Беодар. – Ты не ниуэ, я это чувствую. А кроме нас о пророчестве Беовульфа знают лишь... – Он поперхнулся, остерегаясь озвучивать факт, который казался столь очевидным и столь устрашающим.

– Ну да, – не стал скрывать Джайлз, – я тоже чародей. Но поверь мне, воин, не все маги придерживаются взглядов, созвучных с позицией нашей главы.

– Интересно, насколько хитры и неожиданны оказываются подчас подарки судьбы... – задумчиво протянул Беодар. – Но, как бы то ни было, сказанных слов обратно не заберешь и сделанного не воротишь. Найди приготовленный для меня подкоп и уходи, а все остальное пусть сложится так, как было задумано Неназываемыми.

– Ты в этом уверен? – осторожно спросил Джайлз, ожидая услышать самый невероятный ответ.

– Нет, – иронично фыркнул Беодар. – Отнюдь не уверен. Похоже, в промысел творцов вмешался кто-то слишком дерзкий, молодой и рьяный, способный в корне изменить все пророчества и предсказания. Вот только сумеет ли он справиться со своими врагами, друзьями и теми равнодушными, кому ни до чего нет дела?

– Мы обречены на поражение? – испуганно выдохнул чародей, а крохотная искорка его надежды начала тускнеть. В этот миг Джайлз думал о маленькой и хрупкой девочке, носящей имя Неугасимая Звезда и взвалившей на свои слабые плечи слишком тяжелый груз. О девочке Йохане, решающей судьбу всего Лаганахара.

– Глупости! – рассердился негибемый воин. – Не бойся своих врагов, ведь самое страшное, что они могут нам сделать, – это убить нас. Не бойся своих друзей, ведь самое страшное, что они могут нам сделать, – это нас предать. Но бойся равнодушных, ведь это с их молчаливого пособничества в мире творятся и убийства, и предательства...

«Интересно, с чем из вышеперечисленного Йоне уже пришлось столкнуться? – подумал Джайлз. – И с чем – еще только предстоит?»

– Ты прав! – вслух согласился он. – Мне стыдно за свои колебания. Обещаю, если я встречу твоего сына, то...

– Не рассказывай ему обо мне! – возмущенно перебил Беодар. – Что значит моя жалкая и никчемная жизнь по сравнению с будущим всего Лаганахара? Не вздумай отвлекать Беонира от более важных дел. Иди, и да пребудет с тобой милость бога Шарро!

Немало изумленный таким беспримерным мужеством, Джайлз еще усерднее заработал глиняным черепком, протестуя качая головой. Если бы можно было спасти всех без исключения: его, Беодара, город, горожан... Но нет, чудес не случается. Чем больше любишь всех людей, тем меньшее количество любви достается каждому. Значит, кем-то в итоге все-таки придется пожертвовать...

Но додумать маг не успел, ибо его рука неожиданно провалилась в пустоту. Джайлз воодушевленно отбросил выполнивший свою задачу черепок и, по-собачьи разгребая землю, вскоре выбрался в довольно широкий проход, где обнаружил новый черный плащ, идентичный тем, какие носят зажиточные купцы, узелок с вяленным мясом и отлично просмоленный факел с приложенным к нему огнивом и кресалом. Переодевшись и наспех перекусив на ходу, Джайлз преодолел оставшийся участок пути, закончившийся дощатой дверью, которая привела его на задворки какого-то убогого кабачка, расположенного в переулке Хмельной Браги. Замаскировав дверь пустыми корзинами, Джайлз отряхнул плащ, посильнее надвинул на лицо глубокий капюшон и, старясь ступать непринужденно, но деловито, целеустремленно зашагал в сторону Немеркнувшего Купола, успешно слившись с толпой ничем не отличающихся от него прохожих...

Болота закончились, сменившись не менее унылой степью, чему лично я была только рада. Мне уже порядком надоела эта жидкая грязь, источающая вонючие миазмы, до тошноты прискучили виды зеленых пятен трясины и изрядно набили оскомину мелкие, жутко злобные мошки, проевшие нас чуть ли не до дыр. Выбравшись на твердую почву, мы на радостях запалили большой костер, благо сухого кустарника вокруг разбитого нами лагеря нашлось предостаточно, и устроили праздничный обед, плавно перешедший в ужин. А что, успешно пройденные Лиднейские болота – это значимая веха на нашем нелегком пути, а посему отдыхать так отдыхать!

Ребекка добровольно приняла на себя обязанности шеф-повара и взялась за приготовление праздничной трапезы. Честно говоря, кашеварить она не умела совершенно, а любую схватку с горшками и кастрюлями проигрывала сразу и безоговорочно. Но поскольку Беонир не проявил сколько-нибудь заметной охоты заменить воительницу у костра, а меня терзало смутное предчувствие грядущей опасности, также отбивавшее тягу к физическому труду, то пришлось смириться с существующим раскладом и с благодарностью принять

малосъедобную стряпню Ребекки.

– Блохастый, а ну-ка, живо принеси мне мешочек с перцем! – командовала лайил, всерьез увлекшаяся ролью главного кухмейстера.

– А волшебное слово? – язвительно поддел ниуэ, копаясь в сумке с припасами.

– Бегом! – грозно рывкнула категорически не терпящая возражений воительница. – Ишь ты, нежный какой.

Наконец, получив в руки миску с каким-то бурым месивом, Беонир недоверчиво принялся к загадочному блюду, отведал его и тут же выплюнул едва прожеванный кусок.

– Интересно, а наш повар вообще пробует то, что сам готовит? – задал он риторический вопрос, подняв глаза к небу.

– Повар должен готовить, а не есть всякую гадость! – нахально парировала Ребекка, совершенно обескуражив юношу своей беспросветной наглостью.

Я предпочла не вмешиваться и лишь беззвучно посмеивалась. Свою порцию того, что Ребекка назвала «рагу», а Беонир – «тошниловкой», я незаметно вывалила в мешок со змеями, которые оказались беспроblemными попутчиками и, не в пример нам, даже стали благодарными ценителями стряпни лайил. Со змеями все вообще обстояло чрезвычайно просто: стоило им только завозиться, как я тут же отправляла в мешок очередную порцию пищи. Мои «питомцы» насыщались и опять надолго засыпали. Опростав миску, я демонстративно облизала ложку, наигранно рыгнула, имитируя сытость, и на десерт получила признательную улыбку нашей горе-кухарки.

– Нелогично, – буркнула я, рассматривая однообразную и плоскую, как столешница, желтую равнину, простирающуюся настолько, насколько хватало моего взора. – Совершенно нелогично.

– Это ты о чем? – недоуменно осведомилась лайил, бесшумно подошедшая сзади.

– О степи, – коротко пояснила я. – Посуди сама, мы движемся на север. Значит, сразу за теплым Лиднейским болотом и сухой степью просто обязана начаться область вечных снегов, что характерно, например, для территории холодной долины Дурбан и морозных Белых гор, увенчанных шапкой вечных снегов. Но при чем тут жаркая Пустошь с ее вопиюще нелогичным правилом распределения температурных зон? Думается мне, что аномальное присутствие пустыни в этой местности не вписывается ни в какие законы природы... А в ошибки природы я не верю, ибо она далеко не дура.

– Ах вот ты о чем, – с пониманием хмыкнула воительница. – Действительно, все это выглядит в высшей степени сложным для восприятия и понимания, хотя на самом деле объясняется весьма просто...

– И? – поторопила ее я.

– Из храмовых летописей я узнала о том, что некогда в районе нынешней Пустоши располагался большой процветающий город Ил-Кардинен, построенный людьми. А его центром был храм Песка – святилище богини Банрах, которой поклоняются все люди. Но горожане чем-то разгневали свою покровительницу, и за это змееликая уничтожила основную часть населения Ил-Кардинена. Город погрузился в песок, а вокруг храма разрослась огромная магическая пустыня, беспрестанно подпитываемая яростью и ненасытным голодом богини. Еще мне известно, что под наружной частью святилища скрывается его гигантская многоярусная подземная часть, представляющая собой настоящий мавзолей, с саркофагами, обелисками, залами и фонтанами. Согласно легенде, некоторое количество людей так и осталось в руинах города, другие бежали и достигли приютившего их Блентайра, а третьи и поныне скитаются по степи, ведя кочевой образ жизни...

– Глупая кошка! – презрительно рассмеялся Беонир, не менее меня увлеченный сказкой Ребекки. – Ну подумай, кто мог остаться в мертвом городе и с какой целью? Нет, все произошло совсем не так. В наших подземельях рассказывают, будто Банрах убила только мужчин, а женщин превратила в чудовищных нелюдей – в своих жестоких жриц-хайдари, коих еще называют дочерями песка.

– Сам ты дурак! – обиделась девушка. – Много вы там знаете, в своих подземельях.

– Да уж побольше вас! – не уступил Беонир. – Во всяком случае мы никогда не служили той, которая пьет кровь своих адептов!

– Ну да, – мстительно зашипела лайил, – вы выбрали удел прихлебаев, пресмыкающихся перед эльфами...

– А кочевники? – вмешалась я, пропуская мимо ушей их перепалку и руководствуясь лишь собственными размышлениями. – Чем они теперь занимаются?

– Ничем существенным и всем помаленьку, – небрежно отмахнулась Ребекка. – Разводят скот, ютятся в тесных юртах, летом ездят на ослах... В целом им досталась убогая жизнь! Типа той, которую ведут блохастые родичи Беонира.

– Да уж получше твоей, – неприязненно скривился ниуэ.

– А зимой степняки передвигаются по снегу на нартах, запряженных собаками... – невозмутимо продолжила воительница.

– Врешь! – аж подпрыгнул Беонир, до глубины души уязвленный настолько откровенными, слишком постыдными для его племени подробностями. – Брешешь, дура!

– Вот я и говорю, что наш род намного умнее вашего! – Ребекка открыто рассмеялась ему в лицо.

– Почему это? – не сдавался упрямый ниуэ.

– А ты когда-нибудь видел, чтобы упряжка кошек тащила на себе нарты с людьми? – насмешливо разъяснила рыжеволосая язва, выразительно прищелкивая языком. – Ась?

Беонир открыл было рот, собираясь возразить, но не нашел подходящего аргумента, способного осадить записную спорщицу, стушевался и что-то неразборчиво забормотал себе под нос, словно ища оправдания.

– Зато мы не служим змееликой! – наконец нашелся он.

– Зато я не покушалась на Йону! – жестко отбрила Ребекка.

– Но ты тоже ее предала! – не сдавался Беонир. – Выходит, ты ничем не лучше меня...

– Та-а-ак, – обалдело протянула я, приходя к обоснованному выводу, что хроническое противостояние между моими спутниками достигло своей финальной фазы и вот-вот грозит прорваться наружу, будто назревший фурункул. А если этот процесс неизбежен и катастрофу уже не предотвратить, то не лучше ли взять его под свой контроль?

Из расстилающейся перед нами степи веяло жарой и полынной горечью. Поникшие от засухи травинки уныло склоняли свои побуревшие вершинки, осыпающиеся мелкими треугольными зернышками. Я отложила в сторону сумку и меч, а затем, подогнув под себя ноги, уселась на поросший золотистым ковылем холмик, четко отмечающий границу разделения болота и степи, и приглашающе хлопнула рукой рядом с собой.

– Садитесь оба, – предложила я. – Поговорим по душам. Полагаю, этот разговор должен был состояться намного раньше, но нам вечно мешало то одно, то другое...

– Например, припадки Беонира! – язвительно оскалилась лайил, заботливо подстилая под себя плащ, прежде чем сесть.

– Сама ты припадочная! – не остался в долгу вспыльчивый ниуэ, выбирая место подальше от своей говорливой недоброжелательницы.

Я протянула руку и несильно хлопнула по макушке сначала Ребекку, а затем и ее поклонника. Получилось не больно, но весьма обидно. Противники сразу же заткнулись, прикусив свои длинные языки. Я удовлетворенно улыбнулась: иногда оплеуха, отвешенная в нужный момент, успешно заменяет как минимум три добрых пожелания и четыре мудрых совета.

– Рассказывайте все как на духу, честно и без утайки! – строго приказала я.

– А чего тут рассказывать-то? – скуksилась лайил. – Тебе и так уже все известно. Я прихожусь внучкой Финдельбергу Законнику, который некогда полюбил родную сестру короля Джозла Гордого, жрицу Чаншир. Ради получения титула лэрда, достойного высокого положения его любимой, дед помог Чаншир и Сильване заручиться помощью богини Банрах и устранить Неназываемых.

– Они их усыпили с помощью какого-то волшебного манускрипта, добытого Финном в

подземелье Блентайра, – подтвердила я. – Это момент мы уже проходили. Но хочу добавить: Неназываемые покоятся в той самой Серой долине, где мы не так давно побывали. Спят в разверстых могилах, укрытые волшебным туманом, созданным коварной богиней. Я обещала вернуться и пробудить их ото сна!

Ребекка и Беонир взирали на меня молча, изумленно приоткрыв рты. «Ну да, – явственно читалось на их лицах, – мало нам других проблем...»

Я широко улыбнулась, давая им понять: трем бедам не бывать, а одной – все равно не миновать! А значит, какая нам теперь разница? Если уж разгрести проблемы, накопившиеся в Лаганахаре, то все и разом. Что мелочиться-то?

– Змееликая помогла людям выиграть войну с эльфами, – продолжила воительница. – Она мечтала о расширении Пустоши, но никогда не намеревалась заполнить ею весь Лаганахар, ибо богине нужны жертвы, служащие пищей. Она пытается остановить разрастание пустыни, по песок почему-то ей почти не подчиняется...

– В день битвы у Аррандейского моста Пустошь вобрала в себя душу погибшего короля Арцисса, жаждущего отмщения, – пояснила я. – Именно поэтому магия богини нарушилась, а пустыня стала живым и практически неуправляемым организмом, действующим самостоятельно. И если мы не найдем способ ее остановить, то Лаганахар погибнет!

– Спасите нас Неназываемые от подобной беды! – горестно вздохнула Ребекка. – Но вернусь к своей истории. У Чаншир и Финна родилась дочь Эйбро, унаследовавшая титул верховной жрицы в главном храме Блентайра. Эйбро рано умерла, но до этого успела выйти замуж за богатого дворянина. Он был человеком. Эйбро стала моей матерью. Я почти не помню своих родителей, они скончались во время эпидемии оспы. Меня воспитал дед. С детского возраста я служила змееликой богине и носила жреческие одежды. Незадолго до кончины дед раскаялся в своих многочисленных грехах и взял с меня обещание исправить зло, причиненное им Блентайру и расе Перворожденных. Он знал о пророчестве Неназываемых, предсказавших явление Наследницы трех кланов, и приказал мне найти эту долгожданную девочку, а затем помогать ей всем, чем смогу...

– Здорово! – прервал речь девушки возмущенный возглас Беонира. – А вместо этого ты стала шпионить за Наследницей, следуя повелению своей богини.

– Тебе легко меня осуждать, – виновато вздохнула Ребекка. – Но учти, я намеревалась непременно исполнить клятву, данную умирающему деду. А потом меня вызвали в храм. Богиня навязала мне жуткое поручение следить за Наследницей и вручила змеинный глаз, который показывал ей все наши перемещения. Мне очень не хотелось принимать на себя подобную миссию, но я подумала и решила не отказываться. Я сделала вид, что всецело предана Банрах и собираюсь в точности выполнить ее указания. При этом я не предполагала хоть как-то навредить той, которую поклялась охранять и защищать... Да, не скрою, я провела немало бессонных ночей, мучаясь угрызениями совести, ибо нелегко идти против принципов и привычек, впитавшихся в твое естество вместе с молоком матери. Меня учили слепо виноваться богине, но в итоге мои собственные взгляды и убеждения возобладали...

– Выходит, ты предала не Йону, а свою богиню! – всплеснул руками шокированный Беонир.

– Выходит, что так! – повеселела воительница.

– О-о-о, милая, ты очень отважная девушка! Выступить против воли богини – это... это... – Юноша чуть не захлебнулся потоком восхищения.

– Да уж, – иронично скривилась лайил. – Сама накосычила, сама теперь расхлебываю и сама удивляюсь, ну какая же я самостоятельная, чтоб богиню Банрах мантикора три раза переварила!

– А она способна тебя наказать? – насторожилась я.

– Мантикора? – дурашливо раскрыл рот Беонир, но Ребекка лишь досадливо отмахнулась от его неудачной шутки.

– Не знаю, – неопределенно пожала плечами девушка. – В храме рассказывают

всякое... Именно поэтому я так торопилась покинуть город. А находясь в подземелье столицы, я пребывала в уверенности, что выпавшие на нашу долю неприятности спровоцированы именно мною. Признаюсь вам откровенно, вдали от Блентайра я чувствую себя в безопасности и меньше опасаясь мести обманутой мною змееликой.

– И все-таки, почему ты не отказалась от поручения богини? – испытующе прищурилась я, напряженно вглядываясь в лицо подруги.

– Я боялась! – без колебаний призналась она, а на ее побледневших от волнения щеках не дрогнул ни единый мускул.

– Боялась? – опешил ниуэ, всего лишь мгновение назад пропевший пышную хвалу бесспорной храбрости своей возлюбленной. – Прости, но я тебе не верю.

– Боялась, что если я откажусь, то следить за Наследницей поручат другой жрице, способной причинить вред той, которой предназначено спасти наш мир! – уточнила воительница.

– Ничего себе! – восхищенно присвистнул просиявший счастливой улыбкой Беонир. – Да ты просто героиня!

Ребекка смущенно потупила взгляд и зарделась, словно маков цвет. Что бы она там ни говорила, а лестное мнение и похвала ниуэ значили для нее очень много. Но внешне это почти не проявлялось. Интересно, ей еще не надоело обманывать саму себя, отмахиваясь от своей любви к этому забавному юноше?..

– Спасибо тебе, подруга! – Я с признательностью погладила ее сжатые пальцы. – Я всегда верила в твою приверженность добру и рада, что не разочаровалась в твоих истинных намерениях. Финн может тобой гордиться!

Тут Ребекка зарумянилась еще сильнее, хотя мне казалось, что дальше краснеть уже некуда.

– Я пыталась заранее смириться с тем, что на твои поиски уйдет много времени... – чуть слышно шепнула она, отвечая мне сильным и доверительным рукопожатием. – А все вышло...

– Все вышло наоборот, – ликуя, рассмеялась я. – Думаю, нас свела сама судьба. Вот только я никак не ожидала, что завяжу дружбу с лайил!

– Я же полукровка, – резонно напомнила мне воительница. – У меня совсем иной характер, нежели у моих чистокровных сородичей, да и кровь я пью значительно реже, чем они. Но все-таки я, к сожалению, не человек. Помнишь, тогда, у меня дома, ты не осмелилась спросить, где я достаю кровь? А я, в свою очередь, не решилась пояснить тебе, что если бы наша встреча случилась в момент моей наивысшей жажды, я могла бы не сдержаться и тогда твое путешествие закончилось бы, толком не начавшись... – Ребекка с облегчением вздохнула, а мне стало понятно – с ее души упал тяжелый камень недосказанности и долго скрываемой тайны.

– Да, вот уж точно: характер – это лучший способ утаивания природных черт! – с признательностью улыбнулась я. – Я очень благодарна благому провидению, соединившему наши жизненные пути. Хотя, когда сьерр Никто рассказывал мне о моих будущих попутчиках, я ему не поверила...

– Рассказывал никто? – замороченно хлопнул ресницами Беонир. – Но как может никто что-то рассказывать?

– Он назвался сьерром Никто, – подробно растолковала я. – Мы встретились с ним на одной из улиц Блентайра при весьма щекотливых обстоятельствах. – Я гадливо поморщилась, вспомнив вульгарную сводню Каталину и ее омерзительную шайку торговцев живым товаром. – У него фигура мужчины в расцвете лет, обворожительные манеры и приятный голос, но нет лица. Он просил называть его сьерром Никто, но подозреваю, что на самом деле его зовут Шарро!

– Бог? – на два голоса ахнули изумленные такой новостью Беонир и Ребекка. – Пресветлый покровитель всех эльфийских кланов! Йона, а ты уверена, что повстречала именно его?

– Уверена! – кивнула я. – А кто бы еще смог передать мне стилет короля Арцисса?

– Ого, а я ведь сейчас вспомнила, как учила тебя метать эту красивую игрушку! – засвидетельствовала Ребекка, задумчиво хмуря лоб. – Редкостной красоты оружие. Тонкая работа. Такой стилет способен отковать лишь один мастер...

– Турран! – без колебаний высказала я первую пришедшую на ум догадку и конечно же не ошиблась.

– Он! – согласилась воительница. – И да, этот стилет хранился в храме Эррендира до тех пор, пока Полуденных эльфов не посетил небезызвестный нам старьевщик. Путешествие в ободранной кибитке было для жреца бога Шарро искусной маскировкой. Именно жрец отвез своему небесному покровителю клинок, прежде принадлежавший королю Арциссу.

– Таким образом стилет и попал ко мне в руки! – удовлетворенно подытожила я. – Не люблю загадки, не имеющие логичного решения.

– Два меча и стилет, – все еще бормотала лайил. – Значит, стилет они вынесли с поля боя вместе с телом погибшего короля, а клинки – не успели или не смогли.

– Парные мечи короля подобрали люди и пожаловали в дар своей повелительнице Банрах. – Этот вывод напрашивался сам собой, и я его озвучила. – А когда богиня напала на меня, когда мы пробирались через Серую долину, то Лед достался мне, а Гром засосала трясина, – подытожила я.

– Неужели легендарному клинку суждено затеряться? – огорчился донельзя впечатлительный Беонир.

– Поживем – увидим! – как умела, утешила Ребекка друга, приведя свой бесхитростный довод. – Я верю, что вещи, нужные для истории мира, никогда не пропадают бесследно...

– Или всплывают в нужном месте и в нужное время! – закончила за нее я, даже не подозревая, что эти неосторожно сорвавшиеся слова станут пророческими, причем предсказание окажется воистину страшным, вылившись в беду для одного весьма дорогого мне человека...

– Теперь пришла моя очередь каяться в совершенных ошибках! – Беонир неохотно сменил воительницу на ее посту рассказчика, предварительно откашлявшись и, по-видимому, набравшись необходимой смелости. – Забавно, но моя судьба во многом схожа с судьбой нашей прекрасной Ребекки!

Тут он отвесил галантный поклон в сторону лайил, на что девушка ответила благосклонным кивком. Вот уж точно, сколько бы Ребекка ни обзывала Беонира нахалом, это вовсе не означает, что ей не льстит его внимание. Ниуэ начал повествование:

– Итак, я родился в семье нашего вождя Беодара и прихожусь внуком тому самому великому воину Беовульф, который плечом к плечу сражался вместе с Полночными в битве у Аррандейского моста. В этом бою дед погиб, но перед смертью успел произнести странное пророчество, суть которого сводится к следующему: в тот самый день, когда расы эльфов, людей, ниуэ и лайил объединятся в один дружный народ, наше племя выйдет из подземелий и обретет свободу. Да, трудно поверить в успешную реализацию подобного предсказания, ибо эти четыре народа настолько разделены многочисленными обидами и взаимными претензиями, вылившимися в смертельную вражду, что скорее Сол соединится с Уной, нежели враждующие стороны помирятся и придут к согласию. Но, будучи с детства посвященным в суть пророчества, я безоговорочно поверил в его правдивость и поклялся стать тем воином, который придет на помощь Наследнице. А между тем жизнь нашего народа все ухудшалась – нас полностью поработили чародеи, превратив в униженных, лишенных права голоса рабов. Отец попробовал поднять восстание и сбросить иго ненавистной гильдии Чародеев, но едва начавшийся бунт подавили с беспримерной жестокостью, а самого Беодара заключили в темницу, расположенную в подвале Звездной башни. Вскоре после этого прискорбного события меня вызвала к себе сьерра Кларисса. Она предложила стать ее соглядатаем, выполнив порученную работу в обмен на жизнь моего отца. Узнав о том, что мне предстоит шпионить за Наследницей трех эльфийских кланов, чье появление описано в предсказании Неназываемых, я содрогнулся от ужаса. Ведь мне велели

не просто следить за Наследницей, но любым способом предотвратить ее визит на Зачарованное побережье, дабы избежать ее приобщения к силам, способным уничтожить гильдию Чародеев.

– Да, в самом деле, предсказание на стене Немеркнувшего Купола гласит о том, что мне суждено известить чародеев...

Сама не знаю, радовала или огорчала меня столь мрачная перспектива. Честно говоря, я не питала особой симпатии к сьерре Клариссе, но у меня не было никакого желания причинить хотя бы малейший вред моему дорогому другу Джайлзу...

– Мне очень не хотелось принимать на себя подобную миссию, но я подумал и решил не отказываться, сделав вид, будто всецело предан главе гильдии и собираюсь в точности выполнить все ее указания, – возбужденным голосом продолжил свою исповедь Беонир, в точности повторяя недавний рассказ Ребекки. – При этом я не собирался пакостить той, которую поклялся охранять и защищать... Да, не скрою, я провел немало бессонных ночей, мучаясь угрызениями совести, ибо нелегко идти против неблагоприятных обстоятельств, угрожающих жизни родного отца. Меня учили любить и защищать своих близких, но в итоге мои собственные взгляды и убеждения возобладали...

– Выходит, ты предал не Йону, а свою хозяйку! – удивленно всплеснула руками Ребекка.

– О нет, мне повезло намного меньше, чем тебе! – Юноша в отчаянии заломил руки, а его красивое лицо исказилось от невыносимого душевного страдания. – Я отступился от надежды спасти своего отца, я его предал...

– Теперь я понимаю, почему ты в меня стрелял, – торопливо произнесла я, переживая за несчастного ниуэ и терзаясь его мукой. – Уверяю, в том нет твоей вины. Я тебя давно уже простила и, более того, считаю очень отважным мужчиной, принесшим себя в жертву во имя жизни своих близких. Мудрый Зол предостерегал меня насчет истинных намерений моих спутников, но я ответила ему, что не сомневаюсь в чистоте ваших душ, тяготеющих не к злу, а только к добру. А посему предлагаю: давайте забудем все наши глупые недоразумения, оставим в прошлом все печали и начнем нашу взаимную дружбу с чистого листа! – Я с искренней теплотой прикоснулась к пальцам Беонира, и он тут же ответил мне крепким рукопожатием.

– Спасибо, Йона, – поблагодарил меня Беонир, а его нахмуренное лицо разгладилось, словно озаренное чистым лучиком счастья, исходящим из глубины доброго и благородного сердца. – Обещаю впредь никогда тебя не подводить! Я понял, что ошибаться может каждый, но только законченный глупец упорствует в своих заблуждениях.

– Великий Беовульф гордился бы тобой! – убежденно заверила я.

– В общем, я пообещал сьерре Клариссе пунктуально исполнить все ее указания... – Было видно, что Беониру не терпится закончить свое трудное признание. – Но, увы, она не раскрыла мне главного факта: того, что ты – крылатая...

– Понимаю, – сочувственно кивнула я, воскрешая в памяти то неподдельное горе юноши, которое он усиленно, но безуспешно пытался скрыть при виде моих крыльев. – Трудно предавать того, кто происходит из рода твоих старинных благодетелей и покровителей.

– Несчастный мальчик! – Ребекка ласково погладила юношу по щеке, выражая свое благорасположение. – Лишь теперь я в полной мере оценила твое мужество и завидную силу воли.

– Кларисса трансформировала мою наружность, переводя во вторую ипостась ниуэ. В облики белого пса она с помощью магии переместила меня в Немеркнувший Купол, где в тот момент уже находилась Йона. При этом коварная чародейка нанесла мне глубокую рану, призванную обеспечить твою заботу, ведь более всего мы доверяем тем, кого спасли сами, или же тем, кто спас нас. Все дальнейшее вам известно. От Клариссы я узнал о существовании Первой Книги и всеми силами подталкивал вас к походу в заброшенный Лазарет, ибо магичка охотилась за содержащимися в фолианте знаниями... Когда мы

пробирались по подземелью, я был уверен, что все наши неприятности спровоцированы именно мною.

– Понимаю и это, – коротко отреагировала я, потому что прекрасно помнила текст той части манускрипта, что заметила в руках главы гильдии. Без сомнения, тот документ однажды тоже вынесли из заброшенной библиотеки.

– Слушай, а ты, случаем, ничего от нас не утаиваешь? – с подозрением прищурилась Ребекка, никогда не отличавшаяся особой доверчивостью.

– Ничего, папой клянусь! – пылко заверил ее юноша.

Я помолчала несколько минут, размышляя, а затем произнесла:

– Полагаю, Беониру неведомы все замыслы съерры Клариссы. Бог Шарро посоветовал мне остерегаться этой коварной женщины, предупредив о том, что ее душа скрывает в себе множество темных секретов. Думаю, ее истинные намерения намного сложнее той миссии, что поручили Беониру. С одной стороны, глава гильдии желает мне смерти, ведь я несу гибель ее клану, а с другой – ей жизненно необходимы добытые мною знания. И кстати, если бы она безоговорочно решилась меня убить, то без лишних хлопот и проблем осуществила бы это еще тогда, когда я ночевала в Звездной башне... Нет, тут что-то нечисто, и я намереваюсь досконально разобраться в происходящем!

Ребекка и Беонир быстро переглянулись, всецело одобряя и поддерживая мой план. Я переводила взгляд с лица лайил на лицо ниуэ, стремясь ментально проникнуть в их подспудные замыслы. Нет, в Беонире я не сомневаюсь, он весь как на ладони – чист, словно вода, бесхитроsten и безыскусен. А вот Ребекка... С ней дело обстоит намного сложнее. Она вроде бы полностью поведала нам историю своей прошлой жизни, но при этом сознательно умолчала о некоей крохотной, но важной детали. Почему я так считаю? Да просто я помню выражение лица воительницы, красноречиво свидетельствующее о буре, разыгравшейся в ее душе в тот самый момент, когда чародей Альсигир передал мне кусок древнего пергамента... Да, я уверена, здесь скрыта какая-то загадка, которую мне тоже предстоит разгадать!

Я поднялась с приютившего нас холмика, пытливо всматриваясь в даль. Меня ждали степь и начинающаяся за ней Пустошь. Я понимала, насколько трудным и опасным может стать мой последующий путь, но не намеревалась отступать или сворачивать. Изначально, вступая на тропу испытаний, я руководствовалась лишь эгоистичным желанием стать чародейкой. Но постепенно детская мечта переросла в иную цель, значимую и судьбоносную. Мне предстояло спасти весь Лаганахар, помирить враждующие народы и исправить страшные ошибки, допущенные моими предками! Я как-то незаметно повзрослела, и моя мечта повзрослела вместе со мной. Звезда моей души медленно наполнялась силой и знаниями, но теперь меня вела не только она, а еще одна звезда, все ярче разгорающаяся в моем сердце. Я мысленно называла ее Звездой моей любви, ибо там, впереди, меня ждал Арден, остро нуждающийся в моей помощи, доверившийся мне, верящий в меня... А значит, все то, что мне еще предстоит пройти, и есть моя настоящая жизнь. Жизнь, которую я выбрала сама!

Я достала из сумки раковину, переданную мне мертвым королем Арциссом, и поднесла ее к уху. Сначала мне казалось, я слышу лишь неумолкающий плеск морских волн, но потом в ритмичный шелест неожиданно вплелся тихий голос Лорейны, напевающий песню, идеально созвучную мелодии моей души:

С мирным бытом суждено расстаться,
Вновь зовет дорога в никуда,
Путь мой, что едва успел начаться,
Серпантинom вьется сквозь года.

Лишена отеческого крова,
Нежностью людской обделена,

В мыслях зачастую я сурова,
Как взрастившая меня война.

Мой приют – пещеры и овраги,
Мой удел – скитания и грусть,
Верность – это тоже часть отваги.
Клятвы все я помню наизусть.

Не ропщу, хоть плачу я порою,
Оттого, что духом я слаба,
Небо вместо крыш над головою —
В этом навсегда моя судьба.

Я сама такой искала доли —
Моря блеск, величие степи,
Что же мне теперь поделать, коли
С участью иной не по пути?

Верные попутчики в дорогу,
Ночи, дни, весна или зима,
Знаю, не о том молилась богу,
Эту жизнь я выбрала сама.

И чего бы в жизни ни случилось,
Мне назад уже не повернуть,
Сердце, что в груди не зря забилося,
Приведет меня куда-нибудь...

– Ну и что мы станем делать дальше?

Заданный Ребеккой вопрос вывел меня из забытья. Я подняла глаза на высокорослых друзей, стоящих передо мной, а затем с любопытством всмотрелась в степь, широко раскинувшуюся за их спинами.

– Не знаю, – честно призналась я, с трудом подавляя так и просящуюся на губы улыбку.
– Но давайте спросим об этом кое-кого другого, более осведомленного...

– Кого же? – удивился Беонир. – Бога Шарро? Неназываемых?

– Кочевников-степняков! – предложила я.

– Скажешь тоже, выдумщица! – скептически фыркнула воительница. – Да где же мы их сыщем, тех кочевников, если их лет сто уже никто не видел!

– Обернись, и увидишь сама, – вслух рассмеялась я, уже не сдерживая переполняющих меня эмоций.

Не смея поверить собственным ушам, Ребекка и Беонир стремительно повернулись на каблуках...

На первый взгляд приближающееся к нам пятно серой мари можно было принять за колебания горячего воздуха или за лениво клубящееся облако пыли, но постепенно оно приобрело четкие очертания, преобразившись в странную процессию, состоящую из нескольких всадников. Скачущую к нам делегацию возглавлял жилистый коренастый мужчина, горделиво восседающий на тонконогом вороном скакуне, идущем размеренной иноходью. Богатое одеяние человека, вычурный головной убор, а также ковер вместо чепрака под седлом его коня красноречиво свидетельствовали о высоком социальном положении всадника. За кушак из дорогой ткани золотистого цвета заткнута кривая сабля, из-под круглой шапки падают на плечи седые кудри, а глаза всадника смотрят цепко и немного враждебно. Смотрят только на меня одну... За прекрасным конем следовала

цепочка из шести голенастых, невозмутимо пережевывающих жвачку верблюдов, управляемых почтенными, до самых глаз закутанными в бурнусы¹ старцами.

При виде этого кортежа Беонир шаловливо пихнул воительницу локтем в бок, намекая, мол, посмотри, как ты ошиблась, кочевники ездят не только на ишаках и собаках!

– Ничего себе! – только и смогла выдавить ошеломленная Ребекка. – И зачем они пожаловали?

– Не волнуйся, сейчас мы все узнаем, – спокойно заверила ее я и отвесила вежливый поклон достигшему нас и уже спешивающемуся всаднику.

– Приветствую вас, о благородные путники! – Мужчина степенно поклонился, ладонями оглаживая свою черную, спускающуюся на грудь бороду. – Меня зовут Самир аль-Фарух, я ношу титул шейха всех кочевых племен. Откройте мне, какая надобность привела вас в наши края?

– Приветствуем тебя, почтенный шейх Самир! – Я на всякий случай еще раз в точности повторила его поклон, вот только поглаживание бороды, к сожалению, воспроизвести не могла. – Я Йохана, а это мои друзья, Ребекка и Беонир. Мы просим разрешения пройти через вашу территорию, ибо намереваемся пересечь Пустошь.

– Вот как! – Голос шейха остался безупречно невозмутимым, но при этом он сильно дернул себя за бороду, словно ставил на место изумленно отвисшую нижнюю челюсть и потрясенно выкатившиеся глаза. – Но зачем?

– А что в этом такого? – заносчиво осведомилась драчливая Ребекка, выразительно поглаживая рукояти своих клинков. – Или прогулки по пустыне запрещены?

– Отчего же запрещены, почтенная ханум!² – умильно всплеснул руками Самир. – Конечно нет! Но учтите, такое путешествие не отнесешь к числу приятных. В это время года воздух пустыни очень горяч, источники в оазисах пересыхают, а со стороны развалин древнего города дует смертоносный хамсин³...

– Уважаемый шейх, оставьте эти пустые отговорки! – мягко попросила я. – Нас не запугать.

– Просто наши земли уже давно не посещали паломники, – вздохнув, откровенно сознался кочевник.

– Ну вот и радуйтесь – посетили! – ехидно встрял Беонир.

– Радуемся, радуемся! – расплылся в широкой улыбке шейх. – Но имейте в виду, для того чтобы пройти в Пустошь, вам придется совершить один малозначительный ритуал, – вкрадчиво добавил он.

– Какой? – насторожилась я, заподозрив подвох.

– Наша владычица Банрах поручила моему народу охранять рубежи пустыни, пропуская в глубь Пустоши лишь того, кто сумеет доказать свою избранность, пройдя особый ритуал, называемый «Поцелуй Нага»! – важно провозгласил Самир, не скрывая злорадного торжества, так и плещущегося в его узких глазах.

«Поцелуй Нага»... Я задумалась, внимательно рассматривая шейха и вспоминая рассказ Беонира. Наг – легендарный предводитель лиднейских змей! Неужели тот самый? Но как же такое возможно, ведь прошло столько времени! Однако наперекор моим сомнениям самодовольный облик Самира красноречиво подтверждал: это – возможно! Лицо у шейха смуглое и скуластое, волосы черные не как вороново крыло, а будто смола – на свету в них проглядывает легкая рыжина. Крючковатый нос и серые глаза дикой птицы. Нет, такой определенно не соврет.

– А кому-нибудь уже удавалось благополучно пройти через это испытание? – со слабой надеждой спросила я.

¹ **Бурнус** – плащ из плотной шерстяной материи с капюшоном (арабск.).

² **Ханум** – госпожа (тюркск.).

³ **Хамсин** – сухой и знойный ветер (арабск.).

– Ага, удавалось! – ядовито поддакнул шейх. – Ныне все эти претенденты благополучно покоятся в желудке у Нага.

Кажется, я побледнела...

– Что, правда? – оторопела Ребекка. – А кто он вообще такой, этот ваш Наг? Он красивый? Кстати, ставлю вас в известность: я уже целовалась с блохастым псом, поэтому поцеловать какого-то Нага – для меня просто безделица, плюнуть и растереть...

Но шейх заставил воительницу умолкнуть, выдав короткий язвительный смешок. Ребекка сердито нахмурилась, недоуменно поглядывая на меня и ожидая объяснений.

– Наг – это огромный змей, – задумчиво пояснила я. Покосилась на сияющего, будто Сол, вождя и поправилась: – Чудовищно огромный змей, жутко старый, смертельно ядовитый, мудрый, как бог, и к тому же невероятно быстрый!

– Йона, ты сдурела! – похлеще любого змея зашипела на меня рассвирепевшая воительница. – Он же тебя сожрет, проглотит целиком и даже не подавится. И ты что, взаправду собираешься с ним целоваться?

– А разве у нас есть выбор? – вопросительно улыбнулась я, интуитивно предугадывая наиболее вероятный ответ.

– Нет! – сладко пропел шейх. – Выбора у вас нет...

Глава 2

Я плавно покачивалась на спине у верблюда, с высоты его горба заинтересованно озирая окружающий нас ландшафт. Мои щеки беспощадно сек сухой ветер, словно дующий из щели меж двух времен. Да, кажется, ветер не меньше меня самой знал, что в теперешнее время года эта местность должна быть совсем не такой... Степь летом – это летящие вдаль пространства, где синеют васильки, спрятанные в зеленых прядях ковыля, и перекатываются волны трав. Степь летом – это Сол, который дробится в мелких теплых озерах, это табуны лошадей, пасущихся на воле, а если их встревожить, то топот копыт подобен грому среди ясного дня. И над этой благословенной землей царит слитный звон кузнечиков – музыка летнего дня в полной его спелости. Вот такой я представляла себе степь...

Но подлинная картина не радовала. Куда ни кинь взор, повсюду расстилались лишь однообразные кочки и холмы, покрытые выгоревшей от жары травой и щедро присыпанные желтым песком. Преддверие Пустоши. Верблюдов недаром называют кораблями пустыни, ибо лишь они одни способны длительное время бороздить бескрайние песчаные просторы, нуждаясь в весьма скромном, даже минимальном количестве пищи и воды. Равнодушные морды этих выносливых созданий, их лениво прикрытые глаза, размеренно шагающие конечности и чудесные горбы (естественные хранилища запасов влаги) вызвали у меня невольное уважение. Там, где сломает тонкие ноги ретивый скакун, увязнет повозка и выдохнется смирный трудяга-ослик, невозмутимо пройдет верблюд, и в прямом и в переносном смысле поплеывая на всех с высоты своего врожденного высокомерия.

Ах да, один из них уже оскорбился на ироничное замечание несдержанного на язык Беонира и одарил того прицельно выпущенным комком вязкой бурой слюны. Ниуэ с руганью принялся отчищать свой щегольской жилет, а его действия сопровождались сочувственными комментариями Ребекки, ехидными перемигиваниями наших сопровождающих и полнейшим безразличием самого виновника переполоха. После этого небольшого инцидента мое уважение к верблюдам достигло своей наивысшей точки. Я протянула руку и ласково погладила умное животное за ухом. Верблюд удивленно мотнул угловатой головой, и в его темных глазах промелькнуло нечто, весьма похожее на гордость.

– Вот бы люди брали пример с вас! – негромко разглагольствовала я вслух, обращаясь к своему безмолвному, но внимательному слушателю. – Часто замечаю, что животные намного умнее и сдержаннее людей. Вот взять хотя бы вас, верблюдов... – Мой горбатый скакун немедленно наострил мохнатое ухо. – Вы обладаете воистину непробиваемым спокойствием, завидным чувством собственного достоинства, безупречно выполняете

работу, а на всех критиков и ненужных советчиков просто плюет! – Я хихикнула, замечая, как толстые губы моего корабля пустыни растянулись в довольной ухмылке. – Подозреваю, что если люди начнут жить по вашим принципам, они сильно облегчат свое существование.

Тут верблюд издал короткий многозначительный рев, который я расшифровала как одобрение новоизобретенной теории.

– Спите вы мало, пьете мало, едите и того меньше! – увлеченно продолжала я. – А люди... Тьма, а чем же они питаются в этом царстве жары и песка?

– Скажите, уважаемый шейх аль-Старух, а что вы едите в своей степи? – долетел до меня громкий голос Ребекки, похоже, озабоченной тем же вопросом.

– Аль-Фарух! – педантично поправил воительницу кисло поморщившийся шейх. – Такой прекрасной ханум простительно не знать, что всемилостивейшая богиня Банрах очень хорошо заботится о своих верных служителях и ежедневно посылает им пищу.

Мужчина покопался у себя за пазухой и извлек из складок халата небольшой мешочек, который перебрал Ребекке в руки.

– И что находится внутри, уважаемый аль-Пивух? – Лайил нерешительно взвеса на ладони пойманный предмет, не торопясь, однако, развязывать стягивающий его ремешок. – Саранча, тараканы, мыши?

Я улыбнулась, понимая, что задиристая девушка специально доводит до белого каления нашего невозмутимого шейха, на все лады склоняя его имя. Ребекка явно злится на этого пройдоху, подсунувшего нам Нага.

Услышав дерзкую подколку лайил, Самир гневно фыркнул, но сдержался, по-прежнему не позволяя себе ни малейшей грубости.

– Мы чрезвычайно бедный и простой народ, – с наигранным смирением сквозь зубы процедил он. – И поэтому мы, к сожалению, не способны накормить прекрасную ханум ни одним из перечисленных деликатесов, очевидно, столь для нее привычных!

Ребекка, попавшая в расставленную ею же ловушку, раздосадованно скрипнула зубами. «Определенно, шейх Самир далеко не дурак! – беззвучно усмехнулась я. – Понимает, что если тебе руют яму, то лучше не мешай. Когда закончат – сделаешь себе бассейн...»

– Развяжите мешочек, ханум! – с провокационной улыбкой посоветовал степняк. – Уверю, он не кусается.

Ребекка нервно дернула завязку, и на ладонь ей немедленно высыпалось с полпригоршни белых маслянистых, слипшихся между собой крупинок.

– Фу, – гадливо фыркнула лайил, мгновенно опознавшая необычный, уже известный ей эрзац-продукт. – Небесная манна! Да я скорее и в самом деле пообедаю тараканами.

Щеки шейха изумленно вытянулись.

– Немногие избранные удостоиваются чести вкушать пищу богов! – с укоризной произнес он. – Уже много веков подряд мой народ питается манной и не находит в этом ничего дурного!

– А у нас в таком случае говорят: «Не едал ничего слаще морковки!» – ехидно рассмеялась Ребекка. – Оцените вот это!

Она достала из кармана немного орехов и кураги в меду, выданных нам гостеприимными эльфами, и, ловко свесившись с верблюда, высыпала в подставленную руку любопытного шейха. Кочевник попробовал предложенное угощение... На его лице отразилась целая гамма чувств: непонимание, восхищение и благоговение, перешедшие в гримасу обиды на свою горькую судьбу. Ну да, кто же не знает, что путь к сердцу мужчины лежит через желудок! Хм, или все-таки намного ниже желудка?..

– Насколько наша еда вкуснее вашей, настолько и наши бойцы сильнее ваших! – гордо провозгласила Ребекка, заговорщицки мне подмигивая. – В общем, хана вашему Нагу.

Я залиvisto рассмеялась, очарованная находчивостью подруги.

А смуглое лицо шейха тут же приняло озабоченное и даже запуганное выражение.

Самая увлекательная игра в мире есть не что иное, как сама жизнь. Вот только правила

ее весьма суровы, а возможность выигрыша исключена целиком и полностью. Вы, конечно, можете успешно пройти несколько этапов и одержать временную победу или же, набрав энное количество очков, отсрочить неизбежный конец... Но, увы, финальный результат жизни все равно предсказуем: покрытый зеленым дерном клочок земли на кладбище, памятник и оградка. Бесспорно, рассудком я всецело понимала и принимала закономерный, уготованный для всех без исключения итог игры, но непослушная душа, еще не успевшая в досталь настрадаться, набродиться и налюбоваться, выла одиноким волком, судорожно сопротивляясь неизбежному. «Я не хочу умирать! – протестующее выстукивало мое шептунное сердце. – Спасите! Помогите! Избавьте! Я так хочу жить!»

– Ясное дело, хочешь! – насмешливо шепнула я, покачиваясь на верблюжьей спине. – А кто же не хочет? Думаешь, Ребекка и Беонир не хотят того же самого? Смею тебя заверить: хотят, еще как хотят! Все хотят жить, даже самые хилые, забитые, незаметные и бесправные. Хотят даже тараканы, травинки, облачка в небе... А если ты вздумаешь сдохнуть, дорогая моя Йона, то прежде подумай, какое неисчислимое количество смертей способна повлечь за собой твоя гибель. Представила?

В процессе сего безрадостного монолога я обращалась исключительно к самой себе, и что-то внутри меня кивнуло, прикинув то, что совершенно не требовало подсчетов.

– Так вот учти, – непреклонно продолжила я, – если ты окажешься такой эгоисткой, настолько слабой соплей, бесхребетной дурой и безответственной разгильдяйкой, что посмеешь сдохнуть, то даже после смерти тебе придется отвечать не только перед своей совестью, но и перед всем Лаганахаром!

Осознав, какая жуткая перспектива светит мне в самом недалеком будущем, я неуютно поежилась и, словно ища сочувствия, поплотнее прижалась к теплему верблюжьему боку. Кошмар! Оказывается, я лишена банального права на смерть, как ни парадоксально это звучит. Умереть может любой и каждый, но только не я, ибо моя гибель повлечет за собой мучительную кончину сотен и тысяч ни в чем не повинных созданий. Поэтому, как ни крути, а выход у меня один – постараться выжить любой ценой и вопреки всему. А точнее, поцеловать этого треклятого Нага и не позволить ему меня сожрать! Вот так-то.

Все мы против воли вынуждены играть в игру под названием «жизнь», в которую оказались втянуты в момент рождения, причем без нашего на то согласия. И самое лучшее, что мы способны сделать при столь неблагоприятном раскладе карт, – это не сопротивляться, а позволить бурному потоку жизни непрерывно увлекать нас за собой, втапливая во все новые и новые перипетии. Кто-то назовет такое поведение трусостью, другие – более корректным, но еще более неприятным словом «приспособленчество». Не стану заморачиваться на определениях, ибо понимаю, что этот путь не для меня. Что бы я ни делала, как бы ни изошрялась, мне все равно никогда не позволят мирно плыть по течению жизни. Нет, мой удел – это стремнины судьбы, водопады рока и водовороты предначертания. Эх, борись и выплывай, Йона, ведь тебе запрещено тонуть! Не вздумай утонуть, девочка-звезда, дабы не утопить других! Тебя не учили плавать, тебя грубо бросили на самую глубину, предоставив болезненную возможность всему научиться самостоятельно: плыть, нырять, задерживать дыхание... Так плыви же вперед, плыви, Наследница!

Я горестно усмехнулась, потрясенная суровой объективностью своих размышлений. Играя в игру под названием «жизнь», каждый из нас преследует строго индивидуальную, важную для него цель. Одни раззадорены многообразием предлагаемых призов с завлекательными названиями: власть, богатство, слава, любовь. Вторые играют в жизнь ради самой игры, увлеченные процессом. А третьи, и их меньшинство, пытаются совершить невозможное – вписать в жизнь свои собственные правила и законы. И иногда, правда очень редко, крайне редко, им это удается...

А степь все тянулась и тянулась, видимо, вознамерившись посоперничать в своей бесконечности с никуда не торопящимся временем... Впрочем, судя по невысокой скорости передвижения каравана, нам тоже некуда было торопиться. И то верно, ибо самое

бессмысленное, что можно придумать, – это гоняться за жизнью или убежать от смерти. От последней и вообще бегать не рекомендуется, а то умрешь смешно: уставшим и потным...

Грязно-оранжевый Сол лениво сполз за пологий холм, и сразу же после этого на землю обрушился страшный ночной холод. Закутанные в бурнусы старцы колобками скатились с верблюжьих спин, развив прыть, которую я никогда бы в них не заподозрила. Из огромных мешков были извлечены странные черные камни, которые, будучи положенными в костер, давали яркое и жаркое пламя. Степняки называли их «каменным углем». Я же, в свою очередь, немало изумила этих привыкших экономить воду людей: с помощью кувшина Лаллэдрина превратила десять капель жидкости в щедрую порцию, напоившую всех. И даже вечно невозмутимые верблюды радостно фыркали, шумно опустошая поднесенные им бурдюки с бесценной влагой.

– Малышка, ты умудрилась очаровать всех! – насмешливо прокомментировала Ребекка, обнимая меня за талию и укрывая лоскутом тонкого войлока. – Кажется, впервые в жизни эти старики напились вдоволь.

– И верблюды тоже! – поддакнул Беонир, ревниво отпихивая морду ластившегося ко мне дромадера¹. – Пошел вон, вместилище вонючих харчков!

– Всех, кроме непоколебимого шейха Самира, – поправила я, из-под локтя воительницы испытующе поглядывая в сторону хитроумного аль-Фаруха, отстраненно усевшегося чуть поодаль.

Проследив за однообразными, часто повторяющимися движениями его ладоней, а также за беспрестанно шевелящимися губами, я пришла к логичному выводу: мужчина молится.

– Интересно, возможно ли изменить его точку зрения на уготованный для нас обряд?

– Особенно резко точку зрения меняет хороший удар в глаз! – сварливо проворчала Ребекка. – Не надейся – шейх упрямее верблюда, он не передумает.

Я печально вздохнула, потуже завернулась в войлок и устало закрыла глаза, смиряя бушующий в голове круговорот мыслей. Нужно выспаться, ведь завтра я должна быть сильной и смелой. Гибкой, стремительной и проворной. Совсем как змея...

Джайлз благополучно миновал шумные городские улицы, буквально бурлившие от обилия новостей. Он усердно заворачивался в найденный посреди подземного хода темный плащ, скрывая свою звезду, пламенеющую тревожным багряным светом. Что она предчувствует? Чародей уже неоднократно задавался этим важным вопросом, но ответа все не находилось. Он шел по наитию, совершенно не представляя конечной цели своего пути. Губы юноши кривила горестная улыбка... На какое-то время ему удалось избежать смерти, но то, что ожидало его впереди, не стоило называть лучшей долей. Какое наказание считается наиболее страшным у оседлых народов, уже многие сотни лет привязанных к своей земле? Смерть? Нет, изгнание. А ведь Джайлзу предстояло именно это...

На сердце стало холодно. Он приказал себе быть осмотрительнее, не привлекать лишнего внимания, ничем не выдавать своего статуса беглеца: надо придать лицу бесстрастное выражение и, как завершающий штрих, украсить губы безмятежной улыбкой. Все вроде бы складывается удачно, внешние приличия соблюдены, но почему-то на душе скребутся кошки. Может, нужно вернуться? Вернуться, пока не стало слишком поздно... Но, как на беду, Джайлз обладал излишне богатым воображением. Вернуться. А это значит... Он мысленно увидел городскую площадь, роскошный эшафот, сооруженный из свежего, подвезенного эльфами дерева, выступающие смолистые капли на добротнo отесанных боках бревен... Чародей видел, как сам он поднимается по ступенькам помоста, одетый в рубище, как приходят в движение многочисленные приспособления для долгой казни, как его раскладывают на козлах и начинают отрубать сначала правую руку, потом правую ногу... Когда воображаемый пленник умер, у реального Джайлза судорогой свело нижнюю челюсть

¹ Дромадер – одногорбый верблюд (тюркск.).

и панически задержались веки... Нет, не ради этого он жил и учился, не ради такой позорной смерти! Решено, обратного пути уже нет. Тьма, а ведь все начиналось так хорошо!..

Джайлз почти не помнил своего детства. Он точно знал лишь одно: родину не выбирают. Впрочем, как и родителей.

Будущий чародей не сомневался, что он родился в Блентайре. Он мало нуждался в обществе сверстников и дружбы ни с кем не водил. В его памяти сохранились лишь смутные картины и образы, полустертые пеленой огромного горя: два стола, ярко горящие свечи, занавешенные черной тканью зеркала и пара одинаковых узких гробов. Страшных, холодных... Наверное, в них покоились тела его скончавшихся родителей, но отчего именно они умерли, Джайлз так и не узнал.

Единственное, что частенько приходило к нему во снах, являясь из забытого прошлого, это видение большого и богатого дома. Нет, даже не дома, а целой усадьбы, расположенной за высоченной стеной из дикого камня. Низкий фасад центрального здания, окруженного парком и яблоневым садом, был облицован желтоватым мрамором. С одной стороны ему виделась веранда, увитая плющом, с другой – эркер под чеканным медным фонарем, тоже с дверью. А посередине – нечто среднее между коридором и длиннейшей анфиладой: цепь комнат с широкими арками вместо дверных проемов, каждая – своего цвета и особой отделки.

Он частично помнил самую лучшую из комнат: одновременно и гостиную, и кабинет. Полукруглое, во всю стену окно, мохнатый ковер на полу – нога вязнет. Кругом расставлены кожаные пуфики. В одном углу письменный стол, в другом – альков с кроватью. И самая ценная деталь интерьера: в рабочем углу устроена специальная дверь, ведущая в библиотеку, где живут книги. Сотни и сотни книг. Все четыре стены библиотеки заняты зеленым бархатным диваном, переходящим в книжные полки. Чтобы подойти к ним поближе, он по боковой лесенке забирался на спинку дивана и шел вдоль книжных рядов эдакой необычной, обшитой деревом тропкой. В центре книжной залы – несколько горшков с цветами и карликовый фонтан... Позднее, повзрослев и став чародеем, Джайлз вдоль и поперек исходил весь Блентайр, но так и не нашел этот дом...

Сцена следующая: одетая в траур женщина в непроницаемой вуали берет его за подбородок, через сетку, спускающуюся с ее шляпки, испытующе вглядывается в личико рыжекудрого мальчика и печально вздыхает:

– Сиротка! Пойдем со мной, маленький Джайлз! Скажи, ты хочешь стать чародеем?

Джайлз конечно же не понимает, о чем говорит таинственная женщина, но поскольку ее слова подкреплены большим сахарным петушком на палочке, радостно кивает и с готовностью вцепляется в протянутую ему руку. Его уводят...

Новая сцена: миновало несколько беззаботных лет, проведенных в высокой башне, среди стайки таких же, как и он, малышей. Джайлз вытянулся, научился читать и писать, но исподволь мечтал о чем-то большем, испытывая необузданную тягу к учебе. Вернее, он с необычайной готовностью впитывал в себя знания, как губка – но всегда понимал, что этого недостаточно. И вот однажды его мечта осуществилась. Мальчика забрали из сада, оторвав от увлекательной игры в камешки, а затем долго вели по бесконечным лестницам и переходам. Джайлз уже почти устал, когда его без объяснений втолкнули в холодную полупустую комнату. Из предметов в помещении имелись лишь две сафьяновые, брошенные на пол подушки, одну из которых занимала какая-то скрюченная фигура.

– Это твоя новая наставница, сьерра Шианас! – пояснил маг, приведший Джайлза. – Учись хорошенько, мальчик!

Вышеупомянутая Шианас на первый взгляд показалась мальчику донельзя отталкивающей особой, похожей на старую, но жутко умную обезьяну. Сутулая и вислопечая, она сидела на подушке, обхватив колени своими длинными руками. Серая грива волос спускалась по ее спине совершенно свободно, подобранная над висками двумя заколками: верный знак того, что женщина еще хочет нравиться. Губы чародейки оказались подкрашены коричневой помадой, в тон глазам, а ясные карие очи глянули на Джайлза из-

под припухших век с вполне молодым нахальством. Чуть погода Шианас заговорила:

– А ты знаешь о том, что стал красавцем?

– В зеркало смотрюсь изредка, когда его от пыли протереть нужно, – по-взрослому рассмеялся Джайлз.

– Прекрасный образец! – Старуха легко, едва прикасаясь кончиками пальцев, с интересом погладила голову мальчика. – Четкий овал лица, надбровные дуги крутые, свод лба высокий, форма носа классически прямая, только ноздри слегка округлены. Такого красивого черепа я не видывала с тех пор, когда в башню привезли мертвых Полуночных... Любопытно, а мозги в нем найдутся, хотя бы на наживку?

– Гильдия же клюнула! – многозначительно улыбнулся будущий чародей.

Сьерра Шианас одобрительно фыркнула:

– А ты умен и находчив. Из тебя выйдет толк.

Так началось обучение Джайлза.

Старая чародейка знала многое и щедро делилась знаниями с мальчиком. Но она учила своего воспитанника обращению не только с заклинаниями и амулетами, но и с простыми людьми.

– Умение вышибить мозги ближнему своему бывает весьма полезно, – многократно втолковывала она, – но есть и куда лучшие способы с ним поладить.

– Им я тоже научусь! – кратко пообещал Джайлз.

Хоть сколько-нибудь приличным бойцом он так и не стал, зато он стал оратором и магом.

Когда же пришел его черед получить свою звезду и отправиться за знаниями, дабы выдержать семь положенных испытаний, молодой чародей, достигший шестнадцатилетнего возраста, не боялся ничего. Из десяти адептов, отправленных в поход за званием чародея, обратно в Звездную башню вернулся лишь он один. Старая Шианас к тому времени уже мирно упокоилась на маленьком местном кладбище, оставив любимому ученику свою комнату и обширную коллекцию магических манускриптов. Джайлз посетил ее могилу, но не печалился, ибо понимал: таков удел, настигающий даже всемогущих магов. И уж если он о ком-то и скучал, так только о закадычной подружке детских игр, о белокурой Атте – ясноглазой, крепенькой, уютной девочке, милой и забавной, словно игрушечный медвежонок. Как и сам Джайлз, Атта тоже отправилась в поход за испытаниями. Но не вернулась...

Общеизвестно, хотя и весьма спорно то, что о самом святом для народа можно судить по произносимым им ругательствам, первоначально имевшим смысл оберега. Поэтому чистоплотные ниуэ в сварах вовсю поливают своего оппонента грязью и экскрементами, набожные лайил витиевато брюхатят свою покровительницу богиню Банрах, изысканные эльфы опускаются до грубости, злоупотребляя высокомерным словечком «салладэ»¹, а люди возводят над своими матерями целые ярусы из многоэтажных и чрезвычайно неприличных выражений. И только в наиболее конфликтных и напряженных ситуациях весь Блентайр дружно прохаживается насчет детородных функций собеседника или же подвергает пристальному и неліцеприятному рассмотрению его потомство. Ибо блентайрцы до крайности чадолюбивы, хотя тщательно скрывают этот факт. Ну а кому, спрашивается, хочется признаваться в том, что ты дошел до крайности и вынужден отдавать свое самое дорогое достояние, собственных детей, в жертву кровавой богине?

Джайлз выслушал немало неліцеприятных и даже оскорбительных фраз, пробираясь через заполненные людьми улицы, толкаясь, пихаясь и наступая кому-то на ноги. Но он великодушно пропустил мимо ушей все обращенные к нему ругательства, не обращая на крики ни малейшего внимания. Он торопился засветло достичь Немеркнувшего Купола, в точности следуя указаниям Беодара. И, слава Неназываемым, с задачей справился... Джайлз

¹ Салладэ – излюбленное эльфийское ругательство, обозначающее «мерзкие людишки».

едва успел переступить порог Купола и прижаться к одной из его стен, сливаясь с ее темным подножием, как стражники захлопнули все дверные створки древнего здания, заперев их снаружи. Они даже не потрудились проверить, не остался ли кто-то из посетителей внутри. Ну да всем известно, ночью в Куполе делать нечего!

«Ага, всем, кроме меня!» – Джайлз торжествующе усмехнулся, откидывая со лба изрядно надоевший капюшон, вытирая пот и свободно вдыхая полной грудью. Что же дальше? Он заинтригованно огляделся. Купол выглядел так же обычно, как и всегда. Джайлз посещал это здание десятки раз, стремясь разгадать тайну, почти зримо витающую под высоким сводом. Он досконально изучил все нанесенные на стены фрески и выучил наизусть странное, малопонятное пророчество Неназываемых, каждый раз наводящее на него суеверный ужас содержанием тех строк, что касались уничтожения чародеев. Вот и теперь все казалось привычным. Хотя, нет, не все...

Юноша наклонился, прищурясь и изучающе всматриваясь в крохотный, едва заметный буро-коричневый значок, неизвестно откуда появившийся в самом низу северной стены... Что это? Маг озадаченно нахмурился. Похоже, просто бессмысленная каракуля, святотатственная дерзость, осквернение, специально произведенное каким-то глупцом. Он возмущенно похлопал палец и легко стер значок, нарисованный то ли низкосортными чернилами, то ли засохшей кровью. Но какой идиот осмелился рисовать на стене Немеркнувшего Купола? Стало ли это случайностью или было намеренным злодеянием? Джайлз терялся в догадках.

Кровь... И этот знак... Он показался ему смутно знакомым... Несколько минут чародей усиленно напрягал память, а потом вдруг радостно хлопнул в ладоши и звонко расхохотался. Ну конечно! Во всем Лаганахаре существует лишь один человек, а вернее, всего лишь один нечеловек, способный додуматься до того, чтобы написать старозельфийскую руну на стене Немеркнувшего Купола! Конечно же этим храбрецом была Йохана, а стертый им знак обозначал не что иное, как первую букву ее необычного имени! Значит, малышка побывала здесь до него и оставила ему послание, с помощью которого Джайлз выйдет наружу!

– Спасибо за подсказку, мой любознательный эльф! – вслух поблагодарил окрыленный своей неожиданной находкой чародей, изучая пол Купола. – Я в тебе и не сомневался! – Этот возглас относился уже не к девушке, а к еле различимым очертаниям люка, контур которого удачно замаскировал насыпанный на пол песок и вдобавок затоптали ноги многочисленных посетителей святилища. – Вот я и узнал, как ты выбралась из города. Я последую за тобой!

Юный маг совершил пару пассивных руками, сплетая нужное заклинание, и произнес несколько отрывистых фраз. А когда, послушный его приказу, тяжелый каменный люк немного приподнялся над полом, Джайлз гибко изогнулся и ловко юркнул в открывшийся перед ним лаз потайного подземного хода...

Путешествие по подземелью оказалось занятием довольно простым и чуть ли не скучным. Ловушек нет, из-за угла никто не нападает, под подошвами обуви мирно поскрипывает песок, а свет факела приветливо освещает ровные каменные стены. Знай себе шагай да шагай... От накопившейся усталости, сытого желудка и пережитого стресса Джайлз неодолимо хотел спать. Он уже подумал, а не завалиться ли ему куда-нибудь в уголок, чтобы соснуть часок-другой, как коридор внезапно вывел его на развилку, украшенную несколькими табличками. Юноша долго колебался, выбирая один из проходов, но потом остановился на «Серой долине», направляемый своим непогрешимым чутьем чародея, ибо от этого названия ощутимо веяло магией. Он решительно выровнял пламя факела, кулаком протер слипающиеся глаза и зашагал дальше, периодически клюя носом и позевывая.

Выложенный кирпичом коридор сменился узким проходом, прорубленным в монолитном каменном массиве. Свежий воздух приобрел затхлый привкус, а свод буквально давил на плечи, заставляя молодого мага чувствовать себя весьма неудобно. Нет, Джайлз никогда не был трусом, но, как говорится, в жизни так много сомнительных радостей, что лучше с ними не связываться. Вот и этот поход стал еще той радостью... А вдруг как рухнет,

а вдруг как завалит? Сомнительно, конечно, но чем Неназываемые не шутят? А все хулиганка Йона виновата, ведь это она его сюда направила! Может, по причине своей детской непосредственности малышка полагала, будто все чародеи просто обожают подземелья по примеру летучих мышей, которых часто используют для приготовления магических снадобий?

Нет, рассудком Джайлз, конечно, понимал, что Йона тут совершенно ни при чем, но все же ему было очень страшно и он подсознательно пытался найти крайнего, в полной мере ответственного за его постыдные переживания. Нелегко признаваться в собственных слабостях, гораздо легче взвалить свою вину на кого-то другого. На ребенка, кстати, не очень-то красиво взваливать свои грехи, но за неимением иного варианта сойдет и этот. Легкие юноши то раздувались на манер кузнечных мехов, то слипались от недостатка воздуха, а кровь то закипала в жилах, то прилиwała к полному желудку, вызывая едва сдерживаемые рвотные позывы. Джайлз всяко-разно поминал вредную девчонку, не сумевшую или не захотевшую выбрать более удобную дорогу из Блентайра. Уж он ее еще встретит, уж он ей такое выскажет!.. Поговаривают, будто биологический возраст мужчины определяется тем, что именно сжимается у него при слове «дети»... Да, сегодня Джайлз в полной мере осознал справедливость меткого замечания, ибо то, что сжималось у него, находилось весьма далеко от сердца...

И вот в тот самый момент, когда Джайлз обреченно отбросил потухший факел, приходя к выводу, что туннель не имеет выхода, а сам он обречен провести в нем остаток жизни, впереди неожиданно замаячил тусклый серый свет. Мысленно благодаря бога Шарро, вскрикивая от радости, обдирая локти и колени, юноша сломя голову ломанулся к вожделенному свету и, загнанно хрипя, кулем вывалился на площадку, обрывисто нависающую над утопающей в тумане долиной. Немного передохнув, Джайлз перекусил остатками мяса, запив немудреную трапезу глотком воды, скопившейся в расщелине между камнями.

Наклонившись, он обнаружил импровизированные ступени, сложенные из грубо обтесанных валунов и ведущие прямоком в долину. Грохоча подошвами и выбивая искры, возникающие от резкого соприкосновения укрепленных на каблуках подковок и мелкого гравия, усыпающего примитивную лестницу, чародей довольно быстро спустился в долину, по колено погрузившись в укутывающий ее туман. Все вокруг буквально пропиталось магией, причем магией совершенно иного свойства, чем та, которой владели человеческие чародеи. Обладая темной и враждебной природой, она несла на себе признаки глубокой старости, значительно ослабившей ее воздействие, но еще не искоренившей ее полностью. И даже этих жалких остатков стало достаточно для того, чтобы его звезда потускнела и как бы заснула, а сам Джайлз начал воспринимать себя слепым и беззащитным котенком, беспощадно брошенным в ведро с водой. Он барахтался, барахтался – не тонул окончательно, но и никак не мог выплыть на поверхность этого вязкого марева, облепившего его, словно кисель, связавшего по рукам и ногам.

Он медленно пробирался дальше, натужно переставляя жутко отяжелевшие ноги, а каждый шаг давался ему с невероятным трудом, заставляя ежесекундно постанывать и вздрагивать. Сапоги вязли в мягкой серой траве, мерзкой и безликой, будто погребальный покров. Ему беспрестанно мерещились чьи-то звучащие в отдалении голоса: хохочущие, всхлипывающие и перебивающие друг друга. Он понимал, что они уговаривают его остаться. Соблазняют, запугивают, убеждают, повелевают. И словно несмолкающий припев, над долиной плывут одни и те же страшные слова: «Ты отсюда не выйдешь!» Но однако это оказалось еще не все, ибо чуть левее нежданно обозначилось присутствие чего-то совсем ужасного, сонного и липкого, ассоциирующегося в его воспаленном воображении с разверстой могилой, где клубилось нечто неизбывное, совершенно не поддающееся осмыслению...

Джайлз загнанно дернулся, приказывая себе не останавливаться. Он понимал, что если остановится и замрет, – это смерть. Голоса настигнут, выпьют душу и пожрут плоть, утянув

ее под слой могильного дерна. И он уже почти справился с их чарами, он уже бежал, с ликующим чмоканьем наступая на болотные кочки, как вдруг среди этой однообразной серости он различил нечто яркое, схожее с лучом Сола или с полосой раскаленного металла. Он замедлил бег, вытянул шею, взгляделся пристальнее и охнул от восторга...

Криво воткнувшись между камнями, из почвы Серой долины торчал меч сказочной красоты, выкованный из красной стали и сияющий крупными рубинами, венчающими массивную рукоятку. И по какому-то наитию, по какому-то прозрению Джайлз сразу понял, чем может, а точнее, чем должен быть этот невероятный по красоте клинок. Да-да, именно им, одним из двух легендарных мечей давно погибшего короля Арцисса! Чародей широко распахнул изумленные глаза и жадно потянулся за легендарным оружием, которое безуспешно искали все поколения человеческих магов Звездной башни. Его искали все, а нашел – он! Но в тот же самый миг земля под ногами просела, Джайлз беспомощно вскрикнул и полетел куда-то вниз. А затем он испытал сильный удар, боль разлилась по телу, в глазах потемнело, и его сознание померкло...

Я пробудилась на рассвете, продрогшая и невыспавшаяся. Все ночь мне грезился Джайлз, сначала ползущий по какому-то узкому проходу, причем ругающий меня на все корки, затем бредущий по щиколотку в сером киселе, а потом – падающий в пропасть. В этот трагический момент я и проснулась... На душе было мутно, в голове – тяжело, а во рту – кисло. Тягуче ныло в груди. Будто я накануне перебрала хорошо выдержанного вина, что на самом деле ничуть не соответствовало действительности. Я понимала, что мое состояние вызвано беспокойством. Но отнюдь не за себя, а за него – далекого, безмерно дорогого мне друга. Хотя, пожалуй, за себя мне тоже стоило бы волноваться...

– Плохо, да? – Ребекка сочувственно заглянула мне в глаза. – А может, ну ее, эту Пустошь? – Она торопливо прикусила губу, осознав, что ляпнула глупость.

– Не «ну»... – Я упрямо помотала всклокоченной нечесаной гривой волос и потянулась за одним из деревянных кубков из скарба степняков, разложенного на кошке возле потухшего костра: – Воды налей, пожалуйста...

– Простая вода – самое лучшее средство от тоски и печали, – наставительно сообщила воительница, развязывая бурдюк и наполняя кубок. – Две капли воды на стакан самогона – и все как рукой снимет!..

– Ханум не только прекрасна и находчива, но и умна! – Один из стариков бесшумно подкрался к нам, поминутно оглядываясь на все еще позевывающего на своем спальном месте шейха, и поклонился. Я подняла глаза, пытаюсь разглядеть его лицо, полускрытое дорожным бурнусом. Занятие оказалось совершенно бесполезным. Складки мягкой ткани затеняли все, лишь в самой их глубине испытующе поблескивали черные зрачки, круглые и мудрые, как у совы.

– Это для ведуньи. – Старик высыпал на кошму с полсотни странных наконечников из черной бронзы. – Заплети ее волосы в десятки тонких косичек икрепи ими.

– Зачем? – удивилась лайил, с бряцаньем пересыпая с ладони на ладонь мелкие украшения.

– Тогда Наг примет ее косички за тела своих сородичей и не станет за них хватать, – степенно пояснил мой благодетель.

– Почему вы мне помогаете? – Я выжидательно прищурилась, почему-то испытывая необъяснимое доверие к этому человеку.

– Законы степи просты, но справедливы и диктуются самой жизнью. – Старик чинно сложил руки на груди. – Жаль, что жизнь так жестоко обходится с моим народом. Мы умираем – у нас мало женщин и почти нет детей. Но вчера ты, ведунья, помогла всем нам, а сегодня я помог тебе. Мне пришлось поторопиться, ибо, возможно, завтра я уже не смогу вернуть этот долг чести.

– Ну да, завтра мы уйдем! – Ребекка достала из сумки гребень и принялась расчесывать мои длинные волосы, умело заплетая их в косички.

Старик ничего не ответил.

– Или умрем, – правильно расшифровала его молчание я.

– Вот Тьма! – У воительницы сорвалась рука. – Чтоб их всех мантикора три раза переварила!

Степняк положил свою морщинистую длань на мое левое плечо, и из его пальцев будто хлынул поток тепла, обволакивая меня изнутри.

– Я мужчина, а вас обеих Неназываемые сотворили женщинами, хотя у тебя крепкие мускулы, добрая душа и отзывчивое сердце! – негромко заговорил он, обращаясь лишь ко мне. – Несправедливо, если вы погибнете, как того желают богиня Банрах и ее верный слуга шейх Самир. Но мы, дервиши, не приветствуем убийства и приставлены к великому Нагу для того, чтобы поддерживать в порядке его жилище и следить за справедливым ходом испытания. Вы, женщины, частенько бросаетесь не в свои игры, и ладно бы это касалось одного только утоления присущего вам воинственного начала. Нет, вы пытаетесь отнять у мужчин их роль, а ведь мир не терпит нарушения равновесия между полами.

– Вот и я так же говорю, – одобрительно проворчал подслушивающий старика Беонир. – Женщина мужчину сначала окрыляет, затем – окольцовывает, а после – ошипывает!

– Я тебя не понимаю, почтенный дервиш! – Я и в самом деле силилась уследить за полетом его мысли, но у меня ничего не получалось.

– По древним верованиям, гармоничное и по возможности полное воплощение двух начал, мужского и женского в одном, приближает личность к божеству. Это первая стадия. Далее существо, совместившее в себе лучшие качества мужчины и женщины, становится непревзойденным магом и воином, – продолжал внушать старик, пытаясь достучаться до моего сознания. – Ясно?

Я недоуменно пожала плечами, намекая, что как-то не очень ясно. Ой, что-то старик мутит, может, ему тоже ночью кошмары снились? И ведь не терпелось ему: поднялся ни свет ни заря, приперся, пристал с нравоучениями. Вот уж точно: кто рано встает – тот всех достает!

Дервиш разочарованно вздохнул, досадуя на мою тупость, и, тяжело волоча ноги, побрел прочь. В его сгорбленной фигуре проглядывала философская покорность судьбе. Я сосредоточенно хмурила брови, тщетно пытаясь постигнуть скрытый смысл его слов. Мне почему-то казалось, что именно в правильном понимании мудрости дервиша и лежит верный путь к победе над Нагом. И я почти преуспела в своих ментальных изысканиях, но мне помешали...

– Вы готовы приступить к обряду, путники? – Мои размышления некстати оборвал подошедший шейх аль-Фарух. – Если да, то выступаем. Оставшуюся часть пути мы преодолеем пешком. А ты, – его палец требовательно указал на меня, – оставь здесь все свое оружие. Обряд не предусматривает применение мечей или ножей.

Ребекка и Беонир бурно протестовали, пытаясь оспорить распоряжение шейха, но я знала, что тот не уступит. Я послушно разоружилась, сложив на кошму стилет, Лед и сумку Лаллэдрина. При себе я оставила только спрятанную под рубашкой Звезду моей души, нить с тремя жемчужинами и веру в собственные силы. Интересно, это много или мало? Ах да, еще я предусмотрительно прихватила с собой некий вяло шевелящийся мешок, не вызвавший у шейха никаких нареканий. Наверное, обреченной на смерть дурочке простительны любые причуды.

Мы цепочкой следовали за размеренно шагающим степняком, ведущим нас по направлению к тому самому холму, за который давеча садился Сол. Сверля взглядом широкую спину шейха, я пыталась разгадать его ближайшие замыслы. Меня мучило резонное сомнение: а ну как он при любом раскладе не пропустит нас в Пустошь? Мое дальнейшее продвижение в глубь Лаганахара совершенно не входит в планы змееликой. Нет, конечно, собственный успех – это очень хорошо, но и чужой провал – тоже неплохо. Совершенно ясно: Банрах рассчитывает на то, что я не справлюсь и оплошаю. И все же...

Допустим, я сумею поцеловать Нага... Что в этом случае предпримет шейх – пропустит

нас в пустыню или постарается остановить каким-либо иным способом? Блуждая мыслями в потемках неопределенности, я неожиданно вспомнила запруженную людьми площадь Блентайра и мимолетный урок Джайлза. О да, видимо, недаром молодой чародей явился мне сегодня во сне, стремясь установить ментальную связь между нами. Я помню, как Джайлз поучал, что нужно научиться управлять людьми. А это значит, необходимо выяснить, в какой именно ситуации они будут поступать так, как это нужно тебе. И следующий шаг – создай в реальности конкретно те обстоятельства, при которых их поступки принесут тебе наибольшую пользу. Думаю, в этом и заключается суть управления людьми.

– Мы пришли! – торжественно провозгласил шейх, резко останавливаясь. После этого Самир поднес к губам серебряный свисток, висящий у него на шее, и дунул, извлекая из изящного предмета тонкий пронзительный звук.

Я недоуменно озиралась по сторонам, ожидая обнаружить если не храм, то хотя бы какой-нибудь алтарь или жертвенник, но не находила ничего подобного. Оказалось, что шейх привел нас к холму, вблизи оказавшемуся куда более высоким и четким по форме, чем он выглядел издали. В основании холма обнаружилось неровное отверстие – темный лаз, уходящий куда-то вглубь, в самую его сердцевину. Перед входом в пещеру имелась круглая, основательно утоптанная и заботливо посыпанная песком площадка.

– Куда это мы пришли? – недовольно скривилась нетерпеливая Ребекка. – Я ничего не вижу.

– Замолчите и ждите! – гневно приказал шейх. – Никто не смеет нарушать священную тишину этого места.

Мы покорно жарились под горячими лучами нестерпимо палящего Сола и ждали. Время тянулось невыносимо медленно. Тишина стояла такая, что я слышала ток крови у себя в венах. Или, возможно, я просто выдумала этот едва уловимый, однообразный звук? Я напряглась, вслушиваясь в оглушительную тишину...

Через пару секунд мои сомнения рассеялись окончательно. Нет, я вовсе не придумала этот еле различимый вибрирующий шорох, напоминающий трение песчинок, пересыпающихся в стеклянной колбе песочных часов: он существует на самом деле, вне моих желаний и опасливых предчувствий. Видят Неназываемые, я никогда не стремилась причинить вред другому существу, разве только в целях самозащиты, но сейчас мне придется отказаться от своих прежних принципов и тактики поведения, ибо зловещий шорох приближается, становясь все более явственным и громким... Поговаривают, будто беда имеет привычку подкрадываться к нам беззвучно. Но сегодня я убедилась в ошибочности данного утверждения!

– Слышишь? – Беонир испуганно схватил меня за руку.

– Да! – подтверждающе кивнула я. – Это он!

Внезапно Ребекка, стоявшая впереди нас с Беониром и потому находившаяся непосредственно возле входа в пещеру, громко вскрикнула от ужаса и омерзения, рефлекторно схватилась за рукоятки своих акинаков и грациозно отпрыгнула назад. Шейх издал ехидный смешок и молитвенно упал на колени. Беонир потрясенно охнул и закрыл ладонями побелевшее лицо. Что же их так напугало? Я едва успела задать себе этот вопрос, как тут же получила очевидный ответ: в глубине подземного лаза возникли две светящиеся красным огнем точки, схожие с раскаленными угольями. Мне не составило особого труда догадаться, что из-под земли к нам движется нечто живое...

Мои глаза, обращенные к неведомому противнику, сделались узкими, словно бойницы осажденной крепости. Между тем завораживающий свист становился все громче, и тут мы поняли, что через мгновение столкнемся с самой смертью, надвигающейся на нас из недр холма.

Да, именно так, столкнемся с неотвратимой гибелью, ниспосланной на нас злодейкой судьбой. Причем на сей раз коварный фатум явно не поскупился на выдумку, выставив против нас истинное порождение Тьмы, открыто явившееся в своей самой жуткой и первозданной форме...

Глава 3

«Время летит так быстро, что людям невольно приходится уповать на вечность...» Эту мудрую фразу Джайлз еще в отрочестве с удовольствием заучил наизусть, вычитав на странице одного из тех старинных трактатов, коими во множестве владела его учительница сьерра Шианас. И, говоря откровенно, доселе ни разу в жизни у него не возникало повода хоть сколько-нибудь усомниться в правдивости этих красивых слов. Но так дела обстояли раньше, а сегодня...

Молодой чародей открыл глаза и сразу же застонал от чудовищной боли, намного превосходившей всяческие мыслимые пределы. Оказалось, что падая в пропасть, открывшуюся в почве Серой долины, он каким-то образом умудрился застрять между двумя огромными камнями, намертво защебившими кисть его правой руки. Следовало признать, что ситуация складывалась хуже некуда, ибо маг практически парил в воздухе, всем весом своего поджарого, но довольно мускулистого тела повиснув на защемленной кисти, и являвшейся источником той страшной боли, которая терзала сейчас его плоть. О да, Джайлз почти висел, ведь лишь только самыми кончиками обутых в сапоги ступней он неустойчиво опирался на нечто тонкое, скользкое, длинное...

Прикусив нижнюю губу, теряясь в противоречивых догадках и пытаясь совладать со своими чувствами, Джайлз недоуменно скосил глаза вниз... Выяснилось, что он чисто символически стоит (если это слово вообще подходит для описания столь рискованного положения) на том самом клинке, который и явился причиной его падения. Волшебный меч почти до половины своей длины наклонно вонзился в стену провала и теперь ненадежно подрагивал под весом Джайлза, грозя вот-вот сдвинуться со своего места. Юноша потрясенно охнул и, боясь даже дышать, дабы не сверзиться с этой шаткой опоры, перевел взгляд выше...

Его правая рука, по какому-то злодеянию судьбы втиснутая меж камней, потемнела почти до черноты и ужасно отекала. Боль усиливалась с каждой минутой, практически сводя Джайлза с ума. Он попробовал воспользоваться магией, но тут же осознал абсолютную несостоятельность этого плана: чары Серой долины полностью блокировали его энергию, превратив довольно умелого мага в обычного беспомощного человека.

Стараясь не обращать внимания на терзающую его боль, юноша постарался придать себе наиболее устойчивую позу, сконцентрировавшись на руке. Он дергал и пытался прокрутить защевленную конечность, надеясь выдернуть ее из ловушки, но у него ничего не получалось. Камни держали крепко, похоже, не намереваясь отпускать свою измученную жертву. Затратив немало времени на бесплодные попытки, Джайлз затих и задумался. Сколько он еще продержится? Увы, он весьма слаб и его силы не бесконечны. Допустим, он и хотел бы уповать на вечность, но, к сожалению, не располагал столь неограниченным запасом часов и минут. Следовало признать, что его положение становится совершенно безнадежным.

Время тянулось невыносимо медленно. Тишина стояла такая, что Джайлз слышал ток крови у себя в венах. Или, возможно, он просто выдумал этот странный, едва различимый однообразный шум? Чародей напрягся, вслушиваясь в оглушительную тишину...

Через пару секунд его сомнения рассеялись окончательно. Нет, он вовсе не придумал этот еле слышимый вибрирующий шорох, напоминающий трение песчинок, пересыпающихся в стеклянной колбе песочных часов. Шум существовал на самом деле, вне его желаний и опасных предчувствий. Поговаривают, будто беда имеет привычку подкрадываться к нам беззвучно. Увы, сегодня Джайлз убедился в ошибочности сего утверждения! Мгновение спустя маг понял, что этот зловещий шорох издает клинок, медленно и неотвратно вываливающийся из своего крайне ненадежного крепления. Очевидно, что по истечении нескольких минут чародей лишится своей последней опоры и повиснет на руке, а волшебный клинок упадет ниже, в расщелину, и навечно канет в

небытие... Нет, Джайлз не мог допустить еще и этого несчастья!

Он шумно вдохнул, набираясь смелости, а потом оторвал ноги от клинка и, сложив ступни как бы в захват, сумел поймать ими меч в тот самый миг, когда тот полностью вывалился из почвы. Громко вскрикнув от напряжения, юноша согнул ноги в коленях, подтягивая их к груди, а затем молниеносно перехватил свою находку свободной левой рукой. Меч оказался неожиданно тяжелым и нереально теплым, словно его отковали не из металла, а из чего-то живого, одушевленного. Рукоять оружия удобно угнездилась в ладони мага, постепенно нагревая кожу и пальцы.

Джайлз ни минуты не сомневался в том, что сумел найти один из прославленных парных клинков Арцисса, созданных другом короля кузнецом Турраном из упавшего с неба железа. Этот меч, красный и горячий, словно сам огонь, получил имя Гром и, согласно легенде, обладал возможностью раскалывать горы и поворачивать вспять реки. Нужно ли говорить о том, как возрадовался Джайлз, обретя то, что безрезультатно искали целые поколения магов, но так и не сумели найти!

Между тем положение Джайлза все ухудшалось. Лишившись прежней опоры, он многократно усилил нагрузку на свою многострадальную руку, повиснув на ней кулем. Мысли тщетно метались в поисках выхода из сложившейся ситуации, но так его и не находили. А страшная боль все усиливалась, становясь всепоглощающей. Холодный крупный пот градом катился по вискам, во рту ощущался медный привкус крови, перед глазами расплывались красные круги, в голове гудело.

– Лучше бы я умер! – в голос закричал несчастный маг, скрежеща зубами. – Я больше не могу терпеть эту боль! – Его вопль превратился в нечленораздельный звериный вой, ибо Джайлз уже не контролировал свои эмоции. – Помогите! – из последних сил умолял он. – Йона, помоги мне!

Он в отчаянии замолк, не смея надеяться на удачу. Нет, ему никто не поможет, в том числе и Йохана. Она находится слишком далеко от него, а Серая долина полностью экранирует любой ментальный или магический призыв, без остатка гася каждый энергетический выплеск. «Не пора ли мне смириться и с достоинством принять надвигающуюся смерть?» – подумал маг, но тут произошло нечто совершенно необычное, заставившее сердце юноши судорожно забиться, ибо звук, долетевший до его уха, нес с собой надежду на спасение.

– Джайлз, слушай меня!

Маг моментально узнал голос Йоны, слабый и еле различимый, но при этом вполне реальный.

– Я с огромным трудом дотянулась до твоего сознания, поэтому не сумею долго поддерживать связь. Что с тобой случилось? – обеспокоенно спросила малышка.

– Я застрял! – виновато выдохнул чародей, обрадовавшись и поразившись мощи новых возможностей, обретенных девочкой. – Между камнями.

– Выбраться, наверное, нельзя, раз ты зовешь меня? – не предположила, а догадалась она.

– Это совершенно невыполнимо! – с горечью откликнулся юноша.

– Как ты застрял?

– Кистью правой руки.

– У тебя есть что-нибудь острое при себе?

Молодого чародея восхитила лаконичность и точность ее вопросов, хотя он уже понял, к чему она клонит, и мысленно ужаснулся.

– Да, – коротко доложил Джайлз. – Меч.

– Хорошо, тогда руби или режь! – не терпящим возражений тоном приказала Йона.

– Но я же останусь без правой руки! – возмутился юноша. – Я стану инвалидом, не смогу совершать магические пассы и...

– Плевать! – холодно перебила она. – Сейчас на это придется просто наплевать. Или ты решил там умереть?

– Нет! – протестующе завопил он. – Да... нет... – Джайлз путался в словах, впадая в панику. – Я не хочу умирать. Я не хочу быть калекой!

– Слушай меня! – снова потребовала она, а ее голос становился все тише, тая в отдалении. – Сейчас я возьму на себя твою боль, а ты не думай ни о чем, не теряй времени зря и руби. С остальными проблемами разберемся позже!

– Но... – снова начал он неуверенно. – Но...

– Мужчина ты или нет? – наигранно усомнилась Йона. – Если мужчина, то руби!

В голове у Джайлза помутилось. Он уже не ориентировался в пространстве и собственных мыслях, не понимая, где он находится и почему здесь оказался. Он совершенно запутался, то ли ему нужно последовать совету Йоны, то ли... Нет, никаких «то ли», ведь он не собирается умирать! Выбирать уже не из чего, пора действовать. А мир в бешеном темпе вращался вокруг Джайлза, будто в насмешку чередуя страх и смелость, верх и низ, жизнь и смерть...

Чародей обреченно взвыл, как загнанный в ловушку зверь, занес над головой крепко зажатый в левой руке Гром и наотмашь ударил им по своему правому запястью, вложив в удар всю доступную ему силу... Как и пообещала Йона, боли Джайлз не почувствовал. Каким-то краем сознания он уловил магический откат, беспощадно ударивший по его далекой спасительнице, и снова закричал, уже от стыда и горя. Она страдает вместо него!

Сверкающий клинок с хрустом врезался в руку юноши и засел в суставе. Струя темной крови фонтаном ударила в лицо, заставив чародея поморщиться. Он с усилием вытянул меч из раны и тут же ударил повторно. На сей раз все получилось: Гром успешно перерубил кость и плоть, отделив Джайлза от застрявшей между камнями кисти. На миг чародей испытал удивительное чувство, со стороны взглянув на часть себя, навечно от него отъединившуюся... А мгновение спустя Джайлз рухнул вниз, приземлившись в мягкую грязь, но при этом так и не выпустив из здоровой руки трофейный клинок. Он очень гордился собой, одновременно с этим скорбя о своей нынешней убогости. Да, он, безусловно, мужчина, но теперь уже не маг...

Последнее, что он осознал, это очередной всплеск боли, огненными искрами пробежавший по его обрубку с целью остановить обильное кровотечение и прижечь рану. Джайлз благодарно всхлипнул, понимая, что это Йона, где бы она сейчас ни находилась, еще раз позаботилась о нем, не позволив своему другу истечь кровью и умереть.

– Спасибо, Йона! – сбивчиво бормотал юноша, прижимая к груди слабо ноющую культю и барахтаясь в грязной луже на дне расселины, столь удачно смягчившей падение. – Прости, что я ничем не могу помочь тебе. Клянусь, я еще тебя отблагодарю...

Он кое-как выбрался на сухое место и, собственнически устроив щеку на теплом лезвии Грома, забылся глубоким исцеляющим сном...

Невзирая на весьма юный возраст, мне уже неоднократно приходилось сталкиваться со смертью лицом к лицу, но лишь сегодня, заглянув в ее полыхающие огнем глаза, я впервые поняла, как сильно не хочу умирать. Возможно, ничуть не сильнее, чем Ребекка и Беонир, но мне вполне простительно подобное заблуждение, ведь я еще так молода. Сколько же мне лет? Всего шестнадцать? Нет, скорее уже шестнадцать с половиной! Хотя, это «с половиной» звучит так смешно и неправильно! Уверена, что нужно говорить: «Мне почти семнадцать». Почти? М-да, странная штука – возраст. Зачастую мы вообще о нем не думаем, вспоминая о прожитых годах лишь в самых экстремальных ситуациях, позволяющих в полной мере прочувствовать нашу зрелость. Ведь зрелость человека проявляется не в чем ином, как в умении объективно проанализировать сложившуюся ситуацию и принять правильное решение, касающееся его последующих поступков.

Забавно, но единственное время в жизни, когда нам по-настоящему хочется стать взрослыми, – это детство. Именно детство вносит свои особенные прерогативы в наше еще несформировавшееся мышление, причудливо его корректируя. Если тебе меньше десяти лет от роду, то ты так сильно озабочен своим возрастом, что мыслишь дробями, в перспективе

округляя их в сторону ближайшего наибольшего числа. Допустим, сегодня тебе исполнилось четыре с половиной года. Не упусти это волнительное мгновение, ибо ты никогда уже впоследствии не скажешь о себе: «Мне тридцать шесть с половиной», но если сейчас тебе четыре с половиной, то, значит, ты имеешь право похвастаться: «Скоро мне стукнет пять». Вот в чем здесь смысл!

После празднования тринадцатого дня рождения с дробями почти покончено. Ты в ускоренном темпе прыгаешь с цифры на цифру и даже немножко дальше, сознательно преувеличивая свои года, свою самостоятельность и приобретенный жизненный опыт, на самом деле еще весьма скудный. В таком возрасте все мы хотим казаться кем-то другим, более сильным, значимым и мудрым. А если тебя спросят о степени твоей взрослости, то ты непременно надуешь важно щеки и пробасишь: «Мне скоро будет шестнадцать!» Не исключено, что тебе только тринадцать, но ведь будет же шестнадцать! А потом тебе исполнится и девятнадцать, и заветные двадцать один – пора установленной законом взрослости. Ого, вот ты уже и взрослый! Двадцать один – даже эти простые слова и то звучат торжественно!

Затем, как-то незаметно, ты перешагнешь через роковые тридцать и неожиданно почувствуешь себя чем-то вроде скисшего молока. Ничего приятного: первые седые волосы, морщинки, болезни, устоявшиеся вредные привычки и первые разочарования. В ком разочаровываешься, в себе? А что, собственно, в тебе изменилось? Разве у тебя нет повода гордиться своими достижениями, приобретенными навыками, твердым характером и успешной личной жизнью?

Сорок лет... Годы улетают, словно вспугнутые птицы. Куда они так торопятся? Ты вдумчиво задаешься этим серьезным вопросом, но прежде чем находишь ответ, рефлекторно дотягиваешь до пятидесяти. Пять десятков – это совершенно особенный возраст, время прозрения и осмысления, когда все сказки оборачиваются суровой реальностью, мечты рассеиваются, а начало подведения итогов напрашивается само собой. Как и зачем ты жил?

Но погоди, ты дожил уже и до шестидесяти. Не думал, не верил, что сможешь, но сумел. Ты обрюзг и облысел, обленился и забыл, что значит бегать. Но разве ты не стал мудрым, разве к твоим словам не прислушиваются, твои советы не ценят? Уважение окружающих – отнюдь не такая уж плохая цена за собственные ошибки, за все набитые шишки.

Ого, посмотри, ты набрал такую скорость движения, что уже натолкнулся на глобальную цифру семьдесят! Поздравляю, ты победил время, этого самого злейшего врага человеческого рода, ибо с нынешнего дня ты можешь позволить себе наплевать на года, ведь теперь твой личный счет идет на дни.

После восьмидесяти ты начинаешь оперировать циклами: подъем-завтрак, завтрак-обед, обед-ужин, ужин-сон... И так по кругу.

Но на этом этапе чудеса взросления вовсе не заканчиваются, ибо после девяноста ты начинаешь двигаться назад, к детству. Отныне тебе снова позволено все: манная каша, мокрые штанишки, леденцы на палочке, наивный взгляд и даже кокетливое: «Мне только девяносто два!» А затем происходит обновление, и все возвращается на круги своя. Ведь когда тебе переваливает за сто – ты вновь играешься с дробями, вспоминаешь свои четыре с половиной, и точно так же шепелявишь: «Мне – сто с половиной!» М-да, какая же, оказывается, загадочная штука – возраст...

А как поступить в том случае, если тебе суждено умереть в восемнадцать, двадцать пять или тридцать, не достигнув заветных ста лет? Нужно ли тогда скорбеть, считая свою жизнь неудавшейся или никчемной? Полагаю, что нет, ибо возраст души исчисляется не годами. Впрочем, самое здоровое решение заключается в том, чтобы в любой период жизни игнорировать все несущественные величины. Такие как возраст, вес и рост. Пусть они беспокоят врачей, ведь за это мы им и платим! Да, мы можем умереть в каждую минуту, а поэтому должны жить достойно!

Не трать свое время на недостойных друзей, ибо брюзги и подхалимы ослабляют нашу

силу воли. Не стой на месте ни буквально, ни фигурально, непрерывно стремись к чему-то, учись новому, выявляй непознанное. Получай удовольствие от простых вещей: хоть от красивого заката, хоть от случайной улыбки. Откройся навстречу миру – и тогда он ответно откроется навстречу тебе. Смейся часто, подолгу и громко, пока тебе не станет трудно дышать. Умей проходить через срывы, ибо они случаются у всех, даже у героев, королей и магов. Терпи, горюй, но всегда двигайся дальше. Знай, единственная личность, навечно неразлучная с тобой, это ты сам. А поэтому будь живым, пока ты жив!

Не знаю точно, что именно стало причиной столь парадоксальных выводов: обретенные ли мною знания или энергия, наполнившая два луча Звезды моей души. А возможно, то подала голос моя любовь к Ардену, вспыхнувшая, словно вторая звезда, путеводная, и такая же неугасимая. Не исключено также, что я банально повзрослела и научилась разбираться в людях, после того как обрела верных друзей. Теперь я знала, как часто нам приходится проходить через предательство и вражду, дабы получить награду в виде любви и доверия. Думаю, все из вышеперечисленных утверждений абсолютно справедливы. Да, я очень не хотела умирать, но перестала бояться смерти. Я научилась ценить каждый день, каждый прожитый мною миг, неповторимый и прекрасный. Мгновения вечности, безусловно, стоят того, чтобы я за них боролась. Жизнь ведь не измеряется количеством сделанных тобой вдохов, нет – она измеряется числом тех моментов, когда у тебя перехватывает дух!..

И вот с этой последней мыслью я бестрепетно шагнула навстречу смерти, медленно выползающей из недр пологого холма. Смерти, имеющей облик огромного серебристого змея, бесконечно вытягивающегося из темного отверстия узкого подземного лаза. Я только спокойно улыбнулась, рассматривая его тонкий язык, угрожающе извивающийся между ядовитыми зубами, его налитые кровью глаза и гибкое тело, по толщине превосходящее ширину моих плеч. У меня перехватило дыхание от ужаса и невольного восторга перед этой могучей тварью, и моя непроизвольная реакция обозначала лишь одно: я пока еще жива и не намереваюсь умирать! Ну, во всяком случае, не собираюсь в самом ближайшем будущем. Хотя...

– Чтоб тебя мантикора три раза переварила! – потрясенно выдохнула Ребекка, извлекая из ножен свои парные акинаки и пристально рассматривая все вытягивающегося из подземелья Нага. – Однако...

Но воительница не успела ничего предпринять, ибо подошедшие сзади дервиши беззлобно ухватили лайил под локотки и оттащили в сторону.

– Извините нас, уважаемая ханум, но это не ваше испытание! – вежливо, но непреклонно пояснил тот самый старик, который так старательно запудривал нам мозги нынешним утром. – Поймите, вы ничем не сможете помочь молодой ведунье, а просто помешаете.

Ребекка недовольно сплюнула себе под ноги, что-то бурча. Пусть и неохотно, но все-таки она признала справедливость приведенных степняками доводов.

– А ты, путник, какие шаги предпримешь, очутившись один на один со столь опасным противником, как наш змей? – Теперь дервиш обращался уже к Беониру.

Ниуэ виновато вздохнул и элегично хлопнул ресницами.

– Какие, какие... Большие! – Юноша беззвучно, какмышь, шмыгнул за спину воительницы и затих, явно не намереваясь вмешиваться в ход испытания.

Я усмехнулась, понимая, что осталась совершенно одна, предоставленная собственной участи. Как и тогда, несколько месяцев назад, в зале для проведения церемонии выбора учеников. Жаль только, что в тот судьбоносный день я даже не подозревала о том, в какие безвыходные ситуации способны завести сбывающиеся мечты... Впрочем, разве безвыходные ситуации бывают?

Негромкий свист отвлек меня от размышлений, свидетельствуя о том, что змей уже полностью выполз из своего укрытия и готовится к нападению. Приподнявшись на хвосте, Наг взирал на меня сверху вниз, а мне пришлось задрать голову к небу, дабы охватить

взглядом эту чудовищную махину, состоящую из гибкого позвоночника, поистине железных мускулов и ядовитых зубов. Интересно, возможно ли вообще выстоять в схватке с подобным соперником?

Наверное, змею просто прискучила моя нерешительность, потому что он вдруг дернулся всем телом и внезапно нанес быстрый удар, целясь головой точно мне в грудь. Ребекка и Беонир истошно завизжали, прекрасно понимая, что посредством такого выпада Нагу не составит ни малейшего труда прошибить толстую каменную плиту, а уж тем более – словно муху прихлопнуть тоненькую и слабую девочку. Плавным движением корпуса я уклонилась вбок, уходя с линии атаки. Наг, досадуя на свой промах, разочарованно всплеснул хвостом, отчего земля под моими ногами волнообразно всколыхнулась и загудела.

Несмотря на свой чудовищный вес, Наг обладал пружинной мягкостью движений, что делало его весьма опасным противником. Осознав безуспешность открытой тактики, чудовище решило действовать иначе. Свернувшись в клубок, змей принялся плавно покачивать из стороны в сторону чуть приподнятой вверх головой, сбивая меня с толку. Наскок мог последовать в любой миг, причем в непредсказуемом направлении. А посему мне приходилось постоянно и хаотично перемещаться на несколько шагов влево или вправо, не позволяя Нагу засечь момент моей неподвижности.

Следовало признать, что мое испытание превратилось в чрезвычайно длительную и изматывающую процедуру. Наг напал еще несколько раз, но столь же безрезультатно. Я же, пританцовывая, безостановочно кружила вокруг замершей на песке твари. Скорее всего, сейчас к врожденной ловкости эльфа прибавилась энергия, излучаемая Звездой моей души, делая меня практически недостижимой для выпадов змея. А он, в свою очередь, сноровисто увертывался от моих осторожных выпадов, избегая малейшего соприкосновения. И это продолжалось уже очень долго... Кстати, шейх Самир почему-то не озвучил норму времени, выделенную для проведения испытания, но полагаю, она далеко не безгранична. И вскоре мои самые худшие опасения подтвердились...

– К сожалению, я вынужден объявить, что наша уважаемая ведунья не справилась с предназначенным для нее испытанием! – категорично заявил аль-Фарух, поднимаясь с колен.

– Почему это не справилась? – взбунтовалась Ребекка, грозно наступая на шейха и таща на себе несколько дервишей, гроздью повисших на ее плечах. – Она ведь до сих пор жива!

– Да, но ее задание состояло отнюдь не в этом! – злорадно ухмыльнулся Самир. – Увы, эта симпатичная ведунья так и не смогла поцеловать Нага.

– Значит, он того не заслуживает! – непреклонно завопила лайил. – Посмотрите, да он же просто старый, лысый, длинный, толстый урод! А вы-то сами захотели бы с таким целоваться?

– Фу-у-у! – согласно протянул Беонир, демонстрируя непомерное отвращение.

– Э-э-э... – неподдельно озадачился шейх. – А при чем тут мы? Нам ведь не требуется попасть в Пустошь...

– И как же вы помешаете нам пройти в пустыню? – с издевкой в голосе спросила лайил, поднатуживаясь и стряхивая с себя половину стариков. – Ась?

– А вот как! – В руках у дервишей появились острые кинжалы.

– Ладно, ладно, угомонитесь, почтенные! – Воительница взглядом пересчитала обнаженные клинки, присовокупила к ним саблю шейха и примирительно улыбнулась. – Я же пошутила!

– Мы пошутили! – на всякий случай уточнил Беонир, снова прячась к ней за спину.

На мгновение все участники трагикомедии растерянно замерли, видимо, не будучи точно уверенными в адекватности своих последующих поступков. Но эту безмятежную сцену испортил всеми позабытый Наг, неожиданно взревевший дурным басом и бросившийся на меня. Возможно, самолюбивый змей не терпел безразличия к своей сиятельной персоне. А может, до него наконец-то дошел обидный смысл реплики, неосторожно высказанной всегда крайне несдержанной на язык Ребеккой. Что ж, полагаю, при подобной величине туловища тугодумство вполне простительно, ибо пока дойдет...

Но даже при этом факт остался фактом: Наг молниеносно метнулся ко мне... Я уже привычно развернулась на пятке, как вдруг до моего сознания донесся отчаянный ментальный призыв о помощи, исходящий от Джайлза, попавшего в беду и отделенного от нас невероятным расстоянием. Естественно, я тут же отвлеклась, почти полностью абстрагировавшись от того, что в данный момент происходило со мной. Необходимо было помочь погибающему чародею. Наш мысленный разговор занял не более пары секунд.

– Сейчас я возьму на себя твою боль, а ты не думай ни о чем, не теряй времени зря и руби. С остальными проблемами разберемся позже! Если ты мужчина, то руби! – вслух закричала я, немало шокировав окружающих меня степняков, а также своих друзей.

В следующее мгновение мое тело скрутил приступ жесточайшей боли. Не сдержавшись, я застонала и упала на песок. Наг воспользовался подвернувшейся возможностью, подхватил меня за талию и туго спеленал несколькими витками толстого хвоста.

– А-а-а, так нечестно! – дружным дуэтом завопили Ребекка и Беонир. – Мы так не договаривались!

– Во время испытания допустимы любые форс-мажорные обстоятельства! – хитро ухмыльнулся лучащийся самодовольством шейх. – Сейчас Наг сожрет вашу дерзкую ведунью, и все закончится...

Не в силах пошевелить даже пальцем, я равнодушно рассматривала огромные глаза змея, почти вплотную приблизившиеся к моему лицу. Мысленно я все еще была рядом с Джайлзом, заживляла его свежую рану и с облегчением наблюдала за тем, как он выползает из лужи. Да, его-то я спасла, а вот весь остальной Лаганахар...

Высунув длинный, раздвоенный на конце язык, Наг дотронулся им до моей щеки... Словно попробовал меня на вкус! Его правый передний зуб, весь желтый от покрывающего кость яда, коснулся моей кожи, чуть оцарапав. Странно, но я не испытала никакой боли, только ощутила спонтанно возникшую и все возрастающую слабость и оцепенение, сковавшее мои ноги и живот. Читая Книгу Преданий, я неоднократно сталкивалась с древними легендами, где упоминалось о том, что змеиный яд вызывает паралич, от которого жертвы тварей становятся нечувствительными, что позволяет монстрам пожирать их постепенно, день за днем, и при этом мясо добычи не портится.

– Если я умру, то ты умрешь тоже, только чуть позднее, – вразумляюще произнесла я, глядя прямо в красный глаз Нага. – Получается, что, сожрав меня, ты убиваешь всех: людей, себя, степь, идущих по ней верблюдов... Понимаешь? Всех без исключения!

Змей шокированно вздрогнул и воззрился на меня куда более осмысленно.

– Молодец, если понял. А теперь будь паинькой! – продолжала убеждать я. – Опустим меня на землю и разойдемся по-хорошему... – Но договорить я не успела, ибо мои слова прервал чей-то сердитый протестующий рев.

Все удивленно замерли, обернувшись в сторону постепенно нарастающего шума.

Оказалось, что источником невообразимых звуков является тот самый верблюд, на котором я ехала вчера. А сейчас пресловутый корабль пустыни ускоренно приближался к нам, на бегу смешно вскидывая все четыре мосластые ноги и хрипло блажа во все горло. Приоткрыв от изумления рты, кочевники оторопело рассматривали непонятно с чего взбесившееся животное, враз позабывшее о своей обычной невозмутимости. Догалопировав до нас, верблюд дерзко подскочил к остолебеневшему змею и – смачно плюнул тому в морду... Кочевники издали громкий вздох негодования, а отважный верблюд нахально задрал хвост и неторопливо затрусил обратно, всем своим видом давая понять: «Герой сделал свое дело – герой может уходить».

Недолго думая я одобрительно хмыкнула и громко чмокнула Нага в морду. Ошеломленная подобным позором тварь сдавленно пискнула отнюдь не по-змеиному и, признавая поражение, ослабила свои объятия. Я выскользнула из его чешуйчатого захвата и благополучно приземлилась на песок.

– Видели? Она его поцеловала! – радостно завопила Ребекка, тормоша восхищенно

хихикающего ниуэ, а затем и вообще в порыве вдохновения бросаясь ему на шею. – Йона прошла испытание!

– А-а-а, так нечестно! – протестующе заскулил шейх Самир. – Мы так не договаривались!

– Во время испытания допустимы любые форс-мажорные обстоятельства! – Ребекка дословно процитировала его же собственное изречение, не скрывая вполне уместного сейчас ликования. – Сейчас наша ведунья сожрет вашего хилого змея, и все закончится...

– Ну, насчет сожрет – это, пожалуй, перебор, – тихонько прошептала я, усилием воли пытаюсь справиться с нахлынувшей слабостью.

Но напуганный шейх не расслышал моего опровержения и в панике принял угрозу воительницы за чистую монету. Он рухнул на колени перед кровожадной лайил, умоляюще заломил руки и жалобно заголосил:

– Всемиловейшая ханум, умоляю вас, не губите нашего Нага. Он остался последним в своем роду, он одинок, нет у него ни жен, ни детей... Пощадите, проявите милосердие!

– Сиротка он, значит... – слезливо скуксилась Ребекка, проникнувшись сочувствием. – Бездетный! Совсем как я...

– Ничего подобного, – заплетающимся языком заявила я, чувствуя сильную боль от яда змея, смешавшегося с моей кровью и разливающегося по телу. – У него еще будут дети.

– От чего, от сырости, что ли? – не поверила лайил, смаргивая повисшие на ресницах слезинки.

– От них! – Я подобрала валяющийся на земле мешок, развязала его и высыпала к ногам повторно остолбеневшего (но теперь уже от радости) шейха целый клубок змеек. Надо заметить, что за время пути от Лиднейского болота эти барышни изрядно похорошели и подросли. Очутившись на песке, мои змейки слаженной гурьбой тут же устремились к Нагу и влюбленно обвилились вокруг его могучего тела.

– Где, где вы их взяли, спасительница наша? – всплеснул руками абсолютно счастливый шейх.

– А, долго рассказывать, – скромно отмахнулась я, любясь установившейся идиллией.

Даже не поблагодарив меня, Наг в шустром темпе скрылся в недрах холма, упоенно мурлыкая и унося с собой выводок невест. Думаю, месяцев через шесть из моих змеек получится отменный гарем, а следовательно, порода лиднейских змей не вымрет и продолжит жить в Лаганахаре, согласно замыслу Неназываемых. Ну а лично я, полагаю, не только совершила хороший поступок, но и полностью компенсировала весь моральный ущерб, нанесенный мною великому Нагу, впервые позорно расцелованному какой-то хилой девчонкой. Вот так-то!..

Нам вернули все наше имущество: сумки с провизией, бурдюк с водой, оружие и плащи. Кочевники благородно выполнили свое обещание. Они не стали противодействовать нашему походу в Пустошь, а равнодушно оставили нас на последнем островке своих степных угодий, предоставив нам возможность самостоятельно разбираться с грядущими неприятностями, без сомнения, затаившимися где-то впереди. На прощание шейх аль-Фарух низко поклонился мне, старательно пряча лицо, изборожденное морщинками от противоречивых эмоций. С одной стороны, степняк не чурался своеобразного кодекса чести и посему испытывал нескрываемое сожаление из-за того, что я, их благодетельница, добровольно направляюсь в пустыню, средоточие всех самых смертельных опасностей в мире. Ну а с другой, Самир едва сдерживал вздох искреннего облегчения, ибо хитроумная ведунья, сумевшая переиграть даже великого змея, навсегда покидала его владения. Уходила прочь, унося с собой все свои проблемы. А разве какому-то здравомыслящему человеку нужны чужие заморочки? Конечно, не нужны, вот то-то и оно...

Полузакрыв глаза, я расслабленно растянулась на плаще, брошенном на пожухлую траву. Меня беспокоило собственное самочувствие, совершенно не поддающееся тщательной диагностике. Благодаря знаниям, почерпнутым из Первой Книги, найденной нами в заброшенном эльфийском Лазарете, я прекрасно разбиралась в признаках сотни

болезней, распространенных в Лаганахаре, но симптомы охватившего меня недуга не подходили ни к одной из них.

Лекарская магия оказалась неспособна рассеять слепящие яркие точки, плавающие у меня перед глазами, а также избавить меня от тошноты и неудержимого онемения, охватившего конечности. Полагаю, что именно таким способом сказывалось воздействие яда Нага, попавшего ко мне в кровь. К счастью, полученная доза отравы оказалась совсем незначительной, и уж если я не умерла сразу, то придется уповать на целебную силу времени, просто обязанного постепенно нейтрализовать воздействие вредного вещества. Хотя подозреваю, что процесс моего поэтапного выздоровления займет не день и не два... Увы, придется набраться терпения и заставить себя буквально через силу идти вперед, не закликаясь на боли и пусть всего лишь частичном, но достаточно тягостном онемении рук и ног. Проанализировав свои ощущения, я решила отвлечься и принялась с интересом рассматривать окружающий нас пейзаж.

Степь заканчивалась в паре шагов впереди нас, обрываясь довольно внезапно, а далее начинался совсем иной ландшафт. Куда ни кинь взгляд, нигде не обнаруживалось ни одного холма, а единственными кустарниками стали те, что остались у нас за спиной. Зато повсюду здесь лежал песок. Но не мягкий и золотистый, как на побережье, а жесткий и крупный, смешанный с камнями и кусками соли. Едва заметная тропа, по которой мы шли ранее, исчезла, и теперь до самого горизонта перед нами простиралось то место, куда мы с таким трудом наконец-то добрались.

Эту безжизненную землю называли по-разному: страной Проклятых Ветров, краем Мертвых или обителью Зла, но чаще всего ее именовали коротко и емко – Пустошь. И не нашлось бы в Лаганахаре ни взрослого человека, ни ребенка, который не знал бы этого ужасного слова и не боялся бы его пуще смерти. Ибо то, что поджидало его в Пустоши, могло стать во сто раз хуже самых изощренных пыток и самой мучительной казни. Так нужно ли упоминать о том, насколько сильные сомнения терзали мою душу на подступах к пресловутой Пустоши, намекая на ошибочность принятого мною решения? Стоит ли вступать на территорию пустыни, ведя за собой безоговорочно доверяющих мне друзей, и подвергать наши жизни столь огромной опасности? «Конечно не стоит!» – внятно подсказывал рассудок. Но, к несчастью, другого пути у меня не было, ведь где-то там, впереди, меня ждала Звезда моей любви, мой незабываемый Арден...

Впрочем, полагаю, что размышления о нашей дальнейшей судьбе беспокоили только меня. Идя немного в стороне, Ребекка и Беонир вдохновенно ругались, не замечая ничего на свете. Судя по их покрасневшим лицам, предметом этой очередной (отнюдь не первой и, полагаю, далеко не последней) свары стали личные взаимоотношения. Да и что еще может настолько сильно взволновать красивую девушку и симпатичного юношу, до одури влюбленных друг в друга и при этом питающих ничуть не меньшую взаимную ненависть?

Вознамерившись утвердиться в своих выводах, я наострила уши и прислушалась, вникая в суть разговора, приобретающего все более эмоциональную окраску.

– Признайся, блохастый, – гневно допытывалась воительница, бесцеремонно ухватив Беонира за нагрудную отделку его щегольского жилета, – ведь давеча ты ржал вовсе не по причине победы Йоны, а лишь оттого, что я тебя обняла?

– Ну да, – не стал отнекиваться юноша. – Именно так. Нет, а что в этом такого?

– Что? – Лицо лайил налилось багрянцем искреннего возмущения. – Ах ты эгоист мохнатый, похотливый пес, извращенец проклятый...

– Извращенец? – Рот юноши изумленно округлился. – Да с чего бы? Ты же сама утверждала, что любишь меня?!

– Я? – взвилась девушка, тряся ниуэ как грушу. – Да ничего подобного. Наглое вранье и поклеп!

– Там, на Зачарованном берегу, ты призналась мне в любви! – напомнил ей Беонир.

– А, это... – Воительница небрежно отмахнулась, словно отметаая нечто несущественное. – Чего не скажешь в запале, перед лицом смерти. Я просто хотела сделать

тебе приятное. По-дружески! – Она интонацией подчеркнула последнее слово. – Тогда бы ты умер счастливым. Забудь, все это неправда!.. – Она цинично усмехнулась в лицо ошеломленному юноше.

– Да-а-а? – На бледного как полотно Беонира было просто страшно смотреть, таким убитым он сейчас выглядел. – Значит, ты у нас лгуныя и обманщица? И тебе наплевать на мои чувства? Милая... – Он умоляющим жестом обнял девушку за талию. – Милая, я тебе не верю!

– Эй, полегче на поворотах, блохастый! – в момент осадила его Ребекка. – А не много ли ты на себя берешь? – Она ехидно прищурилась. – Зря не веришь! Я тебе ничего не должна, ничего не обещала, а то, что обещала, уже выполнила. Мы в расчете! – Она ультимативно ткнула пальцем ему в лоб. – И убери от меня свои грязные лапы!

– Я все больше убеждаюсь в том, что слово «влюбляться» произошло не от «любовь», а от «бля»! – сквозь зубы процедил юноша, опуская руки. – Женщины – самые жуткие существа в мире: коварные, лживые, расчетливые...

– Быть женщиной очень интересно! – Ребекка победно вздернула носик, презрительно поворачиваясь спиной к униженному ею юноше. – Но очень трудно. А все потому, что в основном приходится иметь дело с вами, мужчинами, тупыми, злобными и вздорными.

Выпалив завершающую тираду, окончательно добившую несчастного влюбленного, она целеустремленно направилась ко мне, оставляя Беонира наедине с его горем и разочарованием. Губы девушки кривила печальная усмешка, свидетельствующая об ее истинных чувствах к этому юноше, которые она категорически не собиралась озвучивать. И кстати, мнение Беонира по этому вопросу ее тоже ни капельки не интересовало. Женщины вообще никогда не хотят слышать то, что думают мужчины. Женщины вообще хотят слышать лишь то, что думают сами они, но произнесенное приятным мужским баритоном. А с подобным эгоистичным подходом к проблеме взаимоотношения полов крайне трудно спорить!

Мне очень не хотелось выдавать свою сопричастность к произошедшей сцене, слишком интимной и касающейся только их двоих, поэтому я стерла с лица ироничную улыбку, откинулась на плащ и притворилась крепко спящей. Да и что тут поделаешь, если женщины зачастую ведут себя как упрямые дети, любящие говорить «нет». Ну а мужчины в ответ выказывают себя еще большими детьми, ибо воспринимают это слово всерьез... К тому же я прекрасно понимаю, как нелегко принимать любовь, идущую вразрез с многовековыми обычаями, традициями и верованиями. Наверное, такому необычному чувству нужна сильная встряска, экстремальные условия, способные выявить его истинную ценность и жизнеспособность.

Ребекка уселась рядом, заботливо пощупала мой лоб и неразборчиво помянула проклятого змея, желая ему поскорее попасть на романтический ужин с неизменной мантикорой, столь любезной сердцу нашей воительницы. Я широко зевнула и сделала вид, будто просыпаюсь. Внезапно где-то невдалеке раздался громкий верблюжий рев. Я приподнялась и заинтересованно завертела головой. Оказалось, что к нам рысцой приближается все тот же корабль пустыни, уже вмешавшийся сегодня в нашу судьбу, а на его спине трясется старый, тоже небезызвестный нам дервиш.

– Ведунья! – заполошно кричал старик, размахивая какими-то тряпками, зажатым у него в руке. – Умоляю, уделите мне минутку вашего внимания, уважаемая кади!

– Во горло-то дерет, дурень, будто у них там кто-то умер! – насмешливо буркнула Ребекка, пребывающая в крайне дурном расположении духа. – Если так, то туда им всем и скатертью дорога.

– Про дорогу я ничего вам не поведаю. – Дервиш, ухвативший лишь самый конец ее ехидной реплики, радикулитно сполз с верблюда и беззубо улыбнулся. – Но я могу помочь вам не умереть...

– Вот тебе и на! – Воительница потрясенно раскрыла рот. – А с чего вы вдруг решили, будто мы собираемся умирать?

– Умирают все, – резонно заметил дервиш. – Но те, кто попадает в Пустошь, погибают намного раньше и гораздо более мучительной смертью.

– И почему? – настороженно осведомилась я, ничуть не вдохновленная подобной перспективой.

– Ветер! – туманно пояснил старик. – Ветер пустыни. Зарождаясь в недрах храма Песка, он насквозь пропитывается трупным ядом, а поэтому всего лишь за сутки убивает каждого, неосторожно ступившего на земли Пустоши и не защищенного магией богини Банрах.

– Ну, рассчитывать на милость змееликой нам явно не приходится, – откровенно призналась я.

– Понимаю! – торопливо закивал дервиш. – Именно поэтому я и принес вам наш прощальный дар.

– Тряпки? Зачем? – Ребекка недоверчиво пощупала тонкую ткань. – Слезы утирать, когда подышать станем?

– Подобный пессимизм ничуть не идет уважаемой ханум, – тоненько хихикнул кочевник, по достоинству оценивший черный юмор нашей язвы. – Нет, эти платки пропитаны определенной субстанцией, выделяющейся из желез, расположенных на голове Нага. Будучи повязанными на лицо с целью закрыть органы дыхания, они способны полностью устранить губительное воздействие ядовитого ветра! – Он с поклоном положил ко мне на колени три белых платка. – Ведунья, примите их вместе с благодарностью за вашу доброту!

Мы оцепенело таращились вслед отъезжающему дервишу. Видимо, не зря я уже как-то раз размышляла об эйфории от добрых дел, оказавшейся весьма заразным явлением. Напоследок я еще успела по-свойски подмигнуть верблюду, невозмутимо жующему свою вечную жвачку, и, клянусь жизнью Ардена, стала счастливой обладательницей его ответной, не менее дружелюбной ухмылки.

– Ну вот мы и пришли туда, сами не знаем куда... – Беонир, не принимавший участия в разговоре со стариком, хмуро изучал темно-фиолетовое небо без единого облачка, расстилающееся над нашими головами.

– Только не надо громких слов, ладно? – Ребекка упрямо мотнула косами. – И без того не слишком-то приятно тут стоять, так еще ты в патетику ударился. Йона, а ты уверена, что нам точно туда надо? – Ее палец указывал на Пустошь.

– Мне – точно! – тихо ответила я.

– Значит, и нам тоже, – подытожила лайил. – А что прикажешь делать с водой? Ты можешь ее создавать?

– Думаю, да. Но лучше, если у нас всегда будет немного в запасе, тогда я просто увеличу ее количество. Только... Куда же мы пойдем? Дороги-то нет... – Я задумчиво закрыла лицо подаренным платком, а Ребекка и Беонир тут же последовали моему примеру.

– Раз нет, значит пойдем туда, куда глаза глядят! – бесшабашно рассмеялась отважная воительница и первой зашагала по пустыне...

Глава 4

Вскоре выяснилось, что последовать совету Ребекки буквально и идти куда глаза глядят у нас не получается... Присыпанные песком холмики сменились огромными величественными барханами. Лучи огнедышащего Сола отражались от этих бескрайних желтых просторов, заставляя нас задыхаться от жары и поминутно утирать сильно слезящиеся глаза. Таким образом, видимость упала почти до нуля. Ядовитый ветер беспощадно сек кожу, неся с собой удушающий запах могильного тлена. Спустя пару часов такого изматывающего похода мы остановились, чтобы немного передохнуть и напиться.

– Кажется, мы заблудились, – с немалой долей уверенности предположила я.

– Без «кажется»! – поправила меня Ребекка, плюхаясь на ягодицы, стягивая с ноги

сапог и вытряхивая из него сыпучую струйку песка. – Проклятая Пустошь. Чтоб ее мантикора три раза переварила!

– Ну-у-у... – Беонир тайком покосился на сердито отплеывающуюся от песка лайил, порылся в своем вещевом мешке и вытащил свитки, подаренные ему Полуденными. – К сожалению, точных карт Пустоши никто никогда не рисовал. По вполне понятным причинам... А это так, – он снисходительно потряс пергаментом, – не настоящий документ, а скорее приблизительный набросок по памяти... К моему величайшему разочарованию, на нем нет никаких подписей, позволяющих установить личность автора работы. И жаль, ибо мне очень хочется узнать имя героя, сумевшего попасть в Пустошь!

Юноша бережно, словно величайшую ценность, развернул схематичную карту Пустоши и повернул пергамент так, чтобы мы смогли его рассмотреть.

– Хотя, если он побывал в пустыне, значит, и нам это по плечу! – уверенно улыбнулся ниуэ.

– После чего тот безымянный герой сдох... – скептически скривилась воительница, но послушно уставилась в свиток.

Карта охватывала довольно обширную территорию, начинающуюся от границы Блентайра. Зачарованное побережье оказалось обозначено старозельфийской руной «море», а жирная точка на юго-востоке обозначала, по-видимому, главный лагерь охотников в лесу Шорохов. Изломанный зигзаг на севере красноречиво очерчивал Белые горы, а вот все пространство свитка, судя по всему, и являлось самой Пустошью, где мы обнаружили четко прорисованный ромб со значком «змея» внутри. Больше никаких внятных обозначений на карте не имелось, а в центре имеющиеся невнятные, честно говоря, не очень-то помогали, весьма мало способствуя прояснению тумана, образовавшегося в наших головах... Короче, свободы выбора, столь любезной сердцу Ребекки, у нас, похоже, было хоть завались. Можно направо пойти, можно налево... Какая разница, где неприятности искать? А впрочем, свобода – она ведь состоит не в том, чтобы делать что захочешь, а в том, чтобы не делать то, чего тебе не хочется!

– Значит, нам нужно найти этот ромб и сориентироваться по нему. Что-то же он должен обозначать? – Беонир, кажется, стал единственным из нас, кто обрадовался этому зловещему знаку.

– Опять змея? – неприятно поразилась Ребекка. – А может, хватит с нас уже змей?

Беонир бессильно пожал плечами, давая понять, что он тут ни при чем.

– Мне это не нравится... – откровенно призналась Ребекка. – Мне категорически не по нутру здешний омерзительный запах и кое-что еще... Я как будто слышу тихую, зовущую вдаль песню, звучащую где-то там, глубоко у меня в мозгу. Но слов не разобрать... И мне это очень не нравится!

– Не знал, что у тебя есть мозги! – хмыкнул Беонир.

– А вот у тебя совершенно нет чувства юмора, – не осталась в долгу лайил, мстительно пиная юношу по лодыжке. – У-у-у, дурак блохастый!

– Юмор бывает блестящий и матовый, – резонно заметила я, ни к кому конкретно не обращаясь. – Причем последний более доходчив.

Ребекка и Беонир виновато засопели носами, признавая, что вновь чуть не затеяли очередную свару.

– Гм... Нравится – не нравится, молчи, моя красавица! Выбора-то нет, – наконец спокойно изрек ниуэ, делая вид, будто все у нас в порядке. Он заботливо скатал карту и упрятал ее обратно в мешок. – Предлагаю идти строго на север. Обещаю, через пару дней мы обязательно выйдем к этому ромбу, чем бы он в итоге ни оказался.

Едва лишь нам удалось немного углубиться в Пустошь, как дующий из ее центра ветер усилился и стал более горячим. Он заставлял песок взмывать в диком танце, поднимаясь почти на высоту человеческого роста, а его нескончаемые порывы заметно тормозили наше и без того медленное продвижение. Ноги чуть ли не по колено увязали в сыпучих склонах барханов, ставших настоящим испытанием не только для обуви, но также и для наших мышц

и нервов. И даже невзирая на платки, прикрывающие наши лица, вездесущий песок залетал в нос и уши, глаза все время щипало и кололо, а скулы, казалось, царапали тысячи мельчайших бритвочек. Завернувшись в плащи и низко склонив головы с глубоко надвинутыми на лбы капюшонами, мы медленно брели по пустынному бездорожью. Настроение упало до нуля, тяжким грузом сожаления надавливая на наши уныло поникшие плечи. Да, мы предполагали, что будет трудно. Однако не предполагали, что настолько...

Разговаривать не получалось, ибо даже едва приоткрытый рот немедленно оказывался полон песку, и поэтому я лишь изредка поднимала голову, чтобы взглядом найти спину шагающего впереди меня Беонира, и сразу же опускала ее обратно. Эти краткие моменты обзора позволили мне составить весьма приближенное представление о том месте, где мы очутились. Безжизненное пространство пустыни тянулось до самого видимого горизонта. А единственной достопримечательностью нашего пути стали убогие, засохшие много столетий назад кустарники, которые ветер отчего-то не спешил вырывать из земли, да еще редкие зеленовато-бурые растения, усыпанные колючками, названия которых я не знала. Ни одной птицы, ни одного животного не встретилось нам в течение этого первого дня странствий по странно мертвой, негостеприимной земле Пустоши.

Когда на небе зажглись блеклые звезды, мы решили остановиться на ночлег, но упрямый ветер не последовал нашему примеру, даже не подумав утихнуть. Ужин получился невкусным, приправленным изрядной долей песка и маленьких камушков, а пить мы старались понемногу частыми, короткими глотками, очень быстро закупоривая после себя фляги. Выбрать место для лагеря оказалось проще простого: вокруг нас повсюду расстилалось одно и то же песчаное море без единого намека на жизнь. Завернувшись с ног до головы в плащи, мы не сговариваясь тихонько улеглись рядом друг с другом и мгновенно заснули.

Во сне мне показалось, будто кто-то надоедливый настойчиво гладит меня по спине и по рукам, проделывая это очень тихо, но как-то равнодушно, без малейшего сочувствия. Уже на рассвете меня внезапно разбудил громкий вскрик Ребекки. Девушка тяжело дышала, широко распахнув глаза, а на песке в шаге от нее лежало чье-то пронзенное метательным кинжалом туловище, обладающее бесчисленным множеством уродливых конечностей и непропорционально маленькой головой, из которой торчало нечто острое, издали напоминающее лезвие зазубренного серпа. Животное было маленьким, плоским, не имело хвоста и полностью слилось бы с песком, если бы не темная жидкость с неприятным запахом, растекшаяся вдоль контура его безобразного туловища.

– Песчаная стоножка! – Беонир брезгливо отпнул эту гадость подальше от меня. – Жалом на голове эти твари прокалывают кожу своей жертвы и пьют ее лимфу, возмещая недостаток жидкости в собственном организме. Нам еще сильно повезло, что Ребекка убила этого паразита до того, как он успел присосаться к кому-нибудь из нас.

– Так вот они какие, – прошептала я, и меня сильно замутило при мысли о ночных «поглаживаниях». Кто знает, какое количество таких вот «гостей» прогулялось за это время по моему телу?

До самого утра никто из нас так и не сомкнул глаз...

Стоило нам снова тронуться в путь, как ветер неожиданно унялся, причем так незаметно, что мы продолжали идти с опущенными капюшонами по инерции довольно долго, прежде чем обнаружили сей погодный парадокс. Обрадовавшись возможности снять изрядно надоевшие плащи, мы начали было стягивать с себя лишнюю одежду, но в этот момент Пустошь вдруг ожила...

Сотни, тысячи, нет – мириады непонятно откуда появившихся крошечных существ яростно набросились на наши разгоряченные тела, выдвигая тонкие кривые челюсти и больно впиваясь ими в кожу. Суматошное размахивание руками не принесло никакой пользы – с нас ручьями лился пот, однако вредителей не становилось меньше. Мы снова поспешно оделись, но теперь даже плотная ткань плащей не могла защитить нас от укусов, ибо

оголодавшие насекомые легко прогрызали ее насквозь. Наступил полдень, но мы все еще не сдвинулись с места, безуспешно сражаясь с несметными полчищами крылатых кровососов.

Прокружившись вокруг собственной оси в течение нескольких часов, Беонир запутался, сбился с маршрута, и теперь он вовсе не был уверен, в том ли направлении мы продолжаем перемещаться. Распухшие от сотен укусов ноги отказывались переступить иначе, чем очень медленным шагом, а поэтому мне и моим друзьям скоро начало казаться, будто мы вовсе не движемся, а просто стоим, окруженные плотной завесой насекомых.

С приближением сумерек количество атакующих заметно снизилось. Немного воспрянув духом, мы, предельно измотанные и раздраженные, приняли логичное решение идти не останавливаясь до самой темноты, покуда хватит сил.

– Что это было? – вопросительно рычала лайил, обеспокоенно рассматривая многочисленные следы, оставленные на ее теле острыми челюстями летучих мучителей. – Я превратилась в уродину! Они же не кусают, а выгрызают из нас целые куски плоти!

– Кажется, саранча, – предположила я, магией заживляя ранения своих друзей. – Ну, та самая, которая производит манну небесную. Извините, но я не смогла отогнать их своими чарами. Напавшая на нас стая оказалась слишком большой и не позволила мне дочитать нужное заклинание...

– Забудь. – Ребекка облегченно вздохнула, любовно поглаживая свои руки, снова ставшие гладкими и здоровыми. – Всегда найдется тот, кто окажется сильнее, умнее или наглее тебя. Или даже тот, кто умеет летать выше и гадить больше... А бороться с таким соперником – бесперспективно.

Когда в полночь мы все трое буквально свалились на землю, Беонир снова достал карту и, шурясь в темноте, попытался навскидку определить наше местоположение:

– Если бы не эта мошकारа, то сейчас мы бы уже подходили к искомому ромбу.

– Не порть глаза, – заботливо порекомендовала ему лайил, ощупывая свое искусанное, но уже восстановленное мною лицо. – И как эти кровопийцы не распознали во мне свою?

– Ну какая же ты им своя? – Я с трудом разлепила распухшие губы и рассмеялась. Излечить себя я еще не успела. – Ты кусаешь только один раз за несколько недель, а они – бесконечно... Признаюсь, они довели меня почти до истерики!

– Тебя? – лукаво усмехнулся Беонир. – Ого, о таком подвиге они просто обязаны рассказать и своим детям, и детям своих детей!

– Ну-ну, не вешай нос, малышка! – Оптимизм Ребекки не поколебали даже свирепые насекомые. – Может, их сдует ветром.

– Уж лучше ветер, чем эти зверюги, ты права, – согласно кивнул Беонир и философски махнул на карту рукой, укладываясь на плащ. – Мы настолько отклонились от прежнего курса, что определить наш путь по звездам у меня не получается, и вообще я смертельно устал. – С этими словами юноша свернулся калачиком и задремал.

Мы же с Ребеккой, все еще живо помнившие стоножек, опасались лечь на землю, однако скоро усталость взяла свое: мы не выдержали и тоже уснули, предусмотрительно подоткнув плащи под себя настолько плотно, насколько это было возможным. Спасибо Неназываемым, этой ночью никто меня не гладил, однако мое лицо горело как в огне, а ступни и лодыжки ног стали словно чужими.

Утром небо оказалось затянуто облаками, но жара и не думала спадать. Насекомых осталось мало. Наверное, они жили в строго ограниченном районе и вылетать за его пределы отваживались лишь немногие, наиболее смелые или ненасытные. Я наполнила опустевший бурдюк водой, используя кувшин Лаллэдрина, но после этой нехитрой манипуляции почувствовала такую слабость во всем теле, как будто прошагала сутки напролет. Право же, последние дни оказались излишне богатыми на неприятные приключения... Шли мы не торопясь, потому что, несмотря на отсутствие ветра, сил у всех троих осталось совсем немного. Ох, если бы мне выпала возможность выбирать, то, пожалуй, я скорее предпочла бы брести по глубоким сугробам, нежели задыхаться в раскаленном воздухе пустыни, не имея возможности укрыться от зноя. Увы, но о зимних холодах нам теперь приходилось

только мечтать...

Полдень уже давно миновал, прежде чем мы заметили размытые контуры какого-то строения, смутно замаячившего на горизонте. С такого расстояния оно походило на мираж, казалось неустойчивым и сотканным из дыма. Ребекка решительно подняла руку, призывая нас остановиться.

– Предлагаю устроить привал здесь, пока мы не пришли туда! – Ее палец обличающим жестом указал на загадочное сооружение. – Из личного опыта я знаю: в таких местечках кого угодно можно встретить и может оказаться вовсе не до еды.

Мы с Беониром тут же согласились с разумными аргументами воительницы. Я чуть вымученно, ибо с трудом переносила такую безумную жару; а юноша, привыкший к разным неудобствам, – легко, со своей обычной и спокойной, всепонимающей улыбкой. Кажется, на сей раз мы даже не обращали ни малейшего внимания на вездесущий песок, хрустящий на зубах, потому как впереди наконец-то забрезжила долгожданная цель, ради достижения которой наша троица уже пережила столько всего страшного и опасного. Трапеза прошла в молчании и закончилась быстро – возможно, слишком быстро. Впереди нас ожидало неведомое...

Свои немногочисленные вещи мы собирали нарочито медленно и с невероятной тщательностью. Закинув на плечо сумку, я побрела по песку...

Песчинки настырно царапали носки моих сапог, давно уже утративших свой щегольской глянец. Песок присутствовал повсюду: сыпался из складок плаща, скрипел под перевязью меча, шуршал в волосах. Кажется, он набивался даже под веки, словно огнем сжигая воспаленные глазные яблоки. Песок – как же он мне надоел!

Я бездумно, по инерции наступила на округлый песчаный холмик и неожиданно чуть не упала, когда маленькая возвышенность вдруг некстати заворочалась у меня под ногой. Но ведь песок – не живой? Я изумленно отшатнулась назад и стала с любопытством наблюдать за происходящим. Испугаться я как-то не успела. Из-под сыпучей желтой субстанции неуклюже выбиралось нечто, или, вернее, некто странный, целиком состоящий из одной только головы. Этот орган, покрытый белесым пушком, опоясывала цепочка из круглых голубых глаз, под которыми находились какие-то кривые отростки, издающие едва различимый писк...

– Что это? – Я задумчиво обошла по периметру неловко барахтающуюся в песке «голову». – Оно такое от рождения или его тоже саранча погрызла?

– Огрызок! – со смехом подхватила Ребекка, упоенно шлепая ладонями себя по ляжкам. – Ой, вот умора-то! Блохастый, а ты чего не смеешься? – Она заговорщицки подмигнула напряженно замершему Беониру. – Да никак у тебя давешние кровососы чувство юмора напрочь отъели?

– Это ты у меня его отъела! – хмуро буркнул юноша. – И на твоём месте я бы поостерегся так глупо ржать. Боюсь, мы набрали на созревшую кладку самки тарантука и стали свидетелями процесса вылупления ее потомства из яиц.

– Ой, держите меня трое! – еще пуще зашлась в хохоте воительница. – Тарантуки – это не те ли мифические чудовища, коими ты пугал нас еще в Блентайре?

– Те! – обиженно поджал губы ниуэ. – И нечего высмеивать то, в чем не разбираешься!

– Зато теперь я знаю, в чем разбираешься ты! – ехидно поддела язва. – В головах без ног! – Она вытянула вперед свою стройную ногу и иронично ею помахала. – Ну, моих-то ножек тебе точно не видать как своих ушей. Хотя у того уroda и ушей-то нет... – Она икнула и обессиленно опустилась на песок, уже не в состоянии смеяться.

Я печально улыбнулась, томимая каким-то мрачным предчувствием.

– И тарантуки в самом деле так опасны, как ты пытался это представить? – спросила я. Беонир энергично закивал:

– Опасны, как големы, стеножки и саранча, вместе взятые. Или еще больше!

Я задумчиво нахмурилась.

– Что-то в глубине моей души подтверждает твою правоту. Но если это всего лишь новорожденный детеныш, – я с содроганием указала на все так же вяло ворочающуюся в песке «голову», – то какими же размерами обладает взрослая особь?

– Неимоверными! – картинно развел руки юноша. – Грандиозными, немыслимыми...

Я недоверчиво хмыкнула, подозревая, что ниуэ просто увлекся гигантизмом.

– Слушай, а у взрослых тарантуков есть уши? – Ребекка попила водички, оклемалась и снова взялась за свои излюбленные подколки. – А зубы?

– У них есть жвала! – нервно выкрикнул Беонир, уже доведенный до иступления колкими шуточками своей возлюбленной. – Ядовитые!

– А-а-а, даже так, – многозначительно протянула Ребекка. – Ух ты, страсти-мордасти какие! – И снова взалхлеб захихикала.

– Кажется, ты недооцениваешь тарантуков, – пришла к выводу я, наблюдая за возней детеныша. – Ноги у них тоже наличествуют...

– Да ну? – не поверила Ребекка и отвела взгляд от Беонира, переключив свое внимание на объект наших споров.

Выяснилось, что за время препирательств моих друзей новорожденный тарантук немного сориентировался в пространстве и обнаружил имеющиеся у него конечности, коими не замедлил воспользоваться по назначению. Пресловутых ног у тарантука насчиталось восемь штук, по четыре с каждой стороны головы – тонких, суставчатых, подгибающихся. Утвердившись на подкашивающихся подпорках, новорожденный уродец счастливо щелкнул своими подголовными отростками и зашагал ко мне. Подозреваю, отнюдь не с намерением познакомиться... Ростом он оказался с большую собаку, мне по пояс, и сильнее всего походил на паука, хотя пауков подобного размера я еще не встречала.

– Что ему понадобилось от Йоны? – с подозрением осведомилась лайил, придиричиво рассматривая целеустремленно ковыляющего паука.

– Вестимо что, – хмыкнул Беонир. – Есть он хочет!

– Еще чего! – возмутилась воительница, шустро задвигая к себе за спину мешок с провиантом. – Есть все хотят, а на дармоедов жратвы и вообще не напасешься. У нас продуктов мало осталось, самим не хватит.

– Думаю, его не интересует вяленая рыба, – с сомнением протянула я, берясь за рукоять Льда, ибо мохнатый малыш все ускорял и ускорял шаги, иногда путаясь в собственных ногах, но тем не менее упорно не сбиваясь с намеченного маршрута.

– Он намеревается подзакусить нами! – уверенно произнес Беонир.

– Еще чего! – рефлекторно начала Ребекка, но тут до нее дошел смысл последней фразы ниуэ, она выкатила глаза и гневно взревела: – Нами? Да чтоб его мантикора три раза переварила!

– Может и подавиться. – Беонир потихоньку пятился от наступающего на нас паука. – Ой!..

Вот именно – ой! Получилось так, что юноша проворно отпрыгнул в сторону, Ребекка все еще сидела чуть в стороне, и поэтому я осталась практически наедине с голодным малышом. Уж не ведаю, как именно функционирует пищеварительная система тарантука, но подозреваю: в том, что новорожденному существу сильнее всего хочется конкретно кушать, нет ничего особенного. Мысли паука не сильно разнились с моими, а поэтому малыш еще раз щелкнул зачатками жвал и прыгнул на меня, уверенный, что разом обрел в моем лице весь комплексный обед: и первое, и второе. Да, еще и компот в придачу.

Естественно, в мои ближайшие намерения никак не входила задача стать паучьим кормом. Как говорится, детей я люблю, но не до такой же степени! А посему я не менее резво отскочила вправо, неумело вытащила из ножен тяжелый Лед и довольно удачно им взмахнула, одновременно подрубив даже не одну, а целых две паучьи ноги. Новорожденный тарантук немедленно ткнулся головой в песок, завалился на бок и оглушительно завизжал, словно недорезанный поросенок. Недовольно поморщившись, Ребекка взвилась вверх, как распрямившаяся пружина, выхватила свои парные акинаки и за несколько секунд изрубила

раненого паука в крупный фарш, истекающий омерзительной зеленой жидкостью. Беонир восхищенно присвистнул:

– Ну ты даешь!

– Это комплимент или оскорбление? – нахально поинтересовалась лайил, но было заметно, что восторг юноши ничуть ее не расстроил. Она несколько раз вонзила клинки в песок, очищая их от паучьей крови: – Фу, какая гадость. С детства детей не люблю!

– А кого ты вообще любишь! – горестно вздохнул Беонир, скорее риторически, чем вопросительно.

– Йону, кровь, томатный сок, капустные кочерыжки... – охотно начала перечислять воительница, явно издеваясь над влюбленным в нее юношей. – А вот что я не люблю категорически, так это пауков и еще его...

Вдруг Ребекка застыла на месте, некрасиво отвесив нижнюю челюсть и растопырив пальцы, которые только что начала загибать. При этом указательный палец ее правой руки произвольно вытянулся куда-то вперед, указывая на Беонира.

– Мать его!.. – сдавленно выдохнула девушка, мертвенно бледнея. Ее зрачки панически расширились.

– Спасибо, очень мило с твоей стороны! – язвительно парировал ниуэ, приняв грубую фразу на свой счет. – Знаешь, я уже от тебя немало унижений снес, но такое, такое... Да подобное хамство вообще ни в какие ворота не лезет!..

– Мать его! – повторила лайил, глядя мне за спину.

– Ну хватит выражаться! – осуждающе поморщилась я. – Ребекка, мы уже поняли, что новорожденных ты не любишь...

Девушка посмотрела на меня как на идиотку, снова, видимо от возмущения, обрела способность выражаться связно и заорала во все горло:

– Придурки! При чем тут наш блохастый пес, при чем тут новорожденные! Вернее, он-то тут как раз и при том. Оглянитесь, к нам пожаловала его мать!

Мы с Беониром мгновенно обернулись и тоже заорали ничуть не тише нашей подруги, ибо из песка за моей спиной медленно понималось нечто исполинское, высотой со сторожевую башню Блентайра. Огромную голову твари венчали десятки красных глаз, жвала, размером не уступающие двум саблям, угрожающе щелкали, разбрызгивая капли желтого яда. Мощные ноги-колонны разъяренно разрывали песок, а толстое волосатое брюхо чудовища громко клокотало от несдерживаемого и, без сомнения, праведного гнева.

Осознание ситуации пришло ко мне мгновенно: Ребекка не ошибается – к нам и правда явилась матушка недавно убиенного малыша. Гигантская паучиха, переполненная желанием отомстить за загубленного ребенка, скорее всего, мирно дремала рядом с кладкой своих яиц и теперь пробудилась, разбуженная предсмертным писком прирезанного нами чада. Я испуганно охнула, обреченно понимая, что голодные рефлексy малыша – это просто ягодки по сравнению с природным оберегающим инстинктом его чудовищной родительницы. И вот сейчас эта самая «мать его» явно собирается продемонстрировать нам подлинную сущность своей материнской, воистину всепожирающей любви...

Утверждают, что всеми важными делами должны заниматься только профессионалы. Однако, вопреки этому здравому правилу, детей у нас делают все, кому не лень... Возможно, именно поэтому у нас столько раздолбаев?

Не уверена насчет детей, но вот уж что паучья «мать его» точно умела делать, так это драться! Издав трубный рев, тварь напружинила свои кривые волосатые ноги и прыгнула вперед, прямо на меня. Похоже, разъяренная мамаша вознамерилась не тратить время попусту, обременяя свой скудный умишко взвешиванием вины каждого из нас, а приняла самое простое решение – тупо убивать всех без разбору. Бесспорно, в этом поступке тоже имелась некая аномальная, но отчетливо прослеживаемая логика. А называлась она просто и коротко: «Вы мне за все ответите!»

К сожалению, с равноценным ответом у нас как-то не заладилось... Лишь вскользь задетая мощной паучьей конечностью, я тем не менее моментально отлетела шагов на десять

в сторону и неудачно хлопнулась на спину, со всего маху приложившись затылком о выступающий из песка камень. В глазах у меня помутилось, голову охватила дикая боль и, независимо от собственного желания, на несколько последующих минут я выпала из реальной действительности, погрузившись в беспамятство.

Я пришла в себя от череды резких гортанных вскриков, раздающихся где-то совсем рядом. С превеликим трудом приподняла с песка сначала голову, потом плечи, а затем неуверенно встала на ноги, пытаясь сфокусировать зрение на одном нечетко вырисовывающемся объекте. Правое веко нервно подергивалось, закрывая обзор, а в висках все еще присутствовали отзвуки недавней боли, звонкие, словно молоточки ювелира.

Постепенно плавающий перед глазами туман рассосался, и я обнаружила, что привлечшим мое внимание объектом является Ребекка, вприпрыжку перемещающаяся вокруг паучихи. При всей своей мощи и силе самка тарантука оказалась слишком тяжеловесным и глупым бойцом, не способным на равных состязаться с куда более ловкой и коварной лайил. Полагаю, отплясывая свою невероятную сарабанду, воительница намеревалась измотать неповоротливую противницу, и это ей почти удалось. Вернее, удалось бы в самом ближайшем будущем, если бы в эту и без того гадкую ситуацию неожиданно не вмешалась все та же мстительная злодейка-судьба...

Два невероятно быстро движущихся акинака прочертили в воздухе блестящую полосу и, прокрутившись в руках у Ребекки, подрубили черную паучью лапу. Тарантучиха заверещала, злобно щелкая жвалами. Спасаясь от веером разлетающихся капель яда, лайил грациозно перекувырнулась через плечо, уходя от ответной атаки твари. Паучиха недоуменно затормозила, на какую-то долю секунды потеряв из виду своего шустрого врага.

– Стреляй! – закричала Ребекка Беониру, взобравшемуся на соседний бархан и уже оттягивающему тетиву лука с наложенной на нее стрелой. – Целься ей в глаз!

Юноша согласно ухмыльнулся, а его согнутая в локте и отведенная к плечу правая рука сместилась дальше уха, заставив лук заскрипеть. Издав пронзительный свист, стрела совалась с тетивы, торопясь поразить цель... Но, к сожалению, в самый последний момент Беонир вдруг оступился и покачнулся так внезапно, будто земля неожиданно ушла у него из-под ног. Пройдя на пару ладоней левее паучьей головы, стрела впилась в песок, приземлившись в опасной близости от совершенно растерявшейся Ребекки.

Девушка собиралась было отругать незадачливого стрелка, но в этот миг... Беонир потерял равновесие, упал и скатился в яму, разверзшуюся прямо под ним. А из этого глубокого провала начали споро вылезать, пища и толкаясь, несколько новорожденных паучат. Осознав, какая новая беда грозит нашему другу, лайил громко закричала от ужаса.

– Йона! – умоляюще взывала она. – Сделай же что-нибудь, ведь его сейчас сожрут. Умоляю тебя, спаси Беонира!

«Кажется, я уже слышала нечто подобное! – рассеянно подумала я, потирая ноющие виски. – Вот только не помню точно, где и когда это происходило...»

Впрочем, времени на раздумья у меня не было. Ниуэ бестолково трепыхался в массе мохнатых тел, погружаясь в них, словно в болото, и дабы спасти невезучего юношу, мне пришлось действовать спонтанно, полагаясь лишь на сконцентрированную в звезде энергию, да еще на свои свежеприобретенные знания. Клянусь Неназываемыми, мне удалось удивить саму себя. Наверное, это пережитый шок сделал меня настолько смелой и раскованной... Может быть, даже излишне смелой. Я импровизировала опасно, но до каких-то пор удачно.

Я провела языком по растрескавшимся от волнения губам, сплела пальцы в знак «воздух» и силой ментального воздействия буквально выхватила Беонира из ямы с тарантуками, отбрасывая его далеко прочь. А затем я соединила ладони, создавая знак огня. С моих губ непрерывным певучим потоком лились соответствующие заклинания. Сферический язык пламени возник в центре сложенных чашей рук и, направляемый моим сознательным посылом, выплеснулся на паучат. Волосатые тела новорожденных тарантуков вспыхнули моментально, занявшись бурно и ярко, как сухой валежник. Ребекка торжествующе заулюлюкала, размахивая клинками. Но радоваться было рано. Паучиха, о

которой мы успели ненадолго забыть, гневно заскрежетала жвалами и, взмахнув одной из своих не пострадавших ног, нанесла мне прицельный удар в грудь...

Ощущение было такое, будто меня пронзили остро заточенным копьём. Сила удара оказалась огромной: сбита с ног, я вновь грохнулась на спину и проехала в такой позе некоторое расстояние, вздымая клубы пыли. К счастью, мои сложенные в компактный комок крылья немного смягчили удар, выполнив роль защитной подушки. Рот наполнился кровью, губы и подбородок стали мокрыми и липкими, а в ушах зазвенело. Я обессиленно распростерлась на песке, преодолевая жгучую боль, сжимая кулаки и смагивая слезы. Я не отваживалась пошевелить языком, боясь обнаружить во рту обломки зубов...

Наконец мое сбившееся дыхание восстановилось и я осмелилась взглянуть на свою грудь, уверенная в том, что обнаружу там зияющую рану. К счастью, плотная эльфийская ткань, из которой когда-то сшили колет короля Арцисса, безупречно выдержала удар паучьей лапы. Подозреваю, что самые великие маги Блентайра немало потрудились над одеянием своего короля, вплетя в волокна десятки защитных заклинаний, и именно эта предусмотрительность спасла теперь мою жизнь. Я почти не пострадала, отделавшись лишь испугом, прикушенным до крови языком, сильным ушибом и уязвленным самолюбием.

– Берегись! – успела предупредить меня Ребекка.

Последовав ее совету, я гибко извернулась, выкатываясь из-под ног упорно наступающей на меня паучихи. Однако я выбрала неверное направление отступления и переместилась, как оказалось, под ее живот... Я взглянула вверх и увидела над собой тугую плоть тарантучихи, натянутую, как барабан... Верное решение пришло сразу же, меня словно озарило. Я выхватила из ножен Лед, мысленно нанизала на его острие руну смерти и вонзила усиленное магией оружие в тушу паучихи, по самую гарду загнав клинок в ее живот. А затем еще и дернула меч – наискосок рассекая тело твари. Тарантучиха истошно завизжала, а из прорубленной мною раны хлынула волна горячих, омерзительно воняющих внутренностей. Глухой стук и все возрастающая тональность паучьего воя дали мне знать о том, что во второй раз Беонир уже не промахнулся и его стрелы все-таки достигли цели. А потом тварь вдруг замолчала и как подкошенная рухнула на песок, погребая меня под собой...

«Неужели я живой?» – подумал Джайлз, стоило ему лишь на несколько секунд прийти в себя. Вернее, не совсем прийти, ибо молодой чародей совершенно не ощущал себя нормальным здоровым человеком. Юноша понятия не имел, что происходит с его плотью, то есть со всеми теми органами, которые он всегда считал собой – с его руками, ногами, плечами и прочей телесной оболочкой. Ее он не ощущал абсолютно, а от всего него, Джайлза, осталась только эта самая мысль, бьющаяся в голове с частотой пульса: «Неужели я живой?» Первая более-менее ясная мысль, образовавшаяся после серой пустоты, в которой он провел неизвестно сколько времени. На большее у него попросту не хватило сил, ибо даже от одной этой возникшей в мозгу мысли он сразу же страшно устал. Конечно, слово «устал» тут тоже было не совсем точным и уместным. Устал – это звенящее напряжение мышц после процедуры манипулирования природными стихиями, когда все тело буквально поет, пребывая в восторге от подвластной ему силы, и ноет от сладкого физического изнеможения. Вот это – точно устал, а сейчас чему уставать? Мозгу? Возможно, возможно...

Джайлз попытался вспомнить, когда он в последний раз практиковался в магии, и не смог. Кажется, уже очень давно... Хм, интересно, а чем же он тогда занимался в последнее время? Вроде бы каким-то побегом! Но зачем и откуда он бежал? Однако маг не успел додумать свою вторую мысль, ибо тот крошечный осколок сознания, в котором он оказался сосредоточен целиком и полностью, вдруг снова поглотила серая тишина, вызванная очередной вспышкой боли. Он только успел понять, что его грубо поднимают несколько человек, неосторожно задев то, что когда-то являлось его правой рукой, а ныне стало источником немислимых мучений. Его поднимают и несут неизвестно куда... Он вновь остается наедине с ничем, а в овладевшей им тишине нет никакого смысла: ни

периодичности, ни пространства, ни ощущения самого себя.

Сколько времени прошло и сколько он пробыл в том небытии, Джайлз не знал. Может быть, вечность, а может, всего лишь несколько минут. Но как-то вдруг маг сумел открыть глаза и увидел перед собой красную пелену. Сквозь алый туман над ним неожиданно проявилось знакомое женское лицо, возникшее из ниоткуда. Лицо-то возникло, а вот главное – откуда оно взялось и для чего, так и оставалось непонятным. Женщина определенно пыталась что-то сказать: она старательно шевелила губами, активно меняла мимику, но Джайлз так ничего и не услышал.

Тишина вокруг него стояла такая, как будто весь внешний мир враз лишился многообразия звуков и голосов, онемев и омертвев. Полнейшее безмолвие. Джайлз смиренно лежал и смотрел на это женское лицо до тех пор, пока оно не исчезло, отчего юноша испытал легкую грусть. Ощущение тела у него по-прежнему не восстановилось, а из всех чувств осталось только вот это красноватое зрение, но и оно оказалось практически бесполезным, так как позволяло видеть лишь черноту и какие-то неясные контуры. Нечто неопознаваемое, не поддающееся идентификации. Джайлз попытался сосредоточиться, хотя в такой глухой тишине это не так-то просто было сделать. Чернота пугала, но чародей почему-то почувствовал, что сейчас для него важнее всего понять, что это за контуры. Если он поймет это, то поймет и все остальное: где он находится, что с ним и почему вокруг царит такая странная тишина.

Внезапно лицо обожгла вспышка свежей боли... Голова Джайлза мотнулась, словно сбрасывая с себя липкие тенеты кошмарного сна, и окружающий мир сразу же взорвался целой какофонией оглушительных звуков, картинок и впечатлений. Угловым зрением он успел зафиксировать женскую руку и уразумел: это она ударила его по щеке, выводя из полузабытья. Не дающие покоя контуры обрели знакомые очертания подвального свода, венчающего тюремный коридор Звездной башни, ведущий к казематам для заключенных. Итак, он понял все: его снова поймали и сейчас несут по переходам давно привычной цитадели, возвращая в недавно покинутый застенки. От отчаяния Джайлз заскрежетал зубами, наконец-то с горечью осознав, что его побег не удался.

Два дюжих стражника подтащили Джайлза к массивной двери и остановились, ожидая приказа женщины, руководящей их действиями. Сьерра Кларисса, а это оказалась именно она, теперь юноша видел ее четко, снова наклонилась над его лицом и злорадно ухмыльнулась.

– Сначала я рвала и метала, узнав о твоём побеге! – сладким голосом сообщила глава гильдии. – Я нашла тайный подкоп, проделанный свободными ниуэ, и выслала погоню за своим дороги мальчиком!

Женские пальцы с наигранной нежностью скользнули по его культе и сжались, словно паучьи лапы, исторгнув из горла несчастного страдальца дикий, полный безумия вой.

– О-о-о, я клялась себе, что подвергну тебя четвертованию, но потом... – Кларисса уже с подлинной лаской погладила меч, привешенный к ее поясу. – Потом я узнала, что именно ты нашел для меня и какую страшную цену заплатил за свою находку! – Она запрокинула голову и победно расхохоталась. – Знаешь, глупое дитя, мы десятки лет искали легендарный Гром, но ничего не добились. Спасибо, милый! – Она повторно похлопала юношу по щеке. – Ты преподнес мне воистину королевский подарок, одарив свою гильдию великой властью!

– Да чтоб ты ею подавилась, тварь ненасытная! – едва слышно прошептал Джайлз, брезгливо отдергиваясь от пальцев своей повелительницы. – Однажды ты все-таки сдохнешь, обещаю!

– Злючка! – насмешливо проворковала верховная чародейка. – Я приютила тебя, маленький гаденыш, пригрела на своей груди, а сегодня ты отвечаешь мне черной неблагодарностью. Но я тебя не убью! – Ее глаза сузились, из красивых губ вырвалось шипение ядовитой змеи. – Во всяком случае не убью слишком быстро, ведь я придумала нечто лучше...

Повинуясь жесту чародейки, стражники отперли железную дверь камеры и с размаху

забросили юношу внутрь тесного помещения. Получилось это специально или же вышло непреднамеренно, но Джайлз упал на травмированную руку и снова не сдержал страдальческого вскрика. А Кларисса зашла следом за ним, присела на корточки, распахнула камзол на груди чародея и, прежде чем он успел воспротивиться, сдернула с его шеи хрустальную звезду, уже много лет принадлежащую юноше и переливающуюся всеми цветами радуги. Пару секунд она завистливо любовалась ее сиянием, а потом швырнула амулет на пол и наступила на него своим острым каблуком. Звезда Джайлза жалобно хрупнула, раскололась и померкла.

– Нет! – отчаянно закричал чародей, хватаясь за свою опустевшую грудь и чувствуя, как его сердце буквально разрывается на части от внезапно нахлынувшего одиночества. – Лучше бы ты меня убила!..

Но Кларисса лишь одарила его злорадной улыбкой.

– Умирай медленно, – жестоко отчеканила она. – Умирай от голода, потери магической силы и осознания собственной ненужности!

Она вышла из камеры, и дверь за нею захлопнулась.

– Нет! – рыдал потерянно скорчившийся на полу Джайлз. – Нет, только не это, только не мою звезду...

– Эх, парень, парень! – На плечо юноши неожиданно сочувственно опустилась чья-то рука. – Как же мне тебя жаль...

– Ты кто? – испуганно дернулся пленник. – Палач? Шпион?

– Я – друг! – Высокий, худой, но все еще крепкий и жилистый мужчина помог юноше сесть, а затем заботливо прижал к его губам жестяную кружку с водой. – Вспомни, мы с тобой уже знакомы. Я – Беодар.

– Воин ниуэ! – Джайлз с признательностью принял питье. – Спасибо! – Он с уважением вглядывался в чеканные черты своего собеседника, сразу подметив и его умные глаза, и жесткий очерк губ, и высокий лоб мыслителя. – Возможно, это прозвучит как насмешка, но я рад нашей встрече.

Беодар понимающе улыбнулся.

– Хороший человек остается хорошим даже в плохой ситуации! – убежденно изрек он.

– Где мы находимся? – Джайлз покрутил головой, оценивая каменные стены темницы без единого оконца.

– В камере смертников, – печально подсказал ниуэ. – Отсюда не убежишь.

– Нам помогут! – эмоционально вскричал юноша. – Нас спасут. Верь мне!

– Кто поможет? – усомнился Беодар. – Разве в твоей жизни есть кто-то всемогущий, способный совершить такой подвиг?

«Кто-то?» – печально подумал Джайлз, и его губы исказила критичная усмешка. О нет, он никогда не мог похвастаться обилием друзей. В его жизни их было совсем немного: мудрая наставница съерра Шианас, добрый старый Иоганн, да еще та, которая навсегда осталась в его сердце, милая белокурая Атта, похожая на пухленького уютного медвежонка. Они да еще Наследница, в помощь со стороны которой Джайлз верил безоговорочно.

Йона... Это имя будило в его душе волну противоречивых эмоций, одновременно и радую, и печаль. Йона не дала ему умереть, но она же и сделала его инвалидом. Кто знает, через какие испытания пришлось пройти хрупкой девочке, полукровке и сироте. Да, они оба были сиротами, и именно эта общность сразу же сроднила их на века, сделав почти что братом и сестрой.

Возможно, ей тоже пришлось несладко. Возможно, ей даже пришлось намного тяжелее, чем ему самому. Не исключено, что Йона повстречала на своем пути настоящих змей и пауков, превосходящих по злобе и коварству даже саму съерру Клариссу. Возможно, он просто ничего о том не знает... Хотя нет, он знает одно – Йона никогда не бросит его, не бросит Блентайр, не бросит населяющих столицу людей. Она обязательно вернется и поможет...

– Да, у меня есть друг, способный совершить такой подвиг! – твердо произнес Джайлз,

в упор глядя на изумленного его откровением Беодара. – Я знаю, она вернется и спасет нас от смерти. Нам нужно просто запастись терпением и еще немного подождать...

– Хорошо! – согласно кивнул ниуэ. – Тогда мы подождем...

Глава 5

Воздух со свистом ворвался в мои легкие, возвращая к жизни брренное, терзаемое болью тело. Этот воздух, искусственно нагнетаемый в мой организм чьими-то сильными руками, оказался таким сладким на вкус, что я с наслаждением вдохнула его полной грудью и тут же судорожно закашлялась, ибо это простое действие принесло с собой поистине мучительные ощущения, неприятно отозвавшиеся повсюду, даже в пальцах ног. Отбитые ребра ныли, в горле саднило, а сердце колотилось частыми лихорадочными ударами. Наверное, подобные невыносимые страдания испытывает тот, на кого обрушилось нечто действительно массивное, например, каменная башня. В моем же случае с ролью неподъемного предмета успешно справлялся здоровенный паук, чаще именуемый отвратительным словом тарантук. М-да, боюсь, название этого чудовища я теперь не забуду до самой смерти.

– Я уже жива? – одними губами прошептала я, адресуя спорный вопрос заботливо склонившемуся надо мной Беониру. – Или еще нет?

– Сомневаешься? – радостно ухмыльнулся ниуэ. – Честно говоря, после того, как мы вытащили тебя из-под паучихи, Ребекка тоже несколько минут затруднялась сказать, кто из вас живее, ты или она!

– Опять он врет! – ухмыльнулась лайил, плечом оттирая юношу и занимая его место возле меня. – Я только сказала, что, по моему мнению, вы обе выглядите одинаково мертвыми: и ты, и паучиха.

– Мило! – через силу улыбнулась я. – Хорошо хоть, что первой вы решили откачать все-таки меня...

– Той уже ничем не поможешь! – довольно ослабилась воительница. – Ты разрубила мерзкую тварь почти пополам, от башки и по самое не хочу. Йона, как тебе удалось проделать подобное?

– Магия! – все так же шепотом пояснила я. – Кажется, мои магические возможности немножко возросли после двух пройденных испытаний.

– Ничего себе немножко! – Ребекка восхищенно округлила глаза. – Скорее множко! Да ты же теперь запросто любого мужика под себя подомнешь!

– Дорогая, что за выражения? – непритворно возмутился Беонир. – Нужно быть мягче. Мужчины любят плюшевых баб!

– И где ты тут видишь мужчин? – язвительно прищурилась воительница. – Ась?

– А я что? – привычно отмазался юноша. – Я ничего!

– Вот именно, сам сознался, что ничего интересного из себя не представляешь! – довольно гоготнула наглая девица. – Придурок, невезучий, да еще и блохастый...

– Лучше быть придурком, но живым и здоровым, чем умником, но несчастным, больным и чуть-чуть мертвым! – парировал ниуэ, на всякий случай отодвигаясь от медленно замахивающейся кулаком воительницы.

– Не спорьте, – попросила я, утомленная их вечными препирательствами. – Лучше помогите мне встать.

Друзья подхватили меня под руки и бережно поставили на ноги.

– Как ты себя чувствуешь? – согласным дуэтом осведомились они.

– Так себе, – неопределенно пожала плечами я, прислушиваясь к своим внутренним ощущениям. – Вроде бы у меня до сих пор не прошло онемение, вызванное ядом Нага, но при этом я чувствую себя так, будто на мне отрабатывали приемы кулачного боя.

– Короче, ты абсолютно здорова! – вынесла вердикт Ребекка и подмигнула мне с самым хитрым видом. – Впервые вижу чародея-целителя, не способного излечить самого себя!

Я кисло улыбнулась, вспомнила меткую фразу о сапожнике без сапог и тут же озвучила

ее, без зазрения совести выдав за свою. Воительница была восхищена моей мудростью. Впрочем, не вижу в своем поступке ничего дурного, ибо, как говорится: красть мысль у одного человека – это плагиат, у двоих – компиляция, а у многих – эрудиция. Поспорим?

Чем ближе мы подходили к «ромбу», тем отчетливее проступали на фоне желтых песчаных барханов стены какого-то древнего здания, сильно потрепанные временем и покривившиеся. Беспощадный ветер хорошо потрудился над ними: выщербленные, исковерканные камни, из которых было сложено сооружение, только усиливали общее ощущение заброшенности. Нам пришлось обойти его почти кругом, прежде чем мы обнаружили вход – двустворчатую дверь из черного дерева, плохо держащуюся на ржавых петлях.

Само здание и правда формой напоминало ромб, имело весьма непривычную, по меркам Блентайра, планировку и состояло из четырех плотно прилегающих друг к другу корпусов, образующих внутренний двор. Ничего полезного, что могло бы нам поведать о прежних обитателях этого места, мы не обнаружили. В центре «ромба» возвышался фонтан, уцелевший под защитой здания и почти до половины засыпанный песком. Фонтан украшала статуя: грубовато слепленная женская фигура, увенчанная змеиной головой.

– Богиня Банрах! – узнав знакомый образ, воскликнула Ребекка, непроизвольно хватаясь за рукояти своих клинков и с отвращением отшатываясь. – Полагаю, мы нашли то, что осталось от города Ил-Кардинен, ведь его жители поклонялись змееликой.

– Вот почему на карте нарисована именно эта руна, – догадалась я.

– Ох, как-то тут невесело, – пробормотал себе под нос Беонир. – Совсем невесело...

Мы обошли здание еще раз, двигаясь теперь уже по его внутреннему периметру, и наконец-то с большим трудом отыскали ведущую внутрь дверь, которая отворилась с протяжным скрипом и гулко захлопнулась за нашими спинами.

Если судить по лучам света, проникающим в узкие окна-бойницы, расположенные высоко под потолком, мы оказались в северо-западном крыле. Я зажгла свечу, которую предусмотрительные эльфы упаковали для нас вместе с едой, и отблески от тонкого язычка пламени неровно заплескали на стенах, оживляя это давно умершее здание, похороненное в самом центре песчаного моря.

– Заметьте, здесь все устроено строго в соответствии с частями света. Кто бы тут ни жил раньше, строить они умели. – Беонир подошел к ближайшему плинтусу и провел по нему пальцем. – И слой пыли не такой уж толстый.

Мы медленно продвигались вглубь, все более дивясь странному убранству помещений. Уж больно диковинно смотрелись в этом изъеденном ветрами месте тщательно отполированные столы на ножках причудливой формы, замысловато инкрустированные перламутром кованные лари и резная мебель с видневшимися кое-где остатками роскошной обивки. Меня неприятно поразили нанесенные на различные предметы орнаменты, повторяющие все тот же образ змееликой богини.

А еще зеркала... В каждой комнате их было не меньше трех и все огромные и поразительной чистоты. Услужливая память сразу же воскресила образы других таких же зеркал, которые я видела в Звездной башне. Я была уверена, что это не совпадение и отнюдь не случайный повтор. Здешние зеркала выполняли ту же самую функцию, что и их собратья в цитадели человеческих магов. Только вот какую?.. Задрав голову, я с любопытством рассматривала то, что осталось от некогда шикарных фресок, украшавших потолки: краски поблекли, штукатурка частично осыпалась, и поэтому разглядеть сюжет не представлялось возможным.

Во всем крыле мы насчитали порядка десяти таких комнат, с одинаковым убранством и полным отсутствием хоть какого-нибудь остаточного отпечатка от применения магии. Следовало признать, что кем бы ни являлись в действительности бесследно сгинувшие жители Ил-Кардинена, к чародеям или эльфам они не имели ни малейшего отношения.

Дверь, ведущая в следующий корпус, оказалась заперта. Беонир извлек из сумки свою

хитрую отмычку и, довольно долго провозившись с замком, сумел-таки открыть его. Дверь распахнулась абсолютно бесшумно.

– Этот замок вовсе не старый, – уверенно заявил юноша. – На нем нет ни капли ржавчины, к тому же он смазан... – Беонир испытующе ощупал замок и затем облизнул свой палец, испачканный в чем-то жирном. – Он смазан растительным маслом.

– То есть ты намекаешь на то, что здесь и сейчас кто-то живет? Или появляется время от времени для того, чтобы смазать замок на одной-единственной двери? – скептически посмотрела на него Ребекка. – Пойми, тут нет ничего живого: ни воды, ни растений. Чем же тогда питаются эти твои неведомые хозяева?

– Я не намекаю, а просто комментирую то, что вижу, – страдальчески возвел глаза к потолку Беонир, зверея от придинок неумной воительницы. – Возможно, они приходят сюда издалека, ведь без еды можно прожить целый месяц...

– Можно. А смысл? – издевательски расхохоталась лайил.

– А без смысла можно прожить всю жизнь, – задумчиво протянула я, вслушиваясь в зловеще раскатившееся по комнатам эхо.

– Слышала, что сказала Йона? – наставительно спросил ниуэ. – А ты, умница наша, можешь придумать другие подходящие объяснения, если хочешь.

– Вот еще, тебе надо – ты и придумывай! – сердито фыркнула девушка, обиженно надувшись, но на этом их разговор закончился и мы отправились дальше.

Наше путешествие по загадочному зданию продолжалось, и нам чудилось, будто мы попали в совершенно иной мир. При свете весьма уменьшившейся свечи мы продолжали осмотр. Стены каждой из комнат когда-то были обиты мягкой тканью или иным подобным материалом, но ныне от обивки остались лишь ошметки, грустно свисающие под самым потолком. Даже окна здесь имели бросающуюся в глаза круглую форму и состояли из множества разноцветных стеклышек, причудливо сочетающихся между собой. Найденная мебель оказалась маленькой, словно игрушечной, а зеркал нам тут почти не встретилось. Заглянув в один из сундуков, Ребекка поняла, куда мы попали:

– Игрушки! Это детская! Но сколько же детей жило в таком количестве комнат? Уму непостижимо!

Да, в самом деле, на столь обширной площади свободно могло бы разместиться немалое количество ребятишек.

– Как странно... – вслух размышляла я, переходя из одной комнаты в другую. – Здесь нет ни одной кровати для взрослых – только эти маленькие диванчики и люльки. Но зачем понадобилось отделять детей от родителей? Это выглядит жутким и жестоким наказанием, если начать представлять...

Апофеозом нашего изумления стала небольшая кладовая, в которой мы обнаружили не менее двадцати фигурок детей возрастом от нескольких месяцев до примерно пяти лет. Это были настоящие произведения искусства, выполненные из розового мрамора с таким поразительным мастерством, что поначалу они показались нам живыми малышами, погруженными в беспробудный сон. На личиках мраморных малюток запечатлелись гримасы глубочайшего ужаса. Разглядывая изваяния, заботливо обернутые мягкой тканью и разложенные по полкам специального стеллажа, я никак не могла отделаться от крайне неприятной догадки, что прекрасные скульптуры хранят в себе какую-то чудовищную тайну или даже являются свидетельством чьего-то жуткого злодеяния. Ведь для простых статуй они выглядели слишком... Слишком натуральными! Я испугалась вопиющей бредовости идеи, настойчиво вращающейся в моем мозгу, и, словно сбегая от собственных домыслов, торопливо захлопнула дверь кладовой, оставляя детские фигурки во власти темноты и одиночества. Ребекка сердито засопела носом, сильно озадаченная моей необъяснимой порывистостью.

– Ничего не понимаю! – обессиленно призналась я, совершенно запутавшись в собственных мыслях.

– А меня все еще интересует тот замок, – в тон мне добавил Беонир. – Только ли этот

корпус запирается так надежно? Или, наоборот, свободен только первый, с зеркалами и прочей мишурой?

– И наконец, кто все-таки жил в этом здании? Или продолжает жить по сей день? – встала Ребекка.

– И где мне искать мое третье испытание? – грустно закончила я.

Нет, определенно, ничто в этих комнатах, которые еще помнили веселый детский смех и возню, не могло являться моим испытанием. Дойдя до выхода, мы обнаружили, что дверь заперта снаружи.

– Вот вам и ответ! – многозначительно хмыкнул Беонир. – Заперта именно эта часть комплекса. Детство всегда богато самыми дорогими для людей воспоминаниями, а все наиболее ценное и охраняется надежнее всего. Кстати, если мы не собираемся бить стекла и вылезать наружу через окно, то придется вернуться назад.

Конечно, никто из нас не собирался хоть как-то нарушать покой мертвого «ромба». Я подумала, что уже во второй раз попадаю в некое подобие склепа, и все никак не могла решить, в каком из них чувствовала себя более неудобно.

Вынужденные вернуться, мы снова прошли через детские комнаты, потом миновали зеркальные и оказались в третьем корпусе, который поразил нас ничуть не меньше предыдущих. Это было единственное здание, где нам удалось обнаружить книги, точнее, то немногое, что от них осталось. Кое-что, конечно, сохранилось, но первые две мгновенно рассыпались у Беонира в руках, превратившись в кучку трухи. Поэтому все последующие манускрипты он брал настолько осторожно, насколько это оказалось возможным, потихоньку сдувал пыль с корешков и пытался прочесть названия.

– Там нет намека на мое третье испытание? – с волнением поинтересовалась я.

– Я не нашел ничего, что хотя бы отчасти было бы связано с магией, – разочарованно признался юноша. – Вообще это сугубо развлекательная литература: немного сентиментальных любовных сказок, немного истории и поэзии... Вряд ли это твое, Йона. Прости.

– Обратите внимание, здесь нет зеркал. Ни одного! – Воительница увлеченно осматривала комнаты. – И окошки такие маленькие, словно в тюремной камере...

– Кровати узкие, – констатировала я, терзаемая смутной догадкой. – Нет и в помине тех пуховых перин, которые мы видели в зеркальном чертоге.

– Говорите что хотите, но все это слабо напоминает обычный жилой дом, – скептически покачал головой ниуэ. – Слишком много странностей...

Мы готовы были согласиться с выводами Беонира, но уже на пороге я сделала еще одно ошеломляющее открытие:

– А где же посуда? Ведра, лохани? Обитатели этой комнаты наверняка испытывали потребность в пище, в умывании... Пусть одежда истлела, но горшки, миски – где это все? Исчезло, испарилось?

– Спросить – оно всегда легче, – растерянно буркнула Ребекка. – Давай-ка глянем, что хранится в последнем чулане.

То, что мы увидели в четвертом здании, можно было бы описать как аскетичную скудность убранства, и это еще мягко сказано. Узкие и низкие столы, несколько стульев, неудобные кровати с приподнятым изголовьем. В первом же сундуке Ребекка обнаружила пару колчанов со стрелами и не могла не восхититься мастерством изготовившего их оружейника, качеством закалки стали и красотой оперения. Пользуясь нашим молчаливым согласием, Беонир немедленно вооружился одним из найденных колчанов. Я же задумчиво подняла глаза вверх и ахнула: никаких картин на потолке. Штор на окнах тоже нет, а зеркала тут маленькие, не больше ладони...

– Кто же здесь жил? – Я уселась на пол в последней комнате и обвела сосредоточенным взглядом своих друзей. – И почему теперь эти комнаты пустуют?

– В данном корпусе точно проживали воины! – без малейшего сомнения в голосе произнесла Ребекка. – Неприятельные мужчины, скупые на нежности и нетребовательные

к комфорту.

– Во втором – дети! – внес свою лепту ниуэ.

Я согласно кивнула и уточнила:

– А в первом и третьем?

Мои спутники переглянулись и развели руками, давая понять, что их фантазия полностью исчерпана.

– Не расстраивайся, Йона. Здесь нет ничего важного, одни только загадки. – Беонир галантно помог мне встать. – Конечно, можно изучить книги более подробно и поразмыслить еще...

– Давайте лучше выйдем наружу. – Ребекка нервно поежилась, чувствуя себя не в своей тарелке. – Там и пораскинем мозгами.

Мы вышли во двор, в котором ничего не изменилось за ту пару часов, что мы потратили на исследование «ромба». Судя по заунывным воющим звукам, ветер снаружи усилился, но во двор, хорошо защищенный с четырех сторон стенами каменных зданий, он почти не проникал. Мы остановились у заброшенного фонтана и растерянно смотрели друг на друга, не находя нужных слов, способных точно описать наше подавленное состояние. Лично мне было очень сложно смириться с мыслью о бесполезно потраченном времени и осознать, что весь этот долгий путь мы проделали зря, ибо здесь нет ничего такого, что могло бы иметь отношение к моему третьему испытанию.

Пытаясь справиться с разочарованием, я присела на каменный бортик и погрузила ступни в песок, скопившийся внутри фонтана. Он показался мне гораздо более мягким, чем во всей остальной Пустоши. Вдруг что-то шевельнулось у меня под ногами... Потом еще и еще раз. Я встала и очень осторожно сделала шаг к центру фонтана, надеясь, что обнаружила загадочного местного жителя, и при этом очень опасаясь его испугнуть. Но неожиданно я почувствовала, как земля под моими ногами в буквальном смысле начинает двигаться, закручиваясь в неустойчивую воронку. Я закричала. В ту же минуту фонтан превратился в гигантскую ловушку, стремящуюся затянуть меня куда-то в глубь себя... Я поняла, что лечу вниз, и торопливо закрыла рот, не желая наглотаться песка...

Падала я недолго и, к счастью, приземлилась на кучу все того же песка. Я на четвереньках сползла с мягкого холма, отряхнулась и отступила на шаг, что было очень своевременно, ибо на едва освободившееся место немедленно упала Ребекка.

– Отойди, сейчас сюда свалится Беонир! – предупредила ее я.

Однако секунды тянулись невыносимо долго, а юноша все не появлялся.

– Беонир! – дружно закричали мы. – Ты где?

Но ответа не последовало. Мы изумленно смотрели друг на друга, совсем ничего не понимая.

– Я видела, что он прыгнул следом за мной! – подтвердила Ребекка, сердито хмуря брови. – Вот мужики, а! Да им даже в свою душу заглядывать не рекомендуется, потому что они и там заблудятся!..

Внезапно за нашими спинами раздался негромкий одобрительный смешок:

– Ты права, преступница! Мужчины не заслуживают снисхождения.

Мы с Ребеккой ошеломленно обернулись.

Судя по всему, стоящая неподалеку женщина умела передвигаться совершенно бесшумно, и именно поэтому мы не заметили ее сразу. А теперь удивленно разглядывали неслышно подошедшую незнакомку, столь бесцеремонно вмешавшуюся в нашу беседу. Этой женщине, обладающей горделиво-царственной осанкой, было, судя по голосу, лет сорок. Она выглядела очень худой и высокой, а ее струящиеся одежды светло-песочного оттенка еще больше усиливали это впечатление. Голову скрывало полупрозрачное покрывало, позволяющее видеть только ее губы и скрывающее остальную часть лица, в том числе и глаза.

– Ваш спутник не сможет проникнуть сюда, – непреклонным тоном сообщила женщина, предваряя наш невысказанный вопрос. – Мужчинам не дозволяется входить в

наше святилище.

– Святилище? – хрипло переспросила лайил, явно рассерженная грубой репликой незнакомки. – А кто вы такие, собственно? И куда мы попали?

– Мы – жрицы хайдари, – спокойно ответила женщина, демонстративно игнорируя гнев воительницы. – А вы, путницы, сейчас находитесь в обители дочерей песка...

– Дочерей песка? – шокированно переспросила я. – Так мы попали в монастырь?

Я была готова поклясться, что женщина неодобрительно поджала губы, услышав мой вопрос, но ответила все тем же безучастным голосом:

– Монастырь? В некотором роде да. Но это неточное слово. Скорее убежище.

– От чего убежище? – удивленно вздернула брови Ребекка.

В горле хайдари зародилось недовольное квохтанье, но она смирив свое недовольство и ответила с идеальной безмятежностью:

– От всего грубого и воинственного, противоречащего мирному естеству женщины: от времени и воспоминаний, от внешнего мира, от мужчин.

Я чуть не охнула, но успела прикусить губу и сдержала неуместное проявление эмоций. Похоже, мои смелые домыслы подтвердились целиком и полностью. Но ведь со своим уставом в чужой монастырь не ходят, даже если это не совсем монастырь.

– Я – Йона, а это Ребекка, – указала я на воительницу. – Мы не нуждаемся в убежище, мы хотим обрести знания! – Я извлекла Звезду моей души и предъявила жрице. – Вы ведь знаете, что это такое?

От моего бдительного ока не укрылась гримаса отвращения, угадывающаяся под покрывалом.

– Почему вы не любите магию? – поинтересовалась я.

– Потому что ее любят мужчины, – злобно зашипела хайдари. – Мы сбежали и от нее тоже.

– Так значит, вы стали добровольными затворницами этих застенков? – Ребекка явно не испытывала к хайдари большой симпатии, и в ее голосе проскальзывали саркастические нотки. – Глупо тратите свои жизни на бессмысленное ничегонеделание? А вот, например, я...

– Ты – жестокая тварь, кровопийца и предательница! – зло бросила ей в лицо женщина. – Я чувствую, что некогда ты тоже служила нашей всемилостивейшей спасительнице Банрах, но позже отвернула от нее свой неблагодарный лик. Учти, статуя пропустила тебя сюда лишь потому, что ты не мужчина, но этого еще недостаточно для того, чтобы называться настоящей женщиной!

Мы с Ребеккой уставились на незнакомку, потрясенные ее фанатизмом и бурей, которая, оказываясь, медленно тлела в этой внешне уравновешенной женщине. Но хайдари быстро смирив свой порыв и продолжила говорить прежним ровным голосом, как ни в чем не бывало:

– Я знаю, что ты ищешь здесь, ученица гильдии Чародеев. Мы, хайдари, храним много тайных знаний, которые нам достались против нашей воли, а во внешнем мире считаются безвозвратно утраченными. Мы можем поделиться ими с тобой, если ты согласишься пройти наше испытание и выразишь себя истинной женщиной. Согласна?

Я оторопело молчала. Ультиматум жрицы, хоть и выдвинутый в мягкой и обманчиво ненавязчивой форме, внушал подсознательный страх. Здесь явно крылся какой-то секрет! К тому же совесть подсказывала мне, что не следует оставаться там, где не уважают твоих друзей. С другой стороны, ведь именно сюда мы и шли так долго, преодолевая одно препятствие за другим. Так разумно ли теперь перечеркивать собственные достижения, поддавшись мимолетному эмоциональному порыву? Словно прочитав мои мысли, Ребекка ободряюще положила ладонь мне на плечо:

– Не дрейфь, подруга! Я все равно с тобой, да и лохматый где-то там, наверху...

– Ой, Беонир... – Я виновато всплеснула руками, досадуя на свою дырявую память, и просительно обратилась к женщине: – Он непременно должен узнать, что мы застряли здесь.

– В этом нет необходимости, – без тени эмоций отказала жрица. – Ведь твое испытание, если, конечно, ты согласна его пройти, не продлится дольше одного дня.

– Ладно, – неуверенно кивнула я. – В смысле я согласна. Но как все-таки вас зовут?

– В том мире, для которого я умерла, меня называли Сатари. Но здесь я родилась заново. Мое новое имя – Шалкааш, что означает «песчаная река». Иди за мной, ученица.

Шалкааш подчеркнуто не обращала на лайил никакого внимания, словно та была неодушевленным предметом. Но языкастая воительница тоже не осталась в долгу и, пригнувшись, ехидно прошептала мне на ухо:

– Ну и имечко у нее – полный отпад! Я бы на ее месте оставила старое... Но кому что нравится, конечно, я встречала и не таких извращенков.

Я заметила, как оскорбленно напряглась на мгновение спина шедшей впереди нас женщины, и предостерегающе сжала локоть своей болтливой подруги, желая избежать ненужного инцидента. К счастью, жрица оказалась выше таких мелочей и ничем не проявила своего неудовольствия, хотя, без сомнения, в душе затаила на нас злобу.

Шалкааш долго вела нас по длинному тоннелю. Под нашими ногами мягко шуршал все тот же песок, а царящий в убежище полумрак немного рассеивался светом от факелов, укрепленных на стене через каждые двадцать шагов. Ход закончился узкой деревянной дверью, над которой зачем-то поместили небольшой медный колокол. Когда жрица отворила входную створку, колокол протяжно загудел и замолчал только после того, как дверь захлопнулась. Мы с Ребеккой остановились на пороге, изумленно оглядываясь по сторонам.

Мы очутились в огромном зале, стены которого сверху донизу покрывали надписи на неизвестном языке, а потолок поддерживали двенадцать витых колонн. Подле каждой из них стояла пара невысоких плетеных кресел, при этом расположены они были так, что сидящие в них люди никак не могли видеть друг друга. Сейчас в креслах никого не было, зато в проходах между колоннами выстроились восемнадцать женщин, все в скромных одеждах одинакового бурого цвета и с покрывалами на головах. Они стояли не шелохнувшись. Шалкааш, степенно вышагивая, прошла мимо каждой из них, а потом, не издав ни звука, вернулась обратно.

– Говорю я, Шалкааш, слушайте мои слова! – В мертвой тишине зала речь хайдари звучала невероятно торжественно и даже жутко. – Это Йона, ученица гильдии Чародеев. Она согласилась пройти испытание, необходимое для того, чтобы песок позволил нам открыть ей сокровенное знание. Кеелмин, я вручаю ее твоему попечению. Укажи гостье ее комнату, а после приводи к ужину. Я закончила.

– Спасибо, госпожа. – Я решила вести себя предельно вежливо и поэтому поклонилась жрице, но тут же уловила волну удивления и страха, исходящую от женщин.

– Я просто скромная жрица моей всемилостивейшей богини, – ровным, ничего не выражающим голосом поправила меня Шалкааш. – Правом называться госпожой обладает лишь богиня. А гордыня – это грех, недопустимый для дочерей песка.

– Прошу прощения, – еще раз поклонилась я. – Я лишь хотела просить тебя разместить нас с подругой в одной комнате, так нам будет гораздо удобнее.

На этот раз удивление, исходившее от хайдари, сменилось откровенным ужасом.

– Это недопустимо, – четко произнесла жрица. – Дружба противоречит сущности песка. Кеелмин, проводи гостью.

– Прошу следовать за мной. – От шеренги безликих женщин отделилась еще одна фигура и рукой указала нам на выход из зала.

Сопровождаемая хмурой Ребеккой, неприязненно зыркающей по сторонам, я вышла вслед за приставленной к нам хайдари и тут же попала в небольшой темный коридор, по обе стороны которого тянулись многочисленные, совершенно одинаковые двери. Над каждой я разглядела маленький колокол. Кеелмин, не произнеся более ни слова, указала на две двери в конце коридора. Отведенные нам комнаты были расположены рядом, и я тут же поняла, что жрица проявила личную инициативу, послушавшись полученного приказа. В моей груди плеснулась теплая волна благодарности.

– Спасибо, – тихонько прошептала я в спину удаляющейся женщине и по движению ее лопаток поняла, что меня услышали.

Предназначенные для нас комнаты выглядели абсолютно идентичными – низкая железная кровать, рядом на скамье миска с чистой водой для умывания, на стене – крючок для одежды. И ничего более. Келья, а не комната. Я присела на кровать и погрузилась в размышления, пытаюсь постигнуть образ жизни этих хайдари, пока что остающийся для меня загадкой. С каждой минутой желание поскорее покинуть это странное место росло.

– Пришло время ужина. Следуйте за мной.

Предварительный звук колокола и неслышно возникшая в дверях Кеелмин оторвали меня от медитативного созерцания миски с водой. Мы с Ребеккой покорно отправились следом за жрицей.

Помещение, выполняющее функцию столовой, оказалось еще более мрачным, чем первый зал с колоннами. На стенах я увидела фразы на все том же незнакомом языке, но больше всего меня поразил тот факт, что во всем помещении не было никакой другой мебели, кроме установленного точно в центре широкого массивного стола с двумя длинными скамьями. С краю одной из скамеек мы и притулились, стараясь не производить лишнего шума, ибо скупая обстановка столовой действовала на нас угнетающе. Напротив меня села сама Шалкааш, и я тут же ощутила на себе ее тяжелый ненавидящий взгляд, которым она сверлила меня даже сквозь непроницаемое покрывало жрицы.

– Смотри, – вдруг шепнула Ребекка, пихая меня в бок. – Думаешь, почему мы не нашли наверху посуду? Она вся здесь...

И действительно, в столовой не наблюдалось недостатка в тарелках и ложках, а в центре столешницы красовалось большое блюдо, наполненное какой-то крайне неаппетитной бурой массой, отдаленно напоминающей рис. Шалкааш торжественно сняла с полочки крохотную склянку и капнула в тарелку каждой дочери песка по паре капель густой желтой жидкости. Я задумчиво наморщила лоб, пытаюсь вспомнить нечто важное, недавно ставшее предметом наших бурных дискуссий с лайил и ниуэ... Но тут, как назло, меня отвлекла приступившая к трапезе Ребекка.

– Гадость! – недовольно буркнула она, попробовав неаппетитные на вид и явно недоваренные зерна. – Так виртуозно испортить жратву даже мне не под силу.

Хм... моя подруга никогда не отличалась чрезмерной тактичностью. Ничего не ответив, я положила рис себе в тарелку по примеру остальных хайдари и обратилась к главной жрице:

– Объясните мне, пожалуйста, что именно заставило вас всех покинуть здание в виде ромба, расположенное на поверхности?

По тому, как оцепенели все прочие женщины, присутствующие за столом, я поняла, что снова сказала что-то не то.

– Не стоит вспоминать об этом печальном событии, – спокойно ответила Шалкааш, но ее голос предательски дрогнул, выдавая с трудом подавляемую злость. – Дом хайдари здесь. Всегда был и всегда будет только здесь!

Подчеркнуто убедительный тон, каким произносились эти слова, доходчиво намекнул, что расспросы лучше прекратить. Я потупила взгляд и уткнулась в свою тарелку. Поданное на стол кушанье и правда оказалось рисом с добавлением чего-то клейкого, и притом явно пересоленным. Но еще сильнее меня удивило то, что на столе не обнаружилось ни капли воды.

По окончании молчаливой трапезы хайдари слаженно поднялись и нараспев произнесли несколько фраз.

– Я переведу их для тебя, – вдруг предложила Шалкааш, хотя ни о чем таком я ее и не просила. – Это – наши незыблемые законы, они начертаны на стене в каждом зале. «Песок – наш повелитель, а мы – его послушные дочери. Ради него мы живем, и ради него умираем. В нем мы возрождаемся, и в него обратимся снова. Такова истина и она вечна».

Эти поистине страшные в своей простоте слова заставили меня содрогнуться. Как можно возродиться в песке? Я понимаю, что после смерти все мы становимся прахом и песком, но добровольно похоронить себя заживо... Разве может быть что-то более ужасное в этом мире, чем такая скорбная доля?

Вместе с Ребеккой мы проследовали за Кеелмин в свои комнаты, но когда женщина собралась уйти, я остановила ее, ласково удержав за запястье. Покрывало, скрывающее лицо жрицы, всколыхнулось, жрица явно была напугана.

– Постой минутку, – торопливым шепотом попросила я. – Я только хотела спросить, как ты сюда попала, Кеелмин?

Из-под покрывала донеслось рыдание, но жрица быстро справилась со своей слабостью и ответила:

– Не помню. К тому же вся моя прошлая жизнь уже не имеет никакого значения. Абсолютно. – Голос женщины, которая явно была довольно молодой, свидетельствовал об обратном, но я не успела продолжить расспросы, ибо хайдари ловко выдернула свои пальцы из моей ладони, поспешно вышла из комнаты и пропала.

Этой ночью, смятенно ворочаясь на жестком матрасе, я долго не могла заставить себя уснуть. Что же это за обреченное место? Выпустят ли нас отсюда после того, как я пройду предложенное испытание? Не успела я устало смежить веки, как вдруг раздался тихий скрип открываемой двери и в мою комнату прошмыгнула неугомонная Ребекка, бесшумно крадущаяся на цыпочках, словно вор.

– Сейчас ко мне приходила эта стерва! – эмоционально выдохнула лайил. – Ну та, которая фу-ты ну-ты, жрица... Тьма, я еле удержала язычок колокола над твоей дверью! – непоследовательно выдала воительница, опустилась на кровать рядом с вскочившей мной и силой уложила меня обратно. – И знаешь зачем?

Ребекка выжидательно уставилась на меня, но поскольку я жестом выказала полнейшее недоумение, она снисходительно усмехнулась и пояснила:

– Пыталась уговорить меня немедленно отсюда свалить. Без тебя! Каково? – Лайил гневно раздула ноздри. – Я уверена, она что-то замышляет, чтоб ее мантикора три раза переварила. И еще знаешь что? Я ее спросила, почему у них тут так рано ложатся спать? Время-то сейчас, судя по всему, еще детское, и десяти нет, а с ужина прошло часа два, если не меньше. И что она мне ответила, как ты думаешь?

Я опять растерянно пожала плечами.

– Мымра важно заявила, что для дочерей песка не существует закатов и восходов, нет Сола и Уны, а есть лишь песок, и его время – вечность! – негодовала воительница. – Бред! Идиотизм! Жуть!

– А мне их очень жалко, – доброжелательно протянула я. – Полагаю, они чрезвычайно несчастные и забытые создания, живущие под гнетом вечного страха!

– Угу, – согласно поежилась Ребекка. – Страху тут навалом! Признаюсь, мне очень не хватает нашего блохастого кабысдоха. Хотя он тот еще трус и на полноценного мужика не тянет, но как-то умеет скрашивать тоскливые будни.

– Да, мне тоже страшно, – понимающе кивнула я. – Но учти, я дала согласие на проведение испытания и постараюсь сделать все, дабы с честью его пройти. Ребекка, тебе сейчас лучше вернуться к себе, у них тут, кажется, нельзя находиться вдвоем в одной комнате. Вдруг нас увидят вместе и запретят мне проходить испытание?

– А ты не дрейфишь, как я погляжу. Это хорошо! – восхищенно оскалилась лайил и подошла к двери. – Мы прорвемся и через эти неприятности. Даю слово!

– Верю! – благодарно улыбнулась я, опуская голову на тощую подушку и закрывая глаза.

Меня разбудил звонкий удар наддверного колокола. На пороге моей кельи стояла Кеелмин.

– Пора? – только и спросила я.

– Да. Главная жрица ждет тебя. – В голосе женщины мне послышалось неприкрытое сочувствие.

Стараясь придать себе опрятный вид, я за неимением гребня, который остался у Ребекки, пальцами пригладила копну своих косичек. Со стороны жрицы долетел чуть слышный удивленный возглас, и я поняла, что она заметила мои острые уши.

– А как же Ребекка? Могу я взять ее с собой? – Я все-таки спросила об этом, хотя знала ответ заранее, вернее, предчувствовала его.

– Нет. Я сожалею. – Хайдари скрестила руки, смиренно складывая их у себя на груди, и зашептала: – Идем быстрее. Она будет гневаться.

Я сдернула с крючка свой камзол и поспешила за Кеелмин.

Женщина не ошиблась: Шалкааш уже ждала нас в зале с колоннами, между которыми навывтяжку выстроились все дочери песка. К моему величайшему удивлению, сегодня жрица не выглядела спокойной. Она крупными шагами мерила открытое пространство комнаты, нервно хрустя суставами крепко стиснутых пальцев.

– А вот и вы! – злобно прошипела Шалкааш. – Сейчас, Йона, ты увидишь, как песок наказывает тех своих служительниц, которые осмелились нарушить его волю! – Она схватила Кеелмин за руку и грубо рванула вниз, швыряя на пол.

Из-под покрывала несчастной жрицы донесся громкий стон боли.

– Но что такого преступного она совершила? – шокированно ахнула я.

– Она совершила грех: выбиралась наверх и входила в запретные комнаты! – Шалкааш почти кричала. – Никто из дочерей песка не имеет права выходить за пределы обители. Это разрешено только мне!

«Ага! – подумала я, вспомнив спор моих друзей. – Значит, Беонир не ошибся».

– Я ни в чем не виновата! Пощадите меня, – униженно взмолилась Кеелмин. – Клянусь, я не покидала пределов обители.

– И как у вас наказывают грешниц? – поинтересовалась я.

– Отдают на корм тварям, охраняющим храм Песка! – торжественно сообщила Шалкааш. – И поверь, в мире нет более страшной смерти!

– Пощадите! – захлебываясь, рыдала Кеелмин, обнимая ноги главной жрицы. – Я невиновна!

– Но почему вы решили, будто проступок совершила именно она? – с подозрением спросила я, ибо абсолютно не верила в вину Кеелмин. К тому же эта добрая женщина вызывала у меня сильную симпатию.

– Она новенькая! – жестко отрезала Шалкааш. – Она последней вступила в нашу общину и еще колеблется, ее душа способна предать волю великого Песка.

– Глупости! – опровергающе хмыкнула я. – Это всего лишь догадки, а для обвинения нужны неоспоримые доказательства. И разве наказание невинного не является еще более тяжким грехом? – с поддевкой напирала я.

Жрица осеклась и задумалась.

– Ты права, – через пару минут согласилась она. – Если я накажу не ту жрицу, если покараю невинную, то тогда богиня накажет меня... – Шалкааш замялась, а потом жалобно вздохнула: – И как же мне следует поступить?

– Очень просто, – улыбнулась я. – Скажи, кто еще кроме тебя имеет доступ к склянке с маслом?

– Наша повариха. – Жрица небрежно ткнула пальцем в плечо одной из дочерей песка. – Но я не понимаю, при чем тут моя склянка?

– При том! – торжествующе хмыкнула я. – Скажи, как ты узнала, что «ромб» посетила одна из жриц?

– Я нашла следы обуви на пыли, – неуверенно пожала плечами Шалкааш. – Но все наши туфли абсолютно одинаковые, они сплетены из полосок кожи и имеют один размер.

– Наверху мы тоже видели, что замок комнаты недавно открывали, причем предварительно хорошенько смазав маслом, – втолковывала я. – А ты сама сказала – взять

масло может лишь...

– Теперь мне все стало понятно! – Шалкааш радостно хлопнула в ладоши, указывая на трусливо сгорбившуюся повариху. – Отведите Иирин в карцер, я займусь ею позже. А ты умна, – снова повернулась она ко мне. – Следует признать, ты станешь ценным приобретением для песка!

– Приобретением? – озадачилась я. – Но я не хочу служить песку!

– А придется! – злорадно рассмеялась хайдари. – Куда же ты теперь денешься! Девочка, неужели ты веришь в то, что сможешь его победить?

Глава 6

Несколько секунд я бестолково хлопала ресницами, крайне обескураженная последним заявлением жрицы, ибо оно совершенно не укладывалось у меня в голове.

– Извините, но я вас не понимаю, – наконец тихонько выдавила я. – Кажется, вы обещали поделиться хранимыми у вас знаниями, если я пройду некое испытание. Я согласилась.

– Да ну? – Издевательский смешок не смогло заглушить даже покрывало хайдари. – Ты считаешь нас наивными дурочками?

– Что? – неподдельно озадачилась я. – Вовсе нет!

Следующий смешок был с оттенком неприкрытой снисходительности.

– Видишь, ты сама в этом призналась, – удовлетворенно констатировала Шалкааш. – Так с чего ты вдруг решила, будто можешь безвозмездно тратить наше время? За все нужно платить.

– Тогда назовите свою цену! – с замиранием сердца предложила я. – Я согласна на любую.

– Да? – Жрица иронично потерла ладони, ловя момент своей удачи и вместе с тем намекая на мою беспросветную тупость. – Учти, я не тянула тебя за язык.

Я устало кивнула, совершенно вымотанная этой долгой прелюдией. Каждому осужденному на смерть преступнику отлично известно, что бессонная ночь перед грядущей экзекуцией гораздо страшнее самой казни.

– Все очень просто, – вдохновенно разлагольствовала Шалкааш. – Если ты пройдешь испытание песка, то мы поделимся с тобой древними знаниями. А если нет... – Она выдержала издевательскую паузу. – Видишь, в зале стоят двадцать четыре кресла? Нас же – всего девятнадцать.

– Вам срочно требуются новые адептки? – догадалась я, и мой голос панически дрогнул. – Так?

– Так! – жестко уточнила хайдари. – Если ты не сумеешь пройти испытание, то навсегда останешься в обители и будешь одной из нас!

– А у меня есть возможность выбора? – поинтересовалась я, специально оттягивая тягостный момент начала испытания, потому как сильно сомневалась в своих силах.

– Мы никого не удерживаем насильно, – с притворной добросердечностью сообщила Шалкааш, но я конечно же понимала, что она врет. – Откажись от испытания и уходи прямо сейчас! Только в этом случае, – коварно добавила она, заметив колебания, отчетливо отразившиеся на моем лице, – ты никогда уже не попадешь в храм Песка.

– Откуда ты знаешь, что мне нужно именно туда? – поразила я.

– А куда же еще? – искренне изумилась жрица. – Все приходящие в Пустошь стремятся попасть в ее средоточие, в самое величайшее святилище нашего мира. И я думаю, оно стоит такого риска – жизнь в обмен на приобщение к тайнам храма Песка.

– Ты права, – медленно произнесла я, тщательно взвешивая каждое слово. – Я согласна.

– Отлично! – Голос жрицы звенел от алчного возбуждения.

Она обвела рукой пространство унылого помещения:

– Оглядишься вокруг, это – зал Раздумий. Здесь мы общаемся с нашим владыкой. И здесь

начнется сегодня твоё испытание.

– Но в чём состоит смысл церемонии?

Если честно, я не очень-то надеялась получить ответ, но ошиблась.

– Она называется испытание Смирения.

В её голосе мне почудилось и скрытое удовольствие, и какая-то отчаянная надежда на чудо. Сама же я похолодела, потому что уже одно это название не сулило мне ничего хорошего, ибо с первых сознательных дней своей жизни я усиленно сопротивлялась любому навязанному правилу, превыше всего уважая свободу, личную инициативу и нестандартность мышления. Все эти принципы, ясное дело, совершенно не уживались с послушанием и смирением. Но сейчас я осознавала, что отступать уже поздно... Да и некуда! Собравшись с мыслями, я уставилась прямо в ту часть покрывала, где полагалось быть глазам жрицы:

– Что я должна делась?

Похоже, моя собранность и решимость изрядно напугали Шалкааш. Её голос мгновенно утратил большую часть своей недавней уверенности.

– Все просто: в течение этого дня ты обязуешься беспрекословно повиноваться мне во всем и выполнять все мои приказы.

Тут она подметила растерянность, промелькнувшую на моем лице, и заговорила с прежней убедительностью:

– Суть женского естества – спокойствие и смирение. Если ты это еще не постигла, не научилась быть настоящей женщиной, то придется тебе остаться у нас и всему научиться. – Она покровительственно улыбнулась. – Я всего лишь предлагаю тебе побыть хайдари в течение одного дня. Спрашиваю в последний раз: ты согласна?

Этот момент стал решающим. Я все еще не отводила взора от едва виднеющегося под покрывалом лица Шалкааш, силясь распознать, какую именно ловушку готовит мне жрица. Но, увы, мои жалкие потуги пропали втуне... Абсолютно чуждая хитрости, я не умею различать ее в других, а поэтому ответила, по-прежнему не отводя осуждающего взгляда от покрывала своей собеседницы:

– Да. Я согласна на все.

– Хорошо! – чуть не выкрикнула женщина, но вовремя взяла себя в руки. – Тогда повторяй за мной три обета, которые дают все хайдари, попадая сюда: «Мои желания суть ничто».

– Мои желания суть ничто, – послушно воспроизвела я.

– «Я ни над чем не властна».

– Я ни над чем не властна.

– «Мой господин – песок».

– Мой господин – песок, – произнесла я и обреченно сглотнула.

Пути назад уже не было.

Жрица подала мне балахонистый плащ, униформу всех хайдари:

– Надень это и надвинь капюшон как можно ниже, сестра моя. Вот мое первое распоряжение: сиди здесь, в этом зале, не шевеля ни единым мускулом в своем теле, и думай о нашем великом господине. Твое кресло – у двенадцатой колонны. – Шалкааш повелительным жестом указала на сиденье, самое дальнее от входа в зал. – От того, насколько точно ты исполнишь мой приказ, будет зависеть все остальное, ведь когда я вернусь, ты поведаешь мне, посетил ли тебя дух песка и посвятил ли в самые главные принципы нашей жизни. Иди!..

Я безропотно опустила капюшон, натянув его чуть ли не до подбородка, и поспешила сесть на указанное место. Гневный окрик жрицы настиг меня на полпути:

– Медленнее. Время песка – вечность. Хайдари никогда и никуда не спешат.

Я повиновалась. Усевшись в кресло, я сразу же поняла, что оказалась в куда более проигрышном положении, чем любая из дочерей песка, ведь опереться на спинку я не могла. Мне мешали сложенные под камзолом крылья. Стараясь ничем не выдать своего

замешательства, я кое-как угнездилась на твердом сиденье, склонила голову и с демонстративной кротостью сложила руки на коленях. Всем телом я ощущала на себе пристальный, пронизывающий взгляд Шалкааш, но не шевелилась и даже дышать старалась неспешно и равномерно, умиряя свою природную строптивость. Видимо, удовлетворившись увиденным, жрица важно покинула зал Размышлений.

Единственное, что у меня не получалось, так это думать о песке. Для меня песок ассоциировался лишь с образом беспощадного врага, стремящегося уничтожить весь Лаганахар, и поэтому я не находила в нем ничего величественного. Ну чему полезному мог научить меня песок? Возможно, лишь тому упрямству, с коим он двигался к намеченной цели. Да, песок беспощаден, но обещаю, что я еще потягаюсь с этой бесчувственной желтой стихией, ибо ничуть не уступаю ему ни в преданности делу, ни в напористости. Видимо, именно по этой причине мои мысли упорно отклонялись от заданной темы и возвращались к Ребекке, которую я так и не увидела нынешним утром. Еще я думала о Беонире, который наверняка сходит сейчас с ума от беспокойства и не знает, что ему следует предпринять. Какой уж тут песок? Но чтобы хоть немножко приблизиться к выполнению своего задания, я начала размышлять о том, каким же образом несчастные хайдари попали в подземную обитель и какая судьба ждет их в дальнейшем.

Судя по наличию в зданиях «ромба» детских вещей и оружия, на поверхности помимо женщин жили когда-то и мужчины, и дети. Где же они теперь? Кроме того, существовал еще один вопрос, очень меня волновавший: откуда берутся новые хайдари? Не из песка же они рождаются? Шалкааш недавно обмолвилась о том, что Кеелмин самая новенькая из них... Следовательно, она откуда-то пришла! А еще главная жрица упомянула о том, что когда-то ее звали Сатари... Значит, некогда у нее тоже был другой дом! Но что, спрашивается, может заставить молодую девушку отправиться в самый центр Пустоши? Что заставило зрелую и мудрую женщину отречься от своего родного дома? Я интуитивно не верила в версию о причастности всех этих женщин к гильдии Чародеев и необходимости наполнить выданную им Звезду своей души. Скорее всего, причина их добровольного присутствия в обители была иной.

За подобными размышлениями время летело быстро и незаметно, а вот тело начинало потихоньку уставать. Спина немилосердно ныла, плечи затекли, шея, казалось, сейчас переломится пополам. Даже ноги, которым выпала лучшая доля – опираться на пол, – хотели вытянуться наперекор моим усилиям. Я с иронией гадала, сколько еще мне нужно просидеть в этом чрезвычайно неудобном кресле, чтобы потом уже никогда не разогнуться. И стоит ли упоминать о том, что меня так и не посетило озарение, раскрывающее смысл человеческой жизни.

Шалкааш вошла в зал точно в тот переломный момент, когда я уже почти всерьез поверила, что превратилась в статую.

– Довольно! – властно объявила жрица. – Надеюсь, отведенное тебе время не потрачено зря и ты готова ответить на мои вопросы!

Последняя фраза просвистела в воздухе как удар бича, призванного подавить и растоптать мою уверенность в себе.

Я неопределенно пожала плечами, не рискнув сознаться в собственном невежестве.

– Жизнь каждого человека делится на три этапа, – торжественно возвестила жрица. – Это детство, зрелость и старость. Но каждый из этих временных циклов преподносит нам свои плоды. Женщина есть основа и прародительница всего живого, поэтому она должна знать, зачем и почему мы приходим в этот мир, а также – как мы уходим из него. Сейчас мы выясним, достойна ли ты чести называться женщиной. На каждый из моих вопросов ты должна отвечать тремя словами. Итак, скажи мне Йона, что в нашей судьбе никогда не возвращается обратно?

«Ого! – шокированно подумала я, чуть не подпрыгнув на месте от удивления. – Владыка Песок так и не соизволил одарить меня умными мыслями, зато точно такой же вопрос когда-то задавал мне дух короля Арцисса, это произошло во время нашего первого

знакомства под сенью Немеркнувшего Купола. Возможно, он предвидел мое будущее и сознательно подготовил меня к этому испытанию?»

– Время, слова и упущенные возможности! – не задумываясь, произнесла я, лишь сейчас вдумавшись в смысл уже знакомого вопроса и ответа. А ведь так оно и случается: в детстве мы бездумно расходим ценное время; в зрелости – бросаем на ветер неосторожно вырвавшиеся слова, влияющие на нашу судьбу; а в старости – жалеет об упущенных возможностях. И я тут же пообещала себе никогда впредь ничего не говорить наобум, и попусту не убивать время, убивающее всех нас.

– Надо же, ты не ошиблась! – превозмогая себя, сердито похвалила жрица. – А что никогда не следует терять?

– Спокойствие, надежду и честь.

Я не сомневалась в правильности своего ответа. И на сей раз я поняла, как много важного почерпнула в этой немудреной истине: в детстве мы не умеем оставаться спокойными и поэтому совершаем много ошибок; в зрелости мы обязаны сохранять надежду, какими бы сложными ни были обстоятельства; а в старости – не должны забывать о чести и об ответственности за совершенные нами поступки.

– Что в жизни наиболее ценно? – продолжала допытываться жрица, не на шутку разгневанная моей неоспоримой правотой.

– Принципы, дружба и любовь, – убежденно изложила я.

О да, ведь именно в детстве мы формируем свою личность, свои убеждения; в зрелости обретаем друзей; а в старости – не способны жить без любви близких и дорогих людей.

– А что в нашем мире не обладает надежностью?

– Сила, удача и власть.

В детстве мы не умеем пользоваться силой; в зрелости – теряем веру в удачу или, наоборот, чересчур на нее уповаем; ну а в старости – даже власть не может нам даровать здоровье и любовь.

– Что определяет жизненный путь человека?

– Труд, честность, достижения.

Мы трудимся в детстве, закладывая основу своего будущего; формируем себя как личность в зрелости; а пожинаем плоды своих трудов – в старости.

– Что разрушает человека?

– Предательство, гордыня и злость! – Я горестно прикусила губу.

Разве в детстве Арден не разрушал наши отношения, предавая чувства? Разве бич зрелости – не гордыня? Разве несчастье одинокой старости не есть злоба на всех, включая самого себя?

– Ты излишне ума! – возмущенно заскрежетала зубами Шалкааш. – Либо тебя и в самом деле надоумил на эти ответы дух песка, либо тебе помогает кто-то другой, вложив в твою голову такое невероятное количество недетской мудрости и прозорливости! Так или иначе я вынуждена констатировать, что эту часть испытания ты прошла!

Я обрадованно улыбнулась.

– Иди за мной! – мрачным тоном распорядилась хайдари. – Тебя ждет второй этап.

Но идти оказалось не так-то просто. Поднявшись, я тут же рухнула обратно в кресло, не справившись с затекшими ногами. Шалкааш, похоже, предвидела нечто подобное, потому что стояла у выхода, терпеливо дожидаясь, пока ее подопытная снова обретет контроль над своим телом.

Когда я с помощью магии пришла в себя, восстановила кровообращение и смогла, пусть и неуклюже, преодолевая страшную боль во всем теле, все-таки сдвинуться с места, жрица повела меня в коридор, в который выходили двери личных комнат всех хайдари. Моему изумлению не было предела, я даже ощутила кратковременный приступ острого страха, когда поняла, что мы направляемся в комнату Ребекки.

Шалкааш рывком распахнула дверь, даже не подумав постучаться, ведь о нашем появлении возвестил звонко тренькнувший колокольчик, и я увидела, как на лице поспешно

вскочившей с кровати лайил появилось выражение облегчения. Очевидно от того, что она увидела меня живой и невредимой.

– Вот мой следующий приказ, – ровным голосом произнесла жрица. – Вели ей немедленно уходить отсюда.

– Ах ты сволочь! – возмущенно вскричала Ребекка и схватилась за рукоять меча, лежавшего у изголовья кровати.

Я лихорадочно пыталась придумать что-нибудь действенное, что позволило бы мне избежать выполнения столь жестокого распоряжения. Беспомощно оглядываясь, я внезапно заметила на стене комнаты перечень заповедей хайдари, и в ту же секунду меня осенило.

– Позволь мне говорить, жрица? – Я склонилась в поклоне. – Второй обет звучит так: «Я ни над чем не властна». Увы, не в моей власти просить о чем либо эту девушку или приказывать ей.

Мгновенно все поняв, Ребекка залилась веселым смехом и сунула под нос жрице увесистый мстительный кукиш.

Я решила, что Шалкааш сейчас затопает ногами от злости, но она лишь сжала руки в кулаки так сильно, что у нее побелели костяшки пальцев. Голос хайдари не изменился ни на йоту:

– Ты отлично усвоила наши обеты, сестра. В таком случае идем дальше...

Несмотря на ее внешнее спокойствие, я вдруг почти физически почувствовала, как внутри жрицы лопнула какая-то ментальная струна, и это произошло в тот самый миг, когда я отказалась приказывать Ребекке. Шалкааш, спотыкаясь и покачиваясь, брела по коридору обители, а я следовала за ней, угадывая в сгорбленной спине хайдари и отчаяние, и разочарование, и вместе с тем едва затеплившуюся надежду на собственное избавление от гнета пустыни. Ведь если я смею сопротивляться власти песка, то значит, и она сможет это сделать?..

Далее происходило вот что: в течение всего дня Шалкааш придумывала для меня самые разнообразные поручения, но все это, казалось, более не занимало ее ум. Жрица не позволяла себе ни единого проявления эмоций, вела себя безупречно корректно, но я видела, что навязчивая дума, поселившаяся в сердце, терзает ее неотступно, становясь все более явственной и значимой для нее. И все-таки при этом Шалкааш противоречила самой себе: она искренне пыталась сломать мое самообладание и таким образом сделать меня настоящей хайдари, тонко сыграв на стремлении приобрести знания. Поначалу я считала, что жрицей движет только чувство долга, но потом поняла – ее ведет безумный, слепой страх! Но чего именно боялась волевая жрица?..

Упрямая Шалкааш не сдалась даже после неудачи с выдворением Ребекки, а ее задания продолжали поражать меня своей изощренностью и бессмысленностью. Мне довелось побывать в роли импровизированной полумойки: хайдари приказала натереть каменные плиты огромным куском соли. Я устала, кожу на руках разъело, а глаза слезились от едких испарений. Если бы я не догадалась задействовать магию, то у меня бы точно ничего не получилось. Но все-таки я успешно справилась с поручением, и жрица лишь снисходительно хмыкнула, рассматривая пол, блестящий, словно мастерски отполированное зеркало. После этого меня отправили на кухню, но такой работы я не боялась и выполняла ее с удовольствием. Самым бессмысленным мне показалось просеивание песка сквозь сито. Мне пришлось заниматься этим делом три часа кряду, но никто не услышал от меня ни единого слова жалобы.

Следует заметить, что, пока я работала, все остальные хайдари всячески мне мешали, оскорбляя и отвлекая от дел. Стоило только на секунду отвернуться, как нужные предметы исчезали неизвестно куда, а приготовленная мною пища оказалась испорчена пригоршней золы, после чего мне поневоле пришлось начать все сначала. При натирании полов солью дочери песка наступали мне на руки, но и это не вывело меня из равновесия, а мои уста не исторгли ни одного слова укора. В глубине души я даже забавлялась их жалкими потугами, ибо у нас в приюте устраивали и не такие пакости. Впервые в жизни я мысленно благодарила

судьбу, преподавшую мне урок сиротской жизни и тем самым отлично подготовившую к сегодняшним испытаниям. Вот уж точно: нет худа без добра!

Итак, в течение всего дня я оставалась самой спокойной и смиренной из всех дочерей песка, не вызвав никаких нареканий со стороны Шалкааш. Да, жрица гневно шипела и ворчала, но упрекнуть меня ей было совершенно не в чем.

После ужина Шалкааш встала и без всяких эмоций объявила:

– Я – главная жрица Шалкааш. Слушайте мои слова. Йона, ученица гильдии Чародеев, почти прошла испытание Смирения и доказала, что достойна обладать частицей хранимого нами тайного знания. Дар будет вручен ей немедленно. Я закончила.

На протяжении всей трапезы я сидела как на иголках и теперь, когда находящаяся рядом Ребекка ободряюще пихнула меня локтем, немного успокоилась. Все тело у меня ныло, особенно руки, которым пришлось три часа трясти тяжелое металлическое сито. Но, кажется, близится конец нашего пребывания в обители.

Я едва сумела дожидаться завершения ужина. Все дочери песка снова выстроились в две шеренги, во главе которых встала весьма неприятно и загадочно ухмыляющаяся Шалкааш. Процессия неторопливо двинулась в отдаленное крыло обители, где нам с Ребеккой пока еще не довелось побывать. Поход оказался недолгим, и вскоре мы остановились перед массивной железной дверью, на которой висел увесистый замок.

– Вот! – церемонно провозгласила жрица, указуя простирая руку. – Хранилище древних знаний, которые мы обязаны стеречь и оберегать. Ты, Йона, – холодная и костлявая рука женщины слегка коснулась моей груди и тут же отдернулась то ли со страхом, то ли с отвращением, – стала первой женщиной, практически сумевшей пройти испытание Смирения. Я склоняюсь перед твоими достоинствами! – Шалкааш слегка наклонила голову, словно делала мне величайшее одолжение. – Поэтому пойд и возьми то, к чему ты так стремишься и чего заслуживаешь!

Я нерешительно потрогала кованый замок. Его поверхность облепил толстый слой ржавчины, и мне тут же стало понятно – этот запор не открывали уже очень и очень давно.

– Откройте дверь, – сдавленно попросила я, уже предугадывая очевидный ответ.

– Мы не можем! – ликуя отказалась Шалкааш. – Многие десятилетия мы храним и оберегаем сокровища, скрытые в этой кладовой. Храним и оберегаем! – подчеркнула она. – Но мы никогда не входим внутрь помещения, ибо у нас нет ключа от этой двери! – Уже не сдерживая себя, хайдари злобно расхохоталась. – Ты тоже не сумеешь ее открыть, а значит, не справишься с последней частью испытания. Поэтому, согласно нашему уговору, ты должна будешь навсегда остаться в обители и стать дочерью песка!

– Нет! – протестуя завопила Ребекка, хватаясь за акинаки. – Мерзкая лгунья, ты не получишь Йону!

– Держите ее! – скомандовала Шалкааш, презрительным взмахом руки показав на воительницу. – Выбросите на поверхность эту гадкую девку и закройте вход в обитель.

Семнадцать жриц немедленно подскочили к бессильно ругающейся лайил, вытащили из-под своих одеяний тонкие прочные веревки, умело опутали бушующую Ребекку и поволокли ее прочь. И лишь одна Кеелмин протестуя отпрянула в сторону, не пожелав принимать участие в творящейся несправедливости.

– Стойте! – вдруг негромко приказала я, но в моем тихом голосе прозвучали настолько жесткие нотки, что жрицы не осмелились ослушаться и замерли, растерянно отпустив растрепанную Ребекку. – Я открою эту дверь!

– Откроешь? – недоверчиво ахнула Шалкааш. – Интересно, чем? О нет, ты блефуешь! – заявила она, но дрожащая нижняя губа красноречивее слов выдавала ее испуг и недоумение. – Ключ от этой двери имеется у богини Банрах, и только у нее одной!

– Ты уверена? – спокойно улыбнулась я.

Вплотную подойдя к двери сокровищницы, я опустила руку в свою сумку и извлекла из нее ключ, который нашла среди вещей эльфийского чародея Лаллэдрина...

Прошлое и будущее – а существуют ли они в реальности? Возможно, они только

мираж, всего лишь буйная игра нашего воображения. Я не видела прошлого и не увижу будущее, потому что живу сегодняшним. Все события мира: те, что происходили «до», или те, что свершатся «после», – сосредоточены для меня в текущем моменте, в настоящей минуте, в этом видимом, ощущаемом, обоняемом, осязаемом великом «сейчас». И, наверное, от меня требуется только одно – суметь понять и поймать это быстротечное «сейчас», приходящее из прошлого и уходящее в будущее. Большинство здравомыслящих людей, конечно, в это не поверят. Они хотят быть последовательными. Их разум, напрочь отвергая мистику и магию, неустанно нанизывает события на нить времени – одно за другим, словно бусины того бесконечного ожерелья, которое мы привыкли называть бытием. Люди по природе циники, прагматики и скептики, и с этим ничего не поделаешь, ибо таков человек.

Да, но как тогда быть со знаками судьбы, с интуицией и голосом души? Они рассказывают нам о будущем, а значит, оно уже есть. А если в настоящем содержится будущее, то значит, здесь же существует и прошлое. Именно поэтому мы можем чувствовать, что в жизни нет ничего случайного, а все, что происходит с нами, происходит в нужное время и в правильном месте.

Думаю, сумка Лаллэдрина совершенно не случайно попала ко мне в руки, став одной из многочисленных перепутанных деталей настоящего, ничего не значащих по отдельности, но в совокупности определивших будущее нашего мира. И сейчас, увидев замок без ключа, я приняла его за благой знак судьбы. А о страшной угрозе, сопутствующей раскрытию тайны этого ключа, о чем предостерегал меня мудрый Альсигир, я предпочла пока что не думать, не сумев определить, к какой категории поступков относится тот, что я собиралась совершить в данный момент. К тому же, если все, что говорят о добре и зле, – правда, то вся моя жизнь – одно сплошное преступление!

Я вложила ключ в замочную скважину и с усилием его повернула. Замок сначала протестующе закрипел, не желая открываться, но потом все-таки сдался и уступил моему напору. Железная дужка отошла, замок со стуком упал на каменный пол, а дверь кладовки зазывно распахнулась... Мы молча переступили через порог, вошли внутрь помещения и замерли в восхищении.

В центре хранилища располагался невысокий стеллаж со старинными фолиантами, а вдоль стен тянулись ряды узких комодов, снабженных множеством ящичков. Я последовательно выдвигала эти ящики и в каждом из них находила огромное количество различных колб, шкатулок и флаконов. На нескольких столах были в беспорядке набросаны изящные золотые украшения, щедро изукрашенные драгоценными камнями и надписями на неизвестном языке. Похоже, хранилище было одновременно сокровищницей и лабораторией мага.

– Ты можешь взять одну из этих вещей, выбрав ее в соответствии со своим вкусом и предпочтениями, – милостиво разрешила Шалкааш, не менее меня очарованная обнаруженными раритетами. – Но учти, только одну!

Я задумчиво перебирала дивные безделушки, все не решаясь остановить свой выбор на чем-то конкретном. Но тут за стеллаж бесшумно прошмыгнула Кеелмин, и я услышала ее торопливый шепот, раздавшийся возле самого моего уха:

– Бери только то, что помечено эльфийскими рунами. Остальное не принесет тебе счастья, маленький эльф.

– Почему? – так же тихо поинтересовалась я.

– Я чувствую. Поверь, я тоже кое-что умею!

Главная жрица внезапно выглянула из-за полок, от нее так и веяло подозрительностью, но Кеелмин уже снова с невинным видом стояла у самого входа, неподвижная как статуя.

– Подожди нас за дверью, Кеелмин, – сквозь зубы процедила хайдари и обратилась ко мне: – Поторопись с решением, ученица гильдии Чародеев. Ты вольна выбрать одну из вещей с этого стола и уйти с миром. Я не могу сказать тебе, какая магия скрыта внутри каждой из них. Полагаю, ты должна сделать свой собственный выбор.

Я медленно подошла к столу, на который указала жрица, и принялась разглядывать

расставленные на нем предметы. Все они оказались шкатулками одинакового размера, украшенными причудливой резьбой и тайными письменами. И таких шкатулок я насчитала тринадцать. Я силилась разобрать буквы, вырезанные на каждой, но путалась в обилии виньеток и закорючек. Только одна руна показалась мне смутно знакомой... Она читалась как «ветер». Шкатулка, содержащая эту руну, была изготовлена из красного дерева, а замочная скважина заветного ящичка имела форму мантикоры с распростертыми крыльями... Сердце мое вдруг забилося сильнее, без слов подсказывая: «Это и есть то, что тебе нужно». А еще я вспомнила мозаику в Немеркнувшем Куполе и перестала колебаться. Я решительно взяла шкатулку с «ветром» и прижала к груди.

В ту же секунду меня словно ударила волна бесконтрольного страха и злобы, исходящая от жрицы. Женщине потребовалось некоторое время, чтобы взять себя в руки, но полностью взять эмоции под контроль она так и не смогла.

– Я чувствую, эта вещь несет в себе нечто страшное, очень опасное для нашей богини! – прошипела Шалкааш. – Приказываю: немедленно положи ее обратно.

– Неужели клятва дочери песка ничего не значит? – издевательски рассмеялась я, а на моей ладони неожиданно заплясал крохотный язычок магического пламени. – Не серди меня, жрица, ибо в этом хранилище слишком много сухого дерева... Одна шкатулка в обмен на все сокровища... Ты готова рискнуть?

Хайдари ненавидяще стиснула челюсти, но все же не осмелилась усугубить и так уже наметившийся конфликт:

– Это твой окончательный выбор?

Я кивнула с непоколебимой уверенностью, и тогда жрица продолжила с некоторой обреченностью:

– Ты сможешь открыть ее позже, в любое время, когда пожелаешь. А сейчас вам обоим пора покинуть нашу обитель. Навсегда.

– Какая радость! – с облегчением прошептала Ребекка.

Мы вышли из сокровищницы. Я тщательно заперла дверь и с невозмутимым видом убрала ключ обратно в сумку. Реакцией на мои действия стал громкий зубовой скрежет Шалкааш, но она опять воздержалась от каких-либо действий. Вслед за ней мы прошли в зал Раздумий. Я, заметив, что Кеелмин не собирается выходить за пределы трапезной, подошла к ней и с благодарностью поклонилась:

– Спасибо тебе. Спасибо за все.

– Долг платежом красен, ведь ты спасла мне жизнь! – с признательностью прошептала та. – Будь счастлива, маленький эльф, и вспоминай иногда ту, которая когда-то звалась Аттой из Блентайра...

– Так ты родом из Блентайра? – поразила я. – Но как ты попала в это мрачное место и почему?

– Когда-то я тоже мечтала вступить в ряды гильдии Чародеев, – печально вздохнула Атта. – Получив Звезду своей души, я отправилась на поиски испытаний, достигла Пустоши и, поверив лживым заверениям Шалкааш, оказалась пленницей этой обители. Умоляю тебя, Йона, если ты сумеешь вернуться в Блентайр, вспомни обо мне и передай весточку моему другу детства – чародею по имени Джайлз. Этот мальчик считался самым талантливым среди всех учеников Звездной башни, и я верю, что он не погиб, а с честью прошел через все перипетии судьбы и стал магом!

– Ты права, – радостно рассмеялась я. – Я знакома с Джайлзом, он и в самом деле стал чародеем и вырос в очень красивого юношу!

Атта счастливо вскрикнула, но тут же смутилась и заглушила свой голос ладонью, стеснительно прижатой ко рту. А я была готова поклясться в том, что ее щеки, закрытые покрывалом, окрасил нежный румянец застенчивости. Похоже, для Атты мой дорогой Джайлз был и остался не просто другом...

– Я никогда не забуду тебя и непременно передам весточку Джайлзу! – пообещала ей я и побежала дальше, спеша догнать ушедших далеко вперед Ребекку и Шалкааш.

Главная жрица привела нас к тому самому месту, откуда вчера началось наше путешествие по обители дочерей песка. В стене этого узкого каменного колодца обнаружилась еще одна дверь, которую женщина и отворила перед ними.

– Там ступени. Поднявшись по ним, вы очутитесь в здании наверху. Прощайте. – Жрица развернулась к нам спиной, намекая на то, что наша дальнейшая судьба ее совершенно не интересует.

– Шалкааш! – окликнула я. – Спасибо тебе. И позволь задать всего один вопрос: почему из всех помещений наверху заперт именно детский корпус?

И без того напряженная спина хайдари буквально окаменела. Сначала мне показалось, что жрица оставит мой вопрос без ответа, но та после недолгих колебаний передумала и из-под покрывала донеслось приглушенное рыдание.

– Корпус заперт, дабы те, кто следует зову песка, не повернули обратно. Ведь единственное, что может заставить женщину преодолеть все преграды и разорвать все оковы, – это желание иметь ребенка. Прощайте!

Все еще пребывая под впечатлением от последних слов жрицы, мы с Ребеккой вскарабкались по крутой винтовой лестнице и очутились перед странной дверью. Лайил толкнула ее плечом, и мы недолго думая вылезли на поверхность. С обратной стороны двери была замаскирована зеркалом.

Выбежав наружу, мы увидели Беонира. Непринужденно болтая ногами, погруженный в чтение юноша сидел на бортике фонтана, а его окружало огромное количество книг, небрежно сваленных прямо на песок. Заметив нас спешащих к нему во все лопатки, ниуэ от растерянности чуть не свалился со своего импровизированного насеста, выронил фолиант, который в этот момент держал в руках, и испустил радостный вопль:

– Небеса, я так за вас волновался, любимые мои! Красавицы мои, скажите, вас схватили песчаницы?

– Откуда ты знаешь? – подозрительно глянула на него воительница, но юноша лишь счастливо махнул рукой:

– Я стал просто ходячим справочником, содержащим всю информацию относительно Пустоши и ее обитателей. Я провел весь день, копаясь в этих книгах и пытаюсь изыскать возможность вам помочь. Но обо всем этом можно поговорить и позже, а сейчас скорее рассказывайте, что же с вами произошло!

Взахлеб, перебивая друг друга, мы поведали Беониру о событиях последних суток, проведенных нами под землей. Любопытному ниуэ оставалось только рот раскрывать от изумления, но, к чести славного юноши, делал он это не слишком часто, так как о многом уже заранее узнал из книг.

– Ну вот! – расстроено надулась Ребекка. – Ничем-то тебя не удивишь...

– Ученье – свет! – лукаво подмигнул воительнице Беонир. – А неученье – чуть свет и в ночной дозор по Блентайру!

Он, конечно, намекал на работу лайил. Девушка обиделась еще сильнее и демонстративно отвернулась. Юноша виновато вздохнул.

– Беонир, а ты случайно не знаешь, что означает руна, нарисованная на выбранной мною шкатулке? – Я протянула юноше добытое мною сокровище.

Ниуэ поднял с песка одну из книг и несколько секунд сосредоточенно ее листал. Найдя нужную страницу, он важно поднял палец и объявил:

– В переводе со старозельфийского она читается как «ветер»...

– Это Йоне и без тебя известно! – мстительно хохотнула воительница и процедила с донельзя презрительными интонациями: – Уче-е-еный...

Лайил на секунду задумалась и, осененная какой-то идеей, с жаром воскликнула:

– Кажется, я поняла, почему жрица так испугалась, ведь только ветер способен управлять песком. Она боялась, что ты решишь ей отомстить! – и для пущего эффекта кровожадно вытаращила глаза.

Беонир схватился за бока и зашелся в гомерическом хохоте, одобряя эту комическую пантомиму. Но мне было не до смеха.

– Я решу ей отомстить? – удивилась я. – Но за что?

– Да уж, точно, ты права, – унижительно фыркнула лайил. – Она же сама себя похоронила заживо, какая уж тут месть. Ладно, давай открывай!

Я крепко зажала шкатулку в одной руке, словно боясь, что заключенный внутри ветер вырвется наружу, а другой осторожно приоткрыла резную крышку... Ослепительное сияние ударило по глазам, заставив беспомощно заморгать... А когда оно потухло, мы увидели, что на дне шкатулки покоится небольшой золотой медальон круглой формы, прикрепленный к тонкой цепочке. На поверхности до блеска отполированного диска имелась чеканка, изображающая двух летящих мантикор, а по краю шла надпись.

– «Ловец ветра»! – возбужденно прочитала я.

– Офигеть! – лаконично прокомментировала ошеломленная лайил.

– Эта штука и правда способна повелевать ветром? – спросил Беонир с неожиданным благоговением в голосе.

– Наверное, да! – обрадованно кивнула я. – Но как же ею пользоваться?

– Надень – и узнаешь, – посоветовал юноша. – Возможно, она научит тебя летать.

– Правда? – по-детски восхитилась я и, сбросив камзол, тут же повесила цепочку с медальоном себе на шею... Разумеется, несмотря на проделанные манипуляции, со мной не произошло ничего необычного.

– И долго придется ждать? – с придыханием спросила Ребекка, глядя на меня стоящую с закрытыми глазами, широко разведенными в стороны руками и с выжидательно распахнутыми крыльями.

– Что? – отмер Беонир, не сводящий с меня загипнотизированного взора. – А-а-а... Не знаю...

– Ясно! – Ребекка иронично толкнула его в бок. – Похоже, от твоего учения не много проку, сплошной выпендрей. Ладно, ты лучше расскажи, что еще интересного тут нарыл?

– Расскажу, только давайте пройдем внутрь здания. Там вполне можно переночевать, а утром тронемся в путь, – предложил изрядно сконфуженный юноша, осознав, что книги не оправдали возлагаемых на них надежд.

– А что, внутри ты резко поумнеешь? – издевательски хихикнула въедливая, словно клещ, воительница. – Ну-ну.

Беонир страдальчески скривился, ибо начал постигать смысл великой истины, гласящей, что если женщине нечего сказать, то это еще не значит, что она будет молчать!

Глава 7

Мы перетаскивали три кровати в одну комнату, и лишь после того, как смогли устроиться поудобнее, ниуэ начал рассказ:

– Как я понял, здесь когда-то существовало что-то вроде лаборатории. Но эксперименты ставились не на крысах, а на людях...

– На людях? – в ужасе приоткрыла рот крайне впечатлительная Ребекка. – Но это ужасно!

– Да. В этом корпусе жили женщины, в остальных соответственно, дети, мужчины и старики. Их держали отдельно друг от друга, а встречаться разрешалось только мужчинам и женщинам... Иногда, ну, сами понимаете, для того, чтобы... Для того... – Он смутился, сбился с мысли и покраснел.

– Да не мямли, поняли мы, для чего! – сердито сказала Ребекка, целомудренно отводя глаза. – Давай дальше.

– Честно говоря, я так и не нашел результатов этих опытов. Видимо, экспериментаторы забрали их с собой.

– И кто это был? Кто эти изверги? – стукнула кулаком по кровати воительница.

Похоже, она слишком близко к сердцу приняла идею использования людей вместо лабораторных крыс.

– Этого-то я и не узнал. Они хорошо замели следы... Но зато видите, как продуманно они все обставили: женщины жили в роскоши и целыми днями разглядывали себя в зеркалах...

– Тупели, одним словом, – язвительно вставила лайил.

– Ну, возможно, и так... Хорошо хоть у мужчин подобной роскоши не водилось, у них имелось только самое необходимое, ну и оружие, конечно, причем весьма неплохое. – Беонир любовно погладил колчан со стрелами, найденный в мужском корпусе. – А знаете, что самое ужасное?

– Что?! – в один голос воскликнули и так уже донельзя пораженные мы.

– Им разрешалось читать книги только в старости. Старики вообще были предоставлены сами себе и быстро умирали. Но однажды женщины взбунтовались...

– Ясное дело, что это сделали именно они! – многозначительно хмыкнула Ребекка. – Ведь только женщина способна сотворить из мужчины человека, умело используя его животные инстинкты! – Она одарила юношу высокомерным взглядом, но он предпочел сделать вид, будто не заметил вызывающего демарша.

– Так вот почему они поклоняются песку! – Я сидела, крепко обхватив колени руками, и дрожала от негодования. – Наивные женщины попросили помощи у богини Банрах!

– Судя по всему, насланная змееликой песчаная буря изгнала их мучителей. А так как эти женщины оказались... кхм...

Ниуэ смущенно кашлянул и покосился на Ребекку. Девушка благосклонно кивнула, разрешая ему говорить, и юноша продолжил:

– Поскольку эти женщины оказались не сильно умны, они повторили ошибку жителей Блентайра и каким-то образом попали в рабство к богине. Честно говоря, я очень за вас боялся, – признался Беонир под конец своей речи.

– А ты узнал, как они заманивают сюда новых девушек? – поинтересовалась я.

– Все очень смутно. Но помнишь, – он повернулся к Ребекке, – ты вскользь упоминала о том, что слышала в голове некую одурманивающую песню?

– Ну и?

– Думаю, этой мелодией и заманивают. Просто ты слышала ее очень слабо... Не знаю почему.

– А я и вообще ее не слышала! – удивилась я.

– Полагаю, эта зазывная песня действует только на людей, – предположил юноша. – В жилах Ребекки присутствует толика крови лайил, ну а тебя спасло твое полуэльфийское происхождение. Короче, вы оказались буквально на волосок от смерти, вернее, от вечного заточения в обители песчаниц, что, на мой взгляд, гораздо хуже...

Ниуэ явно собирался добавить что-то еще столь же мрачное, но Ребекка, считаящая, что я и так пережила за сегодняшний день достаточно неприятностей, выразительным взглядом попросила юношу замолчать.

– Думаю, нам всем пора спать, – заявила лайил. – Встаем на рассвете и со всех ног мчимся прочь из этого жуткого места. Спи и ни о чем не беспокойся, Йона, мы с тобой.

– Нас ждут Белые горы, – сонно прошептал Беонир и по самые уши зарылся лицом в подушку.

Через пару минут в комнате раздался переливчатый храп моих друзей, но мне, в отличие от них, не спалось. Мой мозг переполняли десятки противоречивых мыслей, порожденных логической незавершенностью нынешних обстоятельств. Все, что произошло с нами в Пустоши, казалось мне совершенно бессмысленным и неправильным, но я тщетно напрягала ум, пытаясь найти выход из безвыходной ситуации. Меня сильно печалила участь несчастных дочерей песка, я очень хотела им помочь, но, увы, не знала, как это можно сделать... И потом, я же искала здесь свое третье испытание, а нашла лишь горстку раздавленных горем женщин. Громоподобное «хр-р-р» Беонира и деликатное «фру-у-ух»

Ребекки отвлекали меня от размышлений, и, чтобы сосредоточиться, я покинула комнату, вышла во двор и задумчиво уселась на край фонтана.

Густой чернильный оттенок ночного неба там и сям затейливо прореживали золотистые точки звезд. С наступлением темноты дневная жара бесследно исчезла, сменившись весьма ощутимой прохладой. Я зябко передернула плечами и потуже затянула на шее шнурок плаща, стремясь укрыться от настырно забирающегося под одежду холода. Странное место эта Пустошь! Наверное, она похожа на человеческое сердце – вот так же отчаянно бросающееся от любви к ненависти, от тепла к холоду... Слово «любовь» чем-то зацепило мое сознание, заставив растерянно всплеснуть руками. Разгадка находится совсем рядом, она плавает на поверхности моего сознания, нужно просто отсеять все ненужное и... Я сделала порывистое движение, плащ съехал с коленей и приоткрыл полу камзола, из кармана которого вдруг выпало нечто небольшое, гладкое и округлое... Я наклонилась и подобрала с песка раковину, подаренную мне мертвым королем Арциссом.

«А я уже успела позабыть о тебе, дитя моря! Прости меня, глупую», – виновато подумала я и извиняющимся жестом приложила раковину к уху. Морское сокровище, наученное Лорейной, сначала молчало, а потом тихонько запело нежным проникновенным голосом.

Скажи мне, рок, зачем когда-то,
Сплетая жизней наших нить,
Ты подарил душе крылатой
Само умение любить?

Смешал в безудержном экстазе
Добро и зло, тоску и гнев
И научил, как в высшей фазе
Сорваться, сердцем отболев...

Как можно мир за миг единый
Отдать, продать или украсть,
Финал пресечь неотвратимый
И даже смерть принять за страсть,

В обман поверить и в уловку,
Жизнь перекрасить в цвет любой
И в западню – смешно, неловко,
Ступить с отчаянья ногой...

За что обрек нас на мученья?
Мы и теперь готовы кровь
Пролить за сладкие мгновенья,
Стремясь познать ее, любовь!

Мы шепчем каждый день молитвы,
Возносим из пучин греха,
Но после них в любовь, как в битвы,
Спешим под знаменем стиха!

А потому мы раз от разу
Смиренно просим: «Дай вкусить
Нам это зло, чуму, заразу,
Твой дар – умение любить!»

«Странно! – взволнованно размышляла я. – Неужели волшебная раковина сумела уловить мои сомнения? Пропетые ею строки как нельзя точнее иллюстрируют судьбу несчастных песчаниц: их бытовые потери, утрату любви, их тупой фанатизм... Чего они лишились? Что удерживает их в обители? А сама раковина... Ведь Альсигир говорил о том, как однажды она заплачет, и тогда... Тогда...» – И тут я резко вскочила, ибо снизошедшее на меня озарение было подобно удару молнии, разбившему монолит моего отчаяния. Я внезапно поняла все!..

– Ребекка, Беонир, просыпайтесь немедленно! – ликующе вопила я, кругами бегая вокруг фонтана от избытка переполняющих меня чувств. – Я придумала!

– Ну и что такого замечательного ты опять придумала? – кисло поинтересовалась воительница, выходя из дверей корпуса и кулаками растирая не желающие раскрываться глаза. – Не могла до утра подождать? Лучшее, чем можно сейчас заняться, это хорошенько выспа-а-а... – Конец фразы потонул в громком зевке.

– Придумала, как спасти дочерей песка! – захлебывающейся скороговоркой выпалила я, ожидая ее восторженной реакции.

– Чего? – У лайил даже рот от возмущения перекосялся. – Зачем? Думаешь, они заслуживают твоего сострадания?

– Великодушие состоит не в том, чтобы дать другому человеку нечто такое, в чем он нуждается больше меня, а в том, чтобы дать ему то, без чего я сама не могу обойтись! – улыбнулась я.

– Без чего это? – непонимающе изогнула бровь моя окончательно проснувшаяся подруга.

– Без любви! – скромно пояснила я.

– А-а-а! – глубокомысленно протянула Ребекка и задумалась. На ее красивом лице отразилась застарелая, дремучая сердечная тоска.

– Йона, подумай, а стоит ли? – нудно завел Беонир, следом за воительницей выползший из недр здания, служившего нам временным пристанищем.

Но я, не дослушав его вразумляющие сентенции, выхватила из ножен Лед и со всего маху врезала клинком по статуе, возвышающейся в центре фонтана. На песок посыпались разнокалиберные обломки мрамора... Ребекка и Беонир протестующе запричитали, но меня было уже не остановить.

– Зря ты так поступила! – осуждающе произнесла лайил. – Богиня коварна и злопамятна, она отомстит за надругательство.

– Значимость человека определяется не тем, чего он достиг, а скорее тем, чего он дерзает достигнуть! – отмахнулась от нее я, водружая на опустевший постамент свою певучую раковину.

– Плачь! – громко приказала я и, склонившись, прошептала раковине строки, некогда продекламированные мне чародеем Альсигиром и навечно врезавшиеся в мою память.

– Йона, ты, наверное, сошла с ума! – мрачно изрекла Ребекка, внимательно наблюдающая за невообразимым действием. – Раковины не плачут...

– Разве? – усмехнулась я, ибо увидела, как в глубине перламутрового завитка вдруг заплескалась невеста откуда появившаяся голубая влага. Вода все прибывала, превратившись сначала в тонкий ручеек, свободно перелившийся через край ракушки, а затем – в широкий поток, постепенно заполняющий все пространство фонтана, огражденного каменным бортиком, размывая скопившийся в нем песок.

– Ну и к чему все это? – с непониманием осведомилась воительница, отшагивая назад, ибо вода уже подступала к самым ее ногам, грозя замочить щегольские, подаренные эльфами сапоги. – Ну уподобилась ты Неназываемым, создавшим сушу и реки с морями... А дальше-то что?

Я не удостоила подругу ответом, просто лукаво ей подмигнула и, развернувшись на каблуках, целеустремленно зашагала к детскому корпусу... Брюзжа, словно пара дряхлых

стариков, друзья направились за мной. Ощущая в себе силу гиганта, я нетерпеливыми пинками вышибла несколько дверей, преграждающих мне дорогу, правда, присовокупив к примитивному напору грубой силы толику подвластной мне магии. Достигнув кладовки, где на стеллажах хранилось множество детских статуй, я наугад сняла со своего ожерелья еще одну жемчужину Эвреики, зажмурилась и, не глядя, с надеждой бросила ее через плечо...

– А третья есть сама любовь! – громко провозгласила я и выжидающе замерла, не осмеливаясь оглянуться.

– Офигеть! – вдруг ахнула Ребекка и звучно шлепнулась на пятую точку. – А чтоб меня мантикора три раза переварила!

«Ну раз уж наша воительница впервые в жизни адресовала себе свое любимое ругательство, значит, там случилось нечто воистину несусветное!» – с ликованием поняла я и стремительно обернулась... На одной из полок стеллажа сидел крохотный мальчонка лет трех, одетый в красные штанишки и замшевую безрукавку. Малыш недоуменно жмурил припухшие от долгого сна глазенки и испуганно кривил губки.

– Он, он... – Ребекка, безуспешно пытающаяся придать нормальное выражение своему вытянувшемуся лицу, указала на мальчика пальцем с сильно обгрызенным ногтем. – Он еще минуту назад был статуей, да вот только камень с него неожиданно осыпался, словно легкая луковая шелуха. Представляешь?

– Ага! – радостно рассмеялась я. – Еще как представляю. Иди ко мне, мальчик! – Я протянула руки и ласково приняла в объятия почти невесомое тельце карапуза. – Я отнесу тебя к маме.

– Мама, мама, хочу к маме... – неразборчиво залепетало дитя, доверчиво принякая к моей груди.

– Офигеть! – будто заведенная, твердила воительница, следуя за мной по пятам и неся на руках очаровательную девчушку с длинными черными косичками. – Йона, так ты и с их родительницами, выходит, знакома?

– Ага! – снова подтвердила я. – Так же, как и ты!

Моя последняя реплика ввергла Ребекку в окончательный и бесповоротный экстаз.

Небосклон еле окрасился первыми лучами лениво выползающего из-за линии горизонта Сола, когда мы трое вернулись во двор, окруженные толпой малолетних ребятишек. Но это было еще не все. Стоило нам приблизиться к фонтану, уже полностью соответствующему своему названию и назначению, как из воды вдруг вынырнула неумело барахтающаяся Шалкааш, забавно облепленная насквозь промокшим покрывалом.

– Нас затопило! – спокойно заявила главная жрица, усиленно стараясь не растерять последние остатки чувства собственного достоинства. – Совершенно, до самого верха...

Она величественно оперлась на руку Беонира, поспешившего ей на помощь, и кое-как перебралась через скользкий бортик. Чуть подумала и с сердитым вздохом откинула мокрое покрывало... Нашим взорам предстало необычайно красивое лицо женщины средних лет, с тонкими благородными чертами, исчерщенное преждевременными морщинами. Внезапно рот Шалкааш исказила гримаса изумления...

– Рубен, сын мой! – завопила она так пронзительно, что я едва не оглохла, после чего бывшая хайдари выхватила у меня карапуза в красных штанишках и осыпала пылкими поцелуями его щекастое личико.

– Омар, дитяtko бесценное! Фирузи, доченька! Маруш, кровиночка моя! – торопливо выбирающиеся из фонтана женщины, еще вчера называвшие себя дочерьми песка, сдергивали с голов давно опостылевшие покрывала и самозабвенно расхватывали спасенных мною детей.

Над двором витали дружные крики «мама» и счастливый детский смех. А я сидела на большом камне и устало наблюдала за всей этой суматохой, мысленно посмеиваясь над посрамленной богиней Банрах, враз лишившейся значительной части своих жриц. Она пыталась силой заставить их служить себе, забывая о том, что в мире нет ничего более крепкого и надежного, чем искренняя любовь, доверие и бескорыстная помощь. А на одном

смирении далеко не уедешь, ведь как сказал однажды брат Флавиан: «Подлинная суть близких отношений состоит не в том, что друг открывает тебе, а в том, чего он не может открыть. А посему, если хочешь понять другого человека, вслушивайся не в то, о чем он говорит, а в то, о чем он умалчивает». И поэтому именно сейчас я искренне сожалела о том, что не умела раньше слушать такое красноречивое молчание Ардена...

– О чем я могу тебе рассказать? – Сатари, к которой я категорически отказалась обращаться иначе, используя ее прежнее омерзительное имя Шалкааш, потерянно всплеснула руками. – Ведь ты и так все знаешь!..

– Тогда я начну, а ты поправишь меня там, где я ошибусь, – шепотом предложила я, любовно рассматривая накормленных детей, разложенных по кроваткам.

Мы истратили почти все наши продовольственные запасы, но я о том не жалела. Сатари заботливо поправила одеяло, укрывающее малыша Рубена, и согласно кивнула.

– Значит, – неторопливо начала я, – когда-то вы жили в Ил-Кардинене. Или, во всяком случае, некоторые из вас...

– Да... – На лице Сатари появилось мечтательное выражение. – Почти двести пятьдесят лет назад...

– Ты на столько не выглядишь! – скептически хмыкнула Ребекка, ногой покачивая ближайшую из люлек.

– Время не властно над песком и его служительницами, – коротко пояснила бывшая хайдари.

– Но ваша жизнь не протекала так уже безоблачно, ибо некто могущественный правил в городе, подчинив себе всех его жителей, – продолжила я. – Женщин, мужчин, стариков...

– Мы пробовали бунтовать, но сделали только хуже, – опечаленно вздохнула Сатари. – Кому-то из наших повезло: они сумели сбежать из города, отправившись в скитания. Но большинство из нас поймали и заключили в тюрьму, построенную в форме ромба, отделив друг от друга. Я входила в состав городского магистрата, но вместе с прочими женщинами попала в роскошный чертог, где проводила дни в ленивом ничегонеделании. К тому же нас заставляли умащать свои тела маслом растения кагуария, которое обладает свойством подавлять волю к сопротивлению и убивает память. После неудавшегося восстания часть наших мужчин погибла, часть успела спастись, ну а остальные стали подобными нам пленниками, заключенными в другом корпусе. Дети и старики содержались отдельно. Таким образом, нас превратили в тупой скот, обязанный размножаться и давать кровь, столь необходимую нашим господам.

При этих словах я горестно поморщилась, ибо уже поняла, кем именно были эти жестокие хозяева.

– Но однажды вы внезапно пробудились от насланного на вас дурмана и обратились к богине Банрах, умоляя ее избавить вас от мучителей и взять под свою опеку? – предположила я.

– Воистину так, – подтвердила женщина. – Мы слепо пошли на поводу у своей наивности, не догадываясь о том, что попадаем из огня да в полымя!

– Змееликая помогла, но взамен потребовала от вас безоговорочного служения и повиновения. А чтобы вы не вздумали протестовать, забрала у вас детей и обратила их в камень, пообещав когда-нибудь смиростивиться и вернуть малышей обратно, – уверенно проговорила я.

– Да, – виновато покраснела Сатари. – Мы оказались в ловушке. Мы пели, заманивая в свою обитель новых сестер, а иногда служили богине в храме Песка, где и поныне находится несколько наших подруг.

– Я не понимаю только одного, – взволнованно перебила Ребекка. – Кем были эти изуверы, заключившие вас в тюрьму и экспериментировавшие над вами столь жестоко?

Я протянула руку, намереваясь зажать подруге рот, но не успела, и вопрос прозвучал.

Долгое время Сатари молчала, полускрыв глаза и так сильно сжимая челюсти, что на

них прорезались некрасивые бугры желваков.

– Гхалии, – наконец призналась она. – Именно они правили в Ил-Кардинене. О, не спрашивайте меня о том, как они выглядят, я этого не ведаю. Поговаривают, будто гхалии способны принимать любое обличие по собственному желанию. Но их предводительница, самая кровожадная и свирепая, принадлежала к породе лайил. Она являлась доверенным эмиссаром своей богини и звалась Каадсур!

Услышав это страшное имя, я невольно вздрогнула всем телом, ибо навсегда запомнила, как звали жрицу, забравшую Ардена из сиротского приюта. Ее звали именно Каадсур, и я не верила в возможность случайного совпадения. Сердце подсказывало – это была именно она!

– Так вот почему мое появление в обители так тебя разозлило! – догадливо сообщила Ребекка.

– Прости меня! – взмолилась несчастная Сатари. – Теперь я знаю – не все лайил похожи на Каадсур. Но тогда, в первый миг, поняв, что за кровь струится в твоих жилах, я не сдержалась... – Женщина спрятала лицо в ладони и судорожно зарыдала.

– Полно тебе казнить, глупая, – ласково пожурела Ребекка, участливо похлопывая ее по плечу. – Я вовсе не в обиде на тебя, а все наши раздоры остались в прошлом.

– Теперь у вас начнется новая, счастливая жизнь! – пообещала я, заботливо погладив женщину по волосам. – Обещаю!

– Спасибо, эльфийка! – жарко прошептала Сатари, пытаясь поцеловать мою руку, которую я стеснительно отдернула. – Ты спасла нас и наших детей! Чем я могу тебя отблагодарить?

– Юноша... – немного поколебавшись, чуть слышно произнесла я. – Скажи, посещая храм Песка в последнее время, не встречала ли ты там юношу?

– О да, я его видела! – встрепелась бывшая жрица. – Высокого, смуглого, темноглазого и очень красивого. Его привезли в дар богине. Юношу звали Арден...

Мое лицо озарила слабая улыбка надежды:

– И что с ним случилось?

– Не знаю... – Сатари вдруг покраснела и поспешно отвела взгляд, словно опасаясь оказаться уличенной во лжи. – За ним ухаживали личные служанки богини, и он постоянно находился в ее покоях.

– Находился? – с замиранием сердца переспросила я.

– Или находится, – поправилась Сатари, ее голос предательски дрогнул, но она нашла в себе силы посмотреть на меня в упор. – Не обманывай себя, Йона, люди не живут в Храме слишком долго.

– Значит, я должна попасть туда как можно быстрее! – отчеканила я, и на моем лице не дрогнул ни единый нерв, способный выдать крайнюю степень овладевшего мною отчаяния.

Мы попрощались с бывшими хайдари на закате, после того как дети отдохнули и набрались сил, достаточных для предстоящего им долгого перехода через пустыню. Я забрала раковину и старательно упаковала ее обратно в сумку, справедливо рассудив, что фонтану уже с избытком хватит излившейся в него воды. И так на его месте образовалось целое озеро, волны которого отблескивали алым, отражая лучи потухающего в небе Сола.

– Идите в степь и ищите там шейха аль-Фаруха, – порекомендовала я, передавая Сатари карту, найденную Беониром среди множества хранящихся в «ромбе» книг. – Скажи ему, что вас послала я. Уверена, он с радостью примет в свое племя твоих друзей и их детей! – Я ободряюще погладила женщину по плечу. – А когда я вернусь в Блентайр, то изыщу возможность связаться с вами. К тому же я никогда не забываю о данных обещаниях. – Эта фраза предназначалась Атте, грустно улыбнувшейся мне на прощание. – Извини, но я не могу взять тебя с собой, ибо намереваюсь посетить храм Песка.

– Бойся богини! – предостерегающе вскрикнула Сатари, непроизвольно хватая меня за руку. – Храм Песка – это единственное место, где Банрах способна появиться во плоти. И

помни: она опасна, крайне опасна!

– Мы тоже, – криво ухмыльнулась Ребекка и крикнула, потуже затягивая перевязи акинаков. – К тому же у нас осталось мало жратвы, а когда я голодная, то очень злая и способна запросто ухлопать не одну, а целый десяток богинь!

Но Сатари лишь вежливо улыбнулась и недоверчиво покачала головой.

– Где нам искать храм Песка? – деловито поинтересовался Беонир, разворачивая свои свитки. – Его нет на картах.

– Там. – Сатари пальцем указала на север. – Видите вон те большие барханы? Наружная часть храма не имеет стабильной формы и постоянно меняется согласно прихоти змееликой. Но под землей скрыт основной массив постройки, изобилующий ловушками, стражниками и темной магией. Попасть туда можно через колодец из серого мрамора, но я бы очень не советовала вам этого делать, потому что... Ой! – восхищенно вскрикнула женщина, а ее возглас тут же подхватили Атта, Ребекка и Беонир, все как один уставившиеся на меня ошеломленно выпученными глазами.

– Да что это с вами стряслось? – нервозно спросила я, на всякий случай с подозрением ощупывая свою голову. – Или со мной? У меня рога выросли или клюв прорезался?

– Посмотри на свою звезду! – благоговейным шепотом подсказала Атта, глядя на меня со смесью зависти и гордости во взоре.

Послушавшись ее совета, я тут же поднесла к глазам хрустальный амулет, как-то незаметно выскользнувший из-под моей рубашки, и удовлетворенно хмыкнула. Оказалось, что к двум его лучам, ранее ярко сияющим от внутреннего жара, сегодня добавился заполненный третий, до краев налившийся золотым свечением, идеально повторяющим цвет песка. Я облегченно смежила веки и вздохнула полной грудью, понимая, что мое третье испытание уже пройдено!

Дорога до колодца заняла у нас не больше получаса... Опершись подбородком на рукоять глубоко воткнутого в песок Льда, я сидела на расстеленном плаще, погруженная в тяжкие размышления. Храм Песка почему-то не спешил явить нам свое истинное величие, оставаясь обычным барханом; в его центре темнело отверстие круглого колодца, обнесенное невысокими столбиками из шершавого серого камня. Осознав, что вход в колодец является неким судьбоносным рубежом, за которым заканчиваются все мои знания о храме Песка и начинается туманная область досужих вымыслов, я со вздохом недовольства достала из сумки черный свиток, подаренный Альсигиром, и сломала скрепляющую его печать... Помнится, чародей сказал: «Если ты не будешь знать, куда нужно идти, то разверни этот свиток и он подскажет тебе путь в сердце храма Песка». Похоже, время для применения этих тайных знаний настало!

Свиток гласил: «Неизвестно, кто и когда построил храм Песка. Возможно, это сделали сами Неназываемые, дабы установить равновесие между злом и добром, светом и тьмой. Изначально храм не принадлежал ни одной из сторон силы, а был призван совместить их обе, порождая, таким образом, всеильную серость, определяющую судьбу нашего мира. Под нестабильной наземной частью храма скрывается комплекс древних мавзолеев, представляющих собой огромную пятиярусную, а в некоторых местах даже семиярусную усыпальницу. В усыпальнице испокон веков хоронили правителей города Ил-Кардинен, а также наиболее знатных вельмож и горожан, удостоенных чести и после смерти оставаться рядом с той, которой они служили при жизни. После восстания в Ил-Кардинене храм пришел в упадок. Пролетали века, ярусы заносились песком, засыпались пылью. Казалось, что сама земля зовет к себе похороненных, настойчиво затягивая их могилы в свое бездонное нутро. Ходили слухи, будто гробницы вообще разрушены и разграблены неизвестными завоевателями, но это было не так. Хотя, пожалуй, мало бы кто поверил, что гробницы целы и поныне и что их никто не разграбил, а просто земля забрала свое себе.

Одновременно с рождением храма Песка в мир пришла и одна странная легенда, в которой говорилось о том, что пройти через все ярусы храма сможет только серый маг, не

принадлежащий ни добру, ни злу, но в равной степени уважающий все существующие в мире чары. Такой маг способен в корне изменить судьбу Лаганахара, восстановив пошатнувшееся равновесие между светом и тьмой, научить мир существовать по новым законам, созданным не богами, а людьми. Лишь он сумеет победить неживых варликов, устранить жестоких хайдари и гхалий и дойти до зала Вечности, дабы навсегда заточить в священный артефакт Душу Пустоши, сеющую смерть и разрушение. Но вести этого чародея должны только чистые и искренние чувства: любовь, вера и бескорыстность...»

На этом свиток закончился.

Я растерянно повертела его в руках, смущенная столь коротким и совершенно невнятным смыслом. На обратной стороне пергамента обнаружилось еще кое-что, а именно – некое подобие примитивной карты, начерченной обрывистыми, нечеткими линиями.

– Чтоб его мантикора три раза переварила! – выразительно подытожила Ребекка, насмешливо фыркая. – Типа что-то прояснилось!..

– Немногое, ты права, – объективно признала я. – Кстати, а кто такие эти упомянутые в тексте варлики?

– Минутку... – Беонир принялся листать книгу, прихваченную им из «ромба». – Согласно старинным летописям Ил-Кардинена, варликами предки нынешних кочевников называли неупокоенных мертвецов, охраняющих покой храма Песка.

– Ничего себе! – с отвращением присвистнула лайил. – Только этой пакости нам не хватало для полного счастья.

– Какие будут предложения? – осведомилась я, решив не давить на свободное волеизъявление своих друзей, а предоставить им право самостоятельно распорядиться своей судьбой.

– Говори! – приказала Ребекка, безжалостно пихая Беонира в бок.

– А почему я первый? – возмутился юноша.

– Ты не первый, а крайний, – обстоятельно объяснила воительница. – А значит, первый с конца!

– Ребята, мне бы конкретики! – жалобно попросила я, в зачатке пресекая назревавшую свару.

Не сговариваясь, они синхронно повернули оттопыренные большие пальцы правых рук к земле, намекая: «Идем вниз». Я согласно кивнула, вспомнив давнюю сцену в Немеркнущем Куполе, когда дух короля Арцисса спросил у меня, какой путь я выберу. Тогда я не колеблясь ответила: «Выбираю путь вниз». И вот, случайно или нет, извилистая линия судьбы в точности реализовала это пожелание: привела меня к древней усыпальнице, спрятанной глубоко под землей. Помнится, попав в подземелье под Немеркнущим Куполом, я пообещала себе: «Если выживу сегодня, то уже никогда, ни за что и ни с кем не полезу ни в какие подвалы...» Да, пообещала, но вот лезу же! Тьма, неужели все происходящее со мной сейчас было predetermined с самого начала? Интересно, а имелась ли у меня возможность выбора? Полагаю, что нет.

Абсолютно не ведая о том, что конкретно нас поджидает внизу, мы с любопытством заглянули в темное жерло колодца. Нашим взорам предстал узкий, отвесно уходящий вниз тоннель, сверху перекрытый полусгнившей деревянной распоркой. От крепления во мглу колодца вела длинная ржавая цепь, конца которой мы, сколько ни напрягались, так и не смогли рассмотреть. От легкого прикосновения Ребекки деревяшка мгновенно приказала долго жить, рассыпавшись в прах. Беонир начал считать вслух, но уже на цифре «пять» из колодца послышался звон брякнувшейся о дно цепи, и юноша, прервав счет, довольно кивнул.

Достав из мешка моток веревки с узлами, Ребекка обвязала ее вокруг каменного столбика, опустив второй конец во мглу. Не тратя времени на разговоры, воительница ухватила за свисающую в колодец веревку и начала спуск. Мы без колебаний последовали за ней. Узлы не давали возможности скользить по веревке, больно впивались в ладони, но я

без труда справилась с таким упражнением, мысленно возблагодарив Неназываемых за свою гибкость и ловкость, приобретенные во времена хулиганского лазания по крышам деревушки Ролсби. Но вскоре все мои ненужные мысли внезапно оборвались, поскольку моим глазам открылось захватывающее зрелище.

К тому времени, когда я спустилась по веревке, Ребекка уже стояла на деревянной балке, окованной черной медью и проложенной на приличной высоте между двумя исполинскими залами. Сквозь потолок из слюды, перемежающийся какими-то стропилами, лился неяркий свет. Это показалось волшебством – дневной свет с потолка, к тому же на чудовищной глубине под землей. Но нам пришлось смириться со столь умопомрачительной реальностью, ничуть не похожей на пустынный мираж или галлюцинацию. На стене между залами балка расширялась, образуя небольшую площадку. На ней-то мы и остановились, намереваясь собраться с духом, немного перекусить и напиться воды впрок.

Так началась наша дорога в недра храма Песка.

Глава 8

Зачем мы любим?..

Правда, странный вопрос? Кому-то он может показаться нелепым и даже абсурдным. Меня же волнует совсем другое: почему мы никогда об этом не думаем? Почему не спрашиваем себя: «Зачем ты любишь? Зачем засыпаешь и просыпаешься с мыслью о любимом и сердце твое не находит покоя? Какой ты вкладываешь смысл в понятие «любовь»?»

Все в нашем мире имеет какой-то смысл. В нем нет ничего бесполезного или случайного. Значит, точно такая же, логически обоснованная цель должна быть и у любви... А мы этой цели не знаем! Прагматик скажет, что любовь – это просто физиология. Он примется доказывать, что любовь нужна для продолжения рода. Но разве для воспроизведения рода человеческого недостаточно только банального физического влечения? Возможно, в простом количественном аспекте и достаточно. Но как тогда быть с любовью возвышенной и платонической: к родине, к родителям, к святыням? Зачем возникает это чувство? Неужели нам мало привязанности, уважения, восхищения? Почему мы ищем именно любви?

Любовь приносит человеку страдания, но и в этом тоже должен иметься какой-то высший смысл. Не может же получиться так, чтобы кропотливый душевный труд и страдания любящего сердца оказались лишены всякого содержания. Но так получается... Каждому из нас довелось пережить подобное горе лично. Все мы знакомы с мучительным, изматывающим бегом по замкнутому кругу: пустота – любовь – терзания – снова пустота и опять любовь. И вот мы уже устали и выдохлись, отныне нас одолевает одно-единственное желание: спрятаться, уйти, забыться, не думать. Человек, познавший боль, испытывает животный страх перед ее возвращением. Он боится повторения этой жесточайшей муки. Он не хочет любви, не хочет попасть в ее зловещий, манящий, затягивающий омут.

Страх перед любовью преследует человека всю его сознательную жизнь. Ведь влюбиться – это значит потерять себя, лишиться свободы и точки опоры. Любящий неизбежно отказывается от своего прежнего «я», слепо вверяя его в руки возлюбленного. Любовь подобна прыжку с обрыва – она пугает и зачаровывает, притягивает и отталкивает. Завораживающий первобытный ужас – вот что такое любовь! Любовь – это одна из форм смерти, пускай приятная, но от этого не менее страшная. Два величайших явления, любовь и смерть, есть древняя и доселе нераскрытая тайна, спрятанная под покрывалом страха. Мы не способны проникнуть в суть этих тайн. Они и поныне остаются для нас вечной загадкой – не проясненной, волшебной, запретной...

Небеса посылают нам любовь. Небеса обрекают нас на смерть, не спрашивая ни о нашей готовности к переходу в иную форму существования, ни о нашем желании покинуть телесный мир. Любовь и смерть формируют нравственный и физический облик человека,

заставляя его совершать разнообразные поступки и повелевая его жизнью. А мы, глупцы, так и не научились познавать суть этих явлений, мы даже не видим их высший тайный смысл...

Вот такие философские размышления терзали меня на всем протяжении нашего кратковременного отдыха. Заметив, как сильно я погрузилась в себя, Ребекка с Беониром проявили похвальную душевную чуткость, предпочитая покамест помалкивать и не приставать ко мне с разговорами и расспросами. А возможно, у каждого из нас нашлось сейчас что-то свое, интимное, о чем стоило подумать.

Я мучительно решала, чего же я боюсь больше: обрести любовь, которая хоть и частично, но все же отвлечет меня от задачи спасти Лаганахар, или же лицом к лицу встретиться с неумолимой смертью, которая лишит смысла все и вся. Любовь Ардена или смерть Ардена? Подозреваю, что, какое бы решение я ни приняла, это станет для меня нелегким испытанием и потребует предельной концентрации ментальных и физических сил. Не скрою, мне было страшно! Очень страшно...

Мы молчали, не желая беседовать о чем-то второстепенном, но и не находя слов для разговора о главных проблемах. Впрочем, всякие слова казались теперь лишними. Молчание хранила и наша обычно болтливая лайил: похоже, все увиденное здесь поразило даже ее. А посмотреть и правда было на что! Своды залов, над которыми проходила приютившая нас балка, украшала роскошная мозаика, и даже каменные саркофаги, встроенные в специальные ниши почти на всю высоту стен, не портили ощущения красоты и царственного спокойствия, от которого у нас буквально захватывало дух.

Тишину нарушил Беонир:

– Я читал, что в глубокой древности люди умели создавать невероятную красоту, но чтобы такое... – Он восхищенно потер кончик носа и вздохнул, словно ему не хватило эпитетов, чтобы точно передать все очарование этого места. – Теперь я абсолютно уверен в том, что храм Песка построили сами Неназываемые.

– Смотри не захлебнись слюнями! – иронично хмыкнула воительница, в гораздо меньшей степени благоговееющая перед владениями богини Банрах.

Сунув руку в колчан, болтавшийся на поясе у юноши, она отыскала там стрелу с кольцом на конце и, сняв с бедра веревку, продела ее в кольцо. После чего завязала хитрый узел и, без спроса позаимствовав лук ниуэ, метко всадила стрелу в потолочное стропило, разделяющее два ряда слюдяных пластин. Размотавшаяся веревка, привязанная к стреле, свободно повисла, призывно качаясь в паре шагов от площадки, не доставая до виднеющегося внизу пола примерно на высоту моего роста.

– Рискнешь? – Ребекка любезным жестом указала Беониру на веревку.

– Ну уж нет! – Юноша испуганно затряс головой и спиной прижался к стене, намекая на то, что отдирать его от нее нам придется силой. – Я слишком ценный для вас спутник, я умею читать карты. А если я упаду?..

– Спутник! – саркастично фыркнула воительница. – Лучше скажи – обуза. А вот я не знаю себе цену, потому что никогда ее не называла!

– Мало знать себе цену, – ответно съязвил Беонир, – нужно еще пользоваться спросом!

– Угу, но с тебя что-либо спрашивать бесполезно. – Лайил решительно отодвинула меня в сторону, прежде чем я успела вмешаться в их очередную перепалку. – Значит, придется мне лезть.

Достав из своей походной сумки моток тонкого, но отменно прочного шнура, лайил одним движением ножа отсекла нужный кусок, зажала его в зубах и легким, поистине кошачьим прыжком перескочила на раскачивающуюся под потолком веревку... Я испуганно вскрикнула, но Ребекка не промахнулась. Стрела, на половину своей длины вошедшая в тысячелетнее дерево, выдержала, и девушка уверенно заскользила вниз. Чуть-чуть не дойдя до конца, она остановила свой спуск, надежно оплела веревку ногами и, подтянув к себе ее нижний край, прочно скрепила его с тем куском шнура, который перед спуском зажала в зубах. После этого воительница продолжила движение и, мягко спружинив ногами, приземлилась на пестро разукрашенный пол.

Через десять минут мы с Беониром стояли подле Ребекки, хотя последнему этот спуск дался весьма непросто, особенно стартовый прыжок с балки на веревку. Теперь мы смогли внимательно оглядеться по сторонам и лишний раз поразиться гению сумасшедших строителей, возведших столь громадное здание. Картины и фрески на его стенах изображали безбрежные моря, зеленые леса и островерхие горные пики, увенчанные шапками из пушистого снега. С высоты балки эти рисунки выглядели чудовищно искаженными, но отсюда, снизу, они поражали своим правдоподобием и производили предельно реалистичное впечатление.

Впрочем, вскоре наше самозабвенное медитирование прервал некий подозрительный, едва слышный шорох, донесшийся откуда-то справа. Возвращение к суровой реальности оказалось крайне неприятным: нам стало понятно, что темная сила, гнездящаяся в подземельях, почуяла незваных гостей. Первой тревогу подняла Ребекка, обладающая совершенным чутьем хищника.

– Опа, да у нас гости! – Она мягко повернулась в направлении подозрительного звука, причем оба ее клинка уже были обнажены. – Ну-ка, кто к нам пожаловал?

В этот зал вел только один ход, поэтому атаки с тыла мы могли не опасаться. Вглядевшись в темноту, я констатировала: из сумрачного туннеля к нам приближаются какие-то смутные тени, единственным отчетливо видимым элементом коих стали горящие красным огнем глазницы. Я почему-то ожидала встретить скелетов, но вместо этого на нас медленно надвигалась пятерка вполне обычных полуразложившихся трупов, покрытых неровными лохмотьями кожи, серой от въевшейся в нее могильной пыли. Пальцы рук этих существ заканчивались костяными когтями длиной в добрую ладонь. Каюсь, поначалу тела этих омерзительных стражей подземелья показались мне просто ссохшимися оболочками, слабыми и ни на что не годными. И только увидев, как, отбитый такой вот полусгнившей лапой, отлетел в сторону акинак Ребекки, еле успевшей увернуться от удара врага, я осознала, что легкого боя ждать не приходится. Беонир тут же схватился за лук, совершил резкий рывок тетивы, и вот уже наконечник замер, ловя цель, а тяжелая стрела ударила в мертвое тело, отшвырнув его на шесть шагов назад.

– Варлики! – ненавидяще выдохнул ниуэ. – Это они!

Однако этот удар, отбросивший врага, стал единственным, на что оказалась способна стрела. Массивный боевой наконечник, навывлет прошивающий тяжелый доспех, выказал свою полнейшую несостоятельность против натиска и так уже мертвой плоти. Увы, стрела даже не пробила кожу варлика. А тем временем парные клинки Ребекки закружились в смертоносном танце, ловким выпадом развалив напополам одного из мертвяков, словно рассекая кусок податливого сливочного масла. Линия разреза немедленно вспухла облачком вонючего серого пара, и половинки разом съжившегося тела безвольно, как тряпки, упали на пол, рассыпавшись горсткой праха. Череп мертвеца разлетелся на куски, не выдержав соприкосновения с камнем. Сложным мастерским приемом воительница отсекла лапу второй твари – и с трупом произошли точно такие же изменения.

– Ничего себе! – восхитился Беонир. – Милая, где ты взяла свои мечи?

– От дедушки достались, в наследство, – ровным голосом сообщила лайил, нанося следующему наседающему на нее варлику сильный удар в грудь и одновременно с этим блокируя вторым акинаком замах когтистой лапы, нацеленный ей в голову. – Он рассказывал, что добыл их у эльфов, похитив из той самой заброшенной Библиотеки, которую мы недавно имели честь посетить!

– Ушлый же он был парень, твой знаменитый дедушка! – почтительно отозвался ниуэ.

– А то! – важно надула губы чрезвычайно польщенная воительница. – Ведь слава и имя Финдельберга Законника чего-нибудь да стоят и возникли не на пустом месте!

Их разговор занял не более нескольких секунд, но даже этого промедления оказалось достаточно, чтобы оставшиеся целыми умертвия оценили неэффективность лобового штурма и не созрели для решения переменить тактику. Один из них надежно увяз в поединке с Ребеккой, демонстрируя чудеса ловкости и прыткости, а двое других начали заходить сзади,

очевидно, намереваясь напасть на нас с тыла. Не желая остаться в стороне от боевых действий, я выхватила из ножен Лед и ринулась в атаку.

Узловатая когтистая лапа варлика просвистела у меня над ухом, едва не лишив мою голову пары-тройки щегольских косичек. Вспомнив о металлических наконечниках, прикрепленных к моим волосам, я мотнула головой, скользящим прикосновением этих острых украшений начисто сдирая кожу с мертвой длани своего противника. А нечего было грабли расставлять! Полагаю, стражи подземелья не способны испытывать боль, но пораненный мною мертвяк внезапно ответил обиженным утробным воем. Он повел широкими плечищами, блокируя замах моего клинка, и меня тут же отбросило в сторону, словно легковесную пушинку. Правда, я успела закончить начатый выпад, и пусть мой меч лишь самым кончиком коснулся торса варлика, но даже этого оказалось достаточно. Еще как достаточно! Страшная сила холода, скрытая во Льде, с громким хлопком разорвала тело мертвеца в клочья. Воздух мгновенно наполнился мельчайшими частицами праха. Я зажмурилась и проворно отскочила, мысленно благодаря заботливых степняков, снабдивших меня и моих друзей защитными платками, избавившими нас от риска надышаться подобной пакостью.

Тем временем лайл уже успела разобраться со своим противником, а оставшегося варлика Беонир почти в упор расстрелял из лука. Одна из стрел вошла мертвяку точно в глаз, окончательно упокоив противоестественно прыткого покойника.

Прах быстро осел на пол, и я смогла различить своих старательно отряхивающихся, разом повеселевших друзей. Понимая, что не имеем права медлить, мы почти бегом двинулись дальше, в темный провал простирающегося перед нами хода. Беонир придирчиво сверился с картой, нанесенной на оборотную сторону черного свитка, и удовлетворенно кивнул, намекая на то, что мы, бесспорно, выбрали верное направление.

Пройдя по коридору шагов сорок, мы уперлись в тупик, но в стене справа от него имелась узкая трещина, в которую я и нырнула. Не знаю почему, но я категорически не согласилась с идеей Ребекки, все порывающейся встать во главе нашего маленького отряда. Доверяя своей интуиции, я пребывала в непоколебимой уверенности: уж если нам и удастся преодолеть мрачные подземелья храма Песка, то скорее благодаря моей магии, а не грубой силе воина. Как показали дальнейшие события, я была права.

Протиснувшись сквозь трещину, мы очутились в маленьком зале с невысокими потолками. Самым удивительным нашим открытием стало наличие зажженных светильников на стенах, хотя их стеклянные корпуса и покрывал толстый слой пыли. Полагаю, они горели так уже целые века, не зная прикосновения человеческой руки, подпитываемые неведомой силой и скудно освещая пространство зала. Третью помещения, украшенного великолепной резьбой по синему и черному мрамору, занимал выложенный изразцовыми плитками бассейн со свежей проточной водой. В глубине, на дне водоема, виднелись осколки каких-то вдребезги разбитых скульптур. Подобные же обломки щедро усеивали пол вокруг фонтана.

Мы растерянно посидели на бордюре, напились воды и посовещались... Похоже, этот весьма претенциозный по интерьеру чертог не имел других выходов, а поэтому в моей голове сразу же заплескались назойливые мысли о перспективе грозящего нам крайне неприятного подъема обратно по веревке. А также я подумала о новом спуске в другой зал, который мы уже видели с высоты балки.

Но, как выяснилось буквально через мгновение, удача любит не только умных и упорных, иногда она благоволит и к ленивым. В справедливости данного изречения убедились Ребекка и Беонир, изъявившие желание прогуляться до противоположного конца зала, оставив меня с моими размышлениями. Под ногой юноши, легкомысленно наступившего на черный ромб, являвшийся частью напольного орнамента, что-то треснуло, и кусок стены нехотя отодвинулся в сторону, открывая взорам ярко освещенный проход, притаившийся за еще одной, поначалу не замеченной нами статуей.

— Стой где стоишь! — догадливо распорядилась Ребекка, командно хлопая ниуэ по

плечу. – Наверное, ты наступил на рычаг противовеса. Я пойду Йону позову.

– Вот что бы ты без меня делала? – самодовольно поинтересовался юноша, ухарски выпячивая грудь. – Думаю, померла бы!

– Если я и умру из-за мужика, то только от смеха! – язвительно фыркнула его любимая язва. – А в целом, знаешь, без тебя мне почти так же плохо, как и с тобой. Так что, – она драматично развела руками, – после окончания наших приключений можешь валить куда глаза глядят, я тебя не держу.

– Почему-то они глядят в основном на тебя! – тяжело вздохнув, честно признался Беонир. – Радость моя, ну давай уже помиримся, а?

– А разве мы ссорились? – удивилась девушка. – Хочешь, я открою тебе жизненное кредо моего народа, прошедшее проверку временем? – И, не дожидаясь согласия юноши, она пафосно процитировала: – Ни одну уважающую себя кошку нисколько не интересует, что думают о ней мыши, а уж собаки... – Ребекка лукаво усмехнулась. – А уж собаки – тем более!

После чего она ушла, оставив оскорбленно скривившегося Беонира удерживать противовес и сквозь зубы сыпать самыми обидными ругательствами из всех, которые когда-либо произносились в Лаганахаре.

Найденный моими друзьями проход выглядел весьма безобидным, но тем не менее мы зашли в него не сразу. Перед этим Ребекка вернулась к груде мраморных обломков и, выбрав камень себе по силам, уложила его поперек прохода, дабы избавить нас от неприятной возможности стать жертвой какой-нибудь ловушки. И только после этого мы вошли в туннель.

Предусмотрительность воительницы полностью оправдалась: стоило нам ступить на пол потайного хода, как подвижный кусок стены тут же попробовал встать на свое прежнее место, и лишь положенная на его пути глыба не позволила плитам сомкнуться за нашими спинами. Ход уходил резко вниз и освещался через такой же слюдяной потолок, как и основной зал. Мы шли около часа, забирая куда-то влево. Периодически Беонир сверялся с картой и недоуменно пожимал плечами, ведь на чертеже этот проход попросту не значился. В общем, мы шли наугад, положившись на собственное везение, кстати, весьма спорное и сомнительное. Но разве был иной выбор?

Вскоре дорога вывела нас на развилку, разделившую проход надвое: сразу же после него одна ветвь туннеля отходила круто вверх, а другая – отклонялась значительно ниже основного хода. Толстый слой пыли, подобно ковру устилающий пол, наглядно показал нам, что нижний путь являлся тайным и давно забытым и нынешние хозяева подземелья им явно не пользуются. Ничуть не колеблясь, мы выбрали именно этот заброшенный ход и продолжили свое непредсказуемое путешествие.

– Кажется, я сейчас упаду от усталости! – вынужденно призналась я, багрово краснея от стыда за свою слабость. – Простите, но у меня уже ноги заплетаются и подкашиваются.

– У тебя не ноги, а ножки! – метко уточнила лайил, жалостливо разглядывая мои хилые вышепоименованные конечности. – Тоненькие и хрупкие, как тростинки. Вот я, – воительница хвастливо похлопала себя по внушительно бугрящемуся бицепсу, – неутомима!

– Самые неутомимые женщины часто бывают очень утомительны, – назидательно проворчал Беонир, выглядывая из-за ее спины. – Особенно для влюбленных в них мужчин.

– Влюбленных в Ребекку мужчин от нее трясет, – охотно включилась в разговор я. – Вот такая она потрясающая девушка!

Уголки губ Беонира уныло опустились, всецело подтверждая правоту этого утверждения.

– Ты посиди отдохни и подожди нас, – спокойно предложила Ребекка, не обращая внимания на реакцию юноши и заботливо усаживая меня на сброшенные на пол сумки. – А мы с этим философом доморощенным, – презрительный кивок в сторону ниуэ, – на разведку

сходим.

Я согласно вздохнула, не находя в себе сил даже для благодарности.

– А если что случится – не теряйся, ори погромче, и я сразу же прибегу! – приободрила меня девушка, многозначительно бряцая мечами.

Беонир же лишь растянул губы в скептической ухмылке и подмигнул мне, намекая: «Не бери пример со своей подруги, от ее героического ора даже кони на скаку мрут, словно мухи». Я понимающе моргнула.

Друзья ушли, а я со стоном облегчения свернулась в комочек и по привычке задумалась...

Есть одна вещь на свете, которую я не люблю больше всего. Нет, не просто не люблю, а яро ненавижу, абсолютно не выношу и всячески этого избегаю. Думаю, все со мной согласятся, что самое отвратительное занятие – это сиднем сидеть на одном месте и ждать невесть чего. А между тем в нашей жизни неизбежно присутствует огромное количество ожиданий самого различного сорта, и никуда от этого не денешься. Как ни хитри, ни крути и ни изворачивайся.

Сначала мы ждем, когда вырастем и станем взрослыми... Зачем? А затем, чтобы начать жить полной жизнью. А ведь если вдуматься, становится понятно: у взрослых как раз и нет времени наслаждаться жизнью в полной мере. Их с головой захлестывают те проблемы и заботы, которые коротко и многозначительно называют «недетскими». Потом, слишком рано став взрослыми, мы ждем, пока станут взрослыми наши дети, оптимистично утешая себя: «Ну уж тогда-то мы точно заживем легко, свободно и только для себя». Ага, как же, держите карман шире, заживете вы!.. Теперь мы терпеливо ждем, когда подросшие дети вспомнят о нас и непременно подсунут нам наших же внуков, и тогда нам опять придется ждать, пока, в свою очередь, повзрослеют и они. И вот уже на горизонте маячит перспектива правнуков, но, к несчастью, или, вернее, к счастью, до этого периода доживают лишь единичные экземпляры. Наверное, самые терпеливые, многожилые и морально устойчивые.

Мы ждем роста благосостояния, чтобы иметь возможность жить так, как нам хочется. Ждем хорошей погоды, ждем праздников и выходных дней, ждем, когда пойдет дождь или когда починят дорогу. А вот иногда нам приходится ждать чего-то более конкретного, необходимого как воздух. Например, почтового голубя с письмом или важной встречи. Решения суда или помощи от близкого человека. Да мало ли чего еще. Ждать – значит нервничать, по сто раз на дню прокручивать в голове все этапы событий, прилаживать друг к другу все звенья цепи, пытаться заглянуть в будущее... Нервы, нервы, нервы. А нервничать я не люблю, но все же и это не самое плохое. Куда тяжелее, если на ожидание чего-либо уходят месяцы и годы твоей жизни... Драгоценные годы молодости, невосполнимые и необратимые.

Есть бородастая притча на тему того, что такое возраст. Дескать, молодость – это когда ты всю ночь пьешь вино, пляшешь, занимаешься любовью, а наутро выглядишь как новенький. Свежий, бодрый, отдохнувший. Зрелость – это когда всю ночь пьешь, пляшешь, занимаешься любовью, а наутро все, кто тебя видит, прекрасно понимают, чем ты занимался ночью. И последнее – старость. Это когда ты уже не пьешь, не пляшешь и не занимаешься любовью, а ночью просто спокойно спишь в своей кровати, но наутро выглядишь так, словно всю ночь беспробудно пил, отбивал каблуки и предавался самому разнузданному разврату... Вот поэтому и стоит подумать о том, а нужно ли сидеть и ждать старости, упуская свой единственный шанс по-настоящему зажить именно здесь и сейчас? Или же потом запоздало и бессильно кусать локти, проклиная себя за дорогостоящую нерешительность и глупую медлительность.

Успех – это всегда случайность, которая тем не менее происходит только с теми, кто ее ищет. Есть, конечно, крохотный шанс найти магический артефакт, который вмиг сделает тебя всемогущей чародейкой. Или может случиться, что ты, дефилируя легкой походкой по главной улице Блентайра, неожиданно сломаешь каблук и упадешь в руки проходящего мимо принца. А он непременно увидит твои синие (серые, карие – неважно) глаза, окунется в

их омут, распознает красоту и глубину твоей души и... И дальше, скорее всего, не произойдет ничегошеньки. Ты отряхнешься, поблагодаришь принца и пойдешь по своим делам, провожаемая недоуменным взглядом его белого коня.

Однако если ты хочешь кем-то стать, сначала нужно сделать хоть что-то стартовое для реализации светлого будущего! Большинство состоявшихся людей знают, что успех – это горы. Высоченные Белые горы твоего каторжного труда. И поэтому, прежде чем в твоей жизни случится та самая малюсенькая неожиданность, которая перевернет все и вся, потребуются долгие годы труда. Причем нет никаких гарантий, что ты будешь пахать, а тебе потом достанется «конфетка». Может ведь и не достаться... Именно тогда ты примешься думать и анализировать, все ли необходимое сделал заблаговременно, чтобы сегодня ждать триумфа? Не струсил ли, не отступил ли в самый ответственный момент, не ждал ли и не переживал ли, не сидел ли бесцельно на месте? Достаточно ли ты поработал для приближения своего успеха? А благополучная личная жизнь и счастливая взаимная любовь – это ли не самый желанный успех, как воздух необходимый каждому из нас?

Иногда мне кажется, что люди похожи на звезды в небе. Они всегда находятся рядом, но не могут по-настоящему прикоснуться друг к другу, хотя имеют общие орбиты движения. Они вращаются совсем близко, но видят лишь очертания чужих, неизвестных им тел. И тянутся, изо всех сил тянутся навстречу друг другу, но некие противодействующие силы мешают их соединению, заставляя совершать бесконечные круги в бессмысленном путешествии среди пустоты...

Тут я до крови прикусила нижнюю губу, усилием воли сдерживая навернувшиеся на глаза слезы. Я все осознала! Я поняла, что не должна сидеть и ждать возникновения благоприятной случайности, способной помочь мне в спасении Ардена, нет, я обязана действовать. Мне незамедлительно нужно встать и, невзирая на усталость и сомнения, упрямо двигаться навстречу своей судьбе. А если она окажется несчастливой, то от меня потребуется изыскать какие-то особые средства, способные изменить наше общее будущее. Да, я не властна над нашим с Арденом прошлым, наполненным сиротством, голодом, страданиями и детским недопониманием. Но наше настоящее – в моих руках, и от того, что я сейчас предприму, зависит наше будущее! Так чего же я сижу, чего я жду?! Я не верю в то, что любовь проходит. Я не верю в то, что двух влюбленных могут разделить некие препятствия, даже такие, как смерть и судьба. Напротив, я искренне верю, что любовь способна преодолеть какие угодно препоны.

Я поднялась на ноги, с радостью отмечая, что мои мышцы стали сильными и упругими, а мысли обрели четкость и строгость, ведь человек, уверенно следующий к поставленной цели, почти непобедим! Я собрала разбросанные по полу вещи и пружинисто зашагала вперед, стремясь догнать намного опередивших меня друзей. А еще я прислушивалась к шелесту лежащей в сумке раковины, нежно напевающей мне новую песню.

Я думаю, нужно поверить в любовь,
Неважно, чем сердце запятнано,
Пусть в ранах спекается черная кровь
И тучами беды сгущаются вновь,
Не стоит идти на попятную.

Я слышу, как нервы натужно гудят,
Но знаю – они не порвутся!
Покуда все звезды на небе горят,
А жизнь – то ли мед, то ли сладостный яд,
Любовь еще может вернуться.

Я верю, что смерть не подводит итог,
О каре шепча нам невнятно,

Ведь даже волшебный загробный чертог
Не примет следы от натруженных ног,
Он просто вернет нас обратно,

Даруя возможность проверить себя
И в прочности чувств убедиться,
А тот, кто пытался прожить не любя,
Поймет, что творил эти глупости зря,
Ведь жить без любви не годится.

Слепа и нага, я по миру бреду,
Души не прикрывши одеждой,
Я имя твое повторяю в бреду,
Ищу и не знаю, найду – не найду,
Но звать продолжаю с надеждой.

Я думаю, нужно отдать за любовь,
С судьбой не вступая в дебаты,
До вздоха – себя и до капельки – кровь,
Все ради того, чтоб почувствовать вновь,
Что ею одной мы богаты...

А между тем Ребекку и Беонира, сильно вырвавшихся вперед, тоже поджидал странный и в чем-то даже курьезный сюрприз. Прокравшись еще на пару сотен шагов, они очутились в небольшом зальчике, остановившись перед лакированной панелью, на которой размещался деревянный барельеф некоего достойного мужа, поднявшего руку в строгом жесте и как будто наставительно грозящего дерзким гостям. Еще один фрагмент деревянного тела, не будем уточнять, какой именно, тоже вызывающе выпячивался вперед и был поднят вверх, что заставило улыбнуться и ниуэ, и лайил... Юношу – весьма иронично, а девушку – чуть смущенно. Немного отступив назад, Ребекка сняла со своего пояса веревку, завязала на ее конце петлю и метнула вверх. Когда петля зацепилась за внушающе поднятую длань барельефа, воительница решительно потянула за веревку... Предосторожность оказалась отнюдь не лишней: из потолка стремительно ударило толстое бревно, угодив точно по площадке перед статуей, после чего таран тут же скрылся в потолке. Лайил едва успела увернуться и отпрыгнуть в сторону, на все лады костеря излишне изобретательных строителей подземелья.

Ловушка была продумана воистину безупречно и сооружалась на века. Ребекка еще несколько раз дергала руку барельефа, перемещая ее в различных направлениях, но бревно всякий раз обрушивалось на пол, грозя раздавить ловкую девушку и ее спутника. Лайил приходилось ежесекундно демонстрировать чудеса прыткости и изворотливости, дабы избежать гибели. В итоге девушка впала в неконтролируемую ярость, отчаявшись обмануть хитроумный инструмент и найти выход из зала.

– Проклятые мужики! – в сердцах выкрикнула она. – Вы реальные – пафосные, и деревянные – точно такие же! Дерево, вот самый подходящий материал для воспроизведения ваших амбиций!

– При общении с женщиной главное – показать, что потолок твоих интересов находится выше уровня полового вопроса, – равнодушно пожав плечами, подал реплику безучастно стоящий в сторонке Беонир. – Остальное – второстепенные детали.

– Детали?! – озаренно оскалилась лайил. – А знаешь – это идея!.. – Она сдернула петлю с руки барельефа, ловко заставив ее по пути вниз зацепиться за вторую выступающую деталь. Непристойное украшение фигуры тут же опустилось, и проклятая панель с неровным стуком поднялась вверх, открывая проход.

– Вот так женское начало играет мужским концом! – победно провозгласила Ребекка, одаривая Беонира снисходительным взглядом.

– Хорошо, что здесь нет Йоны! – только и улыбнулся тот.

– Пойдем посмотрим, что скрывается за столь надежной дверью! – приглашающе взмахнула рукой воительница и первая бесстрашно вступила в разверзшуюся за панелью темноту...

«В храм проникли чужие!» – это была первая мысль, появившаяся в голове Каадсур сразу после того, как жрица легко сдвинула крышку каменного гроба, служившего ей удобным ложем, и стряхнула с себя последние остатки сна. Она очень любила этот ярус, предпоследний в святилище, тихий и укромный. Раньше ей часто приходилось покидать пределы мавзолея: то посещая шумный Блентайр с его бестолковой суетой и несмолкающим шумом, претившим ее невозмутимой натуре, то выполняя какие-нибудь иные поручения богини. Тварь притерпелась и привыкла ко всему, но по-настоящему спокойно чувствовала себя лишь здесь, в храме Песка.

Каадсур уже давно сбилась со счета, пытаясь вспомнить, сколько лет прожила она на свете, служа своей обожаемой повелительнице: двести, триста, четыреста?.. Все эти годы выдались отнюдь не легкими, они принесли с собой моменты удачи и дни поражений.

Да, Каадсур помнила многое: например, падение прекрасного Ил-Кардинена и постройку здания в форме ромба, которое она называла просто «фермой». Жаль только, что, дорвавшись до власти, она не смогла совладать со своими инстинктами и загрызла слишком много людей, вызвав своим поступком закономерное неудовольствие богини. Впрочем, змееликая не лишила ее своей милости. Банрах поручила ей другое занятие, куда более ответственное. Каадсур назначили главной хранительницей храма Песка.

А еще она помнила возвышение Блентайра и последний бой с ненавистными эльфами – там, на Аррандейском мосту, когда лайил всласть напилась крови Перворожденных. Тварь никак не могла выбросить из памяти и тот страшный поход, что последовал за разгромом, а вернее, погоню за убегающими из города Полуночными, сумевшими выжить даже в этой бойне. А ведь она их так и не догнала... Каадсур сердито хмыкнула. Она до сих пор не понимала, какие именно силы спасли беглецов, помогли несчастным отверженным, выведя их из-под клинков и клыков лайил. Это чудо и по сей день казалось ей невероятным, слишком неправдоподобным, не имеющим права на существование, но, увы, оно имело место быть.

С тех пор Каадсур сильно постарела, хотя и по сей день справедливо считалась одной из лучших охотниц, когда-либо служивших змееликой. Теперь она крайне редко выходила за пределы храма, с трудом перенося уже не только горячие укусы лучей Сола, но и холодные, ласкающие поцелуи ночной Уны. Таков удел всех представителей ее народа: вечный голод, надежный мрак подземелий и постепенное одеревенение кожных покровов, с возрастом приобретающих вид и прочность чешуи. И хотя из всего животного мира лайил наиболее близки к кошкам, под старость они жутко мутируют, превращаясь в подобных ящерицам тварей.

Пожалуй, самым приятным из порученных ей заданий стало последнее: доставка в храм того странного юноши, приютского воспитанника по имени Арден, который так сильно понравился жрице Веершир. Следует признать, что с самого начала их недолгого знакомства строптивый мальчишка весьма раздражал вспыльчивую Каадсур, а посему она ничуть не скорбела о постигшей его участи, не считая ее чем-то особенным или противоестественным. Все мы когда-то приходим из тьмы и все мы когда-нибудь уходим во тьму. Таковы законы жизни и смерти. Так какая в принципе разница, когда это произойдет, днем раньше или годом позже? И пусть лайил живут долго, намного дольше людей, но и их в итоге ждет тот же удел – стать прахом под ногами змееликой...

Утомленная пронесшимися в памяти годами, Каадсур уже подумывала, а не отойти ли ей на покой, погрузившись в сон без сновидений, плавно перетекающий в смерть... Но вдруг

ее чуткого обоняния достиг этот чужеродный запах, который и стал причиной внезапного пробуждения. Каадсур проснулась голодной и раздраженной и от этого была во сто раз злее и в тысячу раз опаснее.

Тварь вцепилась клешневидными лапами в край гроба и с усилием перевалила через него свою непослушную тушу. Впрочем, силы уже возвращались в тело, нехотя проталкивая кровь сквозь слипшиеся стенки почти окаменевших сосудов. Каадсур растянула губы в мрачной усмешке, наслаждаясь возвращением к жизни, пусть даже столь болезненным и медленным. Она принялась жадно раздувая уродливые ноздри... Несомненно, в храм проникли трое непрошенных гостей: желанная добыча, подвижная и гибкая, буквально налитая горячей, бурлящей, восхитительно вкусной кровью.

Лайил поняла, что одним из посетителей была девушка: полукровка, полуэльфийка, пахнущая еще более аппетитно, чем те, кого она попробовала под Аррандейским мостом. Рот твари моментально наполнился слюной, заставив требовательно заурчать пустой желудок, зашедшийся в судорогах вожделения. Да, Каадсур непременно поймает эту сладкую малышку, чья плоть благоухает гиацинтами и розмарином, и выпьет досуха. Вернее, оставит на десерт, ибо в качестве первого блюда сгодится сопровождающий эльфийку ниуэ, запах которого изрядно отдавал псиной, то тем не менее тоже не вызывал в Каадсур отвращения. И единственным, кто ее беспокоил, был третий участник этого отряда, смердящий резкой вонью предательницы и отступницы.

Каадсур оскалила огромные клыки и глумливо расхохоталась. По подземелью раскатилось гулкое эхо, срывая лохмы паутины с потолка и сшибая со стен мелкие элементы декора. Эхо штопором ввинтилось в переплетение коридоров и медленно затухло вдали, искажаясь и дробясь. Недаром о зловещем смехе лайил ходят легенды по всему Лаганахару. Тварь больше не колебалась и, убыстряя темп, рысью устремилась вперед, мысленно повторяя столь удачно пришедшую на ум мысль: все трое непрошенных гостей пришли в царство тьмы отнюдь не с миром и поэтому заслуживают смерти!

Преодолев узкий туннель, Каадсур смиренно склонилась перед бесформенным осколком черного камня, установленным в пустом и темном помещении. То был первый алтарь великой праматери всех лайил, высеченный из упавшего с неба базальта. Лишь здесь, выходя из холодной, словно лед, глыбы, богиня Банрах имела возможность являться во плоти, хоть и ограниченная в перемещении стенами храма Песка. Тут зарождались тьма, хаос и смерть, подпитывая сердце Пустоши.

– Госпожа! – позвала Каадсур, и поверхность алтаря немедленно подернулась черной рябью, концентрируя в себе нечто ужасное, порочное, изначальное, древнее, как сам мир.

Вот из камня появилась стройная женская нога, затем выдвинулось изящное бедро, тонкая талия, высокая грудь, руки с длинными когтями и наконец – голова без глаз, вместо волос увенчанная короной из спутанного шипящего клубка змей. Банрах вышла из алтаря и с наслаждением потянулась. Будучи слепой, она тем не менее отчетливо видела все происходящее в храме, а ее чудовищная внешность несла на себе отпечаток некой потусторонней, непривычной взгляду красоты. Да и кто сказал, что смерть уродлива?

– Ты тоже их учуяла? – спросила змееликая, многозначительно щелкая когтями. – О, я даже и не смела надеяться на подобную удачу! Долгожданная добыча сама идет к нам в руки, близится час моей победы.

Каадсур молча склонила голову, а на ее лице нарисовалось предельно паскудное выражение.

– Замечательно! – Банрах нетерпеливо прошла по зале, а вокруг ее тела, больше похожего на вязкую, угольно-черную субстанцию, клубились волны мерцающего тумана. – Все складывается просто чудесно!

Она резко остановилась и направила палец в грудь лайил:

– Ты должна их остановить. Всех. Я хочу заполучить эту дерзкую девчонку, возомнившую себя Наследницей ушедших в небытие кланов, свою предательницу-жрицу и их трусливого дружка-ниуэ. Хочу медленно содрать с них кожу, клочок за клочком,

выпытывая накопившиеся секреты. Хочу отомстить за нанесенные мне обиды, за поражение в Серой долине, за свой уничтоженный глаз, за присланных в Блентайр эльфов, за затопленную обитель... О, я отомщу! – Богиня ликующе сжала кулаки и завывала, словно дикая тварь, вышедшая на ночную охоту.

Каадсур согласно кивала, испытывая острое разочарование, но не смея перечить. Видимо, сладкая девочка достанется не ей. Хотя, возможно, госпожа будет щедра и уделит своей верной охотнице пару капель вожденной крови?

– Жаль, что мы уже пробудили двух уцелевших гхалий и отправили их на перевал, – с некоторым сожалением в голосе произнесла змеелика. – Ну да ничего, – снова возрадовалась она, – они бы нам тут и не понадобились. Ты справишься с девчонкой сама!

Каадсур закивала еще интенсивнее, призывая госпожу не сомневаться в ее преданности.

– Только будь осторожна! – предостерегла богиня, не лишенная толики здравого смысла. – Помни, что хайдари не сумели завлечь девчонку в свои сети и потерпели поражение. Эльфийка овладела магией, а это делает ее достойной противницей. Она уже неоднократно разрушала мои планы. Не подведи меня! – И она снисходительно взмахнула рукой, отсылая лайил прочь...

Каадсур уверенно, как взявшая след гончая, неслась по коридорам храма, ведомая все усиливающимся запахом будущих жертв. «Достойная? – с брезгливым негодованием размышляла она. – Девочка стала достойной противницей?» Нет, подобное нелепое утверждение отказывалось укладываться у нее в голове. Скорее всего повелительница перестраховывается, приписывая эльфийке нечто совершенно невероятное. Госпожа стала излишне осторожной, устав от череды несчастий, ниспосланных ей коварными Неназываемыми. «Ну да ничего, теперь мы играем на своей территории, и поэтому возможность ошибки исключена полностью. На сей раз мы победим!» – Тварь предвкушающе расхохоталась, уже не сдерживая переполняющие ее эмоции. «Для достижения успеха зачастую необходимо сделать что-то не лучше, а раньше!» – так рассуждала Каадсур, полагаясь на свою силу и врожденные звериные инстинкты.

«Удача сопутствует разумным!» – в это же самое время решила судьба, не полагаясь ни на кого...

Глава 9

Пройдя по коридору, ведущему вниз и постепенно сужающемуся, Ребекка и Беонир оказались в просторном темном зале, в центре которого непосредственно из пола бил исполинский фонтан, светящийся изнутри фиолетово-синим светом. Периодически в толще воды вспыхивали ярко-алые искры. Ни лайил, ни ниуэ зал не понравился.

– Здесь все пропахло мертвечиной! – выразил общее мнение взбудораженно принюхивающийся, как собака, и даже вставший на четвереньки Беонир.

Потом они уже не смогли вспомнить точно, кто первым заметил это вкрадчивое движение, подобно тени наползающее на них из углов зала. Казалось, сама мгла, окружающая их со всех сторон, зашевелилась, зажигая десятки алых глазниц и отрезая от спасительного подземного хода, приведшего путников сюда. Варлики выходили из стен, выбирались из обломков каменных гробов, спускались по свисающим с потолка цепям. Море мертвой плоти рвалось к замершим перед боем храбрецам.

– Сейчас мы умрем! – безразличным тоном произнес юноша, и под его пальцем злобно хрустнула до предела натянутая тетива.

– Чтоб их мантикора три раза переварила! – привычной фразой откликнулась воительница, поводя зажатými в руках клинками. – Ну уж нет, они не дождутся моей крови, падлы!

– Я тебя люблю! С первого дня, слова, взгляда, – так же буднично признался Беонир. – Хочу, чтобы ты это знала!

– Ага! – тихо отозвалась Ребекка.

– Что «ага»? – ласково усмехнулся он.

– И я тебя люблю! – мягко расшифровала она без своего обычного ерничанья. – Тоже с первого взгляда, чтоб он неладен был!

– Почему? – удивился Беонир, роняя лук, левой рукой обнимая девушку за талию, а правой принимаясь осторожно поглаживать ее роскошные рыжие волосы.

Ребекка, доверчиво прильнув к его груди, боролась с последними терзающими ее сомнениями. Оба они совершенно позабыли о надвигающейся опасности.

– Как же мы будем жить дальше, милый? – печально спросила воительница. – Я лайил, а ты ниуэ – мы слишком разные! А еще я безработная и нищая, а ты изгнанник...

– Ах да, синяк на твоей ключице! – подстрекающе рассмеялся Беонир. – А я полагал, что твой начальник...

– Лэрд Роннеган? – вспыхнула девушка, строптиво отстраняясь на расстояние вытянутых рук. – Он попробовал силой уговорить меня не уходить из стражи и более того – предложил свое э-э-э... – Она искала слово попримечнее, и нашла: – В общем, особое покровительство. А я... я... – Лайил задыхнулась от гнева.

– А ты? – По лицу Беонира расплылась широкая счастливая улыбка.

– Я ударила его и убежала! – гордо выкрикнула она. – Ушла без жалованья, зато свободная и независимая. Но мы с тобой... – Ребекка снова приуныла. – Союз двух извечных врагов... Что хорошего может из этого получиться?

– Все, что мы захотим! – Ниуэ осторожно прикоснулся пальцем к ее щеке, даря первую несмелую ласку. – Теперь, когда я наконец-то обрел тебя, все будет хорошо. Я положу к твоим ногам весь мир, если ты захочешь, родная.

– Не надо, – смущенно улыбнулась девушка. – У меня есть ты, и этого вполне достаточно.

– Я люблю тебя, Ребекка! – Глаза ниуэ сияли удивительно теплым, доселе незнакомым воительнице огнем. – Ты мне веришь?

– Верю! – Она все еще не осмеливалась встретиться с ним взглядом. – Я так корю себя за то, что не доверяла тебе раньше.

– Ничего, это поправимо. У нас еще столько всего впереди! – Беонир коснулся подбородка Ребекки и медленно приподнял ее голову.

– Я люблю тебя! – прошептала Ребекка. – И почему я раньше была такой дурой?..

Губы влюбленных соединились, и в этот самый момент вал мертвяков накатился на них со всех сторон, грозя захлестнуть обреченную на гибель пару, чтобы раздавить, разорвать, растерзать на куски...

Ведомая каким-то нехорошим предчувствием, я ворвалась в небольшой зал и увидела, как губы Беонира накрыли рот Ребекки, которая застонала и обвила его руками так страстно, словно умоляла, чтобы этот поцелуй длился вечно. Я хотела тихонько ретироваться, но не успела: прямо в этот самый миг на нас обрушилось целое полчище варликов, и мне стало не до сантиментов. Нужное заклинание само пришло в голову, призванное соединить стихию воды и вытянутый из Льда холод. Пальцы обеих рук сплелись в причудливом жесте, а из ладоней хлынул шквал синих ледяных игл, светящихся в темноте. Они впивались в камни, еще некоторое время освещали все вокруг, а потом медленно гасли. Попав в мертвяка, такая игла на несколько минут обращала его в неподвижное ледяное изваяние, постепенно оплывающее лужей грязной воды.

Ледяной вихрь стремительно прошелся по залу, исполинской метлой очистив его от тварей и попутно озарив все углы и закоулки. В догорающем свете игл я смогла во всех подробностях рассмотреть это небольшое помещение, ставшее полем боя. Прямо за фонтаном возвышался вычурный балкон, вырезанный из белого, блистающего, будто снег, неизвестного мне камня. Массивные, украшенные изящной резьбой колонны, созданные из этого же материала, вздымались ввысь, подпирая небольшую прямоугольную площадку.

Балкон окружала паутина из каменной резьбы, работы не просто тонкой, а тончайшей.

Но вот буран из синего льда иссяк, медленно потухли ледяные стрелы, и в зале вновь воцарилась тьма, внезапно прорезанная вспышкой нового, еще более интенсивного света... А мы трое дружно закричали от яростного изумления, смешанного с самым сильным омерзением, ибо мгновенно узнали фигуру, появившуюся на балконе!

Да, свет зажегся отнюдь не сам по себе. На белокаменном балконе стояла высокая худая женщина, облаченная в черный балахон, отороченный золотой окаемкой, и мне хватило одного короткого взгляда, чтобы безошибочно опознать ее личность. О, я вряд ли смогу забыть эти раскосые красные глаза, часто являвшиеся мне во сне, эти бездушные углы, полыхающие багровыми отблесками священного огня, в любое время суток горящего перед жертвенником богини. Я также никогда не забуду и эти выступающие из-под верхней губы клыки и тяжелые, какие-то сонные веки, подведенные засохшей кровью очередной жертвы. Содрогнувшись от ужаса, я невольно покачнулась и чуть не упала, ощутив на себе испытующий жадный взгляд голодной твари, жаждущей моей смерти.

– Лайил! – с отвращением зашипел Беонир. – Кровососка, убийца!

– Главная охотница! – ошеломленно ахнула Ребекка, невольно отшатываясь назад. – У нее регалии главной охотницы богини!

– Каадсур! – с ненавистью завопила я. – Это ты, похитительница моего любимого!

– Ты неправа, девчонка! – нагло расхохоталась тварь. – Я уже не Каадсур... Теперь меня зовут Смерть, и я пришла за тобой!

Она оперлась на парапет и легко спрыгнула с балкона. Спрыгнула вниз. Ко мне...

С высоты мраморного балкона Каадсур удивленно рассматривала стоящую подле фонтана незнакомку, сиюсь узнать, но все никак не узнавая в ней прежнюю невзрачную замухрышку, встреченную несколько месяцев назад на церемонии выбора учеников гильдий. Да, тогда эта девчонка внушала лишь жалость, подобную той, которую многие слабые душой люди испытывают по отношению к бродячим котяткам или щенятам, подкупающим своей беззащитностью, неприкаянностью и бесполезностью. Но куда, куда, спрашивается, бесследно подевалась бледная кроха, никчемный полевой цветок, уже почти сломленный тяжелым сиротским бытом? Нет, ныне перед Каадсур предстала совсем другая девушка, и лишь неповторимый цвет ее необычных глаз говорил о том, что личность их обладательницы осталась неизменной, претерпев при этом разительную ментальную и физическую трансформацию! Да, жизнь, бесспорно, меняет всех нас, но почему настолько сильно?!

Порыв гуляющего по храму ветра распахнул полы плаща, свободно свисающего с плеч девушки, и взметнул заплетенные в мелкие косички темные волосы, словно шлем прикрывающие ее затылок и шею. Такая прическа еще больше подчеркивала форму ее острых ушей, проглядывающих сквозь пряди. Каадсур с любопытством рассматривала стройную фигуру своей противницы, против собственной воли подмечая, как выросла та и окрепла, утратив мальчишескую угловатость пропорций. Теперь она смотрелась уже не девчонкой, а идеально сложенной девушкой, пленяющей поразительной гармонией форм. Ее лицо утратило болезненную бледность, свойственную затворникам, и покрылось золотистым загаром странствий. Высокий лоб намекал на недюжинный ум, а сиреневые с золотистыми крапинками глаза излучали спокойную уверенность в собственных силах. Висящая на груди звезда слабо светилась тремя наполненными лучами, словно говоря о том, что перед вами стоит отнюдь не слабая девушка, а настоящая чародейка – опытная, искусная, опасная. И тогда, ощутив прилив подсознательного страха, Каадсур возмущенно заскрежетала зубами и спрыгнула с балкона. Вниз. Прямо на Йону...

Пронзительный предупреждающий визг Ребекки вывел меня из странного оцепенения, вызванного пристальным завораживающим взглядом Каадсур. Я встрепенулась, будто пробуждаясь ото сна, ахнула, еще успела сжать кулаки, и в следующий миг все вокруг меня неожиданно пришло в движение, стремительно убыстряясь, закручиваясь в смертельный

водоворот ощущений, событий и реакций. Я резко выбросила вперед правую ладонь, посылая в стоящую передо мной тварь сгусток оранжевого пламени. Нас разделяло всего лишь несколько шагов, и поэтому мне казалось, что лайил не успеет отреагировать на чары. Но я ошиблась. Темную морду Каадсур исказила надменная ухмылка, а ее рука, обвитая жгутами черных вен, поднялась в ответном жесте...

Мой огненный шар, сбитый небрежным щелчком пальцев твари, с почти хрустальным звоном врезался в крышку одного из встроенных в стену саркофагов и разлетелся веером ярких брызг. Над треснувшей от удара крышкой начал подниматься бледный дымок. Но Каадсур не обращала внимания на последствия своих защитных действий, она смотрела только на меня, и ее взгляд обладал гипнотическим, почти парализующим действием. Я с ужасом осознала, что мое тело словно окаменело, практически полностью перестав мне повиноваться. Тварь довольно улыбнулась. Она говорила тихо, но от мощи, наполняющей ее голос, дрогнули даже каменные стены.

– Твой возлюбленный Арден мертв и похоронен в зале Вечности! – холодно сообщила лайил. – Ты зря пришла сюда, чародейка, ибо не найдешь в храме ничего, кроме своей смерти.

– Если мне суждено умереть, то я непременно заберу тебя с собой! – зашипела я, еле шевеля одеревеневшим языком. – Клянусь!

– Не клянись заранее, – небрежно отмахнулась Каадсур. – Все вы, девки, трепливы, как мокрые трусы на ветру! – Она гадко хихикнула. – Пришло время разбудить наших верных слуг...

В разных углах зала задвигались плиты, из-под которых стали подниматься все новые и новые мертвецы. Из боковых проходов, скрытых колоннами, выползали уродливые, полуразложившиеся чудовища, ведомые чувством голода. Наверное, если бы я смогла посмотреть на зал сверху, то вместо пола увидела бы сплошное колышущееся покрывало, состоящее из голов приближающихся к нам варликов.

– Это конец! – панически выдохнула Ребекка, прижимаясь ко мне. – Нам отсюда не выбраться!

– Умрем с честью! – призвал Беонир, заботливо прикрывающий мои лопатки своей широкой спиной. – Помощи нам ждать неоткуда, поэтому постараемся забрать с собой как можно больше убитых врагов.

– Глупый, они и так уже мертвые! – мягко пожурела его воительница. – А мертвые служат только себе...

– Себе?.. – задумчиво повторила я, не отводя взора от концентрирующегося под потолком дымка, вырвавшегося из неосторожно расколотого Каадсур гроба.

Странно, но в этом дымке не ощущалось ничего враждебного – скорее всего он нес в себе душу какого-то давно скончавшегося мага, некогда захороненного в храме. Но ведь мертвые тоже умеют драться! Я тут же вспомнила урок мудрого Альсигира, рассказавшего мне о том, что светлый чародей способен обмениваться энергией с любым живым или неживым объектом, распределяя ее согласно своим целям и намерениям.

Я мысленно прикоснулась к туману и радостно вскрикнула, поняв, какая сильная ненависть переполняет душу усопшего мага, мечтающего отомстить своим врагам, тем самым тварям, которые являлись и моими врагами тоже. И тогда я раскрылась навстречу этой пробудившейся от смертного сна душе, объединилась с ее знаниями и возможностями и нанесла сокрушительный удар, которого не ожидали ни окружающие нас варлики, ни преждевременно торжествующая Каадсур.

В зале, освещенном светом фонтана, сверкнула ослепительная ветвистая молния, выкашивая первые ряды мертвяков. Заполыхал пожар, пожирая мертвые тела, сгорающие легко, словно солома или береста, брошенные в печь. В ярости Каадсур сплела пальцы, торопясь создать новое заклинание, но повторная молния, порожденная моими чарами, вырвалась из тумана и, переливаясь всеми цветами радуги, обрушилась на голову твари, раскрывшей рот в беззвучном вопле невероятной боли.

Мертвое воинство лишилось своей предводительницы, но я все равно не отступала, а слетающие с моих ладоней разряды без устали воспаляли плоть варликов, превращая их в прах и пепел. Ни один из призванных Каадсур мертвяков не спасся, не успел уползти обратно в свою нору. Когда же пылающее тело лайил развалилось на куски, я почувствовала, как исчезает сковавшее меня оцепенение и жизнь снова наполняет каждую клеточку тела.

Ребекка и Беонир, плечом к плечу бившиеся рядом со мной, устало опустились на пол, утирая смешанную с потом кровь, обильно струившуюся из многочисленных порезов и ссадин, покрывающих их тела. К счастью, никто серьезно не пострадал, оба отделались незначительными поверхностными ранами.

Я подняла глаза к потолку зала и увидела призрака, висящего на высоте нескольких десятков локтей над полом. Дух давно умершего мага был облачен в белый балахон с капюшоном, скрывающим его лик и позволяющим видеть лишь пышную седую бороду. Я всем нутром ощутила силу пронзительного взгляда его черных глаз. Над его полупрозрачными ладонями, сложенными лодочкой, вращалось колесо ветвистых молний.

– Здравствуй, повелительница ветра! – донеслось из-под капюшона мертвого чародея. – Ты здорово управляла моими молниями.

– Кто ты? – с любопытством спросила я, обращаясь к призраку.

– Я служу миру! – Его голос чудовищной какофонией раскатился под сводами зала, заставив нас торопливо прикрыть ладонями свои чуть не оглохшие уши. – Когда-то я был учеником Неназываемых, пока подлые твари змееликой обманом не усыпили мою бдительность и не погубили мое тело.

– Служишь миру? – переспросила я. – Значит, ты светлый чародей?

– Светлый? – Призрак засмеялся еще громче. – Девочка, ты сильна, но еще так наивна и невинна душой. Скажи, разве оружие обладает цветом?

– Нет! – отрицательно помотала головой я.

– Магия и есть оружие, – терпеливо поучал меня призрак. – А оружие не имеет собственного цвета, не бывает черным или белым. Все зависит от цели, ради достижения которой используется это оружие. Определенную окраску чарам придает лишь сам владелец магии.

– Понимаю, – благодарно улыбнулась я. – А серым магом становится только тот, кто руководствуется в своих трудах благополучием всего мира, не стремясь извлечь из своей силы личную выгоду.

– Правильно! – одобрительно прогудел призрак. – Ты быстро учишься, серая чародейка! Спасибо тебе за то, что освободила меня от накопившейся ненависти, удерживающей мою душу внутри этого гроба. Теперь я свободен.

– Иди с миром! – искренне пожелала я. – Спасибо за науку.

– Тогда прими мой последний дар – ценный совет, – не остался в долгу призрак. – Если зло приблизится к тебе вплотную, намереваясь отобрать самое дорогое, то не уподобляйся ему. Не отвечай злом на зло!

– Хорошо! – недоуменно отозвалась я. – От меня ускользает смысл твоих слов, но обещаю – я их запомню.

– Ты об этом не пожалеешь! – Одетая в белое фигура начала медленно таять в воздухе под потолком. Но перед тем как исчезнуть, призрак вдруг откинул свой капюшон, являя нам благородные черты худого лица старца-анахорета, и подарил мне дружелюбную, открытую улыбку.

– Ничего себе денек нынче выдался! – фыркнула Ребекка, старательно обтирая клинки подобранной на полу тряпицей и вкладывая их в ножны. – Каадсур, сгоревшая, будто клочок пакли, молнии, призрак... Да чтоб их мантикора три раза переварила, но для моей нервной системы это уже слишком!

Она не села, а скорее рухнула на обломок каменного гроба и восхищенно уставилась на меня:

– Йона, поздравляю, сегодня ты уделала всех!

– И стала повелительницей ветра! – в унисон подхватил Беонир. – Вот, значит, для чего пригодился твой новый медальон!

Я смущенно улыбнулась.

– Сатари будет очень рада, узнав, как Каадсур поплатилась за все несчастья, принесенные ее народу, – тактично заметил ниуэ, подходя к чуть не падающей от усталости Ребекке и подпирая ее своим крепким бедром.

Воительница смущенно зыркнула в мою сторону и покраснела.

– Йона, понимаешь, тут такое дело... – Она замялась.

– Да? – Я честно попыталась состроить невинное лицо. – Что-то случилось?

– Да просто мы любим друг друга! – совершенно спокойно сообщил Беонир, тем самым положив конец нашим мукам.

Вот теперь я имела полное право широко распахнуть глаза, экзальтированно запрыгать и захлопать в ладоши, что, собственно, и сделала.

– Я очень, очень за вас рада! – Я крепко расцеловала совершенно обалдевшую воительницу, а потом и ниуэ.

– Что-то ты не выглядишь удивленной, – подозрительно прищурилась Ребекка.

– Потому что конспираторы из вас никудышные, – нашла я. – Я узнала о вашей любви гораздо раньше вас самих!

– Да-а-а? – удивилась лайил. – Эй, малышка, когда же ты успела так внезапно повзрослеть?

Этот вопрос не требовал ответа, и поэтому все мы промолчали.

– Кстати, – вдруг вмешался Беонир, – дорогая, а ты заметила, что в прошлом бою я несколько раз спасал тебе жизнь?

– Четырежды! – быстро уточнила я.

– И что из этого следует? – осторожно и даже без ругани осведомилась Ребекка, на сегодня уже явно утратившая способность удивляться.

– Ну как же... – Беонир картинно отставил ногу и упер руки в бока, принимая позу вдохновенного оратора. – С незапамятных времен повелось, что рыцарь, спасший прекрасную девушку от страшной опасности, после обязан на ней жениться. Хочется – не хочется, – тут он заговорщицки мне подмигнул, – а надо, традиция такая. Если хотите, своеобразная защита интересов рыцаря. А что, если не жениться, то получается – он ее просто из-за безделья спасал или за красивые глаза?

После этой фразы Ребекка обеими ладонями зажала себе рот, видимо, опасаясь ляпнуть какую-нибудь грубость, но Беонир напыжился еще больше и с энтузиазмом продолжил:

– Я ведь жизнью рисковал, сражался с мертвяками. Нет уж, определенно, жениться и еще полцарства в придачу. Подозреваю, что многие рыцари предпочли бы полцарства отдельно от спасенной дамы...

Тут Ребекка погрозила ему своим увесистым кулаком, намекая: «Фиг ты теперь от меня отвертись».

– ...но факт остается фактом: все мужчины питают необъяснимую слабость к девушкам, которых они спасли. В наше непростое и не богатое на драконов и поединки время случай проявить себя с благородной, рыцарской стороны и вовсе выпадает раз в сто лет. И если уж такое происходит, тут явно не обходится без чудес.

– Не обходится без чудес... – задумчиво повторила я, вспомнив, как совсем недавно Каадсур поведала мне о смерти Ардена. «Возможно ли в этом жестоком мире истинное чудо, способное вернуть мне утерянного возлюбленного?» – печально подумала я.

– Я так поняла, что ты просишь моей руки? – Возбужденный голос Ребекки вывел меня из самоуглубленного состояния.

– Правильно поняла! – просиял счастливой улыбкой юноша. – Руки, глаз, губ, груди, кхм... – Он смущенно кашлянул. – И всех прочих, не менее прелестных частей. Ну и как, надеюсь, ты согласна?

– Знаешь, я еще подумаю, поприглядываюсь, – уклончиво сообщила хитрая

воительница. – У меня же выбор имеется: ты или Горм... Все-таки мужчина преследует женщину до тех пор, пока она его не поймает! – Ребекка издала лукавый смешок.

Улыбка Беонира растеклась, словно чернильная клякса.

– К тому же ты там что-то про дракона вякнул, – усилила нажим ехидная невеста.

– Дорогая, помилуй, где же я тебе дракона-то найду? – писклявым фальцетом возопил отвергнутый жених, начиная картинно заламывать руки.

– А ты поищи! – капризно потребовала Ребекка. – Авось да найдется.

И тут по коридорам храма Песка прокатился дикий, безумный животный рев, сотрясающий стены и взламывающий каменный пол.

– Дракон! – подпрыгнул ошеломленный Беонир.

– Нет, – резонно покачала головой я. – Это кричит богиня Банрах, осознавшая гибель своей приближенной охотницы. Змееликая впала в ярость, и, кажется, теперь она идет за нами!

Теперь все решала скорость. Кто первый попадет на самый нижний ярус, в зал Вечности, тот и останется в живых! Почему-то я думала именно так, хотя выбор – мы или змееликая – мне категорически не нравился. Банрах – это вам не парочка полусгнивших трупов, посмевших преградить дорогу. Богиню голыми руками не возьмешь. И руками, вооруженными магией, кстати, тоже!.. В общем, пока я пыталась не концентрироваться на неприятных мыслях, переполняющих мою голову, а просто бежала.

Путь, петляющий и извивающийся по лабиринту гробниц, казался бесконечным. Мы давно уже перестали заглядывать в карту, ведомые лишь моей интуицией и неумолкающим голосом сердца, подсказывающим, что вот оно, еще чуть-чуть, уже совсем близко... То, чего я хотела больше всего на свете и боялась не меньше, приближалось.

Любовь моя, ты дар или проклятие? Любовь, за что ты мучаешь меня столь жестоко? Вроде бы именно любовь и должна нести нам бессмертие, а вместо этого она убивает все, к чему прикасается. Может быть, это страх близкой смерти заставляет нас любить так неистово, так пронзительно? А возможно, это страх смерти убивает в нас любовь? Я тщетно металась в поисках ответов на свои многочисленные вопросы, но никак их не находила, терзаемая острым предчувствием, что скоро и так обо всем узнаю. Вот только захочу ли я знать столь чудовищную правду?..

Величественные залы, украшенные великолепной мозаикой, сменялись темными переходами, уводящими нас то вверх, то вниз. Понятие пространства исказилось, утратив свою актуальность. Запад стал востоком, а юг – севером. И лишь благодаря зову моего переполненного любовью и отчаянием сердца нам удавалось найти выход из очередного лабиринта, изобилующего тайными ловушками и фальшивыми тупиками.

Спустя какое-то время мы оказались на перекрестке из шатких мостков, наподобие лестницы соединяющих несколько этажей. И прежде чем мы сориентировались в хаотичном нагромождении веревок и досок, я успела бросить взгляд вниз, рискованно перегнувшись через хлипкие поручни. Мне показалось, что провал, открывшийся под мостом и пронизанный ответвлениями канатной дороги, не имеет дна, но именно здесь начинается путь во тьму, доступный лишь мертвым. Да и мы сами, ищущие Вечность, имеем ли право называть себя живыми, уже бесчисленное количество раз побывав на краю смерти?

Миновав перекресток, мы очутились в темном зале, стены которого покрывали лики оскаленных тварей, вырезанные в черном граните. Скучный свет проникал лишь из коридора, приведшего нас сюда. А дальше царил непроглядный мрак, и мне пришлось затеплить крохотный язычок пламени, мячиком запрыгавший у меня в ладони.

– Мне страшно! – дрожащим голосом призналась Ребекка, трепетно прижимаясь к Беониру. – Думаю, мы вступили во владения смерти, закрытые для всех, кроме наших богов.

– Ты права, – подтвердила я, но при этом мой голос остался безупречно невозмутимым, ибо я сумела ничем не выдать своего волнения. – Простите, друзья, но пройти через квинтэссенцию тьмы сумеет только чародей, а я не смею рисковать вашими жизнями. Ждите

меня здесь ровно сутки, а потом, если я не вернусь, уходите обратно той же самой дорогой, по которой пришли.

– Нет, – возмущенно запротестовала воительница, цепляясь за меня. – Мы тебя не оставим!

Но Беонир вдруг схватил девушку за локоть и требовательно притянул поближе, заставив взглянуть себе в глаза.

– Милая, ты не понимаешь, – ласково промолвил он, – что в судьбе каждого из нас есть такие моменты, которые не принято делить с кем-то другим, даже с близким другом или кровным родственником. Судьба ревнива и не терпит соперничества, предпочитая тайком вручать нам свои дары и свои наказания, оставшись наедине со своим избранником, избегая ненужных свидетелей или любопытных зевак. Полагаю, нынче для Йоны настал момент истины, определяющий не только ее дальнейшую жизнь или смерть, но и участь всего Лаганахара. Мы не должны ей мешать!

– Хорошо, – с тяжелым вздохом согласилась Ребекка и нежно погладила меня по щеке. – Помни, малыш, мы тебя очень любим и ждем. Возвращайся к нам, пожалуйста!

– Возвращайся вопреки всему! – поддержал ее ниуэ.

– Возьми с собой это. – Воительница протянула мне сумку с метательными пластинами, подаренную ей Лорейной. – Не знаю, на какие там чудеса намекала эльфийская принцесса, но мне думается, что тебе как раз придется сделать тайное явным.

– Спасибо. Я буду помнить! – шепотом пообещала я, приняла оружие и без колебаний шагнула вперед, скрываясь во мраке. Мое сердце разрывалось от тоски и страха утратить тех, кого я еще могла потерять, и от страха не найти того, кого я уже потеряла. Да, но потеряла ли? Честно говоря, сейчас я напрочь отказывалась поверить в смерть Ардена, ибо наперекор всему продолжала помнить его живым, веселым и красивым! Смерть – кто она такая, дано ли ей право убивать нашу любовь? Или это любовь прогоняет смерть, заставив ее отступить перед напором своей животворящей силы? Возможно, мы каждый день потихоньку помогаем выживать своей любви, делая ее все более сильной и прекрасной. Кажется, я лишь теперь начинала понимать, ради чего стоит жить и ради чего не жалко умереть. Интересно, а вы это знаете?..

Я шла, а морская раковина тихонько пела у меня в сумке, внушая веру в себя и пробуждая безумную надежду на благополучное завершение моих поисков...

Не позволяй себе прогнуться,
Корысти ради не греши,
Но для спасения души
На срок прожитый оглянуться
Ты без капризов поспеши.

В ногах у сильных не валяйся,
Почаще слабым помогай,
Не славь себя и не ругай,
За миг ушедший не цепляйся,
Не предавай родимый край.

Не вздумай же любовь на злато
Сменять по глупости своей,
Но не стремись других людей
(что лицемерием чревато)
За глупость осудить скорей.

Путей изведанных чурайся,
За легкой славой не гонись,

Дурных поступков сторонись,
Чужим богам не поклоняйся,
А от своих – не отвернись.

Твои друзья – всего дороже,
Но чти, однако, и врагов,
Ты с ними не веди торгов,
О чувстве меры помни тоже —
Не сделай лишних к ним шагов.

Почаще смейся без причины
И не стыдись печальных слез,
Не принимай беду всерьез,
Но принимай любовь мужчины
Как высший дар, а не курьез.

Не много это и не мало —
Уж как на все с умом смотреть,
Как различить сейчас и впредь,
За что цепляться не пристало,
За что не жалко умереть.

Коридор сузился до размеров тесного лаза, по которому я и шла, пригибая голову под низко нависающим потолком и частенько задевая плечами шершавые, холодные стены. Огонек тускло отсвечивал у меня на ладони, бросая слабые блики на глыбы известняка, грозившие раздавить мое тело, кажущееся чересчур хрупким на фоне многовековой мощи. Карта осталась у Беонира, но я об этом не печалилась. Кем бы ни являлся ее безымянный создатель, он сильно ошибся с подсчетом этажей и ярусов, лишь еще больше запутав своих последователей. Хотя, возможно, он сделал это намеренно? Не исключено, что насквозь фальшивая карта стала еще одной ловушкой, призванной погубить доверчивых путников, осмелившихся сунуться в храм Песка.

Теперь мне казалось, что все увиденное нами ранее было всего лишь ширмой, искусно созданной декорацией, скрывающей подлинные размеры гигантского святилища, уходящего глубоко под пустыню. И даже если я сумею добраться до зала Вечности, то суждено ли мне выйти обратно на поверхность, не встретившись с разгневанной богиней, пылающей жадной мести? Да, я и сама понимаю, что мне несказанно повезло в схватке с Каадсур, и помощь разбуженного ею призрака пришлась как нельзя кстати, но ведь любое, даже самое волшебное везение когда-нибудь заканчивается! А я... Я уже столько раз испытывала судьбу... Чувствую, вскоре она опомнится, возьмет реванш за все свои поражения и отыграется на мне по полной...

Внезапно проход закончился, выведя меня в какое-то помещение, весьма масштабное и пустынное, судя по звучно разнесшемуся в нем цоканью, издаваемому железными подковками на каблуках моих сапог. Едва ступив на пол этого зала, выложенный гладкими мраморными плитами, я, повинаясь инстинктивному предчувствию надвигающейся опасности, молниеносно опустилась на колени и потушила путеводный огонек, очутившись в крошечной тьме. Интуиция меня не обманула: в тот же самый миг из темноты вылетел зеленый ком слизи и ударил в стену, точно в то самое место, где еще секунду назад находилась моя голова. Едкая, слабо флюоресцирующая субстанция моментально развела известняк, превращая его в прах. Очевидно, в этой слизи содержался какой-то сильнейший яд, который и сжег верхний слой стены.

Я мягко откатилась влево, перекувырнувшись через плечо, вскочила на ноги, выхватила из ножен Лед и успела еще в полете рассечь второй комок слизи, нацеленный мне

в грудь. Уже привычное заклинание не подвело и на сей раз, а в свете, рожденном ледяными иглами, проступили контуры двух поистине невероятных созданий, надвигающихся на меня. Судя по всему, эти порождения ночного кошмара происходили от людей и гигантских гусениц, наделивших своих потомков вполне человеческими головами, но также и жирными, бесформенными, волнообразно извивающимися телами, покрытыми отвратительной бурой шерстью. Попавшие в них ледяные стрелы испарялись, превращаясь в пар. Хвосты человеко-гусениц заканчивались гибкими шишковатыми наростами, похожие, и предназначенными для извержения комков ядовитой слизи. А к своему окончательному потрясению, я рассмотрела, что на верхней части туловища тварей имеются тощие, слабо развитые конечности-ручки, сжимающие небольшие топорики.

«Интересно, разумны ли эти жуткие создания?» – подумала я, но не успела развить свою мысль, потому что гусеницы вдруг издали слаженный свист и бросились на меня.

Передвигались они достаточно быстро, а их ручонки, показавшиеся мне слабыми и ни на что не годными, отличались завидной ловкостью. Я еле успела отбить клинком Льда топорик, брошенный в меня первой тварью, и уклонилась от очередного комка слизи, выпущенного второй. Лишившийся оружия противник вдруг свернулся в плотный шар и подкатился под ноги, опрокинув меня на пол. Я упала на спину, уронила меч и беспомощно замерла от ужаса, распростертая под телом нависшей надо мной гусеницы. Мой взгляд, растерянно мечущийся в поисках спасения, неожиданно наткнулся на большой острый сталактит, свисающий с потолка.

Решение созрело мгновенно...

Я вытянула ладонь, силой энергетического импульса сбивая базальтовый нарост и направляя его прямо в голову напавшей твари. Сорвавшийся с потолка сталактит угодил ей точно в висок. Звучно треснув, череп твари разлетелся на куски, а ее гибкое тело забилося в предсмертной агонии. Я же тем временем перекатилась по скользкому полу, подхватила свой меч и первым же ударом отсекла хвост второй твари, парализованной видом издыхающей товарки. С пронзительным визгом раненая гусеница метнулась прочь и исчезла в темноте, оставляя за собой широкий след из вонючей желтой жидкости. Запах этой «крови» окончательно доконал меня, и так с трудом сдерживающую подступившую к горлу тошноту.

Я оперлась на меч, после чего меня шумно вырвало прямо на остывающий труп поверженного противника. И все-таки я испытывала жалость к поверженным мною созданиям, преданно выполнявшим свой долг и охранявшим обиталище богини Банрах... Нет, я совершила поступок, которым вовсе не горжусь. Говорят, будто для того, чтобы стать настоящим чародеем, нужно обладать глазами орла, сердцем льва и душой женщины... Но разве убийство и есть главное призвание чародеев?..

Прошло немало времени, прежде чем я проснулась, немного подремав, приходя в себя после нахлынувшей слабости, напилась из обнаруженной в углу зала лужи и оказалась готова продолжить свой нелегкий путь. Мои глаза полностью привыкли к темноте, позволяя без проблем ориентироваться в переплетении минувших мною коридоров и залов, похожие, построенных на основе разветвленной сети естественных пещер. Внезапно впереди раздался грохот подкованных железом каблуков, что повергло меня в жесточайшее недоумение. Я поспешно спряталась за выступом стены. Неужели в этих жутких подземельях присутствует кто-то, кроме меня?..

Бряцание и лязг железа приближались... Я осторожно высунулась из своего убежища, мучимая любопытством. Сначала я увидела неровное пятно света, а затем мимо меня промаршировала шеренга закованных в вороную броню мертвецов, до зубов вооруженных арбалетами, короткими копьями и кривыми ятаганами. Я еле сдержала рвущийся наружу крик изумления, крепко стиснув зубы и до боли вонзив ногти себе в ладони.

Мерцающий свет факелов, которые стражники держали в руках, бросал неровные отсветы на их синюшные уродливые лики, без сомнения, являвшиеся когда-то лицами людей. Эти закованные в доспехи воины ничуть не напоминали прежних тупых мертвяков,

встреченных мною ранее. Они весьма походили на призраков, но топот их ног свидетельствовал о том, что они вполне материальны. На секунду я представила себя одной из них и захлебнулась ужасом. Шаги внезапно стихли – призрачный караул замер.

Казалось, неживые воины настороженно прислушиваются, почуяв мой страх... Неожиданно в моей голове раздался мелодичный голос Лорейны, напевающий памятное: «Накличем на себя невзгоды... Пусть закаляется душа...» Мой трепет улетучился мгновенно, словно дым. Вновь послышался лязг подкованных сапог, призраки удалялись прочь.

«Похоже, они и впрямь чувствуют страх, – поняла я и, направляемая чутьем, двинулась в ту сторону, откуда пришел караул. – Они явно пришли из какого-то важного, тщательно охраняемого места. Значит, мне нужно попасть именно туда!»

Итак, многое в храме Песка оказалось не таким, каким выглядело на первый взгляд. Выяснилось, что попасть на нижние ярусы может лишь маг, умеющий контролировать свои эмоции и подавлять непроизвольно возникающий страх. Маг, не боящийся совершить не только добрый поступок, но и что-то плохое, похожее на сделку с собственной совестью. Ведь серость состоит не из одного лишь света... Да и насчет варликов Беонир явно ошибся. Те уроды, что встретились нам, были всего лишь умертвиями, а настоящие неживые стражи подземелий – это призраки, которых я повстречала недавно. Так какие еще негаданные сюрпризы приготовил для меня храм Песка?

Я шла долго. Возможно, сутки ожидания, обговоренные мною с оставшимися наверху друзьями, уже исчерпались, но сейчас это не имело никакого значения. Всеми фибрами души и клетками своего тела я ощущала, что приближаюсь к мощному очагу магии, безусловно, и являющемуся конечной целью моего пути. Я наконец-то достигла зала Вечности!

Коридор уперся в запертые ворота, состоящие из двух огромных пластин черной меди, покрытых искусной резьбой, изображающей смерч из молний, обращающих в прах легионы мертвецов. Я в очередной раз подивилась прозорливости Неназываемых, создавших храм Песка: молнии на чеканке точь-в-точь повторяли те, которыми я недавно испепелила войско Каадсур. Выходит, я опять не смогла изменить судьбу, а подробно следовала изощренному замыслу древних творцов. На секунду мне стало очень нехорошо, ибо я вспомнила строки пророчества, высеченного на стенах Немеркнувшего Купола: мне было предписано уничтожить гильдию Чародеев, частью которой ныне являлась и я сама... Я, что, должна буду уничтожить саму себя?

Пару раз толкнув створки ворот и убедившись в том, что они остаются неподвижными, я принялась кропотливо изучать нанесенный на них рисунок, надеясь обнаружить какую-нибудь подсказку или замочную скважину. Поиски закончились полнейшим разочарованием: в воротах не нашлось ничего интересного, если, конечно, не считать фигурной выемки в центре резьбы. Ее форма показалась мне смутно знакомой, и теперь я отчаянно пыталась понять, где и когда я уже видела нечто подобное.

Минуты и часы бесплодных усилий пролетели как единый миг, а память все никак не спешила подсказать нужное решение. Тогда я уселась на пол, опершись спиной на запертые ворота, и погрузилась в пространные размышления о жизни, пытаюсь постигнуть суть предложенной мне загадки.

Глава 10

Все люди живут ради каких-то целей. Мало найдется на свете тех, кто живет просто так, не думая о том, чего он хочет достичь. Ну, может быть, так живут лишь святые праведники или бездомные бродяги, греющиеся у костра на пустыре. Кстати, вполне возможно, что те и другие – близкие родственники по духу и принципам. Ведь и те, и другие послушно следуют своей судьбе, сознательно выбирая путь наименьшего сопротивления жизни. Нет, нельзя считать, будто праведники и бродяги живут бесцельно. Просто их цель лежит за гранью нашего обыденного понимания, вот и все.

Конечно, цели целями, но человек, как известно, не способен прожить жизнь без ошибок. Ошибаются все. Чародеи – при создании заклинаний, уравнивающие – при вынесении приговоров, целители – при составлении рецептуры лекарства. Ошибается даже король, в какой-то момент решивший, будто ему все подвластно. Совершенные нами ошибки имеют свойство накапливаться, изменяя нашу жизнь и обычно уводя ее в «минус». А потом случается шумный «бац» – и наступает час расплаты за совершенные ошибки. Постепенно, конечно, все устаканивается, встает на свои места, исправляется и искупается, но происходит это весьма нескоро и отнюдь не безболезненно.

Одни жизненные цели сменяются другими, более глобальными и осмысленными, взрослея вместе с нами. Все течет, все изменяется, и поэтому то, что еще вчера казалось архиважным, завтра превратится в тлен. Система ценностей – штука крайне ненадежная, так и норовящая в любой момент поставить все с ног на голову. Система ценностей – это и есть сама жизнь. Куда она нас несет? Кто управляет ее потоком? Есть ли во всем этом некий здравый смысл или наша единственная участь – быть инертными частичками целого потока? Все эти вопросы по большей части остаются без ответа.

Ходят слухи, что кому-то ловкому все-таки удастся на секундочку заглянуть за занавес жизни и мельком увидеть ее творцов. Ясновидящим, гадалкам, чародеям... Ну а что достается тем, кто не обладает специфическими способностями мага? Неужели только скорбная участь безгласного скота, ведомого на бойню бытия? Нет, иногда каждый из нас ощущает в себе сильнейший голос интуиции. Правда, в большинстве случаев он раздается не до, а после произошедшего события и звучит так: «Ой, как же я ошибся!»

Почему же мы ошибаемся? Да потому, что никто не знает в точности, что именно приготовило для нас грядущее! Не знают ни люди, ни чародеи, ни боги, ни даже сами Неназываемые! Ведь в мире, помимо их далеко идущих замыслов, существует еще его величество Случай, который то позволяет что-то увидеть, а то вдруг закрывает нам глаза своей шаловливой рукой... А значит, грядущее будущее можно исправить или переиграть, опираясь на пресловутый благоприятный случай и учитывая уже совершенные людьми ошибки.

Да, когда-то я тоже ставила свои интересы превыше всего, мечтая любой ценой стать чародейкой, и в этом заключается моя ошибка. А потом я совершила вторую – вознамерившись спасти мир во имя своего предназначения и навязанного мне долга. Я была неправа! Мир, безусловно, стоит того, чтобы быть спасенным исключительно ради себя самого, ради светлого будущего и безоблачного счастья всех проживающих в нем существ. Да и мое личное счастье неотделимо от судьбы всех народов Лаганахара. Тьма, почему же я не понимала этого раньше?

Озаренная, я вскочила на ноги, почти задыхаясь от простоты и логичности переполняющих меня мыслей. Мир действительно устроен предельно справедливо: «Каждый человек должен как можно больше отдавать другим. Каждый должен растратить себя без остатка, не считаясь с потерями и ничего не выгадывая для себя лично! И только тому, кто умеет отдавать себя без остатка, сторицей возвращается все. Это – закон жизни!» Так говорило мне мое поумневшее и повзрослевшее сердце.

И именно по такому закону я намеревалась отныне жить.

– Ой, как же все просто! – Я звонко рассмеялась, чрезвычайно удивленная своей прежней недогадливостью. – Ой не могу, какая же я дура!

Еще неоднократно обозвав себя тупицей, я торопливо распотрошила сумку, отыскивая сверток с метательными эльфийскими пластинами, отданными мне Ребеккой. Тайное и вправду стало явным, хотя по большей части это относилось к переоценке моих жизненных ценностей и признанию собственных ошибок. Как я и ожидала, метательная пластина в форме молнии идеально вошла в выемку замка на воротах...

Вырез под пластиной засветился белым светом, и спираль молнии начала свой бег по кругу, поворачиваясь на манер ключа. Узор на воротах медленно вращался в такт движению метательной пластины, а створки из черной бронзы постепенно таяли в воздухе, открывая

проход. Подхватив сумку, я поспешно метнулась вперед, торопясь проскочить сквозь зачарованные ворота до тех пор, пока они не надумали закрыться. И как только я пересекла черту, отмечающую их границу, тяжелые створки внезапно очутились на своем исходном месте, отрезав меня от приведшего сюда коридора. Выемка под ключ-пластину с этой стороны ворот отсутствовала напрочь, и поэтому мне волей-неволей пришлось пойти дальше, размышляя о том, что для возвращения, похоже, придется изыскать какой-то другой путь, если таковой вообще существует.

Единственный коридор привел меня в овальный, полузатемненный скальный грот, наполненный запахом затхлости, полузанесенный серым прахом и не имеющий никакого иного выхода. Кажется, здесь моему путешествию по храму Песка суждено оборваться... В центре зала возвышался большой каменный сундук, окруженный развалинами десяти мощных саркофагов. Я медленно обошла их все, отметив, что восемь гробов подверглись разрушению уже очень давно, ибо их осколки покрывал толстый слой пыли, а вот два крайних, судя по всему, разбились совсем недавно. Но куда девалось то, что ранее покоилось в этих мощных, похожих на тюремные камеры саркофагах, я так и не поняла... В изголовье первого из них я обнаружила лаконичную надпись «Лаэгра», а на втором – «Аргата». Так ни в чем и не разобравшись, я растерянно подошла к сундуку, откинула его крышку, оказавшуюся неожиданно легкой, и заглянула внутрь...

В темных недрах сундука стояла высокая золотая чаша, в которой непрерывно закручивался маленький песчаный смерч, сдерживаемый стенками прекрасного сосуда. Песчинки в бешеном темпе носились по кругу, не останавливаясь ни на миг, и басовито выпевали мелодичную неумолкающую песенку: «У-у-у...» Я вздрогнула от удивления и радостно усмехнулась. На сей раз вероятность ошибки исключается полностью, ведь именно так поет ветер наверху, передвигающий громады песчаных барханов, наступающих на Лаганахар. Да, следует признать – я обнаружила сердце Пустоши, которое и является источником ее неистощимой силы. Чудовищной силы, стремящейся поглотить весь мир!

Теперь я понимала, что за стилет подарил мне бог Шарро и зачем он это сделал, ведь на клинке волшебного оружия имелось изображение чаши с песком. Кажется, сегодня я наконец-то исполню свое предназначение и остановлю Пустошь...

Дрожащей от волнения рукой я извлекла стилет из ножен и погрузила его в чашу, хранящую в себе сердце Пустоши. Чаша застонала почти человеческим голосом, кружащийся в ней песок замедлил свое движение и начал оседать на дно сосуда, а прозрачный алмаз на рукояти стилета стал наливать ярким алым светом. И чем медленнее крутился песок, тем пронзительнее сиял новорожденный рубин, пульсирующий свежей алой кровью. Помню последнюю секунду, когда чаша жалобно тренькнула и разлетелась на сотню золотых осколков, завертевших меня в своем колдовском хороводе и одним махом перебросивших куда-то вдаль, унося за собой...

Мир стал желтым, сухим и сыпучим, превратившись в песок. Огромное здание, увенчанное плоской крышей, поддерживаемой рядом стройных колонн, тоже состояло из песка. Оно не имело постоянной формы и объема, а непрерывно колебалось, как рябь на воде, в каждое последующее мгновение немного меняя свои эфемерные очертания. Я победно усмехнулась уголками губ, узнающим взором обводя представший передо мной храм Песка. Настоящий храм, а не ту ширму, по которой я бродила до настоящего момента.

Полагаю, я сумела исправить совершенные ошибки и попала туда, куда меня так не хотели пускать. Мне мешали всё и все: собственная глупость, богиня Банрах, сьерра Кларисса, но я все-таки переломила их сопротивление и остановила Пустошь, сумев шагнуть на порог настоящего храма Песка! А еще я частично помнила, что уже вроде бы видела все это во сне, вот только конец того моего сна оказался не очень хорошим... Но каким же именно он был?

Я еще немного постояла перед высоким многоступенчатым крыльцом, ведущим к двустворчатым вратам, теряющимся в полумраке портика, а затем отважилась и сделала

первый шаг. Я ступала легко и осторожно, стараясь не потревожить хрупкий продолговатый предмет, вложенный в замшевый футляр и спрятанный у меня за пазухой. Я не ведала, чем или кем является сейчас, а возможно, окажется в будущем сей тяжелый и гладкий на ощупь камень, но почему-то пребывала в непоколебимой уверенности, что его нельзя ронять и что ему необходимы тепло моего тела и размеренный стук моего сердца. Ведь именно тогда камень расколется, достигнув поры созревания, и станет... Так кем же он станет?

Двери здания протестующе скрипнули, но не вынесли моего требовательного прикосновения и растворились... Я уверенно проследовала вдоль зыбкой стены, мерно вздымающейся и опадающей в такт чьему-то мощному дыханию, преодолела анфиладу просторных внутренних покоев и очутилась в небольшом круглом помещении, пустом и заброшенном. Несколько раз, переходя из комнаты в комнату, я краем глаза замечала тени, робко мелькающие впереди или неслышно крадущиеся по моим следам.

Однако они не внушали ни малейшего опасения, ибо я почему-то знала, что их обладательницы не причинят мне вреда. Вернее, жрицы-хайдари, которым и принадлежали тени, способны погубить кого угодно, но только не меня. Животворящий свет, излучаемый несомым мною предметом, вобравшим в себя сердце Пустоши и полыхавшим ослепительным рубиновым светом, заставлял их удерживаться на почтительном расстоянии, скрывая под желтыми одеждами изогнутые, остро отточенные кинжалы. О, с каким наслаждением они вонзили бы их в мое тело, торопясь пролить теплую кровь и оросить ею пол древнего храма, но нет, ныне меня охраняла новая, иная сила, намного превышающая власть песка. Теперь Пустошь подчинялась только мне!

Круглое помещение не было заброшенным, хотя выглядело именно таковым, на первый взгляд. В центре безупречно гладкого пола возвышался небольшой песчаный холмик странной формы, производивший впечатление чего-то искусственного. Страшась выронить свою бесценную ношу, я медленно опустилась на колени и настороженно вгляделась в недавнее захоронение... О, Шарро, и почему я решила, будто нахожусь возле чьей-то могилы? Возможно, я ошиблась? Но нет, так и есть – здесь и правда захоронен скончавшийся человек, принявший лютую, мучительную смерть... Вот изгиб судорожно заломленной над головой руки, вон там – неестественно вывернутое колено, а тут...

Осторожно зачерпывая ладонью, я сгребла верхний слой песка, обнажая голый череп, мрачно уставившийся на меня пустыми глазницами. С трудом сдерживая животный крик ужаса, поднимающийся из самой глубины души, я продолжила свою кропотливую работу, очищая останки неведомого страдальца. В душе плескалась безумная надежда. Возможно, наше настоящее изменилось, став не столь беспощадным. Возможно, здесь лежит не он... Ведь я сумела остановить Пустошь и пришла сюда одна, без сопровождения Голоса, а значит, мой давний сон не обязан сбываться...

Судя по белым и ровным зубам, погребенный здесь человек был крепок и здоров, а его мощная, но вместе с тем изящная нижняя челюсть подсказала, что передо мной покоятся останки молодого мужчины, совсем еще юноши. Мои пальцы спустились ниже, натываясь на шейные позвонки... На ключице умершего лежало что-то длинное, тонкое. Я зацепила это пальцем и вытянула из песка цепочку с привешенным к ней золотым кулоном в форме меча... Да, именно этот кулон всегда носил Арден, я его узнала...

Так значит, здесь похоронен он, мой погибший возлюбленный, так мне и не доставшийся! Нарастающий в груди крик оформился и вырвался наружу, перейдя в горестный вопль, в надрывный стон моего навеки разбитого сердца.

Жизнь моя!

Любовь моя!

Зачем ты меня покинул?

Мельчайшие кусочки вдребезги разбившегося сердца никак не желали умолкать, похоронно выстукивая и напевая ужасные, не оставляющие надежды слова: «Ты опоздала, опоздала, опоздала!...»

– Не плачь, девочка, его еще можно вернуть! – Чей-то сочувствующий голос вывел

меня из состояния горестного забвения, заставив обернуться.

В углу зала обнаружилась ранее не замеченная мною фигура, сгорбившаяся и прикрывшаяся коричневым плащом. Неожданный свидетель моего несчастья откинул капюшон из плотной ткани, являя мне узкое темное лицо, довольно неприятное на вид, но отнюдь не уродливое и не враждебное.

– Я знаю тебя, тварь! – обличающе закричала я, глотая злые слезы. – Ты подруга Каадсур, вторая из тех двух жриц, которые забрали моего Ардена в день церемонии выбора учеников! Ты враг и должна умереть! – Я схватилась за рукоять Льда, намереваясь зарубить ненавистную лайил.

– Да, – спокойно призналась тварь, – я тоже жрица змееликой и меня зовут Веершир. Но учти, я никогда не была твоим врагом и не собираюсь им становиться. Не стану скрывать – мне очень понравился Арден, он обладал смелым сердцем и подкупил меня своими чистыми помыслами. Жаль, что он скончался у меня на руках, а я ничем не смогла ему помочь. Прости меня, Наследница...

Лед выскользнул у меня из ладони и с тихим шорохом упал в песок.

– Но как же так? – беспомощно залепетала я. – Выходит, ты перешла на нашу сторону, предав свою богиню?

– Разве так поступила одна лишь я? – тонко улыбнулась Веершир. – Успокойся, – она мягко потянула меня за руку, усаживая рядом с собой, – и выслушай, что я тебе расскажу. Возможно, мы еще сумеем спасти Ардена и вернем его обратно, в этот мир!

Я послушно уселась и приготовилась слушать.

– Банрах отнюдь не случайно избрала Ардена на роль своего жениха, – поведала Веершир, указывая на кулон в форме меча, лежащий у меня на ладони. – Она в первую очередь стремилась разрушить пророчество Неназываемых, не дав соединиться звезде – тебе, и квинтэссенции меча, воплощенной в этом юноше.

– Меч изображен на старинном, еще эльфийском гербе Блентайра, – блеснула знаниями я. – Я всегда подозревала о том, что Арден происходит из какого-то древнего дворянского рода, а сейчас начинаю думать – из семьи самого...

– ...короля! – закончила за меня лайил. – Да, ты права, девочка. Герб вашей столицы состоит из двух символов: звезды и меча, символизирующих единство чародеев и воинов. Твой возлюбленный является не кем иным, как единственным и законным наследником трона Блентайра, ибо он – сын короля Вильяма и верховной чародейки Клариссы. А Кларисса – дочь магички Люциты, прямой наследницы Адсхорна Полуденного и отступницы Сильваны. Отправляя тебя на поиски знаний, глава гильдии Чародеев надеялась, что ты поможешь ей найти потерянного сына.

Я печально улыбнулась, ведь теперь мне окончательно стали понятны мотивы странного поведения коварной магички. Как же это по-человечески: пышными словами затуманить разум послушного исполнителя и отправить его на подвиги, а самой в это самое время лицемерно и спокойно пожинать плоды чужих трудов.

– Арден чрезвычайно важен для будущего всего Лаганахара, – продолжала внушать Веершир, – ибо он тоже часть пророчества. Без него невозможно полное спасение нашего мира, пусть ты уже и остановила Пустошь. Согласно пророчеству Лаллэдрина, мир спасут четверо: эльф, человек, лайил и ниуэ. Поэтому Ардена необходимо вернуть!

– Но как? – нервно рассмеялась я. – Он умер, похоронен тобой, а его плоть пожрал ненасытный песок.

– Глупышка! – Новоприобретенная соратница вразумляюще постучала меня по лбу. – Вспомни, ты же Наследница трех кланов, чародейка, и к тому же можешь летать!

– Не могу! – скорбно поморщилась я. – Я боюсь падения, а в моих крыльях нет силы.

– Появится! – уверенно пообещала лайил. – Однажды ты взлетишь очень высоко, причем как физически, так и душевно. Но помни: чем выше летаешь – тем более страшным становится падение. А за каждую победу тебе придется заплатить втридорога. Особенно за возвращение Ардена!

– Если я способна вернуть его к жизни, то готова заплатить любую цену! – запальчиво выкрикнула я, хватая ее за руку. – Научи меня, как поступить! – взмолилась я.

– Хорошо, – удовлетворенно кивнула Веершир. – Я тебе помогу, но знай: великая радость всегда сопряжена с великим горем. Истину же, как и свободный выбор человеческого сердца, невозможно подтолкнуть или подстегнуть, ибо они всегда выкристаллизовываются сами.

– Понимаю, – тихо ответила я. – Но это решение – мое, и я от него не отступлюсь. Я сама строю свою жизнь, и только мне одной предстоит нести ответственность за все мои деяния, уже совершенные или еще только планируемые.

– Ты умна и смела, – уважительно похвалила Веершир. – Возможно, ты и добьешься желаемого, конечно, если тебе не помешает какая-нибудь прискорбная случайность.

– Там, в зале, – вдруг вспомнила я, – я видела два пустых саркофага, надписанных именами Лаэгра и Аргата. Кому они принадлежали?

– Пустых? – шокированно ахнула лайил. – А вот это очень плохо, значит, Банрах успела выпустить гхалий...

– Гхалий? – испуганно вздрогнула я.

– Самые кровожадные создания змееликой – это гхалии. Восемь из десяти этих тварей погибли в битве у Аррандейского моста, обеспечив победу человеческой армии. Двух оставшихся снова заточили в каменные гробы, ибо их неудержимой жестокости опасается даже сама богиня. Но теперь пожирательницы душ выпущены на свободу и охотятся за тобой. А охотницы Тьмы всегда настигают свою жертву, причем в самом неподходящем месте и в самой тяжелой ситуации... Остерегайся их, девочка, ибо более опасных противников ты еще не встречала.

– Пожирательницы душ? – не поняла я. – Почему ты так их называешь?

– Гхалии не просто пьют кровь, – сообщила Веершир, – но также вытягивают из человека его душу и занимают опустевшую физическую оболочку. Они способны принимать любой облик и их практически невозможно обнаружить или поймать.

– А убить? – напряглась я.

– Гхалии не любят яркий дневной свет и, как и породившая их богиня, боятся зеркал. Вот только Банрах боится каких-то определенных зеркал, а гхалии – любых.

– Странная информация... – задумчиво проговорила я, погружаясь в смутные воспоминания. Кажется, змееликая уже как-то обмолвилась о чем-то подобном. – Но каких конкретно зеркал она боится и почему?

– Не знаю! – виновато развела руками лайил. – Возможно, все это просто сказки.

– А ты призываешь меня воплотить в реальность одну из таких сказок, – недоверчиво хмыкнула я.

– Верь мне, – ласково попросила тварь, когтистыми пальцами прищипывая мой подбородок и поднимая его вверх. – Смерти нет, есть только песок и бесконечное течение времени, которое еще можно повернуть вспять.

– Но каким образом? – недоумевала я, невольно вспомнив законы, написанные на стенах убежища дочерей песка. Там ведь тоже говорилось о том, что песок дает возрождение, а его суть – бесконечность. Получается, что смерть и жизнь связаны между собой намного сильнее, чем мы это воображаем.

– Найди утерянный Колокол Судьбы, – подсказала Веершир. – И если он тебя узнает, если примет за свою, тогда ты сможешь изменить отзваниваемую им мелодию, а значит, остановишь время, повернешь его вспять и возвратишься в прошлое – в то самое мгновение, когда последняя капля крови Ардена будет готова упасть в песок... И ты спасешь его.

– Капля крови! – озаренно вскричала я. – Так вот что обожгло лапу змееликой там, на болотах Серой долины, и спасло мне жизнь! А я все ломала голову, пытаюсь постичь смысл произошедшего. Умирая, Арден успел спасти меня. Значит, я просто обязана вернуть свой долг!

– Выходит, что так, – подтвердила лайил. – Недаром я похоронила его здесь, в зале

Вечности, дающем возможность возрождения.

– Но достанет ли у меня сил и умения, чтобы совершить подобный подвиг? – все еще не верила я. – Вырвать у смерти и Тьмы того, кто уже принадлежит лишь им...

– Достанет! – непрерываемым тоном уверила Веершир. – Если, конечно, ты будешь руководствоваться не корыстью, а высшими ценностями нашего мира: добром, справедливостью и любовью. А также если ты не устроишься боли и грядущих испытаний, не отступишь и не свернешь с уже выбранного тобою пути.

– Не отступлю! – угрюмо насупившись и до крови вцепившись ногтями в свои ладони, поклялась я, пообещав это даже не жрице, а скорее Ардену, Блентайру и всему миру. Произнося свою клятву, я старалась не думать об этих многочисленных сомнительных «если». – Ни за что!

– Я в тебя верю! – торжественно провозгласила Веершир. – Слушай же меня. Если ты сумеешь изменить мелодию Колокола Судьбы и вернешься в прошлое, то должна попасть сюда, в храм Песка, вступив в него до того момента, когда из раны Ардена вытечет последняя капля крови и его душа покинет этот мир. Если ты будешь отважна, принесешь с собой пламя дракона, силу ветра и свежесть моря, если умеешь любить и не боишься власти черной богини, то, возможно, сможешь вырвать Ардена из объятий смерти и вернуть его к жизни. Вот только запомни: сделать это нужно быстро, пока он не лишился последней капли крови, ведь она несет в себе удивительное волшебство и вбирает отлетающую душу самого умирающего.

– Пламя дракона, силу ветра и свежесть моря... – растерянно повторила я. – Но где же я найду все эти сокровища?

– Не знаю! – пожала плечами Веершир. – Ищи и найдешь.

– А ты? – вдруг дошло до меня. – Тебя же накажут за предательство!

– Не думай обо мне. – Лайил безразлично отмахнулась, похоже, будучи совершенно равнодушной к своей судьбе. – Я пожила достаточно, совершила немало зла и не хочу умирать, отягощенная собственными грехами и муками нечистой совести. Тяжело осознавать, что я бесцельно потратила свои годы, не достигнув ничего значительного, не оставив после себя чего-то ценного, а породив только ужас, проклятия и людской гнев. Теперь я намереваюсь исправить совершенные мною ошибки. На склоне лет я осознала, что у каждого из нас есть душа и все мы в равной степени достойны счастья, создаваемого своими руками, а не приобретаемого за счет причиненного кому-то горя. И уж если я не достигла счастья при жизни, то хочу получить хотя бы после смерти, оставшись в ваших воспоминаниях, благодарностях и молитвах. Забвение – вот самая страшная участь для каждого из нас.

– Понимаю! – Я благоговейно опустила взгляд, до глубины души потрясенная благородством, раскаянием и самопожертвованием этой удивительной женщины. – Спасибо тебе, Веершир, мы никогда тебя не забудем. Мы...

Внезапно мои слова прервал ужасный шум, стремительно нарастающий и приближающийся. Складывалось впечатление, будто его производит некто огромный, неистово несущийся по узкому коридору и на ходу разъяренно царапающий каменные стены железными когтями...

– Бежим! – вскричала Веершир, вскакивая. – Это богиня, она пришла за тобой! Я выведу тебя на поверхность и задержу ее, насколько смогу.

Лайил схватила меня за руку и потащила за собой. Так быстро я не бегала еще никогда в жизни. Воздух огнем обжигал легкие, заставляя их болезненно сжиматься, а перед глазами плясали кровавые точки. Несколько раз я чуть не упала, удержавшись на ногах лишь благодаря помощи лайил. Но шум не отставал, наоборот, он становился все оглушительнее, превращаясь в чудовищный злорадный хохот. Оглянувшись, я увидела непроницаемые клубы пыли, катящиеся вслед за нами. Прошло не более пары секунд, и темное облако все-таки настигло нас, тут же поглотив, захлестнув с головой...

Окружающий мир исчез, сменившись непроницаемой тьмой. Мелко дрожа от

обуявшего ужаса, я непослушными пальцами извлекла из ножен Лед и замерла, ожидая нападения богини. Пыль запорошила мне глаза, превратив в беспомощного слепого котенка, одинокого перед ликом надвигающейся смерти.

– Не бойся, я здесь. – Холодные пальцы вдруг ободряюще ухватили меня за запястье.

Я издала громкий вздох облегчения, узнав голос невидимой в темноте Веершир.

– Где она? – испуганно спросила я, намекая на змееликую, и в тот же миг сильнейший толчок в грудь сбил меня с ног, отбросив в сторону и уронив на колени.

Когти лайил бессильно скользнули по моей руке, и я ее потеряла...

– Дерись с ней, девочка! – достиг моего слуха призыв Веершир. – Бейся за свою жизнь, ибо Банрах находится прямо перед тобой!

Нечеловеческий хохот, издевательский, пронзительный и отрывистый, дополнил слова жрицы. Почти не понимая, что конкретно делаю, я вскочила и бросилась на змееликую, ориентируясь по издаваемому ею смеху...

Я с разбегу налетела на какое-то тело, которое при ближайшем рассмотрении сильно меня удивило. Похоже, оно не имело четких очертаний и форм, а представляло собой сгусток темной субстанции, невесомо плывущий над полом и вязко колеблющийся, словно желе. От моего толчка мы обе полетели на песок, но змееликая не опрокинулась на спину, как я того хотела, а гибко перетекла на бок, силясь подняться. Я вскочила первой, вскинула меч и приготовилась вонзить его в грудь богини, намереваясь пригвоздить ее к земле. С ужасным криком, похожим на хриплый лай и разрывающим барабанные перепонки, Банрах в ответ полоснула меня по бедру гигантскими когтями, ударив с такой неистовой силой, что вырвала из моей ноги целый кусок плоти шириной в ладонь.

Я завопила от дикой боли, но мои страдания тут же приглушил шок от второго удара, который пришелся в живот и швырнул меня на землю, как тряпичную куклу. Банрах нагнулась надо мной, обнажая острые клыки.

– Ты, дурочка, – язвительно прошипела она, – как осмелилась ты выступить против меня? Я победила даже Неназываемых, посмеявшихся ограничить мою свободу... А ты, ничтожество, послушный червяк у меня под ногой...

– Они ограничивали вашу свободу? – наигранно удивилась я, зажимая ладонью обильно кровоточащую рану и пытаясь форсированно заживить ее с помощью магии. Мне срочно требовалось выиграть хотя бы немного времени и собраться с силами, а поэтому я усиленно корчила из себя наивную простофилю, втягивая свою противницу в отвлекающий разговор.

– Они считали меня излишне жестокой и сумасбродной! – обиженно выла богиня. – Подумать только – меня, свое дитя! А сами при этом ударились в маразм: задумали предоставить людям возможность самостоятельно выбирать свою судьбу, создав то проклятое пророчество... О да, они поступили с вами еще хуже, чем я, ведь испытание ошибками – наиболее мучительная проверка для несовершенного ума и хрупкого смертного тела...

– Что? – перебила ее я, всерьез заинтересовавшись столь неожиданным поворотом нашего, казалось бы, бессмысленного диалога. – Так все наши ошибки не случайны?

– Молчи, примитивное создание! – вдруг глумливо захихикала Банрах. – Ты хочешь знать то, что вовсе не предназначено для твоего скудного умишка... Лучше всего у вас получается не думать, а умирать!..

Внезапно она замолчала, а с ее вытянутой ладони сорвался сгусток темного пламени и устремился ко мне, неся с собой неминуемую гибель.

Я успела вскинуть руки, создав полупрозрачную энергетическую сферу, отразившую чары змееликой. Богиня издала недоверчивый вздох, видимо, немало изумленная моими способностями. Тем временем пыль, застилающая все вокруг, немного рассеялась, и это позволило мне увидеть, что мы находимся в пустом помещении, в центре которого установлен черный камень неправильной формы, напоминающий примитивный алтарь.

Неожиданно за спиной у нависающей надо мной богини промелькнула какая-то тень, и

я поняла, что это была Веершир, с обнаженной саблей в руках метнувшаяся к черному камню. Лайил взмахнула оружием, и сталь со звоном обрушилась на алтарь. Змееликая со стоном схватилась за голову и осела на пол...

– Беги! – не просила, а непреклонно приказывала Веершир. – Спасайся! Я не смогу ее уничтожить, но несколько минут форы у тебя есть! – Под неумолкающий вой богини она иступленно рубила черный камень.

– А ты? – Я хромала, но мне все же удалось остановить кровотечение.

– Это неважно! – рассмеялась лайил, и голос ее звучал совершенно безумно. – Уходи, ибо сейчас станет слишком поздно...

В подтверждение ее заявления пол и потолок вдруг затряслись, а потом пошли крупными трещинами, на глазах превращающимися в разломы. Я подхватила меч и метнулась к пролому, открывшемуся впереди.

– Спасибо, Веершир! – еще успела поблагодарить я, перекрикивая грохот рушащихся стен.

– Мы еще встретимся! – с поразительным для нынешней ситуации оптимизмом откликнулась лайил. – Берегись богини, ибо она вернется...

И тут огромный кусок стены обрушился непосредственно на них, погребая под собой алтарь, Веершир и змеелику.

Я скакала словно заяц, перепрыгивая с камня на камень, с плиты на плиту, но упрямо продвигалась вверх, сумев влиться в ту безумную мешанину осколков и обломков, в которую превратился храм Песка. В моей голове мелькнула пораженческая мысль: неужели предостережение Первой Книги сбудется и я умру? Но усилием воли я подавила эту сиюминутную слабость и продолжила свой сумасшедший бег. Все вокруг меня пришло в движение, перемещаясь, раскалываясь и перемалываясь в прах. В какой-то момент в одной из трещин я заметила кусочек чистого голубого неба и устремилась к нему, ведомая неистовым желанием выжить. Как и предсказывал брат Флавиан, у меня уже не осталось времени на принятие обдуманного и верного решения, я располагала только несколькими мимолетными секундами для его исполнения...

Не помню, сколько часов или минут продолжался мой отчаянный бег. В последнем безысходном рывке я выскочила на поверхность, а песок с разочарованным чавканьем сомкнулся у меня за спиной, закручиваясь в тугую воронку. Вскоре пустыня успокоилась, ветер улегся, и на месте разрушенного храма не осталось абсолютно ничего, что напоминало бы о его существовании. Судя по всему, злой дух смерти безвозвратно покинул Пустошь, и отныне она снова стала той прежней обычной пустыней, какой и являлась много лет назад. И каким-то шестым чувством я поняла: теперь укрощенный мною песок уже не сможет выйти за границы Пустоши и впредь уже не причинит Лаганахару совершенно никакого вреда.

Я зачарованно взидала на небо над своей головой, очистившееся и приобретшее потрясающий сапфировый цвет. Вдалеке, на линии горизонта, собирались легкие белые облачка, наводя меня на сладостную догадку о приближающемся дожде... Я утомленно вздохнула и побрела прочь, волоча за собой сумку и меч. И какой же огромной была моя радость, когда, перевалив через бархан, я обнаружила сидящих на песке Ребекку и Беонира, немного потрепанных, испытавших страшное эмоциональное потрясение, но при этом совершенно целых и невредимых.

– А нас просто выбросило наружу! – бурно жестикулируя, сообщила воительница, после того как со счастливыми причитаниями расцеловала меня в обе щеки и выслушала сбивчивое повествование. – Вернее, меня, потому что этого блохастого недотепу я банально вытащила на себе!

– Представь, она тащила меня зубами, за шкурку, как хилого котенка! – восхищенно поддакнул юноша, предваряя мой вопрос. – Грубо и жестко, конечно, она со мной поступила, но что поделаешь – я люблю ее и такой!

– Чтобы не разочаровываться в женщинах, не нужно их изначально идеализировать! –

рассмеялась я и по-свойски подмигнула Ребекке, горделиво скалящейся во все свои белоснежные зубы.

– С хорошей женщиной и мужчина способен стать человеком! – добавила воительница, ласково и немного снисходительно погладив Беонира по голове. – А если...

– Ох, если бы вы только знали, как сильно мне хочется стать обычным нормальным человеком! – признался Беонир, сказав это с надрывом, подтверждающим искренность и выстраданность его заветного желания.

– И мне! – шумно вздохнула Ребекка. – Чтобы больше не пить кровь и не...

Но ее речь оборвали крупные дождевые капли, упавшие с неба. А следующие полчаса мы, позабыв обо всем на свете, восторженно орали и скакали по лужам, наслаждаясь невиданным чудом, напитувающим истомившийся от жажды песок. Я же мысленно благословляла свои успехи, потери и даже ошибки, вызвавшие этот первый настоящий дождь, призванный напоить спасенный и обновленный Лаганахар. Дождь, призванный напоить весь мир!

На следующее утро мы продолжили путь. Полагаю, от Ребекки и Беонира не укрылся тот факт, что во мне словно проснулись некие неведомые силы, с помощью которых я спешила навстречу своей судьбе удивительно бодрым и быстрым шагом, с высоко поднятой головой и горящими надеждой глазами. Лайил и ниуэ, видя мою решимость, тоже приободрились, изначально взяв довольно высокий темп движения. Все вышеперечисленное привело к тому, что расстилающееся впереди нас песчаное море вскоре начало сменяться участками сухой травы, свидетельствующими о приближении долины Дурбан – южной оконечности края Крылатых.

Это случилось на исходе второй недели, когда невыносимая жара почти оставшейся позади пустыни начала постепенно спадать, сменившись благодатной прохладой. Наши дорожные мешки становились легче день ото дня, пропорционально все возрастающей усталости, а наше многочисленное снаряжение доставляло нам все больше неудобств, вызывая глухое раздражение. Вскоре заботливый Беонир даже забрал у меня сумку, мотивируя свой поступок моей явной неспособностью к дальним переходам.

И вот как-то на одном из привалов я задумчиво сидела возле костра, бездумно вертя в руках тот странный предмет, который постоянно носила на себе, упаковав в замшевый футляр, но так и не разгадав тайну его происхождения и предназначение. С виду он напоминал самый обычный камень, ну, может быть, казавшийся слишком гладким и обладающим нарочито правильной формой. Случайно поднеся камень к уху, я вдруг уловила какое-то слабое, едва слышное биение внутри него и застыла от изумления, не меняя позы и расширив глаза. Ребекка и Беонир, чрезмерно увлеченные нашим скромным ужином, не сразу отреагировали на мое затянувшееся молчание.

– Что случилось, Йона? – наконец спросила воительница, с сожалением откладывая кусок вяленого мяса, который требовалось растянуть еще хотя бы дня на два.

– Этот камень... – закрыв глаза, глубокомысленно протянула я. – Я чувствую – он совсем не камень...

– Как – не камень? – удивилась лайил.

– Он живой или живое. Я чувствую! – упрямо повторила я.

– Живое? – скептически переспросил юноша. – Значит, это не камень. Честно говоря, по форме это скорее похоже на яйцо. На очень большое яйцо.

– Яйцо? – Ребекка осторожно постучала по мнимому камню ногтем. – Ох, я даже думать не хочу о том, что где-то рядом бродит его мамаша. Вспомни тарантука, выброси эту гадость и пошли отсюда.

– Мы не можем его тут бросить! – запротестовала я. – Вспомни, какой ценой он нам достался.

– Ага! Может, ты его еще и высиживать начнешь? – язвительно поинтересовалась воительница, но Беонир примирительно поднял руку, привлекая внимание нас обеих.

– Подожди, не горячись, дорогая. Йона, мы же не знаем, чье это яйцо. Прислушайся к словам Ребекки: из него может вылупиться все что угодно, даже гхалия!

При упоминании об этом чудище я шокированно замолчала и еще раз с подозрением покосилась на яйцо.

«Ты ведь не гхалия, не тарантук и не стоножка, верно? – мысленно спросила у него я. – Ты – кто-то совсем другой!» Я словно бы чувствовала бессловесную мольбу о защите, исходящую от неведомого существа, до поры до времени притаившегося внутри яйца. Я нежно погладила свое сокровище и решительно упрятала его обратно в футляр.

– Если это тарантук, то он все равно еще слишком маленький для того, чтобы мы его боялись. И к тому же я чувствую, что это – нечто совсем иное. Мне кажется... – Я замялась, не находя нужного эпитета. – Мне кажется, у него есть разум. Пожалуйста, не требуйте от меня бросить его!

– Тогда и дальше носи его сама! – с ненатуральной строгостью приказала Ребекка. После того, как я рассказала об останках Ардена, она начала относиться ко мне еще более трепетно и ласково. – А свой тяжеленный меч перевесь на меня.

– Знаешь, это действительно может оказаться кто угодно, – серьезно посмотрел на меня Беонир. – Но если ты чувствуешь в нем жизнь и разум, значит, мы не имеем права его бросать. Идем!

Как-то само собой получилось, что с того момента мы стали считать обитателя яйца разумным и впредь обращались с ним бережно и уважительно, как с еще одним членом нашей скромной компании. Днем я предпочитала нести его на руках, ни за что не соглашаясь доверить эту сомнительную привилегию кому-нибудь другому, а ночью согревала теплом своего тела, следуя совету Альсигира.

«Неужели я считаю себя его матерью?» – с легким испугом рассуждала я. «Это же не ребенок, но между тем он точно живой, я это чувствую. И вовсе там не тарантук!» – уверяла я себя в те редкие минуты колебаний, когда в голову закрадывались вполне обоснованные сомнения.

Ребекка относилась к нашему новому попутчику с профессиональной, всегда присущей ей настороженностью, но считала, что бояться «еще невылупившегося чудища» глупо, а поэтому она лишь изредка подтрунивала надо мной, дразня «наседкой». Беонир, кажется, впервые за всю жизнь пожалевший о том, что никогда раньше не проявлял интереса к естествознанию, ломал голову, силясь отгадать, чье же это яйцо... При этом он постоянно доказывал нам необходимость совершить данное открытие до того, как все секретное неизбежно выяснится само собой.

По вечерам, ложась спать, я бережно заворачивала своего питомца в плащ и укладывала рядом с собой. Из поучений Альсигира я запомнила, что яйцо все время должно было находиться в тепле. Изредка я подносила его к уху, стараясь различить хоть какие-нибудь звуки, но уже ничего не слышала. Иногда мне даже мнилось, будто то прежнее негромкое шепуршание внутри скорлупы было отнюдь не реальностью, а всего лишь игрой моего перевозбужденного воображения. Но я быстро отметала эти пораженческие мысли. А твердая, хоть и неизвестно откуда взявшаяся уверенность в том, что внутри яйца зреет новая жизнь, поддерживала во мне желание и дальше нести его в руках, а также постоянно держать поближе к себе.

Тем временем в однообразности окружающего нас ландшафта начали происходить все более заметные и существенные изменения. Кустарники, хоть и высохшие, стали встречаться намного чаще, а воздух уже полностью утратил свою убийственную жару и горечь. В общем, стало заметно, что Пустошь постепенно отступает, оставаясь позади.

Признаюсь, в эти скучные и однообразные дни я часто вспоминала дочерей песка, которые заживо погребли себя под землей, но подарили мне «Ловца ветра» именно потому, что я не ответила злом на зло, а приняла участие в их судьбе. Я вспоминала храм Песка и то, чему он меня научил: осознанию, что общее счастье куда важнее и масштабнее, чем личная выгода. Теперь я понимаю, что люди – это тоже песчинки, образующие всеобщий массив

бытия, где самое незначительное движение одной частицы неизбежно отразится на жребии всех остальных. И только от нас самих зависит, станем ли мы мертвой пустыней грубости, жадности и черствости или же потечем единой рекой жизни, звонкой и полноводной. И да не оскудеет родник души того, кто безвозмездно дарит себя другим!

Звезда моей души, почти до середины наполненная мягким струящимся светом, придавала мне уверенности в себе, стоило лишь до нее дотронуться. Да, мы здорово изменились – я и мой талисман! Кажется, до сего дня я и сама не замечала, как сильно выросла и повзрослела за прошедшие месяцы. Кожа на лице покрылась здоровым блестящим загаром, путешествие по Пустоши изрядно укрепило мои ноги, а теперь благодаря яйцу и руки тоже стали гораздо сильнее, обзаведясь упругими мускулами.

По ночам, без сна лежа в обнимку с еще не вылупившимся живым существом, я грезилась, что, возможно, часть этих новых сил достанется и моим крыльям... Ах, если бы я хоть посмела рассчитывать на то, что однажды научусь летать! Я очень сильно пыталась представить себя парящей в небе, но, увы, пока не могла... Страх падения настойчиво вторгался в самые смелые мои замыслы и идеи, разрушая их до основания. И тогда я еще крепче прижимала к себе яйцо и тихонько нашептывала ему извинения, объясняя свое поведение не трусостью, а обычной осторожностью. Хотя в глубине души я просто не верила в то, что когда-нибудь смогу летать... Да, признаюсь, я еще не верила в свои возможности, но при этом уже научилась мечтать, надеяться и ждать!

Ждать, мечтать и надеяться на возвращение чего-то светлого, хорошего и даже волшебного. Так чего же именно я ждала? И робкий голос души немедленно подсказывал мне, волнуясь и сбиваясь: «Любви! Конечно же любви!»

Эпилог

Пустошь закончилась внезапно. В середине третьей недели нового этапа нашего путешествия, начавшегося с разрушения храма Песка, на горизонте вдруг возникли стройные силуэты деревьев и послышалось ни с чем не сравнимое журчание чистой проточной воды.

– Река? – Ребекка удивленно терла кулаками веки, не веря собственным глазам. – Настоящая? Но ведь все реки Лаганахара уже давным-давно пересохли...

– Мы вступили на территорию края Крылатых, – пояснила я. – Очевидно, эти места, как и Зачарованный берег эльфов, охраняют некие чары, весьма сильные и поэтому способные поддерживать жизнь в долине Дурбан.

– Это драконы! – уверенно заявила воительница, лукаво косясь на Беонира. – И кто-то обещал с ними сразиться! В честь меня и за мою любовь...

– Глупости, драконов уже лет триста как не существует, ибо их истребила армия Полуночных! – излишне демонстративно запротестовал ниуэ, но его голос предательски дрожал, выдавая неуверенность. – А все рассказы о драконах есть не более чем глупые сказки.

– Подозреваю, что вскоре мы все выясним! – и не собиралась сдаваться многозначительно хихикающая лайил, откровенно наслаждавшаяся смятением своего незадачливого рыцаря. Ну и правильно! А то кто, спрашивается, его за язык тянул? Любая женщина простит мужчине какое угодно хвастовство, но никогда и ничего не забудет...

Несмотря на то что время едва перевалило за полдень, мы решили устроить себе незапланированный отдых, оставшись на берегу речушки до самого утра. Беззаботно разбросав вещи и скинув одежду, мы все трое с наслаждением нырнули в прохладные безымянные воды и плескались до тех пор, пока наши силы не иссякли окончательно. Тогда мы выползли на берег и просто лежали, счастливо раскинув руки в стороны и слушая пение птиц.

Сол уже садился, торопясь скрыться за отчетливо виднеющимися невдалеке горами, когда я решительно повела плечами, раскрывая сложенные в комочек крылья. Я стояла

спиной к своим друзьям и вглядывалась в ярко-алый диск дневного светила, скрывающийся за макушками окружающих нас деревьев.

– Знаешь, мне кажется, твои крылья стали больше в размере и выглядят очень впечатляюще, – донесся до меня осторожный голос Ребекки, и сегодня мне впервые не захотелось ей возражать.

От меня отнюдь не укрылся тот факт, что и лайил, и ниуэ, едва ли осознавая свои действия, день из дня потихоньку укрепляли мою веру в себя, стремясь развеять владеющие мною сомнения. Используя то безобидные шутки, то присказки и прибаутки, они стремились убедить меня в том, что я явлюсь крылатым эльфом и вполне способна в один прекрасный день стать полноценной чародейкой. Исполненные бескорыстной любви и дружбы, они не сомневались в моих силах, искренне верили в меня и пытались передать мне часть своей убежденности. А я часто ловила себя на мысли, что никогда не смогу их отблагодарить. Впрочем, разве настоящая дружба нуждается в благодарности?

Отдохнув, мы поужинали, после чего я по уже устоявшейся привычке, приобретшей торжественность ритуала, поднесла яйцо к уху, контролируя царящую под его скорлупой тишину. Честно говоря, я отнюдь не ожидала услышать там что-то особенное, но сейчас вдруг уловила тихий, скребущийся звук... От неожиданности и испуга я сдавленно ахнула и чуть не выронила драгоценную ношу из рук.

– Мне кажется, он собирается вылупиться...

Ребекка и Беонир удивленно замерли, но воительница быстро стряхнула с себя оцепенение и деловито предложила:

– Давай разожжем костер. Думаю, для ускорения процесса его нужно согреть.

– Для ускорения? – недоуменно икнул юноша. – Нет, пожалуй, поищу-ка я палку покрепче!

– Зачем? – непонимающе выкатил глаза Ребекка.

– Дабы пришить новорожденного тарантука, когда он вылупится и прыгнет на одну из вас! – проворчал ниуэ, оглядываясь в поисках нужного предмета.

– Вы оба сошли с ума! – растерянно выдавила я, не зная, плакать мне или смеяться. – Первая решила его сжечь, а второй – пришить...

– Нет, мы просто хотим тебе помочь! – мягко поправила меня подруга. – Подожди, я сейчас...

Она добежала до ближайшего засохшего куста, с легкостью обломала с него все ветки и сложила их в кучку, сформировав основу будущего костра. А я так разволновалась, что долго вытирала об штаны вспотевшие ладони и собиралась с мыслями, прежде чем смогла создать язычок магического огня. Хворост вспыхнул мгновенно и весело затрещал, изливая живительное тепло. Мы вдосталь налюбовались яркими отблесками пламени, а когда костер прогорел, я собрала теплый пепел, положила в него яйцо и приготовилась ждать. Ребекка и Беонир из солидарности пытались бдеть вместе со мной, но вскоре начали зевать, а чуть позже и вовсе сдались: завернувшись в плащи, они крепко уснули, оставив меня в одиночестве бодрствовать над яйцом.

Наверное, я все-таки задремала, убаюканная исходящим от пепла теплом. И вдруг краем сознания я даже не услышала, а скорее почувствовала тихое деликатное: «Крак!» Я мгновенно проснулась и бросилась разгребать серый пепел. Мои шумные хлопоты разбудили Ребекку и Беонира, которые вскочили, отбросили плащи и схватились за оружие, готовые в любой момент прийти мне на выручку, если понадобится.

И вот я уже держала в ладонях яйцо, пожирая его нетерпеливым взглядом. Раздалось повторное «крак», и по поверхности скорлупы побежали мельчайшие трещинки, все расширяющиеся и увеличивающиеся. Мы затаили дыхание, понимая, что сейчас наконец-то узнаем, с кем именно я нянчилась все эти дни. Треугольный кусочек скорлупы отпал, образовав крохотное отверстие... Первым из яйца показалось тонкое, почти прозрачное крылышко, потом второе, а затем из отверстия высунулась маленькая птичья головка с крошечными, миндалевидно-вытянутыми глазками и острым, воинственно загнутым книзу

клювиком.

– Мантикора! – радостно выпалил Беонир, вскакивая на ноги. – Это было яйцо мантикоры!

Но я уже и сама догадалась, кто находится передо мной. Я осторожно разломила остатки скорлупы, освобождая новорожденное чудо, и вытянула чуть дрожащую руку, намереваясь погладить волшебное создание, предлагая ему свою дружбу и покровительство. Но, похоже, птенец мантикоры уже сам принял нужное решение, потому что неуклюже и очень деловито потопал ко мне, мелко перебирая кошачьими лапками и издавая требовательный писк. Он клювиком ухватил меня за палец и замер, успокоившись, словно нашел потерянную мать. Я осторожно погладила его головку, покрытую белоснежными перышками, и почувствовала, что сейчас расплачусь от счастья. Мантикора! У меня есть мантикора!

Видимо, я произнесла это вслух, потому что мои друзья вышли из оцепенения, весело засмеялись и побросали мечи.

– Хорошо, что не тарантук! – не преминула съязвить Ребекка. – А знаешь, ему ведь потребуется имя.

– Белая мантикора! – мечтательно произнес Беонир. – Считается, что именно такие и уносят на небо души умерших праведников...

– И это – девочка! – уверенно сказала я. – Я чувствую!

– Ну да, ведь старик-старьевщик тоже говорил про яйцо «она»! – напомнил Беонир, обладающий на редкость хорошей памятью.

– Тьфу ты, еще одна баба в нашей компании! – сердито поморщилась воительница. – М-да...

– Беонир, а ты случайно не знаешь, как по старозельфийски будет «надежда»? Кажется, мифрил? – спросила я, вспомнив предсказание Лорейны.

– Э-э-э... – на секунду растерялся ниуэ. – Точно мифрил, если, конечно, мне не изменяет память.

– Ну вот, решено, я назову тебя Мифрил! – торжественно объявила я, а малышка-мантикора тут же согласно пискнула и уснула, доверчиво положив голову мне на ладонь...

Утро еще только занималось в небе, окрашивая его в нежно-розовый цвет. Ребекка, Беонир и Мифрил спали так сладко и крепко, как умеют спать только безупречно чистые душой существа, не отягощенные грехами или муками совести. Не спала одна лишь я, озабоченная нелегкими думами о трудностях ожидающего нас пути. Итак, мне суждено совершить еще очень многое: найти пламя дракона, силу ветра и свежесть моря, а также отыскать утерянный Колокол Судьбы. Я должна пройти еще через четыре испытания и вернуться в Блентайр. Я очень надеюсь на то, что сумею встретиться со своими родственниками – Полуночными эльфами, и восстановлю мир между всеми народами Лаганахара, научив их жить по законам добрососедства, взаимопомощи и равенства. А еще я ни за что не откажусь от своих уже намеченных планов, но притом обязательно поквитаюсь с жестокой богиней Банрах и верну Ардена!

Я склонила голову, прислушиваясь к песне, которую пела мне раковина, укрепляя мою веру в собственные силы.

Мы все конечны в мире этом,
Померкла вера в чудеса,
Любовь давно здесь под запретом,
И россыпь звезд перед рассветом
Не озаряет небеса.

Тут не живут добро и жалость,
Нет места песням и стихам,
А если в людях и осталась

От прежних чувств такая малость,
То и ее сведут к грехам.

Я знаю, как звезда уходит,
Как исчезает в никуда,
Она любовь с собой уводит,
В других краях ей дом находит,
А после к нам грядет беда.

Я знаю, как друзья уходят,
И в мире горше нет потерь —
Они средь звезд по небу бродят,
Они беду от нас отводят,
Ты им судьбу свою доверь.

Но если чудо вдруг случилось,
Звезда зажглась, намечен путь —
Не смей сказать: «Не получилось»,
Стремись, чтоб сердце вновь забилося,
И в чувства жизнь сумей вдохнуть...

Да, решено, я поступлю именно так! Я никогда не отступлюсь от намеченной цели и не предам Звезду моей любви, ведущую меня вперед: к победе, к торжеству справедливости, добра и любви! И как бы долго и далеко ни пришлось мне пройти, чтобы спасти Ардена, я согласна и на это. Я выдержу все уготованные мне испытания, ведь у меня есть две путеводные звезды и мои верные друзья, готовые последовать за мной даже на край света... Я подняла умытое слезами лицо, принося безмолвную клятву, превозмочь которую уже не могли ни разлука, ни зло, ни даже сама смерть!

«Прошу тебя, любимый, услышь меня везде, где бы ты ни был! — мысленно взывала я, обращаясь к далекому Ардену. — Не отчаивайся и жди меня. Я обязательно за тобой приду, вопреки и наперекор всем преградам, разделяющим нас. Заклинаю, ты только жди и верь в мою любовь!...»

Желтые лучи Сола выползли из-за Белых гор, коснувшись моего запрокинутого к небу лица нежным, едва ощутимым поцелуем чьих-то невидимых губ.

«Я верю! Я жду тебя, любимая!» — Этот пришедший из ниоткуда отклик казался едва различимым вздохом, напоминающим шорох или чей-то стон, слабый и невесомый, словно дуновение ветерка.

Но я все равно его слышала...

В книге использованы стихи автора.